

2022. Vol. 15. Is. 2

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2022. Т. 15. № 2

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022

© Authors, 2022

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

Executive Secretary: *Saglara V. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Мийманбаева Ф. Н., Алпысбаева Н. К., Картабаева Е. Т.</i> Заселение Пржевальского уезда Семиреченской области сарткалмаками в последней трети XIX в.	188
	<i>Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А.</i> Внешняя торговля Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам дипломатических представительств России)	200
	<i>Абдирайымова А. С., Жаркынбаева Р. С., Сарсенбаев А. Б.</i> Социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане	214
	<i>Родионов В. А.</i> «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии	228
Отечественная история	<i>Гунаев Е. А.</i> К. И. Костенков о правах калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии: источниковедческий обзор	244
	<i>Команджаев А. Н., Сангаджиев Б. В., Команджаев Е. А.</i> Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам)	259
	<i>Исянгулов Ш. Н.</i> Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований).	270
	<i>Ковалев Б. Н., Кулик С. В.</i> Иранская проблема в нацистской пропаганде на оккупированной территории Северо-Запада России (1942–1943 гг.)	280
	<i>Епифанов А. Е., Кринко Е. Ф.</i> Административно-правовой режим и повседневная жизнь спецпереселенцев-калмыков в 1944–1945 гг. в официальных документах и воспоминаниях очевидцев	292
Археология	<i>Фархиаатов М. Н., Рахматуллина З. Я., Псянчин А. В.</i> Институционализация академической гуманитарной науки в Башкортостане в XX – начале XXI вв: этапы, участники, результаты (к 100-летию ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН)	310
	<i>Кекеев Э. А.</i> Археологические памятники Калмыкии по современным картографическим источникам	333
Этнология и антропология	<i>Аякова Ж. А.</i> Женщина в контексте буддийского учения «Зерцало мудрости» ламы-просветителя Э.-Х. Галшиева	349
	<i>Шараева Т. И.</i> Терминология традиционного свадебного комплекса у калмыков: <i>шаһата</i>	361
Источниковедение	<i>Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е.</i> Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в.	373
	<i>Мирзаева С. В.</i> «Сутра о восьми светоносных неба и земли» как источник по пантеону Тибета	383
Литературоведение	<i>Ханинова Р. М.</i> Жанр йорял в калмыцкой поэзии XX в. (по материалам газетной периодики 1930–1940-х гг.)	397

CONTENTS

General History	<i>Miymambaeva F. N., Alpysbayeva N. K., Kartabayeva Ye. T.</i> Resettlement of Sart Kalmyks to Przhevalsky Uyezd of Semirechenskaya Oblast, 1860s–1890s	188
	<i>Kryuchkov I. V., Kryuchkova N. D., Melkonyan A. A.</i> Foreign Trade of British Raj at the Turn of the 20 th Century: Analyzing Materials From Russia's Diplomatic Missions	200
	<i>Abdiraimova A. S., Zharkynbaeva R. S., Sarsenbayev A. B.</i> Virgin and Fallow Lands Campaign in Kazakhstan: Socioeconomic and Political Aspects Revisited	214
	<i>Rodionov V. A.</i> Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia	228
National History	<i>Gunaev E. A.</i> Capiton I. Kostenkov about Land Rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate: A Review of Sources	244
	<i>Komandzhaev A. N., Sangadzhiev B. V., Komandzhaev E. A.</i> Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Late 19 th Century: Newly Discovered Archival Materials Analyzed	259
	<i>Isyangulov Sh. N.</i> The 1920s Evolution of Peasant Family in Bashkiria: Sample Surveys Analyzed	270
	<i>Kovalev B. N., Kulik S. V.</i> Northwest Russia Occupied, 1942–1943: The Iranian Problem in Nazi Propaganda Revisited	280
	<i>Epifanov A. E., Krinko E. F.</i> Administrative-Legal Regime and Everyday Life of Exiled Kalmyk Settlers in 1944–1945: Official Documents and Eyewitness Accounts Analyzed	292
Linguistics	<i>Farkhshatov M. N., Rakhmatullina Z. Ya., Psyanchin A. V.</i> Institutionalization of Academic Humanities Research in Bashkortostan, 20 th to Early 21 st Centuries: Stages, Participants, Results (Towards the 100 th Anniversary of the Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the RAS)	310
Archaeology	<i>Kekeev E. A.</i> Archaeological Sites of Kalmykia: Contemporary Cartographic Sources Revisited	333
Ethnology & Anthropology	<i>Aiakova Zh. A.</i> The Mirror of Wisdom by Ven. E.-Kh. Galshiev: Woman in Buddhist Contexts and Teachings	349
	<i>Sharaeva T. I.</i> <i>Shayata / Illahama</i> : One Term of Kalmyk Traditional Wedding Revisited	361
Sources Studies	<i>Karimova N. E., Tulibayev T. E.</i> <i>Xiyu wenjian lu</i> by Qishiye: Materials on the History of Central Asian Peoples in Mid-to-Late 18 th Century Revisited	373
	<i>Mirzaeva S. V.</i> Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth as a Source on Tibetan Pantheon	383
Literary Studies	<i>Khaninova R. M.</i> The Genre of Yöräl in 20 th Century Kalmyk Poetry: Analyzing Newspaper Materials of the 1930s–1940s	397

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 188–199, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(575.23-25)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-188-199

Заселение Пржевальского уезда Семиреченской области сарт-калмаками в последней трети XIX в.

Фиалка Нуруевна Мийманбаева¹, Нурзипа Кумешбаевна Алпысбаева², Ерке Тамабековна Картабаева³

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения

 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

² Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения

 0000-0002-3769-1613. E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения

 0000-0003-2351-8534. E-mail: kartabayeva66@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мийманбаева Ф. Н., Алпысбаева Н. К., Картабаева Е. Т., 2022

Аннотация. *Введение.* История заселения Пржевальского уезда Семиреченской области сарт-калмаками, которых в литературе именуют калмыками, кара-калмыками, олётами, сарт-калмыками, является недостаточно исследованной. *Цель исследования* — раскрыть историю появления и закрепления калмыков в Семиреченском регионе начиная с конца XV в. вплоть до падения Джунгарского ханства и возвращение их в Семиречье после восстания дунган в Кульдже и присоединения края к Российской империи. *Материалы и методы.* Содержание статьи основано на применении как общенаучных, так и конкретно-исторических методов, в том числе источниковедческого метода. В работе использованы материалы центральных архивов России и Казахстана, в основном переписка уездных и областных начальников с администрацией Туркестанского края о появлении в Семиреченской области калмыков и вопросах их обустройства и жизнеобеспечения. *Результаты.* Заселение калмыками Семиречья началось еще в конце XV–XVII вв., в

период существования Джунгарского ханства. Окончательный процесс переселения калмыков в пределы Российской империи произошел в последней трети XIX в. после дунганско-таранчинского восстания. Русская администрация способствовала поселению калмыков в Семиреченской области, оказывая им материальную помощь. Документы позволяют выяснить, какое место занимали калмыки в структуре китайского пограничного войска, их основные занятия. Однако после восстановления в Кульдже китайской власти, основная масса калмыков вернулась в пределы Китая, осталась только небольшая группа, названная русскими чиновниками сарт-калмаками, которая поселилась в Иссык-Кульском (Пржевальском) уезде. *Выводы.* В конце XIX в. сарт-калмаки основали в Пржевальском уезде селения Чельпек и Бёр-Баш и продолжали вести традиционное хозяйство.

Ключевые слова: Семиреченская область, Пржевальский уезд, калмыки, сарт-калмаки, переселение, краевая и уездная администрация, наделение земель, основные занятия, традиционное хозяйство

Для цитирования: Мийманбаева Ф. Н., Алпысбаева Н. К., Картабаева Е. Т. Заселение Пржевальского уезда Семиреченской области сарт-калмаками в последней трети XIX в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 188–199. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-188-199

Resettlement of Sart Kalmyks to Przhevalsky Uyezd of Semirechenskaya Oblast, 1860s–1890s

Fialka N. Miymambaeva¹, Nurzipa K. Alpysbayeva², Yerke T. Kartabayeva³

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-3769-1613. E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-2351-8534. E-mail: kartabayeva66@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Miymambaeva F. N., Alpysbayeva N. K., Kartabayeva Ye. T., 2022

Abstract. Introduction. The history of the Sart Kalmyks in Przhevalsky Uyezd of Semirechenskaya Oblast — referred to as Kalmyks, Qara Kalmyks, Olets, Sart Kalmyks — remains understudied. **Goals.** The study seeks to reveal the history of emergence and strengthening of Kalmyks in the Semirechye Region from the late 15th century to the collapse of the Dzungar Khanate — and further to their return to Semirechye after the Dungan Revolt in Ghulja and annexation of the territory by the Russian Empire. **Materials and methods.** The article employs both general scientific and specific historical research methods, including that of source studies. The work analyzes materials from central archives of Russia and Kazakhstan, a main emphasis be laid on the correspondence between uyezd, oblast executives — and the administrative office of Russian Turkestan regarding the arrival of Kalmyks in the Semirechye Region and related supporting arrangements. **Results.** Kalmyks had started inhabiting Semirechye in the late 16th and 17th centuries as subjects of the Dzungar Khanate. The final resettlement of those Kalmyks to the Russian Empire took place in the 1860s–1890s after the Dungan (Taranchi) Revolt. The Russian administration facilitated the arrival of Kalmyks in Semirechenskaya Oblast and rendered them material assistance. The documents reveal what role the Kalmyks played in the structure of China's border troops, their main occupations. However, after the restoration of Chinese power in Ghulja the bulk of the Kalmyks returned to China, only a small group remained to

be referred to by Russian officials as ‘Sart Kalmaks’ and settled in Issyk-Kul (Przhevalsky) Uyezd. *Conclusions*. In the late 19th century, Sart Kalmyks founded the villages of Chelpek and Ber-Bash in Przhevalsky Uyezd and continued to maintain their traditional economies.

Keywords: Semirechenskaya Oblast, Przhevalsky Uyezd, Kalmyks, Sart Kalmyks, resettlement, regional and district administrations, land allotment, basic occupations, traditional economy

For citation: Miymanbaeva F. N., Alpysbayeva N. K., Kartabayeva Ye. T. Resettlement of Sart Kalmyks to Przhevalsky Uyezd of Semirechenskaya Oblast, 1860s–1890s. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 188–199. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-188-199

Введение

История сарт-калмаков Пржевальского уезда Семиреченской области, которых в литературе именуют иссык-кульскими калмыками, кара-калмыками, олётами, сарт-калмыками, является недостаточно исследованной и в силу этого актуальной. Целью данной работы является раскрытие причин и истории появления и закрепления калмыков в Семиречье начиная с конца XV в. до падения Джунгарского ханства, расселение их в регионе после восстания дунган в Кульдже и присоединения края к Российской империи.

В историографии имеется ряд трудов, посвященных истории кара-калмыков, сарт-калмаков и их переселению в Семиречье. Подробные сведения о кара-калмыках в Семиречье представляет Н. А. Аристов, рассматривая время их владычества в Западном Тяньшане, рассказывая о соседстве и взаимоотношениях кара-калмыков и киргизов во второй половине XIX в., о переселении кара-калмыков на территорию Российской империи [Аристов 1896; Аристов 2001].

Наиболее известной является работа монголоведа А. В. Бурдукова, участвовавшего летом 1929 г. в этнолого-лингвистической экспедиции к сарт-калмакам, жившим вблизи г. Каракола [Бурдуков 1935], в которой на основе устных преданий в концентрированном виде изложена история переселения кара-калмыков в Пржевальский уезд. Краткие сведения о переселении калмыков в Семиречье дают А. А. Дьяков [Дьяков 2017], В. В. Бартольд [Бартольд 1943], Н. Л. Жуковская [Жуковская 1980: 157–166].

В литературе также имеются отдельные сведения о сарт-калмаках, в основном этнолингвистического характера. В 1976 г.

известным лингвистом, монголоведом Э. Р. Тенишевым была опубликована статья «О языке калмыков Иссык-Куля», в которой автор утверждал, что язык калмыков Иссык-Куля есть, несомненно, один из говоров калмыцкого языка. Он локализует места кочевков сарт-калмаков (называет их предков «олётами») до распада Джунгарского ханства, указывает время перекочевки их к озеру Иссык-Куль и принятие в русское подданство под именем сарт-калмаки. Э. Р. Тенишев отмечает, что до сих пор они называли себя кара-калмаки, данное замечание очень важно, так как не позволяет запутаться в поэтапных названиях народа [Тенишев 1976: 82].

Статьи В. Н. Хонинова и Н. В. Балиновой, Б. В. Меняева, С. Н. Абдуллаева [Хонинов, Балинова 2014: 100–105; Меняев 2015; Абдуллаев 2020: 46–49] посвящены изучению языка и фольклора иссык-кульских калмыков. Б. В. Меняев писал, что особенности языка каракольских калмыков изучал ученый-лингвист Д. А. Павлов, в 1990 г. опубликовавший на калмыцком языке учебное пособие «Каракольские калмыки и их язык», в котором отметил, что язык каракольских калмыков по своим характеристикам близок к торгутскому диалекту [Меняев 2015: 70]. Своего отношения к данному выводу Б. В. Меняев не высказал, хотя мнение Д. А. Павлова противоречит взгляду Э. Р. Тенишева.

На формировании этнической группы сарт-калмаков останавливаются С. М. Абрамзон [Абрамзон 1990] и А. М. Мокеев [Мокеев 2013]. Н. Е. Бекмаханова упоминает о прикочевке в Россию сарт-калмаков во время восстания мусульман в Кульджинском крае и принятии ими русского подданства [Бекмаханова 1986:

184]. Среднеазиатских калмыков подробно исследует С. Н. Абашин [Абашин 2007].

Материалы и методы

В исследовании использовались архивные материалы, в частности материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан, отложившиеся в Ф. 44 «Семиреченское областное правление» и Ф. 64 «Канцелярия Степного генерал-губернатора Министерства внутренних дел (1882–1917 гг.)», которые впервые вводятся в научный оборот и характеризуют переселение и жизнь калмыков в Семиреченской области [ЦГА РК. Ф. 44; ЦГА РК. Ф. 64]. Источниковедческий анализ архивных материалов способствует воссозданию истории переселения калмыков в Семиречье и их обустройству в регионе в последней трети XIX в.

Поселение калмыков в Семиречье

В. В. Бартольд в работе «Очерк истории Семиречья» (в разделе VII «Могулистан») рассказывает, что в 1472 г. Семиречье подверглось нашествию калмыцкого военачальника Амасанжы-тайши, «оставившего свою родину вследствие внутренних смут» [Бартольд 1943: 75]. Далее он сообщает о приближении калмыков в 1525 г. к границам Могулистана. К концу XVI в. относится сообщение о том, что калмыки продолжали одерживать успехи в Средней Азии. Туркестан и Ташкент в XVII в. были центром могущества казахов, тогда как из Семиречья их постепенно вытеснили калмыки. Образовав Джунгарское ханство, ойраты воевали с казахами и киргизами. Н. А. Аристов в работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» писал, что хошоуты и джунгары в 1643 г. добрались уже до р. Чу, а в 1652–1658 гг. начали подчинение западного Тянь-Шаня и утвердились на Таласе [Аристов 1896: 319].

В 1684 г. Сайрам был взят ими и разрушен. С тех пор власть калмыков в Семиречье никем не оспаривалась. Около 1723 г. джунгары, под властью которых объединились все калмыки, овладели Туркестаном и Ташкентом. Из тюркских народов только буруты (киргизы) еще в XVIII в. кочевали около Иссык-Куля [Бартольд 1943: 75, 80, 82, 84, 85, 88].

Новая волна нападений на земли киргизов началась после вступления на престол Джунгарского ханства Галдан-Церена в 1727 г. Около 1732 г. войска калмыков совершили нападение на кочевья киргизских племен в Кетмен-Тюбинской долине. Воспользовавшись усилением междоусобной борьбы за власть в Джунгарии, около 1747 г. киргизские бии совершили удачный поход в Кашгар. Войско киргизов в 10 000 чел. под руководством Акматбия с победой возвратилось в свои кочевья. Киргизы теперь рассматривались как опасные враги ойратов. Очередной поход ойратов в составе 27-тысячного войска в земли киргизов состоялся в 1749 г. и продолжался около трех месяцев. Но и этот поход закончился неудачно для ойратов, они возвратились, потеряв убитыми 7 000 воинов [История 1984: 460].

В 1758 г. закончилось существование Джунгарского ханства — последней кочевой империи в Средней Азии. Казахи и киргизы после падения Джунгарского государства снова вернулись в Семиречье

Известный монголовед А. В. Бурдуков, писал, что, по преданиям каракольских калмыков, их предки-олёты «до распада ойратского царства кочевали в районе г. Токмака по р. Чу. В те времена владения ойратов распространялись не только по рекам Текесу, Или и озеру Балхаш, но и захватывали район озера Иссык-Куль, долины рек Чу и Нарына, до Туркестана и Ташкента включительно. Кочевья главы ойратского царства Хун-тайджи находились в районе г. Хан-Тенгри, недалеко от оз. Иссык-Куль. Существует предположение, что даже по р. Караколу» [Бурдуков 1935: 47].

А. В. Бурдуков приводит предание о происхождении сарт-калмаков. Из Намангана в район р. Токмака к олёткам приехало двое торговцев узбеков (хотонов) по имени Бакха и Ошур, которые обжились и женились на олётках. С ними вместе приехало еще два киргиза, Теке и Тюгульбай, которые также женились на олётках и поселились со своими людьми на р. Или. Этих четырех человек, представителей мусульманских тюркских народов Средней Азии, и считают своими родоначальниками каракольские калмыки [Бурдуков 1935: 49]. Эти данные подтверждают вывод С. М. Абрамзона о том, что эта часть калмыков является смешанной по своему составу. В нее входят

и потомки некоторых киргизских групп [Абрамзон 1990: 40].

А. М. Мокеев также считает, что участие киргизов в формировании сарт-калмаков подтверждается наличием в их родоплеменном составе таких небольших этнических групп киргизского происхождения, как солто, кыпчак, бугу, сары-багыш и жедигер [Мокеев 2013].

Н. А. Аристов отмечает, что ближайшими соседями киргизов на востоке, за линией китайских пикетов из Кульджи к Музарту, были до 1864 г. «калмыки зорган-сумун (шесть эскадронов), составляющие в дурбун-сумун (четыре эскадрона, на Тогуз-то-рау, при слиянии Текеса с Кунгесом) и арбун-сумун (десять эскадронов, на р. Каше), остатки коренных цзунгаров — ойратов, элетов или улютов»¹ [Аристов 2001: 648].

В 1864 г. после восстания в Синьцзяне, когда дунгане при поддержке таранчей (уйгур) изгнали китайцев из Илийского края, пограничные киргизы совершили набег на шесть сумунов олёт (кара-калмыков), являвшихся военным сословием и служивших китайцам, кочевавших тогда по Текесу и его притокам. У шести сумунов они угнали весь скот, а это была большая добыча, так как некоторые калмыки тогда имели до 2 500 лошадей, до 7–10 тысяч баранов, до 1 000 голов рогатого скота, до 150 верблюдов; также убили около 10 человек, взяли в добычу около 200 девушек, женщин и детей [Бурдуков 1935: 52].

Разгромленные олёт откочевали с реки Текес вглубь, подальше от киргизов. В районе рек Гурбо-Джиргалан они перезимовали. Самые бедные ойраты, в поисках пропитания, откочевали в Кульджу, стали прислуживать у таранчей (уйгуров). Около 30 семей ушло тогда в Харшар, где они жили под названием «томо-дадза», т. е. мусульмане-калмыки [Бурдуков 1935: 52].

По словам Н. А. Аристова в начале декабря 1864 г. был разграблен калмыцкий монастырь на реке Албан, впадающей в реку Текес; кумирня и дома лам были сожжены, идолы уничтожены, обитатели монастыря перерезаны, так что бывший на месте через несколько дней очевидец нашел только развалины и до тридцати израненных престарелых женщин, умиравших с голода [Аристов 2001: 648].

¹ Так в источнике.

В марте 1865 г. около 1 500 киргизов ограбили ойратские аулы, скрывавшиеся в известном прекрасными зимовками ущелье р. Агияз. Всего на Текесе было ограблено у ойратов не менее 68 100 голов разного скота, судя по тому, что эту цифру киргизы заплатили ойратам, по настоянию русской администрации, в октябре 1865 г., в возврат ограбленного. Но этим грабежи не прекратились, потому что в 1869 г. ойраты получали уплаты за вновь ограбленный скот [Аристов 2001: 648].

Тогда же на р. Аксу располагалась русская застава, где стояло около 60 казаков. Посланцы ойратов договорились с начальником заставы, который дал им 10 казаков. Под их охраной все 6 сумунов в составе 2 000 кибиток перекочевали к озеру Иссык-Куль. По реке Караколу не было пашен, поэтому большинство откочевало в Верненский уезд. Перекочевка произошла осенью 1865 г. В Каракольском районе кочевало до 600 ойратов и до 100 семей сарт-калмаков. Под давлением аксуйского начальника киргизы вернули ойратам около 10 детей и до 50 женщин, остальных же не нашли. Из разграбленного скота удалось получить около 1/10 части. А. В. Бурдуков отмечает, что не избежали разграбления и кара-калмыки, кочевавшие дальше, 10 сумунов разграбили дунгане и таранчи, а 4 сумуна — киргизы [Бурдуков 1935: 53].

Вероятно, после переселения калмыков на территорию Российской империи администрация края стала называть их кара-калмыками. А. В. Бурдуков отмечает, что все шесть сумунов кара-калмыков (олёт) были приняты в русское подданство, для них была образована отдельная кара-калмыцкая Цаган-усунская волость и назначен старшина. Волостное управление у них тогда было на Байнголе. После занятия Илийского края русскими в 1871 г., после уборки хлебов они откочевали на Байнгол и жили там отдельной волостью. Были разысканы и собраны рассеявшиеся после разгрома в 1864 г. среди таранчей ойраты — около 60 семей, которые образовали селение Бёр-Баш [Бурдуков 1935: 53]. После первой перекочевки 1871 г. оставалось жить по Караколу и Чельпеку до 30 семей каракольских калмыков вблизи строившегося нового города Каракола, который был основан в

1869 г., а постройка началась в 1871 г. [Бурдуков 1935: 54].

Ойраты зарабатывали рубкой и продажей леса, дров и другими работами. Б. З. Нанзатов и М. М. Содномпилова подчеркивают, что сарт-калмаки оказывали русским содействие при строительстве г. Каракола, доставляя лес, дрова, обеспечивая строителей мясом и молоком. Авторы считают, что у русских сложилось особое доверительное отношение к сарт-калмакам, учитывая опыт взаимоотношений с калмыками, которые верой и правдой служили Российской империи [Нанзатов, Содномпилова 2012: 47].

После заключения Петербургского договора 1881 г. и проведения в 1882 г. границ между Китаем и Россией, в составе шести сумунов в Китай возвратилось из Пржевальского уезда до 1 000 семей и из Верненского — до 800 семей сарт-калмаков. Кочевья сарт-калмаков остались на российской стороне, в русском подданстве их осталось 233 семьи. А. В. Бурдуков отмечал, что эта цифра была широко известна калмыкам, скорее всего она была официальной [Бурдуков 1935: 67]. В 1884 г. они откочевали на места между реками Каракол и Ырдык. К этому времени всех калмыков было уже около 100 семей. Перекочевав к Караколу под защиту русской власти, ойраты «зажили спокойнее, начали богатеть» [Бурдуков 1935: 54].

В документы, скорее всего в посемейные или налоговые книги, русские власти внесли их как сарт-калмаков, А. В. Бурдуков отмечает: «до этого они «носили общее название кара-калмыков, сами же себя они называли „олёт“» [Бурдуков 1935: 54]. Он постоянно подчеркивает, что олёты и кара-калмыки, проживавшие по р. Теке-су, это один и тот же народ; замечает, что сородичи кара-калмыков — улангомские дурбеты (именно так их именует А. В. Бурдуков) называют всех мусульман, выходцев из Туркестана, хотонами; слова «узбек» или «сарт» кара-калмыки толковали как «торговцы-мусульмане». По-видимому, русская администрация применила к иссык-кульским кара-калмыкам общепринятое в Туркестане название «сарт», что означало «оседлый», «зажиточный», «торговец». Термин «хотон» имеет еще другое значение среди западноойратских

племен — «подданный», «единоплеменник» [Бурдуков 1935: 48]. Отсюда следует, что самоназвание сарт-калмаков «олёт», а следовательно, олёты, кара-калмыки и сарт-калмаки — это один и тот же народ. Таким образом, кара-калмыки, проживавшие в Пржевальском уезде, стали именоваться сарт-калмаками.

А. А. Дьяков — дипломат, секретарь Российского консульства, позже — консул в Кульдже (1906–1912) и Урумчи (1913–1915) оставил переведенные «Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае» [Дьяков 2017]. В них он отмечал, что в 1764 г. с берегов Амура и из Мукденя были «переведены в Илийский округ 1 000 человек онкоров и дахуров¹, которые стали называться здесь солонями, и 1 000 человек сибо», говорящие на диалекте маньчжурского языка, они «до сих пор используют маньчжурское письмо, восходящее к старомонгольскому» [Дьяков 2017: 79, 80, 81]. Несколько позже А. А. Дьяков еще раз подчеркивает, что как дахуры, жившие в Хоргосе, так и сибинцы, жившие в Чэджи, Самаре (Джаркент), Чичикане и Тургуне, назывались и называются вообще солонями, также отмечает, что «возле гор к югу от Хара-усу в описываемое время кочевали и теперь кочуют торгуты, подчиненные китайскому правительству» [Дьяков 2017: 85, 111, 112].

Впоследствии половина солоньев ушла в Тарбагатай, а прочие остались в Бороху-дзире и Тургуне, куда солонья по уходе таранчинцев снова возвратились и занялись хлебопашеством. В «Воспоминаниях...» говорится, что «господствующее положение в крае заняли маньчжурские знаменные войска. Сибо и солонья составили особый кадр войск. Получив в свое владение громадные земельные угодья, они жили самостоятельно и не были в тягость таранчам, с которыми сибо даже состояли в дружбе» [Дьяков 2017: 82].

¹ Дахуры (дауры) — монголоязычный народ, проживавший в Приамурье, граничивший с территорией маньчжурских племен, северными их соседями были эвенки, которых дауры различали по хозяйственно-культурному типу: скотоводы и земледельцы, а также оленеводы. Скотоводы и земледельцы назывались ими *хонкор*, *онкор*. — прим. авт.

Кара-калмыки, переселившиеся в пределы Российской империи, проживали в разных местах Семиречья: некоторые в выселках Карабулакском и Коксуйском, в городе Копале, часть — около Борохудзирского отряда и самая большая часть — в выселке Сарканском. Численность всех кара-калмыков составляла 400 человек. Здесь следует обратить внимание на противоречие в указанных цифрах. Выше уже отмечалось, что после перекочевки 1865 г. в Каракольском районе кочевало до 600 кара-калмыков. Почему такая разница в цифрах? Это связано, по-видимому, с их кочевым, подвижным образом жизни, непостоянством проживания на территориях, определенных администрацией уездов под жительство, их перекочевками по Семиреченской области и в пределы Циньской империи, связанными с различными обстоятельствами, в первую очередь с желанием закрепить за собой земли на родине.

С. Н. Абашин отмечает, что утрата прежних позиций и привилегий ойратов привела в итоге к тому, что в XIX в. они стали быстро растворяться среди окружавшего их населения. Часть из них «осартилась», т. е. перешла к оседлому образу жизни и стала заниматься земледелием и торговлей, в Кыргызстане эта группа сохранилась под именем «сарт-калмыки» [Абашин 2007: 52]. Взгляд С. Н. Абашина не противоречит мнению А. В. Бурдукова о происхождении термина «сарт-калмаки».

В документах, отложившихся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, содержится материал, раскрывающий процесс переселения и жизнь калмыков в Семиреченской области. Это были представители различных родов: торгоут, зорган-сумун, кара-калмыки, олет, очир и др., т. е. переселившиеся ойраты не представляли собою этнически однородную группу [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 5].

В городе Верном был создан Комитет по призрению китайских эмигрантов, который ведал вопросами расселения в Семиреченской области не только дунган, таранчей (уйгур), но и ойратов, солонов, дауров, сибо и др., а также выдачей денежных пособий для их питания и обустройства на месте [Мийманбаева 2018: 279].

Кара-калмыки рода зорган-сумун, кочевавшие на пограничной р. Текес в 1866 г.

и проживавшие на территории Российской империи уже три года, начали ходатайствовать о принятии их в русское подданство, а также о наделении их землей [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 5].

В начале 1868 г. в Токмак прибыло 5 семей кара-калмыков. Токмакский уездный начальник — майор Г. С. Загряжский докладывал в сентябре 1868 г. военному губернатору Семиреченской области, что кара-калмыки прибыли без всяких средств к существованию. «Так как они решительно не имели никаких способов к пропитанию себя, то я отвел им пашни, купил для посева пшеницы 5 четвертей, 2 четверти проса, кроме того, нанял для обработки земли рогатый скот. На этот предмет удержано мною 21 руб. 40 коп. серебром» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5650. Л. 4–4об.].

В Токмакский уезд переселилось еще несколько семей ойратов из Копальского уезда, работавших на Карабулакском пикете. Они также не имели средств к существованию. Войдя в их бедственное положение, Г. С. Загряжский выделил им муки 4 пуда и денег 3 рубля серебром [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5650. Л. 6–6об., 7].

Таким образом, в феврале 1869 г. в Токмакском уезде проживало уже 10 семей ойратов, которых предполагалось поселить в г. Токмаке совместно с русскими переселенцами. Наделить их землей предполагалось также наравне с русскими крестьянами и предоставить те же льготы, что и выходцам из Европейской России.

Часть ойратов поселилась в Иссык-Кульском уезде Семиреченской области, где они по-прежнему вели кочевой образ жизни. Начальник Иссык-Кульского уезда обещал приложить все старания к тому, чтобы «посадить всех калмыков на одно место и таким образом превратить их в оседлых» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 12–12об.]. Администрация уезда приложила все усилия, чтобы обратить переселившихся ойратов в православие, для чего поселила их вблизи русских селений «дабы частым соприкосновением с ними могли тверже укрепиться в вере и заняться прочною оседлостью» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 15].

В январе 1868 г. начальник Верненского уезда, подполковник М. В. Ждан-Пушкин обратился в Комитет по призрению китай-

ских эмигрантов с предложением селить всех калмыков, принявших русское подданство, в г. Верном и отводить им земли «в трех разрядах». Все земельные участки, по его мнению, должны были отводиться бесплатно. Для занятий калмыков землепашеством он предлагал давать в надел каждому желающему заняться земледелием по 10 десятин. Далее он предлагал калмыков, принявших православие, перевести в сословие крестьян и после трех лет занятий земледелием предоставить им 20-летнюю льготу от податей и всех казенных повинностей. «Если кто из них пожелает в мещане, то дозволить им приписываться к г. Верному, но без льгот. При постройке домов предоставить им право пользоваться лесным материалом наравне с переселенцами» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 15–15об., 16].

Военный губернатор Семиреченской области и одновременно Наказной атамана Семиреченского казачьего войска — генерал-майор Г. А. Колпаковский докладывал Туркестанскому генерал-губернатору в рапорте от 14 апреля 1868 г., что «китайские выходцы, солоны и калмыки, поселившиеся в Сарканском выселке в числе 1 000 душ и принявшие подданство и христианскую веру, в настоящее время поголовно просят в казаки» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 97].

Принимая во внимание, что они числились в рядах поселенного китайского войска и владеют оружием и, с другой стороны, они отличные хлебопашцы, Г. А. Колпаковский считал возможным исполнить их желание, тем более, что «наши казаки нуждаются в примерах тщательного ведения хозяйства. Наконец, те же калмыки умеют выделять и обжигать кирпич, охотно занимаются садоводством, что вовсе не развито между казаками» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 97об.].

Г. А. Колпаковский предлагал при зачислении в казаки калмыков, во-первых, освободить их от службы на 15 лет с тем, чтобы дать им возможность обзавестись прочным хозяйством, а также для того, чтобы «в ряды служилых казаков попали переселенцы, с малых лет ознакомившиеся с русским бытаем и русским языком»; во-вторых, в связи с тем, что среди калмыков, принявших христианство и просившихся в казаки, имелись люди с офицерским званием, даже штаб-

офицеры, то, по мнению Наказного атамана, было бы «крайне неловко, если их не отличить от остальных казаков» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 97об.].

Г. А. Колпаковский предлагал дать сарт-калмыкам, имевшим офицерский чин, наделы большие, чем остальным казакам; в-третьих, поселить калмыков-казаков в выселках Сарканском, Карабулакском и Коксуйском. «Во всех этих местах калмыки охотно селятся, потому что земли эти в прошлом столетии принадлежали их предкам, которых могилы и теперь видны» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 98]. Следует сказать, что просьба калмыков о принятии их в казачье сословие была рассмотрена и удовлетворена императором 29 мая 1868 г. на предложенных Г. А. Колпаковским условиях [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5645. Л. 18–18об.].

Как бы в противовес Г. А. Колпаковскому звучат слова Токмакского уездного начальника майора Г. С. Загряжского о том, что «сословных прав не следовало бы давать никому из инородцев, ни детям китайских офицеров, ни привелегированным¹ сартам, достаточно для них одной великой милости, что их будут считать гражданами великой России. Развитие же дворянства из инородцев никогда и нигде не приносило пользы, а только один вред» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 26].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что русская администрация края не была готова к переселению калмыков из Китая, у нее еще не сложилось определенной концепции в отношении калмыков, являвшихся в Циньской империи служилым сословием, не было и программы их обустройства и будущих занятий в России. Тем не менее уже в конце 1868 г. правительство выделило 16 250 рублей серебром на пособие калмыкам в размере 65 рублей на семью [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 113].

В январе 1870 г. Комитет по призрению китайских эмигрантов в г. Копале сообщал Военному губернатору Семиреченской области о нищете, царившей среди калмыков: «В Копале у тридцати трех семейств кара-калмык имеется 11 лошадей, 23 рогатых скотин, могущих употребляться в работу,

¹ Так в источнике.

но этот скот принадлежит 2–3 семействам, а одна треть не имеет такового, козлов — 40, у более зажиточных кара-калмык — очур — 30 баранов и козлов» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 113об.]. Хлеба было по одному капу или его совсем не имели. В Копале проживали 48 семей племен сибо и даур, солонов и китайцев, всего 125 человек. Только у четырех домохозяев имелось по одной лошади, другого скота ни у кого не было, хлеба тоже. Деньги на обзаведение хозяйством калмыкам были жизненно необходимы [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 113об.].

В выселке Арасанском проживало 8 семей кара-калмыков. У них было 6 голов крупного рогатого скота, хлебных запасов не было, так как хлеб они не сеяли «по неотводу им земли». Материальное пособие, полученное от правительства, они потратили частично на оплату своих долгов, сделанных ими по прибытии в пределы Российской империи, частично — на покупку быков для работы, которые весной 1868 г. пали по случаю повальной болезни скота. В результате крайней нужды калмыков члены Комитета по призрению китайских эмигрантов заняли у купца Павла Затиньщикова 125 пудов хлеба и раздали калмыкам. Члены Комитета просили Военного губернатора Семиреченской области выделить 1 729 рублей для спасения людей от голода и уплаты долга купцу П. Затиньщикову [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644. Л. 114об.].

В 1868 г. кара-калмыки рода зорган-сумун были приведены к присяге на верно-подданство России и поселены в верховьях р. Текес в Иссык-Кульском уезде Семиреченской области. Для них была образована волость, в которую входило 1 317 кибиток. Еще одна волость кара-калмыков была образована в Верненском уезде в составе 732 кибиток. Жители обеих волостей освобождались на 5 лет от платежа податей [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 32].

Однако кара-калмыки в результате восстановления в Кульдже китайской власти после восстания в 1868 г., желая вернуть себе прежнее привилегированное положение, а также кочевья по обеим берегам р. Текес, отходящие вновь в китайские пределы, решили вернуться обратно в китайское подданство. В Иссык-Кульском уезде находилось 1 077 юрт кара-калмыков. Власти

не препятствовали их возвращению в Китай при условии уплаты податей и расчета с частными лицами: частные долги олётос составляли 15 272 руб. 10 коп. Из-за пропавшего урожая хлеба и погибшего скота, из-за истощения его насекомым, которое киргизы называют «ала-курт», в середине октября 1882 г. кара-калмыки из долины ушли в горы. 200 юрт разместились в ущельях р. Аксайлы, 200 юрт — у Большого Музарта и около 15 юрт — в ущелье Нарынском. Основная часть кара-калмыков стремилась откочевать на Тогузтороо к дурбун-сумуновским калмыкам, получившим хороший урожай хлеба, чтобы перезимовать с ними зиму [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 32–35].

А. В. Бурдуков отмечает, что после проведения границ между Китаем и Россией в 1882 г. кочевья сарт-калмаков оказались на русской стороне. На вопросы русских, желают ли они оставаться здесь или откочуют на китайскую сторону к своим сородичам, сарт-калмаки заявили, что они желают остаться в этих местах, в русском подданстве [Бурдуков 1935: 53].

В апреле 1886 г. Министерство иностранных дел информировало Степного генерал-губернатора, что 139 кибиток кара-калмыков Иссык-Кульского уезда могут перейти обратно в Китай без взыскания с них повинностей за 1883 и 1884 гг. [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 33, 87].

Ввиду того, что, по-видимому, из кара-калмыков не получилось примерных оседлых землепашцев, а занимаясь барымтой — угоном скота у казахов и киргизов, они только вносили напряжение в отношения между киргизами и русской администрацией, российские власти посчитали, что не следует удерживать кара-калмыков в российском подданстве, а необходимо дать им возможность заниматься традиционным скотоводством, вследствие чего освободятся земли в Иссык-Кульском уезде для киргизов [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 5–5об., 6].

Сарт-калмаков насчитывалось в Семиречье 246 юрт. Они стояли в урочище Кокпак и вошли в состав Конурбурговской волости Верненского уезда. Власти отмечали, что сарт-калмаков, как «окалмычившихся мусульман, желательно оставить у нас». Тем не менее они не видели «никако-

го интереса окиргизивать этих сарт-калмыков» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 71]. Военный губернатор Семиреченской области генерал-майор А. Я. Фриде считал необходимым ограничить подчинение их волостному управителю Конурбурговской волости только полицейской частью. Сарт-калмаки, по мнению А. Я. Фриде, должны были сами избирать себе старшину и бия и нести все подати и повинности отдельно от киргизов и иметь самостоятельную податную повинность. В 1884 г. они обратились к Иссык-Кульскому уездному начальнику с просьбой причислить их к Иссык-Кульскому уезду ввиду того, что они, живя у самой китайской границы, часто страдают от краж и грабежей, а также от того, что в Джаркентском уезде вообще мало земли, они сами очень стеснены близкими кочевками киргизов и не имеют удобных земель для хлебопашества, к чему они уже привычны [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 71].

Иссык-Кульский уездный начальник запросил управителей Торайгырской и Джетыгузовской волостей о возможности принятия сарт-калмаков в свою среду и предоставлении им свободных земель. Киргизы Джетыгузовской волости согласились принять их в состав своей волости и предоставили земли для хлебопашества в ауле № 7, а также отвели земли для скотоводства. Волость принимала сарт-калмаков на том условии, что они образуют отдельный аул, но на равных будут участвовать с киргизами при распределении денежных и натуральных повинностей [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 71об.].

В апреле 1883 г. Военный губернатор Семиреченской области докладывал Степному генерал-губернатору, что почти все кара-калмыки переселились обратно на территорию Китая, осталось только 112 семей «калмыков-олётов» около г. Каракола, изъявивших желание остаться в русском подданстве. Власти решили наделить их землей на территории двух кыргызских волостей — Тургенской и Джетыгузовской и образовать аул такой же, как и у сарт-калмаков. В свою очередь в марте 1884 г. Степной генерал-губернатор рекомендовал принять меры к кара-калмыкам для их обрусения: они должны были быть отдалены от грани-

цы, не выдавать им разрешения на отлучки за границу, селения калмыков расположить около г. Каракола, где бы они постоянно общались с русскими [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 38об., 39, 70–70об.].

А. В. Бурдуков отмечал, что в первые годы около Каракола сарт-калмаки мало сеяли, занимались преимущественно скотоводством, кочевали в войлочных юртах. Основание селений Чельпек и Бёр-Баш было положено в 1885 г., но первая мечеть была построена в 1889 г., с этого года и начали застраиваться Чельпек и Бёр-Баш [Бурдуков 1935: 54]. В 1889 г. у пржевальских сарт-калмаков была сильная эпидемия, вымерло до одной трети всего населения [Бурдуков 1935: 67].

Э. Р. Тенишев писал, что сарт-калмаки приняли ислам во время войн с кокандскими ханами. В первые годы поселения на Иссык-Куле сарт-калмаки пользовались ойратской письменностью «тодо бичиг», употребляли и арабский алфавит [Тенишев 1976: 82].

А. В. Бурдуков отмечал, что большое значение имело отсутствие у сарт-калмаков ламаизма, с одной стороны, и их изолированность — с другой, благодаря чему они жили замкнуто своей маленькой группой. Период с 1884 по 1916 г. в жизни каракольских калмыков проходил без особенных событий, если не считать постоянные притеснения в кочевьях со стороны киргизов и воровство скота [Бурдуков 1935: 54, 70].

Выводы

Анализ архивных материалов позволил воссоздать картину переселения калмыков в Семиреченскую область в результате дунганско-таранчинского восстания в 1864–1871 гг., их поселения в Иссык-Кульском (Пржевальском) уезде. Желание калмыков поселиться в пределах Российской империи нашло отклик и поддержку у представителей царской администрации на всех уровнях — от уездного и областного до краевого, с ее стороны принимались всевозможные меры для обрусения калмыков. Однако русифицировать калмыков, кроме перешедших в православие и казачество, не удалось. Сарт-калмаки быстро освоили киргизский язык и продолжали вести традиционный образ жизни.

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Литература

- Абашин 2007 — *Абашин С. Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.
- Абдуллаев 2020 — *Абдуллаев С. Н.* Изучение языка и фольклора каракольских калмыков // *Малые языки в большой лингвистике*. М.: МГУ, 2020. С. 46–49.
- Абрамзон 1990 — *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина*. Вып. III–IV. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1896. С. 277–456.
- Аристов 2001 — *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 717 с.
- Бартольд 1943 — *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргосиздат, 1943. 104 с.
- Бекмаханова 1986 — *Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 246 с.
- Бурдуков 1935 — *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // *Советская этнография*. 1935. № 6. С. 47–79.
- Дьяков 2017 — *Дьяков А. А.* Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае // *Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах* / ред. М. Р. Мадиван. М.: Наука, Вост. лит., 2017. С. 79–123.
- Жуковская 1980 — *Жуковская Н. Л.* Иссык-Кульские калмыки (сарт-калмаки) // *Этнические*

Sources

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

- процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана / отв. ред.: Р. Ш. Джарылгасинова, Л. С. Толстова. М.: Наука, 1980. С. 157–166.
- История 1984 — *История Киргизской ССР*. Т. 1. С древнейших времен до сер. XIX в. / ред.-кол.: В. М. Плоских (гл. ред.) и др. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 798 с.
- Меняев 2015 — *Меняев Б. В.* Из истории собирания и изучения языка и фольклора каракольских калмыков (по материалам экспедиций) // *Вестник Иссык-Кульского университета*. 2015. № 40. С. 69–71.
- Мийманбаева 2018 — *Мийманбаева Ф. Н.* Из истории переселения калмыков в Семиречье в конце XIX в. // *Всемирная история и международные отношения в свете современной интеграции и модернизации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.* (г. Алматы, 9 февраля 2018 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 278–282.
- Мокеев 2013 — *Мокеев А. М.* Новый взгляд на вопрос о происхождении сарт-калмаков [электронный ресурс] // *ЦентрАзия*. Кыргызстан. 31 мая 2013. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1369974900> (дата обращения: 28.12.2018).
- Нанзатов, Содномпилова 2012 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Сарт-калмаки в современном Кыргызстане // *Культурное наследие народов Центральной Азии*. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 28–49.
- Тенишев 1976 — *Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля // *Вопросы языкознания*. 1976. № 1. С. 82–87.
- Хонинов, Балинова 2014 — *Хонинов В. Н., Балинова Н. В.* К изучению иссык-кульских калмаков // *Oriental Studies*. 2014. № 3. С. 100–105.

References

- Abashin S. N. Nationalisms in Soviet Central Asia: In Search of Identity. St. Petersburg: Aletheia, 2007. 304 p. (In Russ.)
- Abdullaev S. N. Karakol Kalmyks: Exploring language and folklore. In: *Minority Languages in Big Linguistics*. Moscow: Moscow State University, 2020. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Abramzon S. M. The Kyrgyz: Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties Revisited. Frunze: Kyrgyzstan, 1990. 480 p. (In Russ.)

- Aristov N. A. Notes on ethnic structures of Turkic tribes and groups supplemented with population size accounts. *Zhivaya starina*. 1896. Nos. 3, 4. Pp. 277–456. (In Russ.)
- Aristov N. A. The Wusun and the Kyrgyz (Kara-Kyrgyz): Essays on History and Household Life in the Western Tian Shan from a Perspective of Historical Geography. Bishkek: Ilim, 2001. 717 p. (In Russ.)

- Bartold V. V. Zhetysu (Semirechye): Historical Essays. Frunze: Kyrgyzstan State Publ. House, 1943. 104 p. (In Russ.)
- Bekmakhanova N. E. Multinational Societies of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Capitalist Era, 1860s – 1917. Moscow: Nauka, 1986, 246 p. (In Russ.)
- Burdukov A. V. Karakol Kalmyks (Sart Kalmyks). *Sovetskaya etnografiya*. 1935. No. 6. Pp. 47–79. (In Russ.)
- Dyakov A. A. The Dungan-Taranchi Revolt of 1864–1871 in Ili Region: Memoirs by a local ethnic Xibo. In: Madivan M. R. (ed.) *The Dungan: History and Culture. Pre-Revolutionary Works on Dungans by Russian Scholars*. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2017. Pp. 79–123. (In Russ.)
- Khonin V. N., Balinova N. V. To the issue of studying the ethnic group of Issyk-Kul Kalmyks. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 100–105. (In Russ.)
- Menyaev B. V. Collecting and exploring the language and folklore of Karakol Kalmyks: A historical review of expeditions and related materials. *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*. 2015. No. 40. Pp. 69–71. (In Russ.)
- Miymanbaeva F. N. Resettlement of Kalmyks to Zhetysu (Semirechye) in the late 19th century: Historical facts revisited. In: *World History and International Relations: A Perspective From Contemporary Integration and Modernization. Conference proceedings* (Almaty; February 9, 2018). Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2018. Pp. 278–282. (In Russ.)
- Mokeyev A. M. Origins of Sart Kalmyks reconsidered. On: TsentrAziya (online media outlet). Kyrgyzstan. Posted on May 31, 2013. Available at: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1369974900> (accessed: December 28, 2018). (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Sart Kalmyks in contemporary Kyrgyzstan. In: *Cultural Heritage of Central Asian Peoples*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Vol. 3. Pp. 28–49. (In Russ.)
- Ploskikh V. M. et al. (eds.) *A History of the Kyrgyz SSR. Vol. 1: From Earliest Times to the Mid-19th Century*. Frunze: Kyrgyzstan, 1984. 798 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. The language of Issyk-Kul Kalmyks revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 82–87. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Issyk-Kul Kalmyks (Sart Kalmyks). In: Dzharlygasinova R. Sh., Tolstova L. S. (eds.) *Ethnic Processes in National Groups of Soviet Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 157–166. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 200–213, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(54)+339.56

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-200-213

Внешняя торговля Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам дипломатических представительств России)

Игорь Владимирович Крючков¹, Наталья Дмитриевна Крючкова², Ашот Агасиевич Мелконян³

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5@yandex.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений

 0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk@yandex.ru

³ Институт истории, Национальная академия наук Армении (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, профессор, академик, директор Института истории НАН Армении

 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А., 2022

Аннотация. *Введение.* История развития внешнеэкономической деятельности Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. не нашла достойного отражения в отечественной и отчасти в зарубежной историографии. С 80-х гг. XIX в. Индия существенно наращивает объемы внешней торговли, что позволяет ей по данному показателю занять лидирующие позиции в Азии. *Цель исследования.* В представленном материале рассматривается динамика экспортно-импортных операций Индии и распределение ее внешней торговли по странам. *Материалы и методы.* В данной статье в качестве исторического источника используются донесения российских дипломатов, работавших в Британской Индии, на Ближнем Востоке и в Великобритании. При исследовании применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы. *Результаты.* В статье подчеркивается, что Великобритания доминировала во внешней торговле Индии. Однако постепенно и другие государства наращивали торговые операции с ней, особенно в сфере импорта. Россия не смогла стать одним из клю-

чевых партнеров во внешней торговле Британской Индии. Исключением становятся поставки керосина и импорт из Индии чая. Среди причин данного явления авторы выделяют: напряженность британо-российских взаимоотношений в Центральной Азии в последней трети XIX в., плохое знание российскими предпринимателями специфики индийского рынка, географическую удаленность России от Индии. Британская Индия становится форпостом экономического доминирования Великобритании в зоне Персидского залива. В то же время во многих портах Персидского залива и Аравийского полуострова индийские товары вытеснили продукцию из других стран, в том числе Великобритании. В статье подчеркивается, что основная часть внешнеэкономических связей Индии осуществлялась через морские перевозки. По мнению авторов, данный аспект объяснялся сложными природно-климатическими факторами вдоль сухопутных границ Индии, нестабильностью на границах с Афганистаном и Персией. В то же время Британская Индия наращивает свое экономическое присутствие в Афганистане, Персии, Непале, Цейлоне, Сиаме, западных провинциях Китая. Важное место во внешней торговле Индии занимала транзитная торговля и реэкспорт товаров других государств, что отчасти затрудняет точное определение объемов ее внешней торговли. *Выводы.* Специфика развития народного хозяйства Индии наложила отпечаток на структуру ее внешней торговли. В экспорте Индии преобладали сырье и продовольствие, продукция обрабатывающей промышленности только пробивала себе дорогу на внешние рынки. Данные трудности во многом были связаны с колониальной политикой Великобритании в Индии, стремившейся сохранить ее в качестве рынка сбыта промышленной продукции, произведенной на британских островах. Накануне Первой мировой войны Британская Индия наращивает свой экономический потенциал, усиливая собственные позиции в мировой торговле.

Ключевые слова: Британская Индия, внешняя торговля, экспорт, импорт, Персидский залив, колониальная политика

Для цитирования: Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А. Внешняя торговля Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам дипломатических представительств России) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 200–213. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-200-213

Foreign Trade of British Raj at the Turn of the 20th Century: Analyzing Materials From Russia's Diplomatic Missions

Igor V. Kryuchkov¹, Natalia D. Kryuchkova², Ashot A. Melkonyan³

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5@yandex.ru

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
 0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk@yandex.ru

³ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24, Marshal Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)
Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director of the Institute of History
 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2022

© Kryuchkov I. V., Kryuchkova N. D., Melkonyan A. A., 2022

Abstract. Introduction. The history of British Raj's foreign economic activity development at the turn of the 20th century remains somewhat understudied both in Russian and foreign historiography. Since the 1880s, India significantly increased foreign trade to become Asia's leader in this regard. *Goals.* The paper aims at examining dynamics of India's export-import operations and foreign trade by countries. *Materials and methods.* The article analyzes reports and accounts of Russian diplomats

to have worked in British Raj, the Near East, and Great Britain. The employed research methods include the historical/genetic, comparative historical, and historical/typological ones. *Results.* Britain had been India's dominating trading partner. However, gradually other states also increased trade operations with the latter, especially import ones. The paper emphasizes Russia failed to become a key foreign trade partner of British Raj (except for export of kerosene and import of tea). The identified reasons are contentious British-Russian relations in Central Asia in the 1860s–1890s, poor knowledge of the Indian market, and geographical remoteness. British Raj turned an outpost of Great Britain's economic strength in the Persian Gulf. At the same time, Indian goods displaced products from other countries — including Britain manufactured ones — in many ports of the Persian Gulf and the Arabian Peninsula. The article stresses that the bulk of India's foreign economic relations were maintained via maritime transport. This was due to complicated natural and climatic factors along land borders, instability in frontiers (Afghanistan and Persia). Nonetheless, British Raj was increasing its economic presence in Afghanistan, Persia, Nepal, Ceylon, Siam, and western provinces of China. An important place in India's foreign trade was occupied by transit trade and re-export of goods from other states, which makes it difficult to accurately determine the actual volume of its foreign trade. *Conclusions.* The specifics of India's national economic development can thus be traced in the structure of its foreign trade. The exports were dominated by raw materials and foodstuffs; manufactured products were only making their way to foreign markets. The difficulties were largely associated with the Great Britain's colonial policy in India since the former sought to keep using the latter as a market for industrial products produced in the British Isles. On the eve of WW I, British Raj was building up its economic potential through strengthening its positions in world trade.

Keywords: British Raj, foreign trade, exports, imports, Persian Gulf, colonial policy

For citation: Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A. Foreign Trade of British Raj at the Turn of the 20th Century: Analyzing Materials From Russia's Diplomatic Missions. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 200–213. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-200-213

Введение

На рубеже XX–XXI вв. Индия относится к числу наиболее динамично развивающихся экономик мира, страна все более весомо заявляет о себе в мировой торговле. Развитие экономических связей России с Индией в последние годы является одной из приоритетных задач. Возвращение к историческому прошлому позволяет проследить истоки развития контактов двух стран, основные вехи превращения Индии в одного из экономических лидеров глобальной экономики начале XXI в.

В современной отечественной историографии анализируются особенности развития торговых отношений России и Индии в XVIII–XIX вв. [Шкунов 2017; Мейтарова 2017]. Г. А. Иващенко уделяет большое внимание влиянию колониальной политики Великобритании на экономику Индии, в том числе на ее внешнюю торговлю [Иващенко 1989]. Проблема деятельности российских дипломатических представительств в Индии в конце XIX – начале XX в. нашла

отражение в исследовании Е. В. Смирнова [Смирнов 2011].

В зарубежной историографии внешняя торговля Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. рассматривается в общем контексте экономической истории страны [Rothermund 2002; Habib et al. 1983]. Г. Стюарт поднимает проблему роли джутовой промышленности в развитии экономики и внешней торговли Индии [Stewart 1998]. Влияние колониальной политики Великобритании на экономику и внешнюю торговлю Индии анализирует в своих работах Н. Чарльзворт [Charlesworth 1982].

Основные внешнеторговые партнеры Индии

В последней трети XIX – начале XX в. Британская Индия является одним из крупнейших участников мировой торговли не только в масштабах Южной Азии. Она занимает весомые позиции в экономических связях Востока и Запада, играя доминирующую роль в международной торговле в зоне Индийского океана. Экономика Ин-

дии во многом зависела от состояния дел на мировых рынках и политики британских властей. Положительное сальдо во внешней торговле обеспечивало приток в Индию значительных финансовых ресурсов. Подавляющая часть внешнеторгового оборота Индии осуществлялась через морские порты. В 1906–1907 гг.¹ на первом месте по товарообороту находился порт Бомбея (3,3 млн тонн), затем следовали Калькутта (3,1 млн тонн), Рангун (1,7 млн тонн) и Карачи (1,5 млн тонн) [Гейкинг 1909: 204]. В последующем ситуация не изменилась радикальным образом.

В небольших объемах внешняя торговля Индии осуществлялась через сухопутные границы — в основном с Афганистаном, Тибетом, Непалом, западными провинциями Китая и т. д. Следует отметить, что на сухопутную торговлю Индии приходилось около 4–5 % ее внешнеэкономического оборота. Этот факт объясняется прохождением сухопутных границ Индии по труднодоступным и небезопасным районам, где отсутствовала хорошая транспортная инфраструктура, а зачастую и регулярные торговые контакты. Важнейшую роль во внешней торговле Британской Индии занимали пять провинций: Бенгалия, Бомбей, Синд, Мадрас и Бирма. На них приходилась львиная доля внешнеэкономического оборота Индии.

В 1908–1909 финансовом году, не самом благоприятном для экономики Индии, ее экспорт составлял 1 млрд 589 млн рупий², упав по сравнению с предыдущим годом почти на 250 млн рупий. Данный спад во многом объяснялся плохим урожаем, что снижало экспортный потенциал колонии и покупательную способность ее населения. Импорт за этот период сократился с 1 млрд 628 млн рупий до 1 млрд 439 млн рупий [Чиркин 1910: 270]. Однако даже, несмотря на сокращение торгового оборота, он оставался довольно значительным.

Несмотря на некоторый спад внешней торговли Индии в 1908–1909 гг. в последующем она начинает развиваться довольно

уверенными темпами. В 1910–1911 гг. она возросла на 20 %, а в 1911–1912 гг. — на 8,1 %. В этом обстоятельстве большую роль сыграли хорошие урожаи. В 1912–1913 гг. экспорт Индии достиг 2 млрд 681 млн рупий, а импорт — 1 млрд 610 млн рупий³ [Записка 1914: 66]. Следовательно, в последние послевоенные годы внешняя торговля Британской Индии развивалась весьма успешно.

Большая часть индийского экспорта в 1908–1909 гг. приходилась на Великобританию — 24 %, Китай — 12 %, Германию — 10 %, США — 8,8 % и Францию — 6,4 %. В структуре импорта ситуация выглядела несколько иначе. Здесь полностью господствовала Великобритания (62,6 %), следом расположились Голландская Ява (5,1 %), Бельгия (4,2 %), Германия (4,1 %) и Австро-Венгрия (3,2 %). Позиции России в этом плане выглядели очень скромно. На нее приходилось 0,4 % внешней торговли Индии. Она даже не попала в число ее ведущих торговых партнеров. В 1907–1908 гг. объем взаимной торговли составил всего 13,1 млн рупий или около 8 млн руб. Россия в основном завозила в Индию керосин, а экспортировала чай на 8 млн рупий [Чиркин 1910: 273]. Следовательно, Россия имела отрицательное сальдо в торговле с Индией.

В 1912–1913 гг. доминирующие позиции в экспорте в Индию сохранила Великобритания (63 %), на второе место вышла Германия (6,4 %), потеснив Голландскую Яву (5 %) и Бельгию (1,9 %), на четвертом месте расположились США (3,2 %), на пятом — Япония (2,5 %) [Записка 1914: 89].

Успех британских товаров в Индии объяснялся рядом факторов. Во-первых, консервативные индийские потребители с XVIII в. хорошо знали продукцию из Великобритании и охотно ее приобретали. Во-вторых, британские производители тщательно изучили вкусы индийских потребителей, производя соответствующую продукцию. В-третьих, система государственных закупок в Индии ориентировалась на приобретение британских товаров. В-четвертых, в том случае, когда британская продукция оказывалась в сложном положении, уступая в конкуренции местным производи-

¹ Здесь и далее, где указываются два года, речь идет о финансовом годе, который начинался с 1 апреля и заканчивался 31 марта следующего года.

² 15 рупий равны 1 фунту, 10 млн рупий — 1 крору.

³ Данные по экспорту и импорту даются без учета торговли золотом и серебром.

телям, их продукцию облагали пошлинами, уравнивая в цене с британскими товарами. Поэтому экспортеры из других стран оказались в непростой ситуации, даже когда они предлагали товар лучшего качества и по дешевой цене.

В 1912–1913 гг. распределение внешней торговли Индии по странам выглядела следующим образом. В этом отношении по-прежнему доминировали европейские государства, на которые приходилось 64,6 % внешней торговли Индии, а на Азию — 23,3 %. Доля Великобритании составляла 40,1 %, а вместе с колониями — 52,6 %, Германии — 8,5 %, США — 5,9 %, на Китай приходилось 5,9 % и Японию — 5,6 %, доля России не превышала 0,5 % [Записка 1914: 58].

Большое значение Британская Индия занимала в транзитной торговле многих государств с Персией и другими регионами, расположенными в зоне Персидского залива и бассейне Индийского океана. Важную роль в этом процессе занимал Бомбей. До 80-х гг. XIX в. все товары в зону Персидского залива и в другие районы поступали исключительно через Бомбей [Адамов 1900: 114], пока британские судоходные компании не организовали прямые рейсы из портов Персидского залива в Лондон и Марсель. Однако и в этом случае Бомбей не потерял свой весомый статус в транзитной торговле.

В порт поступали чай из Голландской Явы, сахар из Франции и о. Св. Маврикия, текстиль — из Великобритании, Франции, Германии, Швейцарии, США и другие товары. В Бомбее находились огромные оптовые склады, куда товары завозились из различных государств и оттуда уже направлялись в зону Персидского залива, главным образом в Ленге, Бендер-Бушир и Бендер-Аббас [Миллер 1907: 9]. В частности, в 1901 г. 2/3 поставок сахарного песка в порт Бендер-Аббас осуществлялись через Бомбей. Цена на сахар устанавливалась на уровне цен на рынке Бомбея. Через Бомбей в Керман и другие восточные провинции Персии поступал российский керосин, текстиль и посуда, хотя Россия стремилась большую часть товаров направлять из Одессы напрямую в порты Персидского залива. Таким же образом значительная часть экспорта из Персии поступала в Европу и другие государства (хлопок, фисташки, миндаль и другие товары). Транзитные рейсы из Бомбея

в порты Персидского залива осуществляли суда «Англо-Персидской компании» и «British-India Steam Navigation Company».

Персия сильно зависела от Бомбея еще в двух отношениях. Во-первых, в Бомбее, как и в Москве, находилась крупная товарная биржа, где продавался персидский хлопок, и от состояния дел на биржах зависела судьба производителей из Персии. Во-вторых, весь упаковочный материал для хлопка поступал в Керман из Бомбея.

Транзитная торговля играла большую роль в экономических связях Индии с Восточным Туркестаном. С 1890 г. по 1895 г. оборот взаимной торговли постоянно увеличивался. Но с созданием Россией благоприятных условий для экспорта в регион своего текстиля происходит снижение данного показателя, так как российская продукция теснит индийские и британские ткани. В этих условиях главной статьей индийского экспорта становится ввоз в регион кораллов, в основном поступавших в Индию из Италии [Лавров 1904: 200]. Часть из них затем перенаправлялась в российский Туркестан. Тем не менее Британская Индия и Россия в значительной мере контролировали внешнюю торговлю Восточного Туркестана.

Торговля Индии с соседними государствами

В начале XX в. Индия наращивает торговые связи с соседними государствами и регионами, расположенными в бассейне Индийского океана, хотя их доля в общей структуре внешней торговли колонии оставалась незначительной. Так, в 1907–1908 гг. на Цейлон приходилось 2,4 % внешней торговли Индии, на Голландскую Яву — 2,3 %, на о. Св. Маврикия — 1,1 %, Османскую империю — 0,8 %, Персию — 0,5 %, Аден — 0,5 %, Аравийский полуостров — 0,4 % и т. д. [Гейкинг 1909: 190]. В торговле с данными государствами примечателен тот факт, что Индия становится одним из основных их внешнеторговым партнером, опередив даже метрополию.

Индия занимает весомые позиции в торговле с Непалом (50 млн рупий), Сиамом (4,9 млн рупий) и Тибетом (4 млн рупий) [Чиркин 1910: 273–274]. В Сиам Индия поставляла в основном хлопчатобумажные ткани. В обратном направлении поступали тиковое дерево, скот и шелк.

В начале XX в. особенно активно развивалась торговля Индии с Непалом. Правда, Индия в торговле с этой страной имела отрицательное сальдо. Она поставляла в Непал текстиль и продовольствие.

В торговле с северными соседями Британская Индия испытывала различные проблемы. В контактах с Афганистаном большую роль мог сыграть порт Карачи, но он не выдерживал конкуренции с Бомбеем, откуда железная дорога вела в Пенджаб. В Британском Белуджистане и Синдской провинции — места отправления товаров в Афганистан — отсутствовала хорошая транспортная инфраструктура, к этому добавлялись плохой климат, нестабильность в зоне проживания племен белуджей и пуштунов. Торговле мешали высокие таможенные пошлины, введенные Афганистаном, и запрет на ввоз целого набора товаров. К тому же в Афганистане индийским предпринимателям постоянно приходилось сталкиваться с конкурентами из России.

С 1895 по 1903 гг. Британская Индия смогла переломить внешнюю торговлю с Афганистаном в свою пользу, так как долгое время она имела отрицательное сальдо в торговле с Кабулом. Главными участниками внешнеэкономической деятельности Индии с Афганистаном являлись Синд и Белуджистан. Во внешней торговле с Индией в основном был задействован юго-западный Афганистан, где крупнейшими торговыми центрами выступали Кандагар и Герат. Традиционно из Индии в Афганистан поставлялись хлопчатобумажные ткани, пшеница, рис, сахар, а в обратном направлении поступали фрукты, орехи, шерсть, сырье для фармации и др. Индия поставляла в Афганистан товары как собственного, так и иностранного производства. Так, в 1902–1903 гг. она поставила в страну хлопчатобумажных тканей (изделий) на 660 тыс. рупий, произведенных в Индии, и на 855 тыс. рупий, завезенных из других государств [Некрасов 1904: 454]. Часть афганского экспорта также дальше через Индию уходила в другие государства.

В 1895–1896 гг. индийский экспорт достиг 3,1 млн рупий, а импорт — 4,4 млн рупий. В 1902–1903 гг. эти показатели составили 3,1 млн рупий и 2,9 млн рупий. По сравнению с предыдущим периодом спад

торговли составил около 1,1 млн рупий [Некрасов 1904: 450].

Резкий спад афганского экспорта был связан с сильной засухой, поразившей страну в 1902 г., что привело к неурожаю орехов и фруктов, а также массовому падежу скота. От засухи, прежде всего, пострадали Западный и Южный Афганистан, наиболее зависевшие от торговли с Индией. Увеличение поставок пшеницы и риса из Индии также объяснялся данным фактором, как и сокращение поставок хлопчатобумажных, шелковых тканей, изделий из кожи и других товаров, поскольку упала покупательная способность афганского населения, пострадавшего от засухи. На рубеже XIX–XX вв. во внешней торговле Индии с Афганистаном все большую роль играет Северо-Западная провинция и Пенджаб. Они смогли почти сравняться по объемам торгового оборота с Синдом и Белуджистаном.

В развитии торговли с Афганистаном Лондон видел один из инструментов укрепления собственных позиций в стране, являвшейся естественным барьером между Россией и Индией. В 1908–1909 гг. индийский экспорт в Афганистан достиг 11,5 млн рупий, а в обратном направлении ушло товаров на 8,6 млн рупий. Правда, данная статистика условна, так как часть торговли велась контрабандным путем, на афганских таможах зачастую отсутствовал четкий учет поступавших товаров. Нестабильная динамика торговли Индии с Афганистаном в начале XX в. беспокоила правительство Индии и Лондон.

В Персию из Индии поступило товаров на 655 тыс. рупий, а из государства Каджаров в обратном направлении на 300 тыс. рупий. Примечательно, что, уступая России позиции в экспорте товаров в Восточную Персию, Британская Индия по-прежнему в значительной мере контролировала экспорт персидских товаров. Такая ситуация отмечается в Хорасане, Систане и Кермане. Имперский Персидский банк всячески стремился сохранить данное положение дел [Миллер 1904: 251].

Британская Индия доминировала в международной торговле в зоне Персидского залива, направляя туда чай, индиго, пряности, медикаменты, изделия из джута, текстиль, сахар из Голландской Явы и другие товары. В 1897 г. в порт Ленге Индия завез-

ла товаров на 270,6 тыс. фунтов или почти 50 % всего экспорта, в Бендер-Аббас — на 267 тыс. фунтов или более 70 % всего ввоза в порт, в Бахрейн — на 272,5 тыс. фунтов, или около 65 % экспорта. Только в торговле с аравийскими портами она уступала Персии и в Бендер-Бушире — Великобритании: 196,2 тыс. фунтов против 728,3 тыс. фунтов [Адамов 1900: 116]. Товары из Ленге в основном поступали из Индии для последующей перевозки в Бахрейн, Маскат и в другие порты. Из Бендер-Аббаса, где жила многочисленная индийская колония, товары шли в Хорасан, Керман, Йезд, в Кабул, Герат и в российский Туркестан.

Индийские товары заполнили порты Персии, удаленные от Индии. В находившемся на юго-западе страны порту Мухамер (современный Хоремшехр. — *прим. авт.*) Индия доминировала в поставках чая, фруктов, пряностей, галантерейных товаров, мебели, бумаги, индиго [Миллер 1904: 255].

В конце XIX в. большую часть индийского ввоза в порт составляли пряности, пользовавшиеся большим спросом у местного населения и жителей соседних вилайетов Османской империи. При этом на Индию приходилось около четверти всего вывоза местных товаров из порта.

В торговле с Оманом Индия выходит на первое место: если в 1902–1903 гг. она ввезла в страну товаров на 840,5 тыс. руб., то в 1903–1904 гг. уже на 1 млн 273 тыс. руб., опередив по этому показателю Персию. Примечательно, что из Омана товары в обратном направлении почти не поставлялись. «British-India Steam Navigation Company» контролировала не только торговлю с Оманом, она господствовала и в порту Маскат, представлявшем отдельный султанат и занимавшем весомые позиции в торговле Аравийского полуострова и Восточной Африки.

Британская Индия во многом взяла под контроль торговлю Бахрейна. В 1902–1903 гг. она ввезла в Бахрейн товаров на 6 млн 809 тыс. руб., для сравнения на Великобританию приходилась 41 тыс. руб., а на идущую второй Османскую империю — 1 млн 29 тыс. руб. [Нассек 1906: 128].

Основным экспортным товаром Бахрейна являлся жемчуг. Бомбейские купцы-парсы скупали жемчуг в Бахрейне. В этой связи

примечательна данная категория представителей торгово-промышленного класса Бомбея. Парсы — это последователи зороастризма, проживавшие в Персии и неоднократно подвергавшиеся преследованиям со стороны мусульман. Поэтому значительная часть парсов эмигрировала в Британскую Индию, создав многочисленную колонию в Бомбее [Риттих 1901: 184]. Парсы отличались особой предприимчивостью и прилежностью в ведении торговых операций. Через Бомбей большая часть бахрейнского жемчуга поступала в Европу и прежде всего в Лондон [Нассек 1906: 121]. Особенностью экономических связей Британской Индии с Бахрейном являлась сдача местным правителем таможни Манамы в аренду индийским компаниям. В 1905 г. такое право получила «Кангаран и компания» за 108,8 тыс. руб. или 170 тыс. рупий [Нассек 1906: 122]. В этом отношении индийцы постоянно конкурировали с персидскими купцами, не раз получавшими такую же привилегию.

Импорт товаров в Индию

В структуре индийского импорта лидировал ввоз продукции обрабатывающей промышленности (76,4 %). В данной группе 56 % составлял импорт текстильной продукции. В 1912–1913 гг. 38 % всего индийского импорта приходилось на хлопчатобумажную продукцию: ткани, пряжу, изделия. Этот показатель становится рекордным в начале XX в. Больше всего рост спроса на импортную продукцию отмечался в Бенгалии и Бомбее. С одной стороны, он объяснялся повышением покупательной способности жителей Индии, с другой стороны — хорошим урожаем хлопка в США, что привело к снижению стоимости продукции. Почти 90 % ввоза хлопчатобумажной продукции контролировала Великобритания. Местные производители господствовали в производстве грубых тканей, в то время как Великобритания полностью доминировала в поставках на индийский рынок тонких тканей, часть которых затем уходила в соседние государства. На ввоз продовольствия, спиртных напитков и табака приходилось 14,5 % всего импорта. В этой группе импортных товаров 61 % составлял ввоз сахара [Записка 1914: 67–68].

Индия на протяжении многих лет выращивала сахарный тростник и экспортировала

ла сахар. Однако в последней трети XIX в. она все больше зависела от экспорта сахара, так как растущий спрос на него не могли удовлетворить индийские производители. Сахар из тростника импортировался с о. Св. Маврикия, Голландской Явы, сахар, произведенный из сахарной свеклы, — из Австро-Венгрии и Германии. Только в 1897–1898 гг. из этих государств Индия ввезла 104 тыс. тонн сахара [Клемм 1902: 312]. Импортный сахар, как правило, был дешевле местной продукции. Дальнейший рост импорта сахара мог полностью уничтожить местное сахарное производство и сократить прибыли крестьян, выращивавших сахарный тростник. Поэтому в марте 1899 г. Британская Индия поднимает таможенные пошлины на импорт сахара. Противники закона критиковали его, так как, по их мнению, закон не привел к существенному сокращению импорта. Но при этом способствовал росту цен на сахар на внутреннем рынке, что сильно ударило по широким слоям населения [Клемм 1902: 312].

Индийский экспорт

Около 45 % индийского экспорта составляло сырье, главным образом необработанный джут, хлопок, шкуры крупного и мелкого рогатого скота, марганцевая руда и др. Развитие в Индии текстильной промышленности ведет к нарастанию экспорта индийских тканей (хлопчатобумажных) и изделий из джута. В результате они составили к 1909 г. 24,5 % индийского экспорта. Еще одной важной статьёй экспорта Индии становится вывоз продовольствия (более 27 % от всего экспорта). Основными статьями вывоза в данном контексте становятся пшеница, мука, рис, чай, кофе, фрукты, пряности.

На долю Индии приходилось около 10 % мирового производства пшеницы. Индия, уступая по этому показателю только США, России и Франции, поставляла продукцию в Великобританию, Францию, Бельгию, Испанию и другие государства. В начале XX в. Россия и Индия контролировали значительную часть экспорта пшеницы во Францию [Данилов 1907: 273]. Иностранцев удивлял тот факт, что даже во время голода в стране экспорт пшеницы практически не снижался.

Большим спросом индийская пшеница и мука пользовались в государствах Азии.

В этом плане Индия постоянно конкурировала с российскими производителями. В частности, Британская Индия поставила под контроль поставки пшеницы и муки в Хиджаз. В 1904–1905 гг. она экспортировала в эту провинцию Османской империи 40 тыс. мешков (около 100–130 кг в одном мешке. — прим. авт.). Для сравнения Россия в этот период смогла поставить всего 200 мешков. Российская мука была лучше по качеству, и теоретически она могла занять весомые позиции на местном рынке. Однако она по цене была дороже индийской продукции. Мешок индийской муки (100 кг) стоил 8–9,4 руб., а мешок российской (80 кг) — 12 руб. [Никольский 1906: 11].

Местный потребитель, имевший низкую покупательную способность и неприязнительный вкус, выбирал индийскую продукцию. Индия контролировала примерно 75 % экспорта в Хиджаз пшеницы. Мука и пшеница поставлялись в регион из Бомбея. В больших объемах пшеница и мука из Индии направлялись в азиатские владения Османской империи, в том числе через Басру.

Рис экспортировался в государства Европы, в Африку и Азию. Например, весь импортируемый Хиджазом рис поступал из Калькутты. Большим спросом индийский рис пользовался в портах Персидского залива. Главным потребителем индийского риса становится Цейлон. В то же время Британская Индия ввозила рис из Непала в среднем на 1 млн рупий в основном для последующего реэкспорта. В 1912–1913 гг. экспорт риса составил 54 % вывоза зерновых культур из Индии и 13,5 % всего индийского экспорта [Записка 1914: 124], причем более 70 % экспорта обеспечивала Бирма.

Европейский обыватель традиционно воспринимал Британскую Индию как главного производителя и экспортера знаменитого чая. Однако экспорт данной продукции составлял всего около 7 % индийского экспорта. Основным конкурентом Индии на мировом рынке чая являлся Китай. Обе стороны неоднократно прибегали к демпингу, чтобы потеснить позиции конкурента в том или ином регионе мира. Сложные отношения у Индии складывались с Цейлоном и Голландской Явой. Они внимательно следили за конъюнктурой чайного рынка Индии, так как в случае неурожая обе колонии вы-

игрывали за счет роста цен на чай и увеличения объемов собственных поставок. Цейлон постоянно наращивал объемы экспорта чая в Европу, а Голландская Ява становится конкурентом Индии на рынке высших сортов чая. Примерно 79 % чайных плантаций Индии находились в Бенгалии и Ассаме. Несмотря на все взлеты и падения внешне-торгового оборота Индии, экспорт чая постоянно увеличивался. Если в 1904–1905 гг. она экспортировала чай на 84,6 млн рупий, то в 1908–1909 гг. на 103,9 млн рупий [Чиркин 1910: 278]. Основным потребителем индийского чая являлась Великобритания, куда уходило более 2/3 всего экспорта чая. На втором месте находилась Россия, значительно опережая другие государства.

Большим достижением в организации торговли чаем в Индии становится создание чайной биржи в Калькутте. Теперь можно было торговать чаем в обход Лондонской биржи. Данный факт ускорял процесс реализации продукции и приносил дополнительную прибыль индийской экономике.

С XIX в. Индия становится одним из ведущих производителей и экспортеров опиумного мака. Главным потребителем индийского опиума становится Китай. Опиум составлял основу индийского экспорта в Китай. В 1906–1907 г. его в Цинскую империю ввозится на 6,2 млн фунтов, достигнув максимального значения в начале XX в. Затем наступает период спада экспорта опиума в Китай, так как в результате сложных переговоров Великобритания берет на себя обязательство ограничить опиумный экспорт в Китай, что негативно отразилось на производителях опиумного мака в Индии.

В Индии на рубеже XIX–XX вв. набирает силу местная промышленность. В ее развитии отчасти была заинтересована колониальная администрация, а отчасти — местный класс предпринимателей. Поэтому импорт промышленного оборудования, стали, чугуна растет значительными темпами. Индийские предприниматели все активнее выступают за отмену акцизного сбора в хлопчатобумажной промышленности, которого не было в других британских колониях и негативно сказывавшегося на развитии текстильной промышленности в Индии. Он затруднял конкуренцию индийской продукции не только с производителями из Ланкашира или Манчестера, но и

с производителями из других стран. Тем не менее индийские хлопчатобумажные ткани пользовались спросом в Китае, Афганистане, Непале, Сиаме, Цейлоне, Голландской Индии, Адене, в зоне Персидского залива, в Восточной Африке.

Центром хлопчатобумажной промышленности Индии становится Бомбей, позже к нему добавляется Мадрас. До 1906 г. отрасль развивалась поступательными темпами. Однако затем в ней наступает серьезный кризис. Он характеризует степень включенности Индии в мировые хозяйственные связи. Во-первых, к кризису привело падение стоимости хлопчатобумажной пряжи, что способствует банкротству крупных и средних производителей в Китае, куда поставлялась значительная часть индийской пряжи. Во-вторых, голод, поразивший многие районы Китая, вел к падению спроса на хлопчатобумажные ткани. В-третьих, снижение стоимости серебра на 21 %, при неизменности цен на пряжу, также ведет к снижению доходов промышленников из Бомбея. В-четвертых, неурожай привел к росту цен на хлопок-сырец. И, наконец, с прекращением голода в Китае данное бедствие затронуло и саму Индию.

Новым испытанием для индийской промышленности становится поток дешевых хлопчатобумажных тканей из Японии. В 1907–1908 гг. производители из Кобе и других текстильных центров Японии смогли свою долю в экспорте хлопчатобумажной одежды в Индию довести до 57,1 % [Гейкинг 1909: 195]. Введение в 1908 г. нового таможенного тарифа не привело к существенному изменению ситуации в текстильной промышленности Индии.

Парадокс заключался в том, что Индия поставляла в Японию хлопок, а оттуда получала готовую продукцию. Только в 1907–1908 гг. поставки хлопка в Японию увеличились почти на 30 %. Причины успеха японских производителей заключались в большой интенсивности труда, что снижало себестоимость конечной продукции. Кроме этого, правительство Японии выделяло субсидии для поощрения экспорта, на что не могли рассчитывать индийские производители. В результате они потеряли в пользу Японии выгодный рынок сбыта хлопчатобумажной продукции в Маньчжурии и в других провинциях Китая. Поэтому

доля экспорта хлопчатобумажной пряжи и тканей из Индии снижается [Гейкинг 1909: 201]. В 1907–1908 гг. их вывоз сократился до 450 тыс. рупий [Гейкинг 1909: 208].

Российско-индийские экономические связи

На рубеже XIX–XX вв. Россия занимала лидирующие позиции в поставках керосина в Индию, где спрос на эту продукцию рос значительными темпами. В 1901–1902 гг. Россия становится третьим его экспортером в Индию. В этот период из 31,861 млн рупий российского экспорта 31,5 млн рупий приходилось на ввоз керосина [Клемм 1904: 87]. Экспорт керосина и минеральных масел в Индию начинается с 60-х гг. XIX в., достигнув в 1870–1871 гг. 40 тыс. фунтов, а к 1901–1902 гг. этот показатель увеличился почти в 60 раз.

Главными поставщиками нефтепродуктов в Индию в начале XX в. становятся Россия, США и Великобритания. Рост объемов импорта Индией данной продукции объясняется растущими запросами местной промышленности и ростом спроса на керосин у населения. Поэтому основную часть импортных нефтепродуктов составлял именно керосин. Первоначально на рынке Индии доминировали производители из США, доставлявшие керосин в специальных металлических емкостях. Российские производители стали использовать специальные морские суда (прообраз танкеров. — *прим. авт.*), куда заливались в Батуми большие объемы нефтепродуктов, что существенно удешевляло продукцию из России по сравнению с американской продукцией. Правда, большая часть судов, на которых российская продукция поставлялась в Индию, принадлежала иностранцам. Керосин из США в основном использовался европейцами, проживавшими в Индии, и для освещения индийских городов. Широкие слои населения и особенно малоимущие выбирали российскую продукцию. Некоторую конкуренцию россиянам в начале XX в. составляла нефтяная промышленность Бирмы, где были обнаружены значительные запасы нефти, неслучайно компании из США в это время стремятся проникнуть в Бирму.

В 1904–1905 гг. на российский керосин приходилось 53 % всего экспорта данной продукции в Индию. Для усиления позиций

на индийском рынке фирма Манташева в 1898 г. открывает свое представительство в Бомбее, его отделения появляются в Калькутте и Карачи [Клемм 1904: 98]. Кстати, значительная часть экспорта российского керосина из России в Месопотамию и порты Персидского залива шла транзитом через эти индийские порты. В России данное обстоятельство вызывало озабоченность, так как, если бы керосин направлялся напрямую из Батуми, он в той же Басре стоил бы на 10–20 % дешевле [Адамов, Савинов 1903: 508].

Экспорт из России нефтепродуктов становится и фактором политической борьбы в самой Индии. После того, как Россия повысила пошлины на импорт чая из Индии через порты Черного и Азовского морей, индийская пресса стала требовать повышения таможенных пошлин на российский керосин в качестве ответной меры. С одной стороны, эта акция должна была способствовать развитию нефтяной промышленности самой Индии, а с другой — увеличить импорт из дружеских США. Правительство Британской Индии опасалось любых резких шагов на нефтяном рынке, так как это затрагивало интересы миллионов индийцев. К тому же большую часть экспорта российского керосина контролировали крупные британские торговые компании [Клемм 1904: 100].

Революционная анархия 1905 г. самым пагубным образом сказалась на добыче нефти в России и экспорте продукции ее нефтеперерабатывающей промышленности. Одним из следствий этой негативной тенденции становится закрытие представительства фирмы Манташева в Индии. Российские производители практически полностью потеряли индийский рынок. В 1906–1907 гг. на керосин из России приходилось всего 4,2 % экспорта данной продукции, а в 1907–1908 гг. — 14,3 %. Позиции России быстро заняли производители из США и Великобритании.

Российские дипломаты не сомневались в том, что отечественные производители смогут быстро восполнить потери. Керосин из России отличался высоким качеством, на что обратили внимание индийские потребители. При этом он был дешевле продукции из США, хотя и стоил дороже, чем керосин из Голландской Индии и Бирмы. Более того, создав собственные склады в портах от Ка-

рачи до Бендер-Бушира и построив для этого необходимый флот, можно было существенно увеличить экспорт керосина из России в Северо-Западную Индию и в зону Персидского залива.

В начале XX в. Индия наращивает импорт минеральных масел, что во многом было связано с развитием местной промышленности. Основным поставщиком этой продукции становится Бирма (63,5 тыс. галлонов). В то же время ведущие нефтедобывающие страны также вносили свой вклад в поставку минеральных масел на индийский рынок. Больше всех в этом преуспели США (24,2 тыс. галлонов), Румыния (16 тыс. галлонов) и Россия (9,3 тыс. галлонов) [Гейкин 1909: 191].

Как уже подчеркивалось, Россия становится одним из крупнейших потребителей индийского чая. В 1907–1908 гг. Добровольный флот и Восточно-Азиатское пароходное общество организовали прямые рейсы из Калькутты во Владивосток для доставки в Россию индийского чая, чтобы избежать лишних расходов при перегрузке чая в порту Коломбо. Российские предприниматели жаловались, что они не имели возможности наполнить суда, шедшие в Калькутту, товарами из России. Для данного маршрута правительство России установило льготный таможенный тариф на импорт чая из Индии [Гейкин 1909: 198–199].

Следует отметить, что индийский чай попадал в Россию и контрабандным путем через Восточную Персию в Туркестан. Кстати, контрабандная торговля Индии с другими государствами затрагивала не только Россию. В начале XX в. крупным поставщиком золота в Индию являлся Восточный Туркестан, входивший в состав Цинской империи. В некоторые годы до половины всего золота отправлялось в Индию контрабандой. Только падение цен на данный металл в Индии привело к существенному снижению объемов контрабандной торговли [Колоколов 1906: 240].

Примечательно, что интересы России и Индии пересекаются на мировом рынке чая. Россия становится крупным его поставщиком в Северную Персию. Первая партия российского чая поступила в Персию в 1890 г. Разумеется, это был индийский и цейлонский чай, но он перерабатывался и фасовался на чайных фабриках в России,

получая качественный товарный вкус и вид. Позже Россия начинает экспорт чая в Персию из Китая. Индия также экспортировала чай в Восточную Персию и в зону Персидского залива. Более того, ее продукция проникает и на север Персии, в частности в Гилян. Продукция из России пользовалась спросом у высших слоев персидского общества и у среднего класса. Широкие слои населения Персии предпочитали пить чай в чайханах. Там подавался дешевый и низкокачественный чай из Индии и Голландской Явы [Никольский 1909: 113–114].

Персидский рынок чая считался весьма перспективным, так как его потребление в стране постоянно набирало обороты. В начале XX в. чай из России появляется в Хорасане, Систане и даже в Белуджистане, непосредственно, примыкающем к Британской Индии [Миллер 1905: 50]. Успехи России вызывали большую тревогу у индийских экспортеров, в том числе и с точки зрения использования конкурентами из России портов Персидского залива, являвшихся до начала XX в. вотчиной Британской империи.

Интересы России и Британской Индии пересекались и на мировом рынке марганцевой руды. Обе стороны являлись крупнейшими производителями и экспортерами данной продукции. До 1905 г. на мировом рынке доминировали российские производители. Революционные события 1905 г. нанесли серьезный урон добыче марганцевой руды в России, чем сразу воспользовались индийские производители. С 1907 г. Россия постепенно восстанавливает свои позиции, вновь потеснив Индию на рынке марганцевой руды.

Отечественные дипломаты полагали, что Россия имела все возможности для увеличения экспорта в Британскую Индию, в том числе в сфере поставок текстиля и сахара. Для этого требовалось: изучение российскими предпринимателями специфики потребительской культуры местного населения; ознакомление индийцев с российской продукцией, в том числе с помощью коммивояжеров; создание финансовых структур, способных оказывать содействие экспортно-импортным операциям с Индией; организация прямого судоходного сообщения России с основными портами Индии. Потепление российско-британских отношений с

1908 г. создавало для этого благоприятную политическую атмосферу.

Заключение

Британская Индия на рубеже XIX–XX вв. начинает играть заметную роль в мировой торговле и экономических связях государств Европы и США с Азией и Восточной Африкой. Великобритания стремилась сохранить доминирующие позиции во внешней торговле Индии, в том числе используя политические рычаги. Особое место в этом плане занимали интересы британской хлопчатобумажной промышленности. Поэтому экспорт в Индию в большей степени зависел от Великобритании. В вывозе товаров Индия имела больше возмож-

ностей для диверсификации собственного экспорта. В структуре ее внешней торговли большое место занимали сырье и продовольствие. Поэтому от состояния дел в сельском хозяйстве Индии зависело развитие ее внешней торговли — как с точки зрения наполнения экспорта необходимыми товарами, так и уровня покупательской способности населения, от чего зависел объем импорта товаров. Модернизация индийской экономики создавала благоприятные условия для ее дальнейшего развития и усиления позиций Индии в мировой торговле. Российские дипломаты полагали, что Россия должна была обратить на индийский рынок особое внимание ввиду его перспективности.

Литература и источники

- Адамов 1900 — *Адамов А.* Очерк международной торговли в Персидском заливе (донесение драгомана генерального консула в Тавриз) // Сборник консульских донесений за 1900 г. Год третий. Вып. II. СПб.: Товарищество худож. печати, 1900. С. 95–123.
- Адамов, Савинов 1903 — *Адамов А., Савинов А.* Русская торговля в Месопотамии (из донесения управляющих: генеральным консульством в Багдаде и консульством в Басре) // Сборник консульских донесений за 1903 г. Год шестой. Вып. VI. СПб.: Товарищество худож. печати, 1903. С. 502–508.
- Гейкинг 1909 — *Гейкинг А.* К вопросу о развитии нашей торговли с Индией (донесение бывшего генерального консула в Бомбее) // Сборник консульских донесений за 1909 г. Год двенадцатый. Вып. III. СПб.: Товарищество худож. печати, 1909. С. 185–225.
- Данилов 1907 — *Данилов Н.* Русский экспорт в Северную Францию (донесение консула в Гавре и Руане) // Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. IV. СПб.: Товарищество худож. печати, 1907. С. 271–285.
- Записка 1914 — Записка драгомана Генерального консульства России в Калькутте // Донесения Императорских Российских консульских представительств за границей по торгово-промышленным вопросам. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. С. 54–181.
- Ивашенцов 1989 — *Ивашенцов Г. А.* Индия. М.: Мысль, 1989. 160 с.
- Клемм 1902 — *Клемм фон В.* Торговля сахаром в Индии (донесение генерального консула в Бомбее) // Сборник консульских донесений за 1902 г. Год пятый. Вып. IV. СПб.: Товарищество худож. печати, 1902. С. 311–334.
- Клемм 1904 — *Клемм фон В.* Торговля керосином в Индии (донесение генерального консула в Бомбее) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Год седьмой. Вып. II. СПб.: Товарищество худож. печати, 1904. С. 87–109.
- Колоколов 1906 — *Колоколов С.* Экономический очерк Кашгарии (донесение консула в Кашгаре) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. III. СПб.: Товарищество худож. печати, 1906. С. 183–251.
- Лавров 1904 — *Лавров М.* Русская торговля в Кашгарии (донесение управляющего генеральным консульством в Кашгарии) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Год седьмой. Вып. III. СПб.: Товарищество худож. печати, 1904. С. 169–204.
- Мейтарова 2017 — *Мейтарова О. Д.* История торговых, культурных и духовных отношений России и Индии с древнейших времен до конца XIX в. // Гуманитарное пространство. 2017. Т. 6. № 3. С. 583–591.
- Миллер 1904 — *Миллер А.* Торговля Систана в 1903–1904 гг. (донесение управляющего вице-консульством в Систане) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Год седьмой. Вып. IV. СПб.: Товарищество худож. печати, 1904. С. 251–258.
- Миллер 1905 — *Миллер А.* К вопросу о русской торговле в Персии // Сборник консульских донесений за 1905 г. Вып. I. СПб.: Товарищество худож. печати, 1905. С. 49–55.
- Миллер 1907 — *Миллер А.* Торговля Бахрамабада (донесение консула в Кермане) // Сбор-

- ник консульских донесений за 1907 г. Год десятый. Вып. I. СПб.: Товарищество худож. печати, 1907. С. 3–15.
- Нассек 1906 — *Нассек Н.* Оман – Маскат – Бахрейн (донесение генерального консула в Бендер-Бушире) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. II. СПб.: Товарищество худож. печати, 1906. С. 99–128.
- Некрасов 1904 — *Некрасов В.* Торговля Индии с Афганистаном (донесение секретаря генерального консульства в Бомбее) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Год седьмой. Вып. VI. СПб.: Товарищество худож. печати, 1904. С. 448–456.
- Никольский 1909 — *Никольский М.* Торговля Гиляна в 1908 г. (Донесение исполняющего обязанности секретаря консульства в Реште) // Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. II. СПб.: Товарищество худож. печати, 1909. С. 110–124.
- Никольский 1906 — *Никольский М.* Торговля Хиджаза (донесение управляющего консульством в Джидде) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб.: Товарищество худож. печати, 1906. С. 3–16.
- Риттих 1901 — *Риттих П. А.* Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан. Ч. I. СПб.: Воен. Ученая комиссия Ген. штаба, 1901. 321 с.
- Смирнов 2011 — *Смирнов Е. В.* Россия и Индия // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в новое время / под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 232–244.
- Чиркин 1910 — *Чиркин С.* Торговля Индии (Из донесения секретаря генерального консульства в Бомбее) // Сборник консульских донесений за 1910 г. Год тринадцатый. Вып. IV. СПб.: Товарищество худож. печати, 1910. С. 269–278.
- Шкунов 2017 — *Шкунов В. Н.* Российско-индийские торгово-экономические связи в XVIII–XIX вв. М.: Русайнс, 2017. 192 с.
- Charlesworth 1982 — *Charlesworth N.* British Rule and the Indian Economy: 1800–1914. London: MacMillan, 1982. 464 p.
- Habib et al. 1983 — *Raychaudhuri T., Kumar D., Habib I., Desai M.* The Cambridge Economic History of India: Volume 2. CUP Archive. 1983. 1078 с.
- Rothermund 2002 — *Rothermund D.* An Economic History of India. 2nd edition. London; New York: Routledge, 2002. 240 с.
- Stewart 1998 — *Stewart G.* Jute and Empire: The Calcutta Jute Wallahs and the Landscapes of Empire. Manchester: Manchester University Press, 1998. 258 с.
- Tomlinson 1975 — *Tomlinson B. R.* India and the British Empire, 1880–1935 // Indian Economic and Social History Review. 1975. V. 12. Pp. 337–380.

References

- Adamov A. A International trade in the Persian Gulf reviewed: A report by Dragoman of [Russia's] Consul-General to Tabriz. In: Collected Consular Reports, 1900. Year Three. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1900. Pp. 95–123. (In Russ.)
- Adamov A., Savinov A. Russian trade in Mesopotamia: Analyzing reports by Consul-General to Bagdad and Consul to Basra. In: Collected Consular Reports, 1903. Year Six. Vol. VI. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1903. Pp. 502–508. (In Russ.)
- Charlesworth N. British Rule and the Indian Economy: 1800–1914. London: MacMillan, 1982. 464 p. (In Eng.)
- Chirkin S. Trade of India: A report by Secretary of Consulate-General to Bombay reviewed. In: Collected Consular Reports, 1910. Year Thirteen. Vol. IV. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1910. Pp. 269–278. (In Russ.)
- Danilov N. Russian export to Northern France: A report by Consul to Le Havre and Rouen. In: Collected Consular Reports, 1907. Vol. IV. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1907. Pp. 271–285. (In Russ.)
- Heyking A. Development of Russia-India trade revisited: A report by former Consul-General to Bombay. In: Collected Consular Reports, 1909. Year Twelve. Vol. III. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1909. Pp. 185–225. (In Russ.)
- Ivashchentsov G. A. India. Moscow: Mysl, 1989. 160 p. (In Russ.)
- Klemm von V. Kerosene trade in India: A report by Consul-General to Bombay. In: Collected Consular Reports, 1904. Year Seven. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1904. Pp. 87–109. (In Russ.)
- Klemm von V. Sugar trade in India: A report by Consul-General to Bombay. In: Collected Consular Reports, 1902. Year Five. Vol. IV. St. Pe-

- tersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1902. Pp. 311–334. (In Russ.)
- Kolokolov S. Economy of Kashgaria reviewed: A report by Consul to Kashgar. In: Collected Consular Reports, 1906. Vol. III. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1906. Pp. 183–251. (In Russ.)
- Lavrov M. Russian trade in Kashgaria: A report by Consul-General to Kashgaria. In: Collected Consular Reports, 1904. Year Seven. Vol. III. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1904. Pp. 169–204. (In Russ.)
- Meytarova O. D. The history of trade, cultural and religious relations between Russia and India from ancient times to the late nineteenth century. *Humanity Space*. 2017. Vol. 6. No. 3. Pp. 583–591. (In Russ.)
- Miller A. Russian trade in Persia revisited. In: Collected Consular Reports, 1905. Vol. I. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1905. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Miller A. Trade of Bahramabad: A report by Consul to Kerman. In: Collected Consular Reports, 1907. Year Ten. Vol. I. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1907. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Miller A. Trade of Sistan, 1903–1904: A report by Vice-Consul to Sistan. In: Collected Consular Reports, 1904. Year Seven. Vol. IV. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1904. Pp. 251–258. (In Russ.)
- Nassek N. Oman – Muscat – Bahrain: A report by Consul-General to Bandar Bushehr. In: Collected Consular Reports, 1906. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1906. Pp. 99–128. (In Russ.)
- Nekrasov V. India-Afghanistan trade: A report by Secretary of Consulate-General to Bombay. In: Collected Consular Reports, 1904. Year Seven. Vol. VI. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1904. Pp. 448–456. (In Russ.)
- Nikolsky M. Trade of Gilan, 1908: A report by acting Secretary of Consulate to Rasht. In: Collected Consular Reports, 1901. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1909. Pp. 110–124. (In Russ.)
- Nikolsky M. Trade of Hejaz: A report by Consul to Jeddah. In: Collected Consular Reports, 1906. Vol. I. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1906. Pp. 3–16. (In Russ.)
- Note by Dragoman of Russia's Consulate-General to Calcutta. In: Industry and Trade Related Dispatches from Imperial Russia's Consular Agencies. Vol. 35: Denmark, Copenhagen, Germany, Lübeck, Great Britain, London, Calcutta. St. Petersburg: V. F. Kirschbaum, 1914. Pp. 54–181. (In Russ.)
- Raychaudhuri T., Kumar D., Habib I., Desai M. The Cambridge Economic History of India. Vol. 2. CUP Archive, 1983. 1078 p. (In Eng.)
- Rittikh P. A. The Journey to Persia and Persian Balochistan: A Report. Part 1. St. Petersburg: Ministry of War of the Russian Empire (General Staff, Military Science Commission), 1901. 321 p. (In Russ.)
- Rothermund D. An Economic History of India. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002. 240 p. (In Eng.)
- Shkunov V. N. Russia-India Trade and Economic Relations, 18th–19th Centuries. Moscow: Ru-Sciences, 2017. 192 p. (In Russ.)
- Smirnov E. V. Russia and India. In: Dyakov N. N., Samoylov N. A. (eds.) Russia and the East: Phenomenology of Interaction and Identification in Modern Times. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011. Pp. 232–244. (In Russ.)
- Stewart G. Jute and Empire: The Calcutta Jute Wallahs and the Landscapes of Empire. Manchester: Manchester University Press, 1998. 258 p. (In Eng.)
- Tomlinson B. R. India and the British Empire, 1880–1935. *Indian Economic and Social History Review*. 1975. Vol. 12. Pp. 337–380. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 214–227, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(574.2)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-214-227

Социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане

Ардак Серикбаевна Абдирайымова¹, Роза Сейдалиевна Жаркынбаева², Акылбек
Беделханович Сарсенбаев³

¹ Академия логистики и транспорта (д. 97, ул. Шевченко, 050012 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор

 0000-0002-7896-418X. E-mail: ardak.abdiraiymova@gmail.com

² Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы,
Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0001-8560-1654. E-mail: r_seidali@mail.ru

³ Академия логистики и транспорта (д. 97, ул. Шевченко, 050012 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 0000-0003-1780-2977. E-mail: zhigit1991@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Абдирайымова А. С., Жаркынбаева Р. С., Сарсенбаев А. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Кампания по освоению целинных и залежных земель привела к значительным социальным изменениям, определившим тенденции последующего этнокультурного развития республики. Освоение целинных и залежных земель оказало влияние не только на решение важнейших хозяйственно-экономических проблем, но и на социально-политическую жизнь Казахстана. В советский период многие проблемные стороны освоения целинных и залежных земель не освещались, оставались вне поля зрения исследователей. *Цель* настоящей статьи — на основе рассекреченных архивных материалов рассмотреть социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане, причины нарастания кризисных явлений в Казахстане, обусловленные недостаточно продуманной политикой освоения целинных и залежных земель. *Материалы и методы.* В исследовании в качестве основной группы источников представлены документы, извлечённые из архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, в частности, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан. Изучение особенностей реализации политики советского государства по освоению целинных и залежных земель с точки зрения системного подхода является основой для обобщений и анализа собран-

ного материала. Сочетание макро- и микроподходов позволяет выявить общее и особенное в изучаемых процессах. *Результаты.* В статье проанализированы социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель с привлечением широкого круга источников, официальных документов, мемуаров и писем. Приводятся данные о социальных проблемах, конфликтах и массовых драках на целине. Указанное позволило приблизиться к пониманию того, что бесконфликтность в период освоения целинных и залежных земель не являлась повсеместной. *Выводы.* Переселение значительной части людских ресурсов в зоны освоения целинных и залежных земель было недостаточно продуманным и разработанным решением, что привело к нарастанию социальной напряженности в Казахстане.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, зерновое производство, реформы, целинные и залежные земли, миграция, негативные последствия

Для цитирования: Абдирайымова А. С., Жаркынбаева Р. С., Сарсенбаев А. Б. Социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 214–227. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-214-227

Virgin and Fallow Lands Campaign in Kazakhstan: Socioeconomic and Political Aspects Revisited

Ardak S. Abdiraiymova¹, Roza S. Zharkynbaeva², Akylbek B. Sarsenbayev³

¹ Academy of Logistics and Transport (97, Shevchenko St., 050012 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Professor

 0000-0002-7896-418X. E-mail: ardak.abdiraiymova@gmail.com

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-8560-1654. E-mail: r_seidali@mail.ru

³ Academy of Logistics and Transport (97, Shevchenko St., 050012 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-1780-2977. E-mail: zhigit1991@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Abdiraiymova A. S., Zharkynbaeva R. S., Sarsenbayev A. B., 2022

Abstract. Introduction. The virgin and fallow lands campaign (1950s–1960s) resulted in most essential social changes that determined further trends of ethnocultural development in the Republic. The cultivation of virgin lands not only resolved utmost economic problems but also directly influenced Kazakhstan's sociopolitical life. The Soviet period tended to turn a blind eye on major problematic aspects of the campaign, and the latter remained largely understudied. *Goals.* The article explores unclassified archival data to review the socioeconomic and political aspects of the virgin and fallow lands campaign in Kazakhstan, the reasons of crisis phenomena caused by ill-considered policies. *Materials and methods.* The work primarily investigates documents from the Russian State Archives of Economics, State Archive of the Russian Federation, Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, and Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. The system approach constitutes a basis for generalizations and analyses of collected materials, while a combination of macro and micro perspectives makes it possible to identify general and specific features in the processes examined. *Results.* The article uses a wide range of sources, official documents, memoirs and letters to analyze socioeconomic and political aspects of the virgin and fallow lands cultivation. The former are supplemented with data on social problems, conflicts, and mass brawls on virgin lands. This clarifies that conflict-free status of arrangements during the virgin lands campaign was not that universal. *Conclusions.* Thus, the paper shows that the mass resettlement of human resources to virgin and fallow lands cultivation zones was often ill-advised and eventually led to an increase in social tensions in Kazakhstan.

Keywords: agriculture, agrarian policy, grain production, reforms, virgin and fallow lands, migration, negative consequences

For citation: Abdiraiymova A. S., Zharkynbaeva R. S., Sarsenbayev A. B. Virgin and Fallow Lands Campaign in Kazakhstan: Socioeconomic and Political Aspects Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 214–227. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-214-227

Введение

XX век в истории СССР отмечен множеством важнейших событий в области политики, экономики, культуры, международных отношений. Особенно кардинальные изменения коснулись политической сферы, связанные с процессом десталинизации или упразднением культа личности И. В. Сталина в конце 1950-х – начале 1960-х гг., трансформацией хозяйственной и партийной областей, в частности осуществлялись повсеместные реформы органов управления и хозяйствования, разрабатывались новые Конституции и многое другое. В СССР стали реализовываться различные государственные проекты по преобразованию природы, нацеленные на то, чтобы максимально использовать природные богатства и недра для блага народа. Начавшееся в стране повсеместное строительство различных техногенных сооружений требовало привлечения значительных материальных и людских ресурсов. В этом событийном ряду эпоха реформ, осуществлённая в начале 1950-х – середине 1960-х гг. в Советском Союзе, стала исключительно важным периодом в истории страны.

Так, с марта 1954 г. по март 1962 г. в СССР осуществлялись три так называемые «сверхпрограммы» (широкомасштабное освоение целинных земель, значительное увеличение посевных площадей под кукурузу, резкое увеличение производства продуктов животноводства, стремление догнать и перегнать США по количеству потребляемого мяса, молока и масла на душу населения), инициированные первым секретарем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым [Кириченко 2002: 66–70].

Что касается Казахстана в этот период, то особенно большое значение для него приобрело освоение целинных земель. Это стало крупнейшим социально-политиче-

ским событием, сыгравшим важную роль не только в становлении крупного зернового производства, но и в социально-экономическом развитии страны.

Историография вопроса

Освоение целинных и залежных земель — проблема не новая для советской историографии. По сведениям С. Б. Баишева и Г. Ф. Дахшлейгера, на середину 1970-х гг. целине было посвящено более 1 500 работ [Баишев, Дахшлейгер 1975: 21].

Для первых лет изучения истории освоения целины (1954–1960-е гг.) характерны работы, ориентированные на доказательство успеха проводившейся кампании [Кадысова, Азербайев 2011: 6].

В 1970-е гг. имя Н. С. Хрущева оказалось под негласным запретом, и тема целины потеряла свою актуальность и самостоятельное значение, рассматриваясь лишь в контексте общего аграрного развития страны. В советской историографии целина никогда не рассматривалась с точки зрения негативных последствий. Учитывая идеологическое давление, определявшее допустимые рамки исследований и их методологию, ограниченность доступа к источниковой базе, научные исследования осуществлялись в историко-партийном ключе, где главным являлось определение роли партийного руководства в достигнутых успехах. Как отмечает И. Е. Зеленин: «Основные этапы историографии определялись главным образом позициями и взглядами лидеров партии, непосредственно участвовавших в этих процессах (Н. С. Хрущева, а затем Л. И. Брежнева), и соответствующими «основополагающими» документами КПСС этих лет» [Зеленин 1998: 109]. Разумеется, труды этих лет содержат немало ценного в освещении данной проблемы.

В конце 80-х гг. XX в. отказ от идеологизированного подхода обусловил по-

явление первых критических моментов в связи с трудностями и неудачами целинной компании. В новых монографиях и статьях 1990–2000-х гг. историко-демографические моменты заняли достойное место, а авторский анализ подкреплялся свежим фактическим материалом, почерпнутым из бывших секретных архивных фондов. Особого внимания заслуживает исследование И. Е. Зеленина [Зеленин 2001]. Автор анализирует предпосылки аграрных реформ, показывая участие партийного лидера в разработке законодательных актов.

С 2000-х гг. начинают появляться работы, посвященные отдельным аспектам повседневной жизни целинников. Например, монография В. Л. Дрындына была посвящена описанию первых лет освоения целины и возникавших в связи с этим проблем культурно-бытового устройства целинников [Дрындин 2002].

В. П. Мотревичем были освещены другие проблемы целинников — жилищного устройства, обеспечения продовольствием, бытового обслуживания и торговли [Мотревич 2005: 48–53].

Е. В. Пахомова в своей диссертации анализирует проблемы, связанные с трудовыми ресурсами, изучает материально-бытовые условия и культурный досуг трудящихся на целине [Пахомова 2007].

В публикациях О. В. Кузнецовой сделан вывод о появлении нового своеобразного социокультурного феномена под названием «повседневность первоцелинников» [Кузнецова 2008; Кузнецова 2012].

В последние годы появились интересные сборники документов. Так, определенный интерес для исследователей представляют материалы, раскрывающие механизм власти в стране, отраженные в публикации «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» [Президиум ЦК 2003].

Близко по тематике стоит другой источник — «ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты 1945–1953» [ЦК ВКП(б) 2004]. Большое значение для объективного рассмотрения проблемы имели материалы сборников документов, резолюций, решений съездов, конференций и пленумов ЦК КП Казахстана [Коммунистическая партия 1985].

Для исследователей современного периода характерно стремление подвергнуть по-

вторной проверке огромный статистический материал, содержащийся в трудах историков и публицистов [Пахомова 2006: 220–225].

В современной постсоветской историографии целинную кампанию рассматривают как общенациональный проект. В исследованиях подчеркивается, что к середине 1950-х гг. страна не имела достаточного количества средств для осуществления столь дорогостоящего проекта. В результате этого развитие сельского хозяйства в других регионах страны было ослаблено, особенно в российском нечерноземье, нуждавшемся в больших капиталовложениях и трудовых ресурсах [Мотревич 2012: 100–104]. Тем более, что производственно-экономические результаты целинной кампании в целом оказались не столь значительными, как прогнозировалось и как о них официально сообщалось, хотя освоение целины и являлось широкомасштабным общенациональным государственным проектом [Мобилизационная стратегия 2013: 239–240].

Многие сегодняшние проблемы и противоречия, стоящие перед Казахстаном, уходят своими корнями в общую историю народов СССР. В сложном положении оказалось сельское хозяйство республики. Для страны, в которой около 40 % населения проживало в сельской местности, развитие сельскохозяйственного производства позволило бы решить многие социальные проблемы государства.

Определение комплекса методологических подходов является главной задачей в разработке исследовательской стратегии поставленной проблемы. Системный подход в изучении феномена освоения целины как исторического явления является базовым для аналитических обобщений, а также научной систематизации и иерархизации собранного авторами статьи исторического материала по данной проблеме.

Введение в научный оборот нового комплекса исторических источников как извлеченных из архивов, так и источников личного происхождения (дневники, воспоминания), которые ранее считались недостаточно релевантными, а также источников, основанных на фиксации жизненного эмпирического опыта первоцелинников (письма), может послужить предпосылкой объективного освещения истории целины в представленной статье.

Предпосылки и результаты целинной кампании

В СССР с 1954 по 1960 гг. в сфере сельского хозяйства был организован крупномасштабный комплекс мероприятий, получивший название «Освоение целины». Основная цель этих мероприятий — ускоренное развитие сельского хозяйства и борьба с отставанием в производстве зерна. Для этого было запланировано введение в оборот обширных земельных ресурсов на территории Казахстана, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В первой половине 1950-х гг. аграрная политика превратилась в один из ключевых государственных вопросов, причиной чему явилось отставание темпов роста сельскохозяйственного сектора, вызывавшего значительные опасения у руководства страны в отношении реального удовлетворения запросов населения сельскохозяйственной продукцией. К тому же в этот период страна испытывала достаточно острый продовольственный кризис. Одной из причин падения темпов развития и нормального восстановления сельского хозяйства стало усиление налоговой политики государства, которое по-прежнему выкачивало из села все средства для развития промышленности [Маленков 1954: 16–24].

Для Казахстана в начале 50-х гг. XX в. имелась вариативность в выборе путей экономического развития: первое — интенсивный путь развития сельского хозяйства за счет повышения урожайности (Программа Г. М. Маленкова); второе — идея «быстрого хлеба» посредством ускоренного освоения целинных земель (Программа Н. С. Хрущева). Рекордный урожай зерновых культур, полученный в 1956 г. (более 125 млн тонн), как отметил Н. Верт, «сыграл не последнюю роль в утверждении Хрущева в качестве неоспоримого лидера партии», причём доля целинного хлеба составила 50 % [Верт 1992: 342].

Программа председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова (1953–1955 гг.) представляла социальную переориентацию экономики, заключающуюся в перенесении центра тяжести на развитие легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства [Маленков 1954]. Первоначально вопросы вывода сельского хозяйства из состояния кризиса предусматривали

не освоение новых земель, а повышение уровня урожайности, т. е. интенсификацию производств, основанную на использовании фактора мотивации колхозника или его личной заинтересованности в результатах своего труда. Достигнутый объем продукции легкой и пищевой промышленности уже не мог удовлетворять потребности населения по той причине, что в СССР не было возможности одновременно быстрыми темпами развивать легкую, пищевую и тяжелую промышленность.

В своем выступлении на сессии Верховного совета СССР в августе 1953 г. Г. М. Маленков также признавал, что в стране «сельское хозяйство находится в запущенном состоянии. Во многих районах страны колхозы и совхозы собирают низкие урожаи зерна и других сельскохозяйственных культур и допускают большие потери при уборке. Вследствие слабого развития общественного хозяйства часть колхозов имеет еще недостаточные натуральные и денежные доходы и мало выдает колхозникам денег на трудодни, зерна и других продуктов» [Маленков 1954: 20].

Сравнивая программы социальной переориентации экономики Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, английский советолог А. Ноув [Nove 1993] считает программу Н. С. Хрущева более оптимальной, так как предложения Г. М. Маленкова не реальны и в большинстве своем не обоснованны. Кроме того, А. Ноув указывает на неоднократное снижение цен на потребительские товары в стране, произошедшие в начале 1950-х гг., что привело к их дефициту, очередям, увеличению разрыва в ценах государственной торговли и колхозного рынка и т. д. «Режим Маленкова, подорванный Хрущевым, пал потому, что никогда не был в состоянии рассудить конфликтующих претендентов на ресурсы»¹ [Nove 1993: 332–333].

В Президиум ЦК КПСС 22 января 1954 г. Н. С. Хрущевым была подана записка о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в СССР. В записке Н. С. Хрущев отметил, что на данный период в СССР сложился острейший продовольственный кризис [Хрущев 1962: 85–100]. Тем самым предыдущие достижения в развитии сельского хозяйства в СССР были полностью

¹ Здесь и далее перевод авторов.

опровергнуты. Из приведенных Н. С. Хрущевым данных фактического производства и расходов хлеба следовало, что страна потребляла больше, чем производила. Расходы росли, а урожаи падали. Для сопоставительного анализа структуры посевных площадей и уровня урожайности по отдельным зерновым культурам в СССР, США и Канаде Н. С. Хрущёвым была приведена сельскохозяйственная статистика, которая доказывала необходимость принятия срочных мер [Хрущев 1962: 85–100].

Н. С. Хрущев серьезно опасался столкнуться с оппозицией в Казахстане, что свидетельствует о том, что в советском государстве не все поддерживали «гениальные» идеи нового вождя. Принимая во внимание тот факт, что описываемые события происходили на фоне борьбы двух лидеров — Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, имевших разные программы, то опасения Н. С. Хрущева не были столь беспочвенными [Куманев 1998: 133–139].

При участии ряда первых секретарей обкомов партии и членов бюро ЦК Компартии Казахстана в г. Москве в конце 1953 г. состоялось закрытое заседание ЦК КПСС. Основным вопросом на повестке дня заседания был вопрос о необходимости улучшения использования столь важного резерва, как целинные и залежные земли, находящиеся на территории республики. Первый секретарь ЦК КП Казахской ССР Ж. Шаяхметов выступил против и настаивал на своей позиции, полагая следующее: «Земли в Казахстане хватает... Ежегодно мы планомерно, с учетом возможностей и потребностей, осваиваем значительные площади для возделывания зерна. Но мы решительно против того, чтобы за 2–3 года перевернуть 20–25 миллионов гектаров! Нельзя не брать во внимание, что в Казахстане растет число скота, которому нужны хорошие пастбища, сенокосные угодья для заготовки нескольких миллионов тонн сена» [Шаяхметов].

В ответ на противодействие реформам, инициируемым руководством Центра, на заседании Секретариата ЦК КПСС от 30 января 1954 г. на повестку дня был поставлен вопрос о компетентности руководства партийной организации Казахстана Ж. Шаяхметова и второго секретаря И. Афонова, деятельность которых была подвергнута резкой критике [Пихоя 2000: 25–37].

Ж. Шаяхметов со своей стороны справедливо обратил внимание на проблемы, связанные с отсутствием транспортных путей для вывоза хлеба из республики, острую нехватку складских помещений для хранения зерна, нехватку квалифицированных специалистов [Пихоя 2000: 25–37].

Но Н. С. Хрущев решил произвести кадровые перестановки в руководстве Казахской ССР. Так, на пост первого секретаря ЦК КП Казахской ССР им была выдвинута кандидатура П. К. Пономаренко, а на должность второго секретаря — Л. И. Брежнева, которого он знал еще с довоенных времен.

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев отметил, что Шаяхметов понимал тот факт, что если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут. В Казахстане проживало много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, что придется звать на помощь добровольцев, желавших поехать на освоение целинных земель, что в свою очередь могло привести к снижению удельного веса коренного населения в Казахстане.

В период освоения целины в 1960–1965 гг. прирост населения Северного Казахстана на 61 % обеспечивался за счёт переселенцев из соседних республик [История Казахстана 2009: 593]. То есть за счёт межреспубликанской миграции, осуществлявшейся главным образом путем привлечения трудовых ресурсов из регионов РСФСР, а также Украины, Молдавии, Белоруссии и т. д.

Н. С. Хрущев также обсуждал с руководством Китайской республики Мао Цзедунем возможность широкомасштабного привлечения на целину рабочей силы из Китая [История Казахстана 2009: 593].

Только в первой половине марта 1954 г. на целину прибыло 14 240 комсомольцев, молодых рабочих. В целом же за 1954–1956 гг. сюда было направлено более 350 тысяч человек [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 126. Л. 48].

Органы, отвечающие за процессы переселения в республику и оргнабора, заключали с набираемыми рабочими, изъявившими желание на добровольных началах работать, индивидуальные трудовые договоры от имени предприятий или строительных организаций. Советом Министров СССР

было предоставлено право Госкомитету по делам строительства и его органам на местах осуществлять контроль за приемом и размещением рабочих, за выполнением администрацией договорных условий перед рабочими. А также привлекать к ответственности должностных лиц, не выполнивших своих обязательств по приему и устройству рабочих, а в необходимых случаях, если организация не готова к приему, приостанавливать набор и отправку рабочих [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 126. Л. 48].

В 1954–1963 гг. на вышеуказанных условиях, в порядке переселения и оргнабора рабочих, в колхозы и совхозы республики было переселено 164 000 семей, что составило более 650 000 человек, на предприятия и стройки было направлено более 516 000 человек [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 45. Л. 43].

Потребность в кадрах была столь высока, что государство стимулировало репатриантов и направляло их в регионы, которые нуждались в рабочей силе. С начала 1954 г. на территорию Казахской ССР в организованном порядке, с соблюдением всех необходимых правил, ежегодно прибывали граждане из Китайской Народной Республики. Всего из КНР было принято в качестве временных переселенцев 47 568 семей, что составило в общем 254 390 человек [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 126. Л. 47].

Основная масса прибывших граждан, преодолев некоторые первоначальные трудности, связанные с обеспечением жильем, «активно включились в совхозное и колхозное производство, принося большую пользу в подъеме экономики сельского хозяйства» [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 126. Л. 47].

Широко практиковалось переселение как из других регионов, так и внутриобластное переселение, которое проводилось на основании постановления Совета Министров Союза ССР от 13 марта 1959 г. № 259 и постановления Совета Министров Казахской ССР от 12 мая 1959 г. № 409 [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 45. Л. 43]. При переселении в колхозы и совхозы внутри области рабочих и служащих из городов, рабочих поселков и райцентров, всем переселенцам выплачивалось единовременное пособие в размере 20 руб. на главу семьи и 10 руб. на каждого члена семьи [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 45. Л. 47].

Единовременное пособие в размере 60 руб. на главу семьи и по 20 руб. на каждого члена семьи выплачивалось при переселении людей из других республик. При переселении в колхозы и совхозы орошаемых земель Чимкентской области соответственно выплачивалось 50 руб. и 15 руб. Кроме пособий, переселенцам в колхозы и совхозы выдавались долгосрочные кредиты: на строительство дома до 2 000 руб., а на покупку крупного рогатого скота — 150 руб.

В 1963 г. было предусмотрено переселить в колхозы и совхозы республики 14 365 семей, из которых 10 700 семей приехали из других республик, а именно: из Украины — 7 000, из Белоруссии — 2 900, из Молдавии — 500, из Литвы — 300 семей. Всего внутриобластное переселение составило 3 665 семей [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 126. Л. 43].

Согласно материалам Госэкономкомиссии СССР, в 1955 г. остро стояла проблема закрепляемости кадров [РГАЭ. Ф. 9573. Оп. 1. Д. 916. Л. 34]. Хуже всего ситуация была в Кокчетавской области, где из принятых 2 700 семей выбыло 990 семей, в Северо-Казахстанской из 1 870 семей выбыло 603, в Акмолинской — из 2 349 семей выбыло 742, в Павлодарской — из 3 300 семей выбыло 855 семей [РГАЭ. Ф. 9573. Оп. 1. Д. 916. Л. 34]. Основной причиной данного явления, как отмечалось в материалах Госэкономкомиссии СССР «является необеспечение жильем в местах нового жительства» [РГАЭ. Ф. 9573. Оп. 1. Д. 916. Л. 43].

Все это проходило на фоне того, что Казахская ССР в целом отставала от среднесоюзного уровня и по обеспеченности жильем. В частности, на одного жителя сельской местности приходилось жилой площади в Казахской ССР 13,6 м² при среднем показателе по стране — 16,1 м² [Асылбеков, Галиев 1991: 181].

Таким образом, из-за гораздо большего, чем первоначально планировалось, притока переселенцев в отдельные районы республики, неподготовленности на местах в плане обеспечения их жильем образовалась кризисная ситуация. Причиной столь сложной ситуации явилась практическая неизученность и отсутствие анализа возможностей местных хозяйств по хозяйственно-бытовому обеспечению столь большой массы

переселенцев. Советские и партийные органы в решении проблем бытового устройства и обеспечения работой переселенцев руководствовались нормативно-распорядительной системой, что отрицательно сказывалось на их хозяйственно-бытовом устройстве.

Обширность и неконтролируемость миграционного потока имели и ряд других отрицательных последствий для Казахстана. Из-за глобальных по своему масштабу миграционных процессов, связанных с освоением целины, изменились численность и состав населения республики. За 1954–1964 гг. в пяти областях, входивших в состав Целинного края, более 200 сельских и районных Советов были переименованы на русский язык. Чаще всего среди новых названий встречалось «Целинный» [Каражан 2004: 13–15].

В настоящее время эксперты констатируют большую силу языковой инерции, набранной в прошлом, и фактически по-прежнему доминирующей позиции русского языка в языковом пространстве, о чем свидетельствуют нижеследующие данные. По результатам Национальной переписи населения 2009 г., наибольший удельный вес в общей численности населения занимают казахи (63,1 %) и русские (23,7 %). При этом основная часть подростков и молодежи в возрасте от 15 лет и старше владеет русским языком (94,4 %), в то время как эта же возрастная категория владеет казахским языком на уровне — 74,0 % [Итоги 2011: 24].

Социальные конфликты в повседневной жизни целинников

Раздражение, разочарование, нерешенность бытовых проблем вызывали социальные конфликты и напряженность. Данные факты свидетельствовали о кризисном характере миграционной политики тех лет. По мнению В. А. Козлова, неудовлетворенность ситуацией могла быть реализована как во внутренних конфликтах, разлагающе действовавших на группу, так и в межгрупповых столкновениях, в которые выплескивалась накопившаяся агрессивность. В ряде случаев попытки властей вмешаться и навести порядок в ходе подобных межгрупповых столкновений и драк заканчивались тем, что острие атаки направлялось на

оборот непосредственно на представителей власти, прежде всего, на милицию [Козлов 1999: 32].

Материалы особой группы среди дел оперативного делопроизводства Секретариата МВД СССР, имеющих индекс «ОП», т. е. «Особая папка», отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации, свидетельствуют об очагах напряженности, имевших место в 1950-х гг. на целине [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2].

Документы таких дел имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно». Впервые эти материалы нашли место в работе В. А. Козлова, который первым из исследователей получил доступ к этим ранее секретным материалам. Материалы, изученные нами в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Архиве Президента Республики Казахстан, позволили прийти к выводу о том, что подобные социальные конфликты и социальная напряженность были распространены повсеместно.

В Казахстане конфликты проявлялись по-разному. В качестве одного из примеров хотелось бы привести инцидент с летальным исходом, произошедший весной 1954 г. в совхозе «Казчик» Акмолинской области. В первый же выходной день в клубе совхоза после выпивки возникла драка между тремя местными рабочими и группой комсомольцев из Москвы (накануне прибывших на работу в количестве 500 человек), в результате которой один из участников драки получил ножевое ранение и впоследствии скончался [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 168].

Аналогичный случай произошёл в середине 1955 г. в совхозе «Пятигорский» Акмолинской области, в результате которого МВД СССР пришлось принимать экстренные меры по наведению порядка, чтобы искоренить участвовавшие случаи хулиганства на почве пьянства, прогулов и бытовой неустроенности [Козлов 1999: 37].

Ещё один конфликт, связанный с уборкой целинного хлеба, произошёл в июле 1956 г. на станции Оренбург. Как свидетельствуют архивные материалы, поводом к беспорядкам послужило отсутствие продажи продуктов непосредственно на станции, в связи с чем некоторые из рабочих стали проявлять хулиганские действия (пристаывать к женщинам, работникам железной

дороги) [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 481. Л. 102].

Вдохновленные всеобщим порывом «целинной эйфории» в июне 1957 г. на целину приехали и болгарские рабочие. Власти готовились к их приезду, вопрос обсуждался на заседании Бюро ЦК КП(б) Казахстана 12 июня 1957 г. По итогам было принято постановление «О приеме и использовании рабочих, прибывающих из Народной Республики Болгарии». Документ предписывал секретарям обкомов двух принимавших областей (Южно-Казахстанской и Карагандинской) «организовать должный прием и использовать на сельскохозяйственных работах в хлопководческих совхозах Южно-Казахстанской области 1 200 человек, а на важнейших стройках Карагандинской области — 1 500 человек» [АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 98. Л. 26].

Но социально-бытовые условия того времени не предполагали приёма столь большого количества людей. Прибывшие рабочие начали обращаться в различные инстанции с просьбами изменить столь неприглядную ситуацию. Из справки, посвящённой анализу ситуации того времени, следовало, что многие болгарские рабочие были «не закреплены за бригадами, звеньями, часто перебрасывались с одного объекта работы на другой...». И далее выяснилось, что существует проблема с обеспечением «достаточным фронтом работ», и отсюда, как следствие, «значительная часть из них имеет низкую производительность труда и недостаточные заработки» [АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 159. Л. 59].

Как следовало из содержания документов проверки, по прошествии пяти месяцев с момента прибытия не все семьи были обустроены: «36 семей проживают по две семьи в одной комнате. В совхозе им. Ленина 8 семей проживают на кухне» [АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 159. Л. 59].

Большое недовольство вызывала организация торговли того времени у иностранцев. То, к чему было «адаптировано» большинство советских людей, оказалось полной неожиданностью для гостей из Болгарии. Дефицит таких продуктов, как «мясо, сельдь, копчености, подсолнечное масло, колбасные и кондитерские изделия», на прилавках магазинов, вызвало у болгар,

судя из документа, искреннее недоумение [АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 159. Л. 60].

Трудности жизни, неизбежные в первые годы на целине, воспринимались переселенцами с пониманием. Но, когда прошла эйфория первых лет целинной кампании, люди остались один на один со своими проблемами, носящими вполне обыденный характер. Порою порванные башмаки, отсутствие домашней утвари, кастрюль, чайников, ложек, превращалось в неразрешимую задачу. Многие из них решались посредством создания системы льгот целинникам, но с течением времени система стала давать сбои, накапливаясь, они вызывали раздражение. По-прежнему острыми оставались многие бытовые и жилищные проблемы. В Актюбинскую область прибыло в 1960 г. 1 279 семей, многие из которых были вселены в новые дома, а часть размещена на квартирах колхозников и рабочих совхозов. Выясняется, что для того, чтобы разместить всех прибывших, требовалось 483 дома, а завершается строительство лишь 137 из них. При этом отмечалось, что «объемы выделенных средств в области не осваиваются. Кредит, выделенный на строительство жилых домов, использован колхозами на 52, совхозами — на 30 процентов» [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 1569. Л. 27].

В городе Темиртау в мае-июле 1959 г. на целине произошел один из самых крупных конфликтов, основной причиной которого явилась неподготовленность руководства строительства Карагандинского металлургического завода к массовому приезду рабочей силы из различных областей и республик страны. 2 000 человек из приехавшей молодежи в возрасте от 17 до 20 лет пришлось разместить в так называемом «палаточном городке». Ненадлежащая организация строительных работ с минимальной загруженностью рабочих (2–3 часа в день), жилищные проблемы, неустроенная бытовая жизнь молодых рабочих стали причиной пьянства, картежных игр и драк, о которых МВД СССР накануне развернувшихся событий проинформировал ЦК КПСС.

В Москве стало известно и о коллективной драке, вспыхнувшей 24 мая 1959 г. между работавшими на строительстве комбината болгарскими и русскими. В ней участвовало более 100 человек. Столкновение между рабочими из Одесской области и учащими-

ся строительной школы 2 июля 1959 г., в которой приняло участие свыше 200 человек, также получило огласку в Центре.

Распространённое в стране мнение об астрономических заработках рабочих на новостройках не соответствовало действительности: фактические доходы равнялись минимальной зарплате и были ниже прожиточного минимума, так как рабочие палаточного городка часто были загружены работой только 2–3 часа в день. Ситуацию усугубляла и отвратительная организация общественного питания. Были случаи, когда рабочие обнаруживали в пище червей, тухлое мясо, испорченные продукты [Козлов 1999: 43].

Согласно рапорту начальника отдела общего надзора прокуратуры Карагандинской области, жалобы, написанные руководству треста «Казметаллургстрой», регистрировались хаотично либо вовсе не рассматривались, а тем более по ним никакие меры не принимались, письма родственников с просьбой сообщить о месте нахождения членов их семей зачастую оставались без ответа [ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 86920. Л. 69–70]. Результатом всех этих беспорядков явились массовые выступления, продолжавшиеся в течение трёх дней.

На основании вышеприведённых фактов мы пришли к выводу о том, что целина постепенно становилась головной болью тогдашних властей. Прибывшие на целину организованные группы рабочих, сталкиваясь с имевшим место на местах произволом, равнодушием чиновников, неоднократно обращались с заявлением в местные органы власти. Не найдя решения своих проблем, обращались с заявлением и к Н. С. Хрущеву, и другим высшим должностным лицам страны.

К примеру, рабочие из целинного совхоза «Родниковский» Осакаровского района Карагандинской области обратились с жалобой к К. Е. Ворошилову: «Мы, хлеборобы так называемого «целинного» совхоза «Родниковский», обращаемся к Вам, товарищ К. Е. Ворошилов, со своей просьбой.

До каких пор мы должны терпеть эту адскую жизнь на целине, или же нас хотят кормить, обувать и одевать или, вернее, снабжать только по радио и по газетам? До каких пор наша жизнь и наш быт будет в тряпках и в лохмотьях существовать? Мы читаем газе-

ты, слушаем радио, и все время нашу жизнь нагло красят на целине, как в сказке, а на самом деле такую жизнь и во сне не видели, сколько нас можно обманывать и обещать цветущую жизнь?» [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 1570. Л. 21–26].

Как известно, письма являются одним из интересных источников для изучения «истории снизу» или «изнутри», так как они помогают исследовать исторические события глазами очевидцев. Так, в письме родным М. Бойчук, приехавшая в совхоз им. Чапаева Кустанайской области, делится: «...Живу, как в общежитии, затопить нельзя, а здесь такие ветры, так холодно, что у нас не бывает так зимой... Люди все живут без условий, квартир здесь нет и не с кем разговаривать, потому что они наших людей не любят, здесь в основном казахи, а наших (имеется в виду русских) здесь мало... не знаю, будем здесь жить или нет.. Я дурная, не послушала матери слова, вспоминаю, почему не послушала и не сидела дома» [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 2. Д. 9. Л. 21].

Первоцелинники, не найдя решения своих социально-бытовых проблем, обращались не только в вышестоящие органы, но и в СМИ, в том числе известный в Советском Союзе сатирический журнал «Крокодил». Так, в частности, в письме рабочих-целинников совхоза Новоникольский (Молотовский район, Акмолинская область) отмечается следующее: «...но что-то ты забыл нас, „целинников“, не заглядываешь к нам совсем, а у нас здесь творятся делишки, что не мешало бы самое срочное и энергичное вмешательство ЦК, как в свое время ленинское ВЧК вмешивалось в основные звенья государственного механизма... Глядя на все происходящее, сердце обливается кровью, приходишь в ярость, но ... все бесполезно. Рвешь и мечешь, а толку никакого» [АП РК. Ф. 708. Оп. 27. Д. 1624. Т. 2. Л. 71].

В письме указывается на то, что, несмотря на сообщения в СМИ о хорошем обеспечении целинных совхозов необходимыми товарами и продуктами, на самом деле это не соответствует действительности: «... даже кушать нам нечего... дают перловую и пшеничную крупу, комбижир и все, да на закуску водку, и то все это реализуется местным населением...» [АП РК. Ф. 708. Оп. 27. Д. 1624. Т. 2. Л. 72].

Недовольство целинников социальными-бытовыми условиями достигло высшего предела, что явствовало из следующего письма: «...Хотелось бы ответственных работников торговли повесить на дереве или утопить в озере...». И далее в письме говорилось о том, что рабочие уезжают домой: уже до 20 человек сбежали из-за невыносимых условий жизни [АП РК. Ф. 708. Оп. 27. Д. 1624. Т. 2. Л. 73].

Таким образом, из писем мы можем узнать множество сведений о повседневной жизни целинников. Письма тех лет, содержащие рассказы о различных сторонах жизни целинников и рабочих производственных объектов, позволяют в равной мере сделать определённые выводы о событиях экономической, политической, социально-культурной истории, пропущенные через личный опыт и жизненные истории авторов писем.

Проверку всех поступающих жалоб и писем рабочих осуществляла Комиссия советского контроля правительства республики. Хотя и принимались меры, направленные на исправление ситуации, их было явно недостаточно, и в этом, наверное, и состояла трагедия системы, которая постоянно давала сбои. А у людей копилось разочарование в инновациях советской страны, носивших явно иллюзорный характер.

Заключение

Руководство сельскохозяйственной отраслью в советский период осуществлялось жесткими командно-административными методами, что негативно отразилось на его развитии. Значительно затормозила рост аграрного сектора экономики Великая Отечественная война, в результате послевоенное положение сельского хозяйства характеризовалось состоянием кризиса, что определяло приоритет политики партийного руководства в отношении аграрной сферы экономики в начале 50-х гг. XX в.

В начале 1950-х гг. для Казахстана имела вариативность в выборе путей экономического развития; освоение целины в Казахстане было политическим решением, имевшим как позитивные (развитие экономики, образования, здравоохранения, культуры, создание мощного кадрового и научного потенциала), так и негативные последствия, и осуществлялось посредством экстенсивных методов без учета специфических условий края, что привело к экологическим

проблемам. Осуществлённая на целине система земледелия была почвозатратной.

Однако не все осуществлённые нововведения на целине имели негативный характер. К положительным моментам можно отнести широкое развитие социальной инфраструктуры в целинных районах. Были построены тысячи километров линий электропередач, железных и автомобильных дорог, новые элеваторы, заводы и фабрики.

При этом мы считаем, освоение целины должно было осуществляться интенсивными, а не экстенсивными методами, и должно было носить более продуманный и подготовленный характер.

При полном отсутствии инфраструктуры — дорог, зернохранилищ, квалифицированных кадров, не говоря уже о жилье и ремонтной базе для техники, — было начато масштабное освоение целины. Другими словами, не было осуществлено предварительной подготовки к столь дорогостоящему и жизненно важному мероприятию. На целину отправляли все производимые в стране тракторы и комбайны, мобилизовывали студентов на время летних каникул, отправляли механизаторов в сезонные командировки. Это вело к высокой себестоимости целинного хлеба.

Социальные и демографические последствия этого мероприятия невозможно оценить однозначно, хотя переселение на целину проводилось в глобальных масштабах, но чисто экономическая его эффективность оказалась невысокой. Казахстан оказался не в состоянии принять огромный поток добровольцев, направлявшихся на освоение целинных земель. На практике первоцелинники сталкивались с проблемами бытового, организационного характера, которые на местах не решались, поэтому непродуманная стратегия направления людских ресурсов на освоение целинных земель, в конечном счете, повлияла на деструкцию половозрастной и этнической структуры населения республики.

В целом социально-бытовые трудности, неизбежные в первые годы жизни на целине, воспринимались переселенцами с пониманием. Но когда прошла начальная эйфория от целинной кампании, люди остались один на один со своими проблемами, вполне обыденными, но от того не менее

сложными. Многие из них решались посредством создания системы льгот целинникам, но с течением времени система стала давать сбои, накапливавшиеся из года в год и вызывавшие разочарование у людей. По-прежнему острыми оставались многие бытовые и жилищные проблемы. Проблема обустройства первоцелинников принимала «хронический» характер, что не способствовало улучшению эмоционального самочувствия переселенцев.

Освоение целинных и залежных земель показало кризисную ситуацию в области миграционной политики тех лет, что привело к тому, что целина стала эпицентром социальных конфликтов, вызванных большим скоплением людей, обусловленных бездействием местных властей. Особо хотелось бы отметить демографические и экологические последствия политики освоения целины, нанесшие значительный урон дальнейшему развитию региона.

Источники

- РГАЭ — Российский Государственный архив экономики.
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 АП РК — Архив Президента Республики Казахстан.
 ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Литература

- Асылбеков, Галиев 1991 — *Асылбеков М. Х., Галиев А. Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 181 с.
 Баишев, Дахшлейгер 1975 — *Баишев С. Б., Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 21–41.
 Верт 1992 — *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М.: Прогресс-академия, 1992. 480 с.
 Дрындин 2002 — *Дрындин В. Л.* Попытка проведения хозяйственных реформ 1953–1963 годов в контексте специфики Российской истории. Оренбург: Агентство Пресса, 2002. 248 с.
 Зеленин 1998 — *Зеленин И. Е.* Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.
 Зеленин 2001 — *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны. М.: ИРИ РАН, 2001. 304 с.
 История Казахстана 2009 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. / отв. ред. К. С. Алдажуманов. Алматы: Атамұра, 2009. Т. 4. 768 с.
 Итоги 2011 — Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: аналитический отчет / под ред. А. А. Смаилова. Астана: Жеті жарғы, 2011. 65 с.

Sources

- Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.
 Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.
 Russian State Archive of the Economy.
 State Archive of the Russian Federation.

- Кадысова, Азербайев 2011 — *Кадысова Р. Ж., Азербайев А. Д.* Историография сельского хозяйства Казахстана в послевоенный период (1946–1985). Павлодар: Кереку, 2011. 175 с.
 Каражан 2004 — *Каражан К. С.* Освоение целинных и залежных земель в Казахстане: результаты и последствия // Бекмахановские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Алматы, 18–19 мая 2004 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2004. С. 13–15.
 Кириченко 2002 — *Кириченко О. И.* Три сверхпрограммы аграрной реформы 50–60 годов XX века в СССР // Наука – XXI веку: мат-лы II Межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых (г. Майкоп, 23–25 апреля 2002 г.). Майкоп: МГТИ, 2002. С. 66–70.
 Козлов 1999 — *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 – начало 1980-х гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 416 с.
 Коммунистическая партия 1985 — Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов / сб. док. Т. 4. Алма-Ата: Казахстан, 1985. 405 с.
 Кузнецова 2008 — *Кузнецова О. В.* Проблемы семьи в повседневной жизни первоцелинников в 1954–1965 гг.: браки, разводы, семейные конфликты (на материалах Оренбургской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 309. С. 79–83.

- Кузнецова 2012 — *Кузнецова О. В.* Развитие инициатив и самостоятельности рабочих целинных совхозов в процессе идеологического обеспечения освоения целины средствами культурно-просветительной работы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 2. С. 124–131.
- Куманев 1998 — *Куманев Г. А.* О чем вспоминал Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5. С. 133–139.
- Маленков 1954 — *Маленков Г. М.* Речь на V сессии Верховного Совета СССР. 08.08.1953 г. М.: Госиздат, 1954. 70 с.
- Мобилизационная стратегия 2013 — Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980 гг.) / отв. ред. А. И. Тимошенко. Новосибирск: Параллель, 2013. 382 с.
- Мотревич 2005 — *Мотревич В. П.* Освоение уральской целины // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 48–53.
- Мотревич 2012 — *Мотревич В. П.* Освоение уральской целины: трудности и результаты // Экологические проблемы использования природных и биологических ресурсов в сельском хозяйстве: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 31 мая – 1 июня 2012 г.). Екатеринбург: Урал. аграр. изд-во, 2012. С. 100–104.
- Пахомова 2007 — *Пахомова Е. В.* Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954–1956 гг.: на материалах Южного Урала: дисс... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 261 с.
- Пахомова 2006 — *Пахомова Е. В.* Проблемные вопросы историографии массового освоения целинных и залежных земель // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 220–225.
- Пихоя 2000 — *Пихоя Р. Г.* Почему Хрущев потерял власть: О недостатках в проведении уборки и продажи хлеба государству // Международный исторический журнал. 2000. № 8. С. 25–37.
- Президиум ЦК 2003 — Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко; отв. сост. В. Ю. Афиани; сост.: З. К. Водопьянова, А. М. Орехов, А. Л. Панина, М. Ю. Прокуменчиков, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 2003. 1360 с.
- Хрущев 1962 — *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. 496 с.
- ЦК ВКП(б) 2004 — ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 гг.: сб. док. / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.
- Шаяхметов — Шаяхметов Жумабай Шаяхметович [электронный ресурс] // История Казахстана. Персоналии. URL: <https://e-history.kz/ru/prominent-figures/show/12685/> (дата обращения: 30.04.2020).
- Nove 1993 — *Nove A.* An Economic History of the USSR: 1917–1991. 3rd Edition (Penguin Economics). London: Penguin Books, 1993. 473 p.
- Aldazhumanov K. S. (ed.) History of Kazakhstan: From Earliest Times to Present Days. In 5 vols. Almaty: Atamura, 2009. Vol. 4. 768 p. (In Russ.)
- Asylbekov M. Kh., Galiev A. B. Sociodemographic Processes in Kazakhstan, 1917–1980. Alma-Ata: Gylym, 1991. 181 p. (In Russ.)
- Baishev S. B., Dakhshleiger G. F. Virgin Lands campaign in the Kazakh SSR: Socioeconomic outcomes. *Voprosy Istorii*. 1975. No. 3. Pp. 21–41. (In Russ.)
- Communist Party of Kazakhstan in Resolutions and Decrees of Congresses, Conferences and Plenums. Collected documents. Alma-Ata: Kazakhstan, 1985. Vol. 4. 405 p. (In Russ.)
- Denisov V. V. et al. (comps.) Central Committee of the VKP(B) and Regional Party Committees, 1945–1953. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2004. 496 p. (In Russ.)
- Dryndin V. L. The Attempted Economic Reforms of 1953–1963: A Perspective from Essentials of Russian History. Orenburg: Agentstvo Pressa, 2002. 248 p. (In Russ.)
- Fursenko A. A. (ed.) Presidium of the CPSU Central Committee, 1954–1964: Draft Records, Minutes, Decrees. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2004. Vol. 1. 1360 p. (In Russ.)
- Kadysova R. Zh., Azerbaev A. D. Agriculture of Kazakhstan in the Post-War Period, 1946–1985: A Historiographic Review. Pavlodar: Kereku, 2011. 175 p. (In Russ.)
- Karazhan K. S. Developing virgin and fallow lands in Kazakhstan: Results and consequences. In: Bekmakhanov Readings. Conference proceedings (Almaty, May 18–19, 2004).

- Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2004. Pp. 13–15. (In Russ.)
- Khrushchev N. S. Constructing Communism in the USSR and Developing Agriculture. Moscow: Politizdat, 1962. Vol. 1. 496 p. (In Russ.)
- Kirichenko O. I. The Soviet agrarian reform of the 1950s–1960s: Revisiting three accelerated development programs. In: International Research Conference. Proceedings (Maykop, April 23–25, 2002). Maykop: Maykop State Institute of Technology, 2002. Pp. 66–70. (In Russ.)
- Kozlov V. A. Civil Disturbances in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953 to Early 1980s. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf, 1999. 416 p. (In Russ.)
- Kumanev G. A. Recollections of Ponomarenko. *Otechestvennaya Istoriya (National History)*. 1998. No. 5. Pp. 133–139. (In Russ.)
- Kuznetsova O. V. Culture-raising methods for development of virgin soil pioneers' initiative and self-activity. *Intellect. Innovations. Investments*. 2012. No. 2. Pp. 124–131. (In Russ.)
- Kuznetsova O. V. Family-related problems of earliest Virgin Lands campaign attendants, 1954–1965: Marriages, divorces, matrimonial conflicts (A case study of Orenburg Oblast). *Tomsk State University Journal of History*. 2008. No. 309. Pp. 79–83. (In Russ.)
- Malenkov G. M. Speech at the 5th Session of the Supreme Soviet of the USSR, 8 August 1953. Moscow: Gosizdat, 1954. 70 p. (In Russ.)
- Motrevich V. P. Virgin Lands campaign in the Urals. *Business, Management and Law*. 2005. No. 3. Pp. 48–53. (In Russ.)
- Motrevich V. P. Virgin Lands campaign in the Urals: Challenges and results. In: Natural and Biological Resources in Agriculture. Environmental Problems Revisited. Conference proceedings. Yekaterinburg: Ural Agrarian Publ. House, 2012. Pp. 100–104. (In Russ.)
- Nove A. An Economic History of the USSR: 1917–1991. 3rd ed. (Penguin Economics). London: Penguin Books, 1993. 473 p. (In Eng.)
- Pakhomova E. V. Developing Virgin and Fallow Lands: Manpower Resources Procurement, 1954–1956 (A Case Study of the Southern Urals). Cand. Sc. (history) thesis. Orenburg, 2007. 261 p. (In Russ.)
- Pakhomova E. V. Historiography of mass virgin and fallow lands development: Problematic issues revisited. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2006. No. 11. Pp. 220–225.
- Pikhoya R. G. Why Khrushchev lost authority: Revisiting drawbacks of how crops were harvested and purchased by Government. *Mezhdunarodnyi istoricheskiy zhurnal*. 2000. No. 8. Pp. 25–37. (In Russ.)
- Shaiakhmetov, Zhumabay Shayakhmetovich. On: History of Kazakhstan. Personalities. Available at: <https://e-history.kz/ru/prominent-figures/show/12685/> (accessed: April 30, 2020). (In Russ.)
- Smailov A. A. (ed.) Republic of Kazakhstan. Outcomes of the 2009 Census: Analytical Report. Astana: Zheti Zhargy, 2011. 65 p. (In Russ.)
- Timoshenko A. I. (ed.) Mobilization Strategy of Siberia's Economic Development: Programs and Practices of the Soviet Era, 1920s–1980s. Novosibirsk: Parallel, 2013. 382 p. (In Russ.)
- Werth N. History of the Soviet Union, 1900–1991. Moscow: Progress-Academia, 1992. 480 p. (In Russ.)
- Zelenin I. E. Khrushchev's Agrarian Policies and the Agricultural Sector. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2001. 304 p. (In Russ.)
- Zelenin I. E. The epic Virgin Lands campaign: Development, approval, and implementation of Khrushchev's first 'accelerated development program', September 1953 to early 1960s. *Otechestvennaya Istoriya (National History)*. 1998. No. 4. Pp. 109–122. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 228–243, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 327.82

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

«Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии

Владимир Александрович Родионов¹

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000
 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор политических наук, доцент

 0000-0001-8813-1862. E-mail: vladimir_198025@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Родионов В. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что малые страны, действуя в условиях сравнительно ограниченного внешнеполитического потенциала, могут отстаивать свои интересы при помощи «мягкой силы». Заведомо уступая великим державам в военно-политическом и экономическом отношении, малые страны стремятся компенсировать свою уязвимость иными, более мягкими методами влияния. Монголия, представляя собой классический пример малой страны, входящей в сферу влияния ряда великих держав, не остается в стороне от современных тенденций в деле применения «мягкой силы». *Цель* статьи — выявить основные направления и способы применения «мягкой силы» во внешней политике Монголии. *Материалы и методы.* Источниковой базой для исследования выступили официальные документы Монголии, касающиеся ее национальной безопасности и внешней политики, международные инициативы Улан-Батора, заявления монгольских государственных деятелей по вопросам отношений с иностранными партнерами, материалы СМИ. В основу исследовательского анализа легли сравнительный, нарративный, ретроспективный методы исследования. *Результаты.* Среди направлений для применения монгольской «мягкой силы» выделяются три наиболее перспективных. Первое направление выражено в самопрезентации страны в качестве успешной молодой демократии в центре Азии, способной стать ориентиром для ряда других малых региональных стран. Вторым направлением является политика нейтралитета де-факто, выраженная в отказе от размещения на монгольской территории ядерного оружия и иностранных военных баз, а также в активном участии Монголии в миротворческих операциях под эгидой Организации объединенных наций (далее — ООН). Наконец, под третьим направлением политики «мягкой силы» следует понимать активное продвижение Улан-Батором своей посреднической роли при разрешении острых проблем, локализованных в Северо-Восточной Азии. Сохраняя дружественный характер отношений со всеми без исключения государствами Северо-Восточной Азии, Монголия стремится превратить данное обстоятельство в свою пользу, став азиатским аналогом Швейцарии. *Выводы.* «Мягкая сила» во внешней политике Монголии является средством как наращивания влияния, так и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: мягкая сила, малые страны, Монголия, внешнеполитическая стратегия

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ — Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии «„Мягкая сила“ в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», № 19-514-44001.

Для цитирования: Родионов В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 228–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia

Vladimir A. Rodionov¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor

 0000-0001-8813-1862. E-mail: vladimir_198025@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Rodionov V. A., 2022

Abstract. Introduction. The experience of recent decades shows small countries — though characterized by relatively limited foreign policy capacity — can defend their interests through ‘soft power’. Being obviously inferior to greater powers in military, political and economic aspects, small countries seek to compensate for their vulnerability with softer methods of influence. Nowadays, Mongolia is a classic case of a small country under the influence of such great powers as Russia, China, and the United States to successfully employ soft power tools. **Goals.** The article aims to identify where and how Mongolia uses soft power in its foreign policy. **Materials and methods.** The study primarily explores Mongolia’s official documents dealing with its national security and foreign policy, international initiatives of Ulaanbaatar, statements of Mongolian executives on relations with foreign partners, media materials. The employed research methods include the comparative, narrative, and retrospective ones. **Results.** There are three most promising lines for soft power in contemporary Mongolia’s foreign policy. The first one is that the country presents itself as a successful young democracy in the heart of Asia capable of becoming a model for a number of other small countries in the region. The second one is the policy of *de facto* neutrality manifested in refusal to deploy nuclear weapons and foreign military bases in Mongolian territory, as well as the active participation in UN peacekeeping operations. Finally, the third soft power line (to be perceived as one) is Ulaanbaatar’s active promotion of its mediation role to resolve urgent problems localized in Northeast Asia. Maintaining friendly relations with virtually all Northeast Asian states, Mongolia seeks to become a platform for international negotiations similar to that of Switzerland. **Conclusions.** Thus, soft power for Ulaanbaatar is an important two-sided tool supposed, firstly, to accelerate international influence and, secondly, to ensure national security and sovereignty.

Keywords: soft power, small states, Mongolia, foreign policy strategy

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia, project no. 19-514-4400 ‘Soft Power in Russia-Mongolia Relations: A Comparative Analysis’.

For citation: Rodionov V. A. Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 228–243. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

Введение

Роль малых стран в системе международных отношений является одной из популярных тем в современных политоло-

гических исследованиях. В частности, все чаще подвергается сомнению классический тезис школы политического реализма о том, что только (или преимущественно) великие

державы способны вершить судьбы мира, заслоняя собой всех остальных участников международных отношений. Как показывает практика, возможности иных акторов, включая малые страны, во многом недооцениваются и нуждаются в более пристальном внимании. Именно растущая субъектность малых стран стала объективным основанием для пересмотра утвердившихся ранее положений об абсолютной гегемонии великих держав. Цель настоящей статьи — дать ответ на вопрос о том, каким образом малая страна (на примере Монголии) способна отстаивать свои интересы на международной арене, используя «мягкую силу».

Проблема определения «малых стран»

С одной стороны, наличие и даже количественное преобладание малых стран в современном мире давно является очевидным фактом. По словам Д. Турера, «при взгляде на сегодняшний мир мы увидим, что он в первую очередь состоит из малых государств» [Thurer 1998: 37]. С другой стороны, возникает вопрос о содержательном наполнении самого понятия «малая страна», которое зачастую носит оценочный характер и не всеми понимается одинаково. Условно можно выделить два подхода к определению малых стран.

Первый основывается на попытке выявить количественные критерии. Так, ряд авторов указывают на численность населения страны, размер ее территории, объем экономики. Д. Витал в качестве количественного критерия «малых стран» выделяет цифру в 10–15 миллионов человек для экономически развитых стран и 20–30 миллионов — для развивающихся [Vital 1967: 8].

Мировой банк наряду с небольшой численностью населения (не более 1,5 млн чел.) обозначает такой критерий, как слабая (уязвимая) экономика, характеризующаяся высоким уровнем внешней задолженности, высокой зависимостью от внешних рынков, подверженностью экзогенным рискам (стихийные бедствия и изменения климата) [The World Bank in Small States].

Попытки выделить размер ВВП в качестве критерия «малой страны» были сделаны в работах отечественных авторов [Малые страны 1987; Зимин 1993: 95–104].

При всей внешней привлекательности количественного подхода, позволяющего буквально математически ранжировать страны мира, у него есть недостатки. К таковым относится изменчивость во времени выделяемых количественных показателей. Например, размер ВВП той или иной страны в течение относительно небольшого количества времени может серьезно варьироваться в ту и другую сторону. Наглядны в этом плане стремительные взлеты экономик микроскопических по размеру территорий и численности населения Катара и Сингапура. Кроме того, численность населения, достаточно большая для европейской страны, применительно к Азии может рассматриваться как незначительная.

В основе второго подхода лежит стремление исследователей выйти за рамки количественных характеристик и найти качественные критерии отличия малых стран от остальных участников международных отношений. Примерами этого стали исследования Р. Ротштайна, А. Ванденбоша и Р. Кохейна, проведенные ими еще в 1960-е гг. Согласно Р. Ротштайну, малые страны «признают неспособность обеспечить национальную безопасность исключительно собственными силами и вынуждены прибегать к помощи со стороны иных государств, организаций и т. д.»¹ [Rothstein 1968: 29].

В том же духе высказывается А. Ванденбош, считающий, что малые страны предпочитают отстаивать свои национальные интересы не напрямую, а опосредованно, используя международные институты [Vandenbosch 1964: 301]. Следуя этой логике, можно легко признать «малыми странами» подавляющее большинство из ныне существующих, в том числе Германию, Францию, Японию, обеспечивающих свою безопасность в рамках союзнических отношений с США.

Р. Кохейн называет степень влияния на систему международных отношений критерием, на основе которого можно ранжировать все страны, включая малые [Keohane 1969: 291–310]. И здесь мы сталкиваемся с ещё более сложным вопросом: как определить степень влияния той или иной страны. Круг стран, которые при определенных условиях могут быть отнесены к категории

¹ Здесь и далее перевод автора.

влиятельных или невлиятельных, в зависимости от предпочтений может как расширяться, так и сужаться, что, в свою очередь, ставит под сомнение сам смысл выделения «малых стран». В целом недостатком подобного подхода нужно признать субъективность в оценках.

Суммируя выше сказанное, с одной стороны, можно констатировать отсутствие абсолютного, эмпирически выверенного критерия, по которому можно было бы определить малые страны. С другой стороны, полностью отказаться от использования данной категории представляется нецелесообразным. Отнесение той или иной страны к категории «малой» во многом носит контекстуальный характер, зависит от внешнеполитической стратегии руководства, в рамках которой оно позиционирует свою страну. А это, в свою очередь, оказывает влияние на статусно-ролевую структуру международных отношений, позволяет выявить природу внешнеполитического поведения их участников. Поэтому деление стран на «великие» и «малые» во многом функционально по своему характеру. И здесь можно согласиться с Д. Хэй, считающей, что «малые государства выделяются не на основе объективного определения, а в силу их воспринимаемой роли в международной иерархии» [Hey 2003: 2]. Ключевой характеристикой здесь является восприятие (ощущение) той или иной страны себя в качестве малой по отношению к более могущественным партнерам.

«Мягкая сила» как новая возможность

Важнейшим обстоятельством, способствующим международно-политической эмансипации малых стран, выступает появление объективных условий и, как следствие, способов для того, чтобы оказывать влияние как на страны, с которыми происходит взаимодействие, так и на внешнюю среду в целом. Не случаен тот факт, что исследовательский интерес к теме малых стран возник во второй половине XX в., когда установление ядерного баланса между СССР и США и утверждение доктрины взаимного гарантированного уничтожения объективно способствовало актуализации иных, не военных форм и методов ведения внешней политики. В результате корректи-

ровке подверглись и представления о природе и проявлениях силы в отношениях между государствами. В теоретическом плане этот сдвиг был зафиксирован в концепции «мягкой силы» Дж. Ная [Nye 1990; Nye 2004; Най 2006], предполагающей использование несиловых методов воздействия для достижения своих целей во внешней политике.

Малые страны, как правило, заметно отстают от великих держав в военном отношении. Именно военная мощь традиционно считается неотъемлемым атрибутом «жесткой силы». Малые страны не сопоставимы с ведущими лидерами мировой политики по основным экономическим показателям, также относимым к проявлениям «жесткой силы». Как следствие, не имея возможностей для достойной конкуренции в этой области с признанными великими державами, малые страны видят выход в активном применении методов и форм «мягкой силы». Действуя именно на этом поле, малые страны оказались способны увеличить свой международно-политический вес. Можно сказать, что «мягкая сила» для малых стран выступает в качестве источника, компенсирующего их отставание от великих держав в военной и экономической сферах, того, что А. Чонг назвал «способом „виртуального укрупнения“ малых стран в отношениях с более сильными и могущественными партнерами» [Chong 2007].

Применение «мягкой силы» малыми странами имеет некоторые особенности, которые выгодно отличают их от великих держав. Во-первых, если «мягкая сила» великих держав, как правило, воспринимается как часть их внешнеполитической стратегии глобального или регионального влияния, то «мягкая сила» малых стран вызывает меньше подозрений по поводу их далеко идущих планов. Это дает последним определенное преимущество при осуществлении соответствующей политики. Во-вторых, статус «малой страны» дает возможность более эффективно, нежели великие державы, выполнять функции посредника при разрешении международных споров и конфликтных ситуаций. Отсутствие у малой страны военно-стратегических и глобальных экономических интересов делает ее в глазах участников спора или конфликта стороной, заслуживающей большего доверия. Одной из вариаций посреднической

дипломатии малых стран может служить их участие в миротворческих операциях, осуществляемых под мандатом ООН. Будучи членами миротворческих подразделений, солдаты из малых стран воспринимаются местным населением, как правило, более лояльно и дружелюбно по сравнению с контингентом, состоящим из военнослужащих великих держав. В-третьих, малые страны не могут конкурировать на равных с великими державами по целому ряду средств обеспечения «мягкой силы»: финансовым, кадровым и информационным ресурсам. В силу данных обстоятельств многие малые страны, избегая глобальной повестки, делают основной акцент на проведении политики «мягкой силы» на региональном уровне, в отношении ближайших соседей или даже их отдельных территорий, тем самым стремясь более рационально распределить имеющиеся у них ресурсы. Наконец, помимо увеличения своего влияния вовне, «мягкая сила» для малых стран нередко выступает средством осуществления собственной безопасности и даже выживания. Это обстоятельство стимулирует руководство малых стран уделять «мягкой силе» особенно пристальное внимание.

О возможности для малых стран быть успешными в осуществлении политики «мягкой силы» свидетельствуют различные международные рейтинги. На страницах британского журнала «Монокль», начиная с 2010 г., ежегодно публикуется рейтинг «мягкой силы» стран мира («Soft power survey»). Наряду с признанными флагманами мировой политики (США, КНР, Индия, Великобритания) среди лидеров рейтинга последних лет такие страны, как Швеция, Швейцария, Норвегия, Сингапур [Soft Power Survey 2018].

Что такое «мягкая сила» по-монгольски

Современная Монголия — яркий пример малой страны. Если по размеру территории страна занимает почетное 18 место среди стран мира, то по количеству жителей и, что особенно бросается в глаза, по плотности населения она находится в числе последних — 137 и 195 места соответственно. ВВП Монголии в 2020 г. составил 13,1 млрд долл., что составляет 0,01 % от всей мировой экономики [The World Bank in Mongolia

2021]. Особенно заметна «малость» Монголии на фоне ее двух географических соседей — России и Китая, традиционно входящих в неформальный клуб великих держав. Численность армии Монголии — 8 900 чел., РФ — 900 000 чел. и КНР — 2 035 000 чел [The Military Balance 2021].

Монголия практически полностью зависит от поставок нефтепродуктов из России и экспорта своей горнорудной продукции (угля, меди, железной руды и пр.) в КНР [Гадаад худалдаа 2020]. Можно констатировать, что ни в военном, ни в экономическом плане Монголия не сопоставима со своим северным и южным соседями.

Монгольские политические элиты, ясно осознавая эту геополитическую данность, активно продвигают стратегию сбалансированных отношений с ведущими центрами силы мировой политики. Развивая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией и Китаем, Монголия активно сотрудничает с рядом внерегиональных игроков (США, Японией, Республикой Корея, ЕС, Индией, Турцией), относимых к категории «третий сосед» [Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014]. Подобная многовекторность, характерная для многих малых стран, исходит из желания лавировать между великими державами, используя свое географическое положение. Иными словами, и по основным объективным параметрам (население, военный и экономический потенциал), и по характеру внешнеполитического поведения Монголия без сомнения может быть отнесена к категории «малых стран».

Здесь нужно отметить, что, как и для многих других малых стран, основной задачей для Монголии в ее политике «мягкой силы» выступает не столько увеличение своего влияния на те или иные страны, сколько стремление укрепить национальный суверенитет и безопасность, расширяя круг внешних партнеров, помимо России и Китая. «Мягкая сила» в данном случае призвана улучшить имидж страны (ее узнаваемость) на международной арене и, тем самым, привлечь внимание влиятельных внерегиональных игроков.

Опыт Монголии в деле применения «мягкой силы» не большой в сравнении с рядом стран мира. Хотя можно вспомнить, что ещё в социалистический период Улан-Батор прибегал к практике выстра-

ивания отношений с великими державами посредством несиловых методов, в частности, используя религиозный фактор. Пожалуй, самым ярким примером здесь является организация и проведение на территории Монгольской Народной Республики, начиная с 1970 г., «Азиатской буддийской конференции за мир». Одним из участниками этих мероприятий являлся Далай-лама XIV. Приглашая мятежного по отношению к Пекину тибетского первосвященника, руководство МНР рассчитывало тем самым оказать давление на КНР, отношения с которой носили напряженный характер. Другой пример привлечения буддийских священников к процессу внешнеполитического сотрудничества — участие лам в составе монгольской делегации в Японию в конце 1950-х гг. в рамках антиядерных международных инициатив Токио [Сэржав 2019: 42].

Институционализация «мягкой силы» в Монголии началась сравнительно недавно. В 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», предполагающая широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах [Программа 2020].

В начале 2021 г. монгольское правительство обозначило в качестве стратегической цели своей деятельности повышение репутации страны за рубежом путем популяризации традиционной культуры [Монгол улсыг гадаад нэгдсэн стратегийн 2021]. Монгольские политики и эксперты неоднократно заявляли о необходимости использования «мягкой силы» в отношениях с внешним миром [Баттулга 2019; Эрдэнэтуяа 2020].

Одним из направлений деятельности государственных СМИ Монголии является работа с зарубежной аудиторией. Сайт монгольского государственного информационного агентства «Монцамэ» и радиостанция «Голос Монголии», помимо монгольской, имеет русскую, английскую, китайскую и японскую версии. Кроме государственных структур, продвижением позитивного образа Монголии за рубежом занимаются также неправительственные организации, как «Ассоциация монголов мира», «Международный конгресс монголоведов» и другие.

Как и многие другие страны, Монголия в качестве элементов «мягкой силы» стремится использовать наиболее привлекательные атрибуты национальной культуры. Например, делаются попытки продвижения за рубеж таких национальных брендов, как монгольская кухня, в основе которой лежит экологически чистая мясная и молочная продукция, изделия из кожи и кашемира, выделяющиеся высоким качеством, эксклюзивностью и натуральным характером материала, используемого для производства. Монгольское правительство, делая ставку на развитие въездного этнотуризма, наряду со стремлением привлечь дополнительные финансовые средства в экономику страны стремится продвинуть позитивный образ Монголии в мире, сделать ее более узнаваемой. Также можно упомянуть успех монгольской фолк-рок группы «The Hu» [Rutherford 2019], чьи синглы в последние годы заняли высокие позиции в ведущих западных чартах.

В то же время при всем разнообразии и уникальности культурных маркеров Монголии, которые она использует для внешнего потребления, нужно признать, что на глобальном и региональном уровне их потенциал влияния сравнительно не велик. В сфере высшего образования, признаваемого одним из важных каналов «мягкой силы», Монголия выступает преимущественно донором. Тысячи монгольских студентов каждый год поступают в высшие учебные заведения различных стран. Монгольские же университеты не могут похвастаться высокими местами в международных рейтингах высших учебных заведений. По состоянию на 2019 г., Монгольский государственный университет (главный вуз страны) занимал 1 851 место среди всех вузов Азии [Ranking 2020].

Позиции Монголии выглядят весьма скромно и в большинстве международных рейтингов, описывающих различные стороны привлекательности стран мира. 106 место в «Индексе хороших стран» в 2021 г. [The Good Country Index 2021], 102 место в «Индексе глобальной конкурентоспособности» в 2019 г. [The Global Competitiveness Report 2019], 58 место в «Индексе развития человеческого капитала в 2020 г. [Human Capital Index 2020], 81 место в «Индексе

легкости ведения бизнеса» в 2020 г. [[Ease of Doing Business Index 2020](#)].

Основные направления политики «мягкой силы» Монголии

Несмотря на весьма ограниченный потенциал для использования «мягкой силы», Монголия за последние годы продемонстрировала возможность добиваться определенных успехов на этом поле. К наиболее заметным и имеющим перспективы для дальнейшего развития направлениям международного влияния Монголии можно отнести следующие.

С начала 1990-х гг., когда страна приступила к радикальной смене модели общественного развития, демократический характер политической системы стал рассматриваться в качестве важнейшего атрибута успешности монгольского постсоциалистического транзита. Мотивы монгольского руководства для позиционирования страны в качестве успешной демократии различны. Во-первых, это стремление обеспечить финансово-экономическую поддержку со стороны коллективного Запада. Экономика Монголии остро нуждается во внешнем финансировании, которое может быть осуществлено через прямые иностранные инвестиции, кредиты, приток валюты от туристической сферы. Соответственно, общий благоприятный имидж страны на международной арене может позитивно сказаться на внешних финансовых вливаниях. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные неправительственные организации (далее — НПО). Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны. Так, на протяжении последних двух десятилетий в рейтингах политической свободы «Freedom House» Монголия неизменно обозначается в качестве «свободной страны» [[Freedom in the World 2021](#)]. Эти оценки особенно заметны на фоне соседей Монголии (России, Китая, Казахстана), маркируемых «Freedom House» в качестве «несвободных стран».

Во-вторых, монгольские политические элиты разыгрывают карту «общности демократических ценностей» с целью усилить политику «третьего соседа», выступая не только в качестве объекта, но и субъекта

«мягкой силы». Практически все встречи на высшем уровне официальных лиц Монголии и их западных коллег сопровождаются ссылками на общие ценности как важный фактор тесного сотрудничества. В Декларации о стратегическом партнерстве, принятой по итогам официального визита президента Монголии Х. Баттулги в США в июле 2019 г., было отмечено, что «отношения Монголии и США сближаются и укрепляются, опираясь на общие стратегические интересы, ценности демократии, компетентную власть, принципы суверенитета и уважение прав человека» [[Declaration 2019](#)].

Акцентируя внимание международного сообщества на демократичности своего режима, Улан-Батор демонстрирует свое принципиальное отличие от ближайших соседей. Так, Ц. Элбэгдорж, будучи президентом Монголии, в одном из своих интервью высказался следующим образом: «Философия развития наших соседей отличается от нашей. Наши соседи считают, что если центр сильный, то страна развивается, а народ живет спокойно. А Монголия считает, что если гражданин сильный, то сильна и страна» [[Элбэгдорж 2014](#)].

В последние годы образ успешной демократии приобрел значимость с точки зрения продвижения влияния Монголии в ряде стран. В 2013 г. страна, будучи председателем «Содружества демократических стран», приняла седьмой Форум министров стран-участниц этой организации [[Монголия является 2013](#)].

В рамках стратегии продвижения демократических ценностей в Монголии был создан «Фонд международного сотрудничества», среди целей которого «оказание поддержки странам, вступившим на путь демократии и реформ» [[Олон улсын хамтын 2013](#)].

Наличие парламентской формы правления подается Улан-Батором в качестве привлекательной модели политического развития для стран региона. По словам главы администрации президента Ц. Элбэгдоржа, произнесенным им по поводу конституционных изменений в Кыргызстане в 2010 г., «соседями Киргизии являются крупные державы, поэтому киргизы сочли нужным перейти на парламентскую власть. Впервые они выдвинули предложение, что нужно последовать примеру Монголии <...> Таким

образом, в истории Средней Азии Киргизия стала первой страной с парламентской властью <...> Это действительно крупное демократическое событие в Средней Азии» [[Киргизия решила 2011](#)]. Киргизские официальные лица со своей стороны неоднократно выражали свою готовность перенять опыт Монголии. Так, президент Кыргызстана А. Атамбаев на встрече с монгольским коллегой отметил, что «Монголия на протяжении 22 лет успешно развивает парламентскую власть. А демократии в Киргизии только два года, поэтому у нас есть чему учиться у монголов» [[О встрече президентов 2012](#)]. Привлекательность монгольского опыта для Кыргызстана объясняется как общим опытом социалистического развития, так и наличием историко-цивилизационных связей, выраженных в кочевом образе жизни. Кроме того, влияние Монголии, в отличие от «мягкой силы» таких стран, как Россия, Китай, Турция, США, не воспринимается в кыргызском обществе в качестве угрозы безопасности и суверенитету.

Другим примером страны, в отношении которой Улан-Батор проводит весьма активную политику влияния, является Мьянма. В ходе официального визита в Мьянму в ноябре 2013 г. президент Ц. Элбэгдорж отметил «беспрецедентные усилия Мьянмы по демократизации и выразил поддержку своей страны в области демократизации, верховенства права и прав человека» [[Miliate 2013](#)].

Известный мьянманский политик и государственный деятель Аун Сан Су Чжи во время встречи с монгольским премьер-министром Ж. Эрдэнэбатом выразила желание изучить опыт Монголии, которая перешла к демократии мирным путем, установила политическую демократию и провела экономическую реформу. При этом она указала на буддийскую общность Монголии и Мьянмы в качестве одной из основ для развития демократических ценностей двух стран [[Халиун 2017](#)].

Вторым важным элементом «мягкой силы», активно используемым Монголией в своих интересах с начала 1990-х гг., является ее образ пацифистски настроенной страны и активная миротворческая деятельность. На протяжении большей части XX в. Монголия выступала ареной для реальных (бои на реке Халхин-гол) или потенциаль-

ных военных столкновений (напряженные отношения с КНР в 1960–1980-х гг.). На территории МНР долгие годы размещалась крупная советская военная группировка. По мере ослабления и дальнейшего распада советско-монгольского военно-политического союза Улан-Батор кардинальным образом пересмотрел свою внешнеполитическую и оборонную доктрину. В течение 1987 г. МНР провела на своей территории два международных мероприятия, направленных на обсуждение инициативы Москвы по разоружению: Азиатско-Тихоокеанский международный молодежный и студенческий форум и Консультативную встречу представителей коммунистических и рабочих партий Азиатско-Тихоокеанского региона. Стремясь избавиться от образа «самого верного союзника Москвы в Азии», в 1991 г. Монголия вступила в ряды Движения неприсоединения. Этот шаг должен был продемонстрировать внешнему миру новый формат международной политики Улан-Батора, в основе которой лежит стремление к не конфронтационному пути развития отношений.

В 1992 г. Монголия официально провозгласила себя страной, свободной от размещения на ее территории ядерного оружия. С 1998 г. Генассамблея утверждает соответствующую резолюцию раз в два года [[Mongolia's international 2000](#)]. Значимость этому статусу придает то обстоятельство, что Монголия расположена между двумя ядерными державами. Практически параллельно с безъядерным статусом в конституции страны, принятой в 1992 г., в статье 4 был прописан запрет на размещение на территории Монголии каких-либо иностранных вооруженных сил и их перемещение через монгольскую территорию [[Монгол Улсын үндсэн хууль 1992](#)]. Ссылки на эту норму играют особую роль каждый раз, когда в монгольской или иностранной прессе поднимаются вопросы о возможном размещении на территории страны военных баз той или иной державы. Сохраняя статус страны-наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (несмотря на неоднократные предложения стать постоянным членом), Монголия также демонстрирует свое стремление быть вне прямого соперничества великих держав [[Rodionov 2020: 91–100](#)]. В целом все эти решения де-

лают Монголию де-факто нейтральной, создавая ей имидж пацифистски настроенной страны.

Закреплению образа миролюбивой страны призвано служить активное участие монгольских военнослужащих в международных миротворческих акциях в различных странах мира. Монголия принимает самое активное участие в международных операциях под эгидой ООН. Вооруженные силы Монголии с 2002 г. были задействованы в миротворческих акциях в Ираке, Афганистане, Грузии, Косово, Эритрее, Чаде, Западной Сахаре, Конго, Судане и Йемене. По словам директора Центра военной истории НИИ обороны Т. Сухбаатара, «Монголия занимает первое место среди стран Азии по количеству миротворцев на душу населения, а также женщин-миротворцев. В целом, Монголия входит в десятку стран мира по количеству миротворцев на душу населения» [Биндэръяа 2021].

Наконец, еще одним из важных и, возможно, ключевых ресурсов «мягкой силы» Монголии следует признать ее потенциал как государства-посредника при разрешении международных проблем. В Концепции национальной безопасности Монголии, принятой в 2010 г., указана задача «активного участия в процессе инициирования диалога и переговорного процесса по вопросам укрепления региональной безопасности и создания механизма коллективной безопасности» [Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014].

В практическом плане Монголия уже не одно десятилетие прилагает усилия для повышения своей роли в качестве посредника в переговорном процессе между государствами Северо-Восточной Азии. Начиная с 2014 г. по инициативе монгольского президента в столице Монголии ежегодно проводится «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Данное мероприятие, имеющее уровень «полуторгового трека», призвано стать международной площадкой для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества между государствами региона, что, по замыслу организаторов, должно способствовать закреплению за Улан-Батором статуса «азиатского Хельсинки или Женевы». По словам министра иностранных дел Монголии Д. Цогтбаатара, страна имеет возможность стать «мостом к

миру» в Северо-Восточной Азии [Wishnick 2019].

Важнейшим фактором для превращения в ключевое государство-посредника в Северо-Восточной Азии монгольское руководство считает особые отношения со всеми государствами региона. С тремя странами — Россией, Китаем и Японией — Монголия развивает стратегическое партнерство. Начиная с момента установления дипломатических отношений, динамично развивается сотрудничество с Республикой Корея. Но, пожалуй, главным козырем Улан-Батора являются дружественные отношения с самым непростым игроком — КНДР.

История монголо-северокорейских отношений берет свое начало с 1948 г., когда МНР стала второй после СССР страной, официально признавшей недавно образованную КНДР. Более того, монгольская сторона оказала поддержку Пхеньяну в Корейской войне 1950–1953 гг., а также в деле восстановления экономики страны в послевоенный период. В 1956 г. лидеры МНР и КНДР Ю. Цэдэнбал и Ким Ир Сен совершили взаимные визиты. Вплоть до начала 1990-х гг. отношения Улан-Батора и Пхеньяна основывались на принципах социалистической солидарности, что нашло свое отражение в Договоре о дружбе и взаимной помощи, подписанном в 1986 г. [Баярхуу].

Временная пауза в отношениях, возникшая в 1990-х гг., была обусловлена отказом Монголии от социалистической идеологии и курсом на активное сближение с Сеулом. Однако впоследствии стороны сумели найти новые грани для взаимовыгодного сотрудничества. В частности, в рамках двусторонних соглашений до 5 000 северокорейских рабочих могут трудиться в Монголии. Периодически монгольская сторона предоставляет КНДР гуманитарную помощь (как правило, в виде продукции животноводства). Монгольская сторона через специализированный государственный фонд осуществляет поездки северокорейских школьников в летние лагеря страны. У Монголии, в свою очередь, имеется интерес получить доступ к открытому морю через северокорейский порт Раджин [Монголия готова 2012].

Доверительный характер двусторонних отношений подтверждается периодически случающимися взаимными визитами офи-

циальных представителей стран. В 2013 г. состоялся официальный визит монгольского президента Ц. Элбэгдоржа в КНДР, в ходе которого была обсуждена возможная посредническая роль Монголии в отношениях КНДР и Республики Корея [Гольман 2014].

В декабре 2018 г. министр иностранных дел КНДР Ри Ён Хо, нанеся визит в Монголию по случаю празднования 70-летия дипломатических отношений, заявил, что «как и Монголия, КНДР выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова... сейчас крайне важно укрепить доверие в регионе» [Батцэцэг 2018].

Можно отметить, что интерес Пхеньяна к Монголии как удобной переговорной площадке носит объективный характер. С одной стороны, отношения КНДР с Республикой Корея, Японией и США по-прежнему характеризуются как враждебные. С другой стороны, полного доверия к РФ и, особенно, к КНР, как к соседним великим державам, в Пхеньяне также нет. В этом свете Монголия — идеальный вариант для северокорейского руководства.

В целом отсутствие конфликтных ситуаций в отношениях Монголии со всеми без исключения государствами региона является важным обстоятельством, призванным продемонстрировать потенциал страны как медиатора в деле урегулирования международных конфликтов в Северо-Восточной Азии.

Перспективы Монголии как возможного посредника в разрешении проблем вокруг Корейского полуострова стали более зримыми после фактического провала переговоров в шестистороннем формате (Россия, КНР, США, Япония, КНДР, РК) [Косырев 2006].

Практическим воплощением посреднической роли Монголии стал ряд встреч в Улан-Баторе между представителями северокорейской и японской сторон для урегулирования острых вопросов двусторонних отношений. Так, 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне, по итогам которых было достигнуто согласие по вопросу о возвращении на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных. Двумя годами

позже северокорейцы и японцы вновь избрали Монголию для проведения переговоров по проблеме похищенных японских граждан [Игнатов 2020: 10].

Другим примером активного вовлечения монгольской стороны в многосторонний переговорный процесс является выше упомянутый «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии», в работе которого, помимо прочих стран, принимает участие северокорейская делегация.

В преддверии исторической встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в марте 2018 г. Улан-Батор рассматривался сторонами в качестве возможной переговорной площадки. Незадолго до самих переговоров глава администрации президента Х. Баттулги провел соответствующие консультации с официальными представителями КНДР и США. Аргументами «за» назывались: дружественный характер отношений как с КНДР, так и с США, отсутствие у Монголии военно-стратегических интересов в регионе, опыт ведения переговоров на монгольской территории по различным аспектам корейской проблематики [Dierkes, Jargalsaikhan 2018]. И хотя в итоге местом переговоров стал Сингапур, перспективы Монголии как посредника для встреч на столь высоком уровне по-прежнему реальны. Предпринимая усилия в данном направлении, Улан-Батор привлекает к себе дополнительное внимание международного сообщества и вовлекает в орбиту своей внешней политики новых партнеров.

Заключение

Как показывает международная практика, в последние десятилетия отдельные малые страны стали играть непропорционально большую, по сравнению с их размерами, роль в мировой политике, в том числе за счет успешного применения «мягкой силы». Наличие высокой конкуренции за влияние на международной арене и невозможность регулярного применения военно-экономических методов предоставляют шанс малым странам отстаивать собственные интересы, не полагаясь только на волю великих держав. Сам статус малой страны при определенных обстоятельствах может выступать элементом ее «мягкой силы».

Монголия, будучи ярким представителем неформального клуба «малых стран»,

не стоит в стороне от ключевых тенденций международных отношений, используя разнообразные методы ведения внешней политики. Желая расширить поле для внешнеполитического маневра, Улан-Батор стремится играть активную роль на международном уровне. В силу ограниченности внешнеполитических ресурсов и соответствующих амбиций монгольское руководство основной акцент в своей политике делает на региональном уровне, главным образом на Северо-Восточной и постсоветской Центральной Азии. Имидж молодой успешной демократии, пацифистской, де-факто нейтральной страны и

идеального посредника для ведения межгосударственных переговоров по самым острым региональным проблемам призван укрепить международный авторитет монгольского государства, сформировать позитивные представления о нем и, тем самым, диверсифицировать внешние связи Монголии. Все это позволяет сделать вывод о том, что для Монголии, как для малой страны, применение «мягкой силы» является не только вопросом увеличения своего международного влияния, но и делом обеспечения собственной безопасности и национального суверенитета в отношениях с сильными соседями.

Литература

- Баттулга 2019 — Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага (= Х. Баттулга: Архивы являются одной из основных организаций, реализующих политику «мягкой силы» Монголии) [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Монголын мэдээ | Улс төр. 06.07.2019. URL: <https://montsame.mn/en/read/194966> (дата обращения: 16.01.2022).
- Батцэцэг 2018 — Батцэцэг Г. Монголию с ответным визитом посетил глава МИД КНДР [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Политика. 2018-12-10. URL: <https://montsame.mn/ru/read/173860> (дата обращения: 16.01.2022).
- Баярхуу — Баярхуу Д. Монгол улс, БНАСАУ-ын харилцааны 70 жил (=70 лет отношениям Монголии и КНДР) [электронный ресурс] URL: <http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bnasau-iin-khariltsaanii-70-jil> (дата обращения: 16.01.2022).
- Биндэръяа 2021 — Биндэръяа Ч. Т. Сүхбаатар: Өнгөрсөн зуун жилийн түүхэнд Монголын ээвсэгт хүчин оролцсон нэг ч дайн тулаандаа ялагдаж үзээгүй (= За всю историю прошлого века монгольские вооруженные силы не проиграли ни одного сражения) [электронный ресурс] // Өдрийн Сонин. 18.08.2021. URL: <https://dnn.mn/t-cuxbaatar-ongorsон-зуун-жилийн-түүхэнд-монголын-ээвсэгт-хүчин-оролцсон-нэг-ч-дайн-тулаандаа-ялагдаж-үзээгүй/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Гадаад худалдаа 2020 — Гадаад худалдаа 2020 (= Внешняя торговля 2020) [электронный ресурс] // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. Гадаад худалдаа (= Статистическая база данных. Внешняя торговля). 2020. URL: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (дата обращения: 16.01.2022).
- Гольман 2014 — Гольман М. И. Монголия — посредник и партнер КНДР [электронный ресурс] // NEO (Новое Восточное обозрение). 08.08.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Зимин 1993 — Зимин Б. Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы — теоретические итоги исследований // Известия РАН. Серия «География». 1993. № 2. С. 95–104.
- Игнатов 2020 — Игнатов И. А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 6–14.
- Киргизия решила 2011 — Киргизия решила последовать примеру Монголии // Монголия сегодня. 18.12.2011. С. 5.
- Косырев 2006 — Косырев Д. Переговоры по Корее: с такими провалами и успехов не надо [электронный ресурс] // «РИА Новости» 22.12.2006. URL: <https://ria.ru/20061222/57599531.html> (дата обращения: 16.01.2022).
- Малые страны 1987 — Малые страны Западной Европы: экономические проблемы: Реф. сб. АН СССР / отв. ред. Ю. А. Борко. М.: ИНИОН, 1987. 214 с.
- Монгол Улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн 2021 — Монгол улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн дагуу нэг цонхоор сурталчлах талаар ажил хэргийн уулзалт боллоо (= Деловая встреча по продвижению одного окна Монголии в соответствии с международной стратегией) [электронный ресурс] // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам (= Министер-

- ство иностранных дел). 06.03.2021. URL: <http://mfa.gov.mn/59069> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монгол Улсын үндсэн хууль 1992 — Монгол Улсын үндсэн хууль (= Конституция Монголии) [электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014 — Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (= Концепция национальной безопасности Монголии) [электронный ресурс] // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 26.12.2014. URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монголия готова 2012 — Монголия готова выйти в Японское море через особую экономическую зону [электронный ресурс] // ЗабИнфо (Забайкальское информационное агентство. 30 августа 2012 г. URL: <http://zabinfo.ru/93313> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монголия является 2013 — Монголия является сердцем демократии // Монголия сегодня. 26.04.2013. С. 3.
- Най 2006 — *Най Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
- О встрече президентов 2012 — О встрече президентов Монголии и Кыргызстана // Монголия сегодня. 04.04.2012. С. 7.
- Олон Улсын хамтын 2013 — Олон Улсын хамтын ажиллагааны сангийн тухай (= О фонде международного сотрудничества) [электронный ресурс] // Монгол улсын засгийн газрын тогтоол. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 2013 оны 3 дугаар сарын 30-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/9128> (дата обращения: 16.01.2022).
- Программа 2020 — Программа «Популяризация Монголии за рубежом» [электронный ресурс] // Монголия сейчас. Новости. 27.08.2020. URL: <http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongoliza-rubezhom/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Сэржав 2019 — *Сэржав Б.* БНМАУ-ын энхтайвны төлөөлөгчдийн үйлажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг (= Роль делегаций за мир Монгольской Народной Республики в начале двусторонних отношений) // Дайны дараах Монгол-Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг: өнгөрсөн, одоо, ирээдүй (= Роль политики народной дипломатии в послевоенных монголо-японских отношениях: прошлое, настоящее и будущее) / ред. Ц. Батбаяр. Улаанбаатар: Монголын Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. Рр. 41–55.
- Халиун 2017 — *Халиун Н.* Премьер-министр Монголии нанес визит Аун Сан Су Чжи [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Политика. 15 мая 2017 г. URL: <https://montsame.mn/ru/read/160430> (дата обращения: 16.01.2022).
- Элбэгдорж 2014 — Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Ц. Элбэгдорж UBS телевизийн Кофе юу, Цай юу нэвтрүүлэгт оролцлоо (= Президент Монголии Ц. Элбэгдорж принял участие в телевизионной передаче UBS «Будете кофе или чай») [электронный ресурс] // Youtube.com. 26.04.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TCCELU> (дата обращения: 16.01.2022).
- Эрдэнэтуяа 2020 — *Эрдэнэтуяа Д. Ж.* Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна (= Ж. Энхсайхан: Монголия упускает историческую возможность повысить свою репутацию) [электронный ресурс] // News.mn Agency. Нийгэм. Ярилцлага. 13.10.2020. URL: <https://news.mn/r/2359366/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Chong 2007 — *Chong A.* The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies [электронный ресурс] // CiteSeerX — scientific literature digital library. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.01.2022).
- Declaration 2019 — Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America [электронный ресурс] // Office of President of Mongolia. 2019/08/01. URL: <https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Dierkes, Jargalsaikhan 2018 — *Dierkes J., Jargalsaikhan M.* What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit [электронный ресурс] // The Diplomat Magazine. March 17, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Ease of Doing Business Index 2020 — Ease of Doing Business Index 2020 [электронный ресурс] // World Bank Group. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy> (дата обращения: 16.01.2022).

- Freedom in the World 2021 — Freedom in the World 2021. Mongolia [электронный ресурс] // Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021> (дата обращения: 16.01.2022).
- Hey 2003 — *Hey J. A. K.* Introducing Small State Foreign Policy // *Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior* / ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. Pp. 2–13.
- Human Capital Index 2020 — Human Capital Index 2020 [электронный ресурс] // World Bank Group. OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (дата обращения: 16.01.2022).
- Keohane 1969 — *Keohane R.* Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. Pp. 291–310.
- Miliate 2013 — *Miliate B.* The Surprising Potential of Mongolian-Myanmar Relations [электронный ресурс] // *The Diplomat Magazine*. December 04, 2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Mongolia's international 2000 — Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status [электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. 20.11.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).
- Nye 1990 — *Nye S. J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
- Nye 2004 — *Nye S. J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- Ranking 2020 — Ranking Web of Universities. 2020 [электронный ресурс] // Webometrics Ranking of World Universities. URL: <http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20> (дата обращения: 16.01.2022).
- Rodionov 2020 — *Rodionov V.* Foreign Policy of President Kh. Battulga (2017–2020) // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 91–100.
- Rothstein 1968 — *Rothstein R.* Alliances and Small Power. New York, London: Columbia University Press, 1968. 331 p.
- Rutherford 2019 — *Rutherford K.* The Hu Brings Mongolian Metal to No. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart [электронный ресурс] // Billboard pro. Chart beat. 04/18/2019. URL: <https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Soft Power Survey 2018 — Soft Power Survey 2018/19 [электронный ресурс] // *Monocle magazine. Affairs*. 21 December 2018. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/> (дата обращения: 16.01.2022).
- The Global Competitiveness Report 2019 — The Global Competitiveness Report 2019 [электронный ресурс] // *World Economic Forum*. Schwab K. (ed.). WEFForum. Cologny; Geneva: WEF, 2019. 666 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 16.01.2022).
- The Good Country Index 2021 — The Good Country Index 2021 [электронный ресурс] // URL: <https://index.goodcountry.org/> (дата обращения: 16.01.2022).
- The Military Balance 2021 — The Military Balance 2021 [электронный ресурс] // *Fact Military*. Справочники/энциклопедии. 2021. URL: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_balance/the_military_balance_2021/10-1-0-7108 (дата обращения: 16.01.2022).
- The World Bank in Mongolia 2021 — The World Bank in Mongolia [электронный ресурс] // The World Bank. Overview. November 24, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1> (дата обращения: 16.01.2022).
- The World Bank in Small States — The World Bank in small States [электронный ресурс] // The World Bank. Where we work. Overview. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (дата обращения: 16.01.2022).
- Thurer 1998 — *Thurer D.* The Perception of Small States: Myth and Reality / Ed. by L. Goetschel // *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*. Boston: Kluwer, 1998. Pp. 33–42.
- Vandenbosch 1964 — *Vandenbosch A.* The Small States in International Politics and Organization // *The Journal of Politics*. 1964. May. Vol. 26. No. 2. Pp. 293–312.
- Vital 1967 — *Vital D.* The Inequality of States: a Study of the Small Power in International Relations. Oxford: Clarendon Press, 1967. 198 p.
- Wishnick 2019 — *Wishnick E.* Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? [электронный ресурс]

песуц] // The Diplomat Magazine. June 19, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/>

mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 16.01.2022).

References

- Battsetseg G. Mongolia welcomes a return visit of DPRK foreign affairs minister. On: Montsame News Agency. Politics. Posted on December 10, 2018. Available at: <https://montsame.mn/ru/read/173860> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Battulga Kh.: 'Archives are somewhat key tools to implement Mongolia's soft power policy'. On: Montsame News Agency. News of Mongolia. Posted on July 6, 2019. Available at: <https://montsame.mn/en/read/194966> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Bayarkhuu D. Mongolia and DPRK: Celebrating the 70th anniversary of relations. Available at: <http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bna-sau-iin-khariltsaanii-70-jil> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Binderyaa Ch. T. Sükhbaatar: 'Mongolia's armed forces lost not a single battle in the whole of the last century'. On: Ödriyn Sonin (Daily News). Posted on August 18, 2021. Available at: <https://dnn.mn/t-sykhbaatar-ongorsen-zuun-zhiliyn-tyykhend-mongolyn-zevsegt-khychin-oroltsson-neg-ch-dayn-tulaandaa-yalagdazhyzeegy/> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Borko Yu. A. (ed.) Small States of Western Europe: Economic Problems. Collected papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 1987. 214 p. (In Russ.)
- Business meeting to promote another window of Mongolia in accordance with the foreign policy strategy. On: Ministry of Foreign Affairs of Mongolia (website). Posted on March 6, 2021. Available at: <http://mfa.gov.mn/59069> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Chong A. The Foreign Policy Potential of 'Small States Soft Power' Information Strategies. On: CiteSeerX — scientific literature digital library. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Concept of the National Security of Mongolia. On: Ministry of Foreign Affairs of Mongolia (website). Posted on December 26, 2014. Available at: <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Constitution of Mongolia. On: Unified Legal Information System (Mongolia). Ratified on January 13, 1992. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America. On: Office of President of Mongolia (website). Posted on August 1, 2019. Available at: <https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Dierkes J., Jargalsaikhan M. What Mongolia gains by playing host to a historic Trump-Kim summit. On: The Diplomat Magazine. Posted on March 17, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Ease of Doing Business Index 2020. On: World Bank Group (website). 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Erdenetuyaa D. Zh. Enkhsaikhan: 'Mongolia is losing a historical opportunity to strengthen its reputation'. On: News.mn Agency. Society. Interview. Posted on October 13, 2020. Available at: <https://news.mn/r/2359366/> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Foreign Trade 2020. On: Statistical Database. Foreign Trade. 2020. Available at: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Freedom in the World 2021. Mongolia. On: Freedom House. 2021. Available at: <https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Golman M. I. Mongoliya — intermediary and partner of North Korea. On: New Eastern Outlook (online magazine). Posted on August 8, 2014. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Hey J. A. K. Introducing small state foreign policy. In: Hey J. A. K. (ed.) Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. Pp. 2-13. (In Eng.)

- Human Capital Index 2020. On: World Bank Group (website). OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Ignatov I. A. Mongolia's mediation and peacekeeping role in the framework of the concept of a 'third neighbor' on the Korean Peninsula. *Far Eastern Studies*. 2020. No. 6. Pp. 6–14. (In Russ.)
- Keohane R. Lilliputians' dilemmas: Small states in international politics. *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. Pp. 291–310. (In Eng.)
- Khaliun N. Mongolia's prime-minister pays visit to Aung San Suu Kyi. On: Montsame News Agency. Politics. Posted on May, 15 2017. Available at: <https://montsame.mn/ru/read/160430> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Kosyrev D. Negotiations on Korea: Who needs achievements with failures like this? On: RIA Novosti (news agency). Posted on December 22, 2006. Available at: <https://ria.ru/20061222/57599531.html> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Kyrgyzstan choses to follow in Mongolia's footsteps. *Mongoliya segodnya*. December 18, 2011. P. 5. (In Russ.)
- Miliate B. The surprising potential of Mongolian-Myanmar relations. On: The Diplomat Magazine. Posted on December 4, 2013. Available at: <https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Mongolia and Kyrgyzstan: A meeting of two presidents reviewed. *Mongoliya segodnya*. April 4, 2012. P. 7. (In Russ.)
- Mongolia is ready to gain access to the Sea of Japan via a special economic zone. On: ZabInfo.ru (online media outlet of Transbaikalia). Posted on August 30, 2012. Available at: <http://zabinfo.ru/93313> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Mongolia is the heart of democracy. *Mongoliya segodnya*. April 26, 2013. P. 3. (In Russ.)
- Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status. On: United Nations Digital Library. Posted on November 20, 2000. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk; Moscow: Trendy, 2006. 224 p. (In Russ.)
- Nye S. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p. (In Eng.)
- Nye S. J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. (In Eng.)
- On International Cooperation Foundation. Decree of the Government of Mongolia of 30 March 2013. On: Unified Legal Information System (Mongolia). Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/9128> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- President of Mongolia Ts. Elbegdorj takes part in the 'Tea of Coffee' TV program. On: Youtube.com. Posted on April 26, 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TC-CELU> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Promoting Mongolia Abroad Program. On: MongolNow.com (online media outlet). Newsfeed. Posted on August 27, 2020. Available at: <http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Ranking Web of Universities. 2020. On: Webometrics Ranking of World Universities. Available at: <http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Rodionov V. Foreign policy of President Kh. Batulga (2017–2020). *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 91–100. (In Eng.)
- Rothstein R. Alliances and Small Power. New York, London: Columbia University Press, 1968. 331 p. (In Eng.)
- Rutherford K. The Hu brings Mongolian metal to no. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart. On: Billboard pro. Chart beat. Posted on April 18, 2019. Available at: <https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Serjav B. Peace delegations of the Mongolian People's Republic and their role at earliest stages of bilateral relations. In: Batbayar Ts. (ed.) The Role of People's Diplomacy in Post-War Mongolian-Japanese Relations: Past, Present, Future. Ulaanbaatar: Mongolian Society for Japanese Studies, 2019. Pp. 41–55. (In Mong.)
- Soft Power Survey 2018/19. On: Monocle magazine. Affairs. Posted on 21 December 2018. Available at: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Global Competitiveness Report 2019. In: Schwab K. (ed.). WEFForum. Cologny; Geneva:

- WEF, 2019. 666 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Good Country Index 2021. Available at: <https://index.goodcountry.org/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Military Balance 2021. On: Fact Military. Reference Books and Encyclopedias. 2021. Available at: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_balance/the_military_balance_2021/10-1-0-7108 (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The World Bank in Mongolia. On: The World Bank (website). Overview. Posted on November 24, 2021. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The World Bank in Small States. On: The World Bank (website). Where We Work. Overview. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Thurer D. The perception of small states: Myth and reality. In: Goetschel L. (ed.) *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*. Boston: Kluwer, 1998. Pp. 33–42. (In Eng.)
- Vandenbosch A. The small states in international politics and organization. *The Journal of Politics*. 1964, May. Vol. 26. No. 2. Pp. 293–312. (In Eng.)
- Vital D. *The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 198 p. (In Eng.)
- Wishnick E. Mongolia: Bridge or buffer in North-east Asia? On: The Diplomat Magazine. Posted on June 19, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Zimin B. N. Small though developed countries of Western Europe: Theoretical outcomes of research. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 1993. No. 2. Pp. 95–104. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 244–258, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-244-258

К. И. Костенков о правах калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии: источниковедческий обзор

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaeva@kigiran.com

© КалмНИЦ РАН, 2022

© Гунаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* К. И. Костенков — первый из дореволюционных исследователей, специально обратившийся к изучению вопроса правового регулирования земельных прав калмыков, в частности на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии. В статье приводится источниковедческий обзор Главы IV «О правах калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии» из книги К. И. Костенкова «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб, 1870». *Цель* статьи — анализ названной главы книги К. И. Костенкова как источника по вопросу регулирования земельных прав калмыков в Астраханской губернии до начала 1860-х гг. *Результаты.* В статье приведены наиболее важные положения указанной главы, а также некоторые комментарии к ним. Определено смысловое содержание главы в целом, приведен список нормативных актов, перечисленных в главе, проанализированы позиции К. И. Костенкова как исследователя и государственного чиновника по вопросам, затрагиваемым в главе книги. *Выводы.* В вышеуказанной главе К. И. Костенков привел практически все акты из Полного собрания законов Российской Империи, относящиеся к земельным правам калмыков Астраханской губернии до начала 1860-х гг. Обращает внимание отсутствие в указанном перечне Правил 1825 г. и Положения 1834 г. об управлении калмыцким народом. Возможно, это объясняется тем, что в них практически не регулируются земельные вопросы. В названной главе книги К. И. Костенкова четко прослеживается смысловая эволюция от понятия «территория обитания этноса», территориальные границы к собственно земельным правам. Представляется, что это связано с утратой ограниченного суверенитета Калмыцкого ханства, а после откочевки 1771 г. и его ликвидации, все большей постепенной интеграцией калмыков в общероссийское управление, соответственно вопросы регулирования земли в публично-правовом смысле как территории переходят в частноправовое русло регулирования земли как экономического, природного ресурса. По содержанию указанной главы во взглядах по вопросам истории и обустройства калмыцкого общества не только прослеживается личное мнение К. И. Костенкова, но и находит отражение

позиция российского государственного аппарата в практическом преломлении, например, по переводу на оседлый образ жизни, экономического освоения Калмыцкой степи.

Ключевые слова: землевладение, землепользование, кочевья, калмыки, Российская империя, Калмыцкая степь Астраханской губернии, источниковедение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. К. И. Костенков о правах калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии: источниковедческий обзор // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 244–258. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-244-258

Capiton I. Kostenkov about Land Rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate: A Review of Sources

Evgeniy A. Gunaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Gunaev E. A., 2022

Abstract. Introduction. Capiton I. Kostenkov was the first researcher of Tsarist Russia to have explored legal regulations dealing with land rights of Kalmyks in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. The article reviews sources mentioned in Chapter Four ('About Land Rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate') of his work titled 'Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts' (St. Petersburg, 1870). **Goals.** The paper aims at analyzing the mentioned chapter as a work examining land rights regulations for Kalmyks in Astrakhan Governorate prior to the 1860s. **Results.** The article outlines most essential provisions of the chapter and some related comments, determines key messages, lists the regulatory enactments included therein, analyzes C. Kostenkov's viewpoints — both of a scholar and a government official — on the issues under consideration. **Conclusions.** The chapter contains virtually all documents contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and dealing with the pre-1860s land rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate. It is noteworthy the former ignores the Regulations of 1825 and Statute of 1834 about the Kalmyk People's Administration Office, which may result from those pay little attention to land issues. C. Kostenkov's work shows a semantic evolution of the concept 'ethnos-inhabited area', territorial borders — towards lands rights proper. That could be explained by that the Kalmyk Khanate had tended to lose its limited sovereignty, and after the exodus of 1771 the remaining Kalmyks were being increasingly integrated into Russia's administrative system. So, the issues of land use and tenure shifted from public (a territory) to private law (land as an economic and natural resource). The attitudes and opinions about Kalmyk history and social structure described are characteristic not only of C. Kostenkov as such but also of Russian authorities at large, e.g., the to be initiated sedentarization and economic development of Kalmyk Steppe.

Keywords: land tenure, land use, nomadic territories, Kalmyks, Imperial Russia, Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, source studies

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Gunaev E. A. Capiton I. Kostenkov about Land Rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate: A Review of Sources. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 244–258. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-244-258

Введение

В калмыковедении огромную роль играют труды дореволюционных исследователей XVII–XIX вв. Часть трудов принадлежит выходцам из чиновничьей среды, которые по роду своей службы непосредственно осуществляли управление калмыками и контактировали с местным населением. Одним из выдающихся по праву исследователей XIX в., оставившим свой заметный след в виде опубликованных трудов, является Капитон Иванович Костенков, который был Главным попечителем Управления калмыцкого народа (УКН) более 15 лет¹ [Ученые 2006: 107–111]. О нем не сохранилось подробных биографических сведений, неизвестны даты его жизни. Признание ему принесли труды по истории калмыцкого народа, географии и социально-экономическом положении Калмыцкой степи, основанные на материалах Кумо-Манычской экспедиции 1860–1861 гг. Так, одним из наиболее известных его трудов является книга «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии...» [Костенков 1870], «написанные на базе материалов Полного собрания законов Российской империи² и архива УКН³...» [Мучиряева 2014: 32].

Главному попечителю принадлежала ключевая роль в системе управления и в организации хозяйственно-экономической жизни Калмыцкой степи, многие из занимавших эту должность оставили заметный след в истории Калмыкии [Мацакова, Амаева, Оконова 2018: 71], а «некоторые из них оставили после себя труды, которые до настоящего времени не потеряли своего научного значения» [Белоусов 2016: 76].

Исследователями отмечается вклад К. И. Костенкова в изучение истории калмыцкого народа, а также проектов его общественного

преобразования. Так, С. С. Белоусов обращает внимание на «достаточно подробное освещение вопроса административно-территориального устройства калмыцких кочевий» [Белоусов 2016: 77]. Н. П. Мацакова считает, что «как главный попечитель калмыцкого народа он принял активное участие в процессе подготовки проекта закона об отмене обязательных отношений в калмыцком обществе» [Мацакова 2008: 165].

В советский период труды К. И. Костенкова изучались Л. С. Бурчиновой как источники об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России во второй половине XIX в. [Бурчинова 1971: 3]. Она отмечает, что труды К. И. Костенкова основаны на материалах обследования Калмыцкой степи в 1858–1860 гг. Книга «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии с картою Калмыцкой степи» (СПб., 1870) считается завершением его научных изысканий, «К. И. Костенков затрагивает в ней самые различные вопросы, начиная от истории происхождения калмыков, вхождения в состав России и заканчивая характеристикой экономического и социального состояния конца 1860-х гг.» [Бурчинова 1971: 5–6].

В научных публикациях подробно не изучался земельный вопрос, который рассматривался ранее в книгах и статьях К. И. Костенкова. Так, в работах Л. С. Бурчиновой приводятся лишь некоторые сведения из его работ относительно земельной площади Калмыцкой степи [Бурчинова 1980: 100–101], в основном обращается внимание на данные по развитию калмыцкого скотоводства, земледелия, переходу к оседлости [Бурчинова 1971: 13, 17, 32, 34–35, 39; Бурчинова 1980: 107–108].

Труды К. И. Костенкова упоминаются и в работах Л. С. Бурчиновой, посвященных Кумо-Манычской экспедиции [Бурчинова 1981: 67–68], а также в соавторстве с А. Н. Команджаевым — социальному положению калмыцкого крестьянства [Бурчинова, Команджаев 1989: 115].

И. В. Борисенко относил Карту Калмыцкой степи Астраханской губернии с

¹ Годы жизни и деятельности К. И. Костенкова неизвестны, поскольку сведений о нем практически не сохранилось, известны лишь отдельные факты его служебной биографии.

² Речь идет о: [ПСЗРИ, 1 1830; ПСЗРИ, 2 1830–1885].

³ Речь идет об Управлении калмыцким народом.

обозначением кочевий калмыцких улусов 1869 г., опубликованную в названной книге К. И. Костенкова, к картам хозяйственно-административного назначения, в них возрастает удельный вес земельных участков, не подлежавших юрисдикции администрации Калмыцкой степи [Борисенко 1977: 136].

В настоящее время вновь возрастает научный интерес к трудам К. И. Костенкова. Например, в статье С. С. Белоусова и А. Т. Баяновой опубликован отрывок из книги К. И. Костенкова «Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции», в котором дано «представление о географии и времени перекочевков, которые являлись важнейшим элементом системы ведения калмыками скотоводства» [Белоусов, Баянова 2018: 57–61].

В статье А. С. Ряжева, А. О. Долеевой и Д. Ю. Топаловой представлен фрагмент четвертой главы книги К. И. Костенкова «Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» (СПб., 1868), в ней содержится характеристика скотоводства калмыцкого общества [Ряжев, Долеева, Топалова 2018: 85–105].

Таким образом, глава IV «Права калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии» из книги К. И. Костенкова «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии с картою Калмыцкой степи» (СПб., 1870) еще не становилась предметом источниковедческого обзора.

Цель данной статьи заключается в анализе названной главы книги К. И. Костенкова как источника по вопросу регулирования земельных прав калмыков в Астраханской губернии до начала 1860-х гг.

В этой связи необходимо определить смысловое содержание главы в целом, привести список законодательных актов, перечисленных в главе, проанализировать позиции К. И. Костенкова как исследователя и государственного чиновника по вопросам, затрагиваемым в главе книги. Следует отметить, что собственно анализ правовых актов, указанных в главе, не входит в задачи настоящего исследования.

Ниже автор приводит наиболее важные положения указанной главы [Костенков 1870: 70–91], а также некоторые комментарии к ним.

Основные положения главы IV «Права калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии»

Во-первых, обратим внимание на смысловые сочетания из названия главы «права на землю предоставлены»: «земля» здесь понимается в большей мере как территория, синоним жизненного пространства. К. И. Костенков в начале главы поясняет, что распоряжения Правительства, указанные в очерке, можно подразделить следующим образом: «как те, которые имели целью предоставить калмыкам пользование отведенною им территорию, так равно и те мероприятия, которые клонились к более прочному водворению на ней калмыков» [Костенков 1870: 70]. Таким образом, подтверждается мысль, что речь идет прежде всего о территории, а также о мерах российской администрации по постепенному обоседлению калмыков.

В дореволюционной историографии доминировала точка зрения об экспансии ойратов в Россию [Кичиков 1976: 6]. Этой же теории придерживается в своей книге и К. И. Костенков, рассуждая о приходе ойратов (калмыков) в Россию. Дату прибытия калмыков в Россию он ведет с 1630 г. [Именной указ 1806], калмыки, придя на землю между Уралом и Волгою, совершали набеги на русские населенные пункты, подступая и к Астрахани. Однако калмыки понесли значительный урон близ Астрахани, и «не имея возможности силою оружия удержать за собою занятые степи, вынуждены были принять подданство России» [Костенков 1870: 70].

Далее он обращает внимание на один из главных аспектов, что поначалу законодательные акты Российского государства не обозначали калмыкам, одновременно с принятием их в подданство России, границы земель, предоставленных для кочевья, и они свободно занимали все те степные пространства на луговом (левом) берегу реки Волги. Это в свою очередь вызвало вопрос о регулировании кочевий калмыков российским правительством [Костенков 1870: 71].

Согласно К. И. Костенкову, первые распоряжения правительства в этом отношении последовали с 1687 г. по поводу принятия в подданство России вышедшего из Зюнгарии тайши Чаган-Батыра с поданными. В тексте приводится ссылка на грамоту, данную на

имя боярина князя В. В. Голицына по отводу калмыкам земель для кочевья на луговой стороне, по р. Ахтубе [Грамота 1687].

К. И. Костенков приводит ссылки на договоры Аюки-хана, заключенные с Казанским и Астраханским Губернатором Апраксиным 30 сентября 1708 г. [Договорные статьи 1708] и 5 сентября 1710 г. [Статьи 1710; Костенков 1870: 72]. В них содержится обязательство не отдаляться от Волги и запрет перекочевки с луговой на нагорную сторону реки.

К. И. Костенков приводит и документы, где регулируется рыбный промысел и кочевья калмыков вдоль рек. Так, указом Правительствующего Сената 1 сентября 1737 г. предписано было отвести калмыкам из оброчных вод для рыболовства удобное место, «которое для того их удовольствия из оброка выключить» [Об отводе 1737: 255]. Это объяснялось тем, что, «недовольствуясь кочевьями по волжскому побережью, калмыки начали заниматься рыбным промыслом и производили таковой как в казенных, так и откупных водах, нарушая тем порядок и причиняя убытки казенному лову и арендаторам» [Костенков 1870: 72]. Указом Правительствующего Сената 4 июля 1749 г. им запрещено было «кочевать на устьях речек Еруслана и других, с дозволением располагаться кочевьями по тем же речкам, но выше устьев» [Об определении 1749: 100], что в свою очередь преследовало цель «прекращения самовольства калмыков и для уменьшения производимых ими грабежей и воровства скота» [Костенков 1870: 72].

Согласно К. И. Костенкову, с 1704 г. начинаются попытки к оседлому водворению калмыков на отведенную им землю. Эти попытки совпадают с принятыми императрицей Екатериною II общими мероприятиями по колонизации свободных казенных земель. По мнению К. И. Костенкова, судя по архивным актам, инициатива по оседлому водворению калмыков принадлежала калмыцкому нойону Замьяну, который ходатайствовал об отводе ему, вместе с принадлежавшими ему калмыками, земли для поселения. Здесь имелось в виду поселение на нагорной стороне Волги. Коллегия иностранных дел в своем докладе ставила два вопроса: разрешить поселение всем калмыкам или только небольшой части народа? [Костенков 1870: 73].

В докладе было признано, что при переселении всего калмыцкого народа, «степи могут остаться по большей части пустыми и неминуемо сделаются сборищем воров и грабителей и могут послужить впоследствии постоянным убежищем для них» [Костенков 1870: 74], в связи с этим было принято решение о поселении на первый раз только одному владельцу Замьяну, «назначив для сего на нагорной стороне р. Волги урочище, под названием *Крымский Затон*, а для постройки домов калмыкам и на другие надобности при первоначальном обзаведении, ассигновать Астраханскому Губернатору по 3 000 р. в год» [Высочайше 1764: 831; Костенков 1870: 74].

Степи Астраханской губернии весьма долгое время удерживали следующие названия: лежащие на правом берегу р. Волги назывались *Крымскою* степью, а на левом — *Ногайскою* [Костенков 1870: 74]. Как утверждал К. И. Костенков, «это был первый случай переселения калмыков с луговой на нагорную сторону р. Волги после двух договоров 1708 и 1710 г. с ханом Аюкою, и вскоре за тем, именным Высочайшим указом 14 августа 1783 г., данными Новороссийскому Генерал-Губернатору князю Потемкину, было повелено перевести Дербетевых калмыков на Крымскую степь, т. е. на нагорный или правый берег р. Волги» [Именный указ 1783: 993].

Следующим важнейшим актом спустя более 20 лет после перехода нойона Замьяна, с подвластными ему калмыками, для оседлого поселения на урочище Крымский Затон, стал указ «Об устройстве Кавказской Губернии и области Астраханской» от 9 мая 1785 г. на имя Саратовского и Казанского генерал-губернатора князя Г. А. Потемкина, в котором говорилось о заселении степи, простирающейся от Астрахани до Кизляра, и об отводе на ней земли, в том числе и калмыкам [Именный рескрипт 1785; Костенков 1870: 75].

Как отмечал К. И. Костенков, вследствие перевода значительной части калмыков на правую, нагорную сторону р. Волги они своими кочевьями стали расселяться и в Кавказской (в последующем Ставропольской) губернии. Это дало повод к принятию мер по приобщению и этих калмыков к оседлой жизни. Об этом свидетельствуют высочайшие указы от 18 марта [Именный указ]

1786а: 557] и от 30 апреля 1786 г. [Именный указ] 1786б: 583; Костенков 1870: 75].

Согласно К. И. Костенкову, Российское правительство в течение 20 с лишним лет пыталось «водворять калмыков на отведенной им земле, но все попытки, сделанные по этому предмету, не имели успеха» [Костенков 1870: 76].

В то же время на основе указаний в делах архива Калмыцкого Управления он приводит факт того, что калмыки целыми аймаками заявляли желание приступить к оседлому водворению. Так, например, в проезд правителя Кавказского наместничества статского советника Алексеева, из Астрахани через калмыцкие кочевья, зайсанги и калмыки в числе 400 кибиток подали ему прошение о поселении их на удобных местах домами, на что и последовало от правительствующего сената разрешение 25 августа 1788 г. [Сенатский 1788]. Но, как полагал К. И. Костенков, «во всех подобных заявлениях едва ли можно видеть хоть долю искреннего желания перейти от кочевой жизни к оседлой», по его мнению, калмыки руководствовались главным образом целью получить в свое распоряжение лучшие земли, денежные пособия и награды [Костенков 1870: 76].

В последующем обстоятельства потребовали просить разрешения о переводе калмыков обратно на луговую сторону Волги. Так как калмыки, перекочевав на правый берег, оставили Заволжье без всякой защиты от нападений киргизов (казахов. — Е. Г.), которые воспользовались отсутствием калмыков, «приходили большими партиями из-за Урала и неоднократно производили здесь грабежи и опустошения» [Костенков 1870: 77]. В указе на имя генерал-губернатора И. В. Гудовича от 19 апреля 1783 г. признавался полезным перевод калмыков обратно с нагорной стороны Волги на луговую, в том числе для собственной их выгоды, «обуздания Киргизцов и сбережения казны от лишних расходов, на содержание стражи употребляемых...», выражалась просьба к Гудовичу склонить большую часть калмыков на такой переход [Именный указ] 1793: 424].

По мнению К. И. Костенкова, с приходом киргизов на луговую сторону Волги калмыки перекочевали на нагорную (правую) сторону Волги и частично в Ставро-

польскую губернию, за исключением Хошоутовского улуса, который кочевал летом на луговой стороне, также «часть калмыков переходила на *общее очередное кочевье*, ныне совершенно ими оставленное по неудобству и отдаваемое в арендное содержание киргизам, в пользу общественного калмыцкого капитала» [Костенков 1870: 78].

Следующим актом, регулирующим земельное устройство калмыков, явился указ императора Павла от 27 сентября 1800 г. Основанием для него послужило ходатайство последнего наместника калмыцкого хана Чучея тайши Тундута об отводе калмыкам земель и указания им границ для кочевья. В этом указе повелевалось Сенату «сочинив на оныя грамоту, поднести ее к подписанию» [Именный указ] 1800а: 322]. Эта грамота была выдана калмыцкому народу в том же году [Всемиловейшая грамота 1800].

При ходатайстве Чучея тайши Тундута был издан указ императора Александра I на имя Коллегии иностранных дел от 26 октября 1801 г., которым права и преимущества, присвоенные калмыцкому народу, утверждались «во всей силе их и неприкосновенности» [Именный указ] 1800б: 809].

После откочевки большей части калмыков в Китай в 1771 г. российскому правительству пришлось учитывать, что многие земли, на которых ранее кочевали калмыки, были розданы и заселены. В этой связи издается указ от 28 апреля 1802 г., которым предписывалось отвести земли калмыкам «от Царицына до берегов Каспийского моря» в количестве, нужном «для пастьбы стад и табунов их», в том числе «...отдаля всякое посторонних людей к ним притязание» [Именный указ] 1802: 126; Костенков 1870: 79].

На основании этого указа все распоряжения о нарезке земли калмыкам возлагались на Главноуправляющего в Грузии, князя П. Д. Цицианова. В 1-м пункте указа от 12 июня 1803 г. [Именный указ] 1803: 653] подчеркивалось, что земли калмыкам по указу 27 сентября 1800 г. «отдать им никак не можно», а потому ставилась задача в убеждении калмыков принять отвод им земель в уменьшенном размере; сборе у них сведений о потребностях в пастбищах и смены кочевий согласно временам года, и осуществить нарезку земли, обозначив

места прогонов скота к Волге на водопой. Для киргизов также следовало осуществить нарезку земли между Уралом и Ахтубой, таким образом для киргизов границей являлась Ахтуба, а для калмыков — Волга, так, «чтобы земли между этими двумя реками могли оставаться свободными для заселения, за исключением из них мест для кочевья владельца Тюменя, который давно уже расположился здесь с подвластными ему калмыками и завел хорошее хозяйство» [Костенков 1870: 80].

К. И. Костенков отмечает, что в 1860 г. был принят указ в том числе о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями, данное разграничение «было признано необходимым во избежание постоянных столкновений, происходивших между калмыками и магометанскими народами, кочующими в Ставропольской губернии» [Именной указ 1860: 222].

На основании этих представлений князя П. Д. Цицианова и согласно отзыву по ним Астраханского гражданского губернатора, было составлено в Министерство внутренних дел положение об отводе земель инородцам, кочевавшим в Астраханской и Кавказской (Ставропольской) губерниях, которое получило утверждение в именном указе от 19 мая 1806 г. [Именной указ 1806]. В нем калмыцкому народу была предоставлена для общего кочевья вся нагорная степь. На луговую сторону разрешалось переходить летом каждый год одному из владельцев по очереди. Предоставлялись необходимые прогоны к Волге, владельцам земель для этих прогонов в калмыцкой степи должно было выделяться аналогичное количество земли. Такие же правила были распространены на прогоны и по другим рекам [Костенков 1870: 82].

Оброчные статьи на нагорной стороне и все угодья на землях и прогонах закреплялись за калмыками. Дербетевскому улусу, с учетом его населенности, сверх предоставленной территории было дозволено «кочевать и за Манычем по р. Калаусу до большого Егорлыка» [Костенков 1870: 82]. Калмыки получили право иметь зимовку на тех мочагах, которые не состояли ни в чьем частном владении. Для зимнего кочевья калмыков владельцы и казенные поселенцы займищных дач должны были

предоставлять определенные места, а им соответственно предоставлялась береговая полоса на нагорной стороне шириною от 10 до 15 верст, «для запашки и выгонов скота на пастбу во время половодья» [Костенков 1870: 82]. Как отмечал К. И. Костенков, во второй половине XIX в. эта полоса была ограничена пространством в 10 верст, и место Калмыцкий Базар близ Астрахани также закреплялось за калмыками [Костенков 1870: 83].

К. И. Костенков характеризует откочевку калмыков в 1771 г. как «бегство ... из России в китайские владения» и отмечает, что оставленные ими земли заняты были самовольно разного звания скотоводами, в том числе и астраханскими армянами, где они много лет после того разводили и выпасали свой скот беспрепятственно, но калмыки, получив определенные права на земли, предоставленные им вышеозначенным указом 19 мая 1806 г., стали вытеснять посторонних лиц из своих степей и вызвали этим ходатайство со стороны армян о разрешении им по-прежнему кочевать вместе с калмыками. Однако утвержденным 3 апреля 1828 г. положением Комитета Министров было указано: «... армянам и прочим людям, имеющим скотоводство на калмыцких землях, дальнейшее пребывание на оных воспретить» [Высочайше 1828: 346].

К. И. Костенков указывает, что в то же время калмыцкому народу 21 апреля 1828 г. была предоставлена «высочайшая грамота о том, что жалованные ему до того времени права и преимущества подтверждаются „во всей их силе и неприкосновенности“» [Высочайшая грамота 1828: 456].

23 февраля 1837 г. положением Комитета Министров была разрешена в качестве временной меры сдача в аренду излишков калмыцких земель для улучшения скотоводства и восстановления благосостояния калмыков, разорёнными несчастными случаями. Деньги от содержания оброчных статей распределялись на пособия для покупки рогатого скота [Высочайше 1837].

Эта мера была принята по представлению Астраханского военного губернатора, генерал-майора Тимирязева с целью выдачи вырученных за них денег в пособие беднейшим калмыкам, пострадавшим от потери своего скота во время жестоких зим и болезней. Как отмечал К. И. Костенков, деньги за

отдачу в оброчное содержание свободных калмыцких земель поступали в общественный капитал народа, имевший назначение поддерживать хозяйство и благосостояние калмыков [Костенков 1870: 83–84].

Указом 28 мая 1839 г. было предписано: «строжайше воспретить поселение на калмыцких землях казенным крестьянам и вообще выходцам из внутренних губерний, какому бы ведомству они не принадлежали» [Именный указ] 1839: 514]. В этой связи К. И. Костенков полагал, что, несмотря на то, что в течение почти двух столетий калмыки так и не перешли к оседлости, их земли «ревниво оберегались от водворения на них посторонних лиц» [Костенков 1870: 84].

К. И. Костенков приводит некоторые фактические данные о политике заселения Российского правительства торговых трактов в калмыцкой степи. Так, в Астраханской губернии для этой цели были выбраны 28 участков под поселения, в каждом из которых предложено было селить по 50 семейств русских крестьян и столько же семейств калмыков для приучения последних к оседлой жизни [Костенков 1870: 85].

30 декабря 1846 г. была утверждена Инструкция «О заселении дорог на Калмыцких землях в Астраханской губернии», в соответствии с которой привилегированным калмыцким сословиям, в частности нойонам-владельцам и аймачным зайсангам, для приобщения к оседлой жизни отводилось по 1,5 тыс. и 400 десятин соответственно, безаймачным — 200 десятин на семью, крестьянам и калмыкам-простолюдникам в надел выделялось по 30 десятин [Именный указ] 1846: 726]. К. И. Костенков приводил тот факт, что из более 500 кибиток (семейств) калмыков, объявивших желание поселиться оседло, ни одно не поселилось, соответственно их поселение было приостановлено, а их места были заняты русскими крестьянами [Костенков 1870: 85–86].

Согласно К. И. Костенкову, новое положение об управлении калмыцким народом, утвержденное 23 апреля 1847 г. [Высочайше 1847], ввело следующие правила относительно земель, предоставленных калмыкам:

— земли от казны, т. е. государственные, использовались на правах общего пользования;

— для кочевья производилось распределение земель по улусам, кроме мочагов и местности Калмыцкий Базар, которые являлись местами общего кочевья и пользования калмыков всех улусов;

— воспрещалась кочевка или скотоводство вблизи соляных озер и дорог, по которым перевозилась соль;

— корневым лесом можно было пользоваться с разрешения местного начальства;

— на отведенных землях можно было заниматься садоводством, огородничеством, лесоразведением, хлеборобством, строительством, учреждать промышленные предприятия, но в рыболовных водах, сдаваемых в аренду, позволялось добывать чистиковую¹ рыбу только для собственного употребления, но не на продажу. Ловля допускалась «бреднем, не более 10-саженной меры» [Костенков 1870: 85–86].

По утверждению К. И. Костенкова, положением 1847 г. еще более оберегалась степь от «самовольных вторжений на нее посторонних лиц...» [Костенков 1870: 87].

К. И. Костенков считал, что сложно требовать от кочевого народа сразу перейти от занятия скотоводством к неизбежному земледелию при оседлой жизни [Костенков 1870: 87]. Ему рациональным виделся постепенный переход калмыков к оседлой жизни. Он критически оценивал опыт общинного пользования землей калмыками, поскольку ни обычное традиционное право в разграничении степных пространств, ни строгость правил кочевков не гарантировали постоянство владения и пользования землей, а также справедливости ее распределения [Костенков 1870: 88].

К. И. Костенков приводит статистические данные, основанные на Предписании Первого Департамента Министерства Государственных Имуществ от 19 января 1862 г. № 1195, которым разрешался отвод калмыкам участков земли, и они отводились «таким образом, чтобы зайсанг и все калмыки его аймака находились в одном месте, с неперемнным условием — в течение года приступить к устройству хозяйственных заведений, преимущественно базов или загонов для скота; в противном случае отведенный участок предоставляется другим калмыкам» [Костенков 1870: 88–89].

¹ Так в документе. Имеется в виду частичковая рыба.

К. И. Костенков полагал, что предпринятые меры по приобщению калмыков к оседлой жизни должны были «принести пользу народу, поддержав его благосостояние» [Костенков 1870: 89].

Основываясь на данных осмотра, проведенного в 1868 г., в котором отмечалось строительство калмыками жилья и загонов для скота, он пришел к выводу о постепенном переходе народа к оседлой жизни.

По данным К. И. Костенкова, в пользовании калмыков находилось более 7,3 млн десятин земли, кроме того более 356 тыс. десятин сдавалось в аренду [Костенков 1870: 90].

К. И. Костенков видел переход калмыков к оседлой жизни в юридическом оформлении соответствующих прав на землю в частном порядке, т. е. «выдавать желающим владельцы записи на отведенные им участки, из степи, предоставленной для общего пользования всего калмыцкого народа» [Костенков 1870: 91]. Данная выделенная курсивом в оригинале текста часть предложения надо полагать и есть главный посыл К. И. Костенкова как чиновника-управленца, видевшего основной целью не только сам процесс обоседления калмыцкого народа, но и разрушение общинного землепользования в плане ведения кочевого хозяйства с постепенным переходом на индивидуальное частное землевладение, что должно было способствовать экономической модернизации калмыцкого общества и полного его вхождения в общероссийский рынок земли.

Выводы

В результате источниковедческого анализа можно сделать следующие выводы:

– К. И. Костенков — первый из дореволюционных исследователей, специально

обратившийся к изучению вопроса правового регулирования земельных прав калмыков, хотя и ограниченного территорией Калмыцкой степи Астраханской губернии, чему свидетельство названная глава одного из его трудов, посвященных калмыкам;

– в данной главе К. И. Костенков привел практически все акты из ПСЗРИ, относящиеся к земельным правам калмыков Астраханской губернии до начала 1860-х гг. Список приведен в источниках к данной статье. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие в указанном перечне Правил 1825 и Положения 1834 г. об управлении калмыцким народом. Возможно, это объясняется тем, что в них практически не регулируются земельные вопросы;

– в названной главе книги К. И. Костенкова четко прослеживается смысловая эволюция от понятий «территория обитания этноса», «территориальные границы» к собственно земельным правам. Представляется, что это связано с утратой ограниченного суверенитета Калмыцкого ханства, а после откочевки 1771 г. и его ликвидации все большей постепенной интеграцией калмыков в общероссийское управление, соответственно вопросы регулирования земли в публично-правовом смысле как территории переходят в частноправовое русло регулирования земли как экономического, природного ресурса;

– по содержанию указанной главы во взглядах по вопросам истории и обустройства калмыцкого общества прослеживается не только личное мнение К. И. Костенкова, но и находит отражение позиция российского государственного аппарата в практическом преломлении, например, по переводу на оседлый образ жизни, экономического освоения Калмыцкой степи.

Источники

ПСЗРИ, 1 1830 — Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. В 45 тт. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. II. 974 с.; Т. IV. 881 с.; Т. X. 995 с.; Т. XIII. 957 с.; Т. XVI. 1018 с.; Т. XXI. 1083 с.; Т. XXII. 1168 с.; Т. XXIII. 969 с.; Т. XXVI. 875 с.; Т. XXVII. 1122 с.; Т. XXIX. 1372 с.
Высочайше 1764 — 5 июля 1764 г. Высочайше утвержденный доклад Коллегии Ино-

странных дел. О поселении Калмыков на нагорной стороне реки Волги, при урочище, называемом Крымский Затон, и о переводе туда же Астраханских казаков // Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 827–832 (№ 12198).

Всемилоушнейшая грамота 1800 — 14 октября 1800 г. Всемилоушнейшая грамота Калмыцкому народу. О возстановлении на преж-

- нем основании Совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства Калмыков // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 340–341 (№ 19599).
- Грамота 1687 — 21 мая 1687 г. Грамота Ближнему Боярину Князю Василью Васильевичу Голицыну. О принятии черных Калмыков с их тайшею Чаган Батырем в Российское подданство, с назначением им для кочевья степи по луговой стороне Волги по реке Ахтубе // Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 858 (№ 1245).
- Договорные статьи 1708 — 30 сентября 1708 г. Договорные статьи Калмыцкого Аюки Хана, учиненные на речке Ахтубе с Ближним Министром, Казанским и Астраханским губернатором Петром Апраксиным. О вечном и верном Российскому Государю со всеми улусами подданстве, о всегдашнем при Волге кочевании, о защищении Низовых городов от всех неприятелей, о переезде ему на горную сторону реки Волги, об удержании Чеметя и Мункотемира от набегов и о преследовании Чеченцев и Ногайцев // Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 419–422 (№ 2207).
- Именной [указ] 1783 — 14 августа 1783 г. Именной [указ], данный Новороссийскому Генерал-Губернатору Князю Потемкину. О переводе Дербетовых Калмыков на Крымскую степь и о переселении Ставропольских Калмыков в Екатеринославское наместничество // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 993 (№ 15813).
- Именной [рескрипт] 1785 — 9 мая 1785 г. Именной [рескрипт], данный Правящему должностному Генерал-Губернатору Саратовского и Кавказского Потемкину. О устройстве Кавказской Губернии и области Астраханской // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 388–392 (№ 16194).
- Именной [указ] 1786а — 18 марта 1786 г. Именной [указ], данный Генерал-Поручику Потемкину. О поселении Калмыков Кавказской губернии // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 557 (№ 16355).
- Именной [указ] 1786б — 30 апреля 1786 г. Именной [указ], данный Сенату. О причислении Калмыцких Дербетовых улусов в казенное ведомство // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 583 (№ 16387).
- Именной [указ] 1793 — 19 апреля 1793 г. Именной [указ], данный Рязанскому, Тамбовскому и Кавказскому Генерал-Губернатору Гудовичу. О снабжении солью Кабардинцев, Осетинцев и других народов, за реками Терек и Малкою живущих; о переводе Калмыков с горной стороны Волги на луговую, и об учреждении в большой Кабарде, вместо четырех родовых судов только двух // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 423–426 (№ 17118).
- Именной [указ] 1800а — 27 сентября 1800 г. Именной [указ], данный Сенату. Об отводе Калмыкам Малаго и Большаго Дербета всех земель от Царицына по речкам: Волги, Сарпы, Салу, Манычу, Кумы и Взморью // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 322 (№ 19575).
- Именной [указ] 1800б — 26 октября 1800 г. Именной [указ], данный Коллегии Иностранных дел. О утверждении прав и преимуществ, Калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразно и от внешних начальств, кроме сей Коллегии, независимом. С Приложением Именного указа, данного по сему же предмету Генерал-Лейтенанту Кноррингу // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 808–809 (№ 20037).
- Именной [указ] 1802 — 28 апреля 1802 г. Именной [указ], данный Сенату. Об удовлетворении Калмыков землями и о порядке разбирательства жалоб на Калмыков и таковых же на них поступающих // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 126 (№ 20248).
- Именной [указ] 1803 — 12 июня 1803 г. Именной [указ], данный Главноуправляющему в Грузии Князю Цицианову. О распоряжении для отвода земли в Астраханской Губер-

- нии Калмыкам и Киргиз-Кайсакам // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 653–655 (№ 20793).
- Именной [указ] 1806 — 19 мая 1806 г. Именной [указ], данный Сенату. О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 283–309 (№ 22135).
- Об определении 1749 — 4 июля 1749 г. Об определении, для охранения вывозимой с Елтонского озера соли, Зайсанга с небольшим аймаком из небогатых Калмыков, и о производстве им жалованья // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 99–100 (№ 9640).
- Об отводе 1737 — 1 сентября 1737 г. Об отводе удобного места на реке Волги для рыбного промысла кочующим при Астрахани Калмыкам и о запрещении им ловить рыбу в прочих местах // Полное собрание законов Российской империи. Т. X. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 254–255 (№ 7359).
- Сенатский 1788 — 25 августа 1788 г. Сенатский. О поселении Калмыков на удобных в России местах // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 1099 (№ 16703).
- Статьи 1710 — 5 сентября 1710 г. Статьи Калмыцкого Хана Аюки, учиненные с Казанским и Астраханским Губернатором Петром Матвеевичем Апраксиным на съезде между Астрахани и Черного Яра и речки Даниловки. О подданстве Хана Аюки со всеми Тайшами и с людьми его Российскому Государю // Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 547–550 (№ 2291).
- ПСЗРИ, 2 1830–1885 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. В 50 тт. Т. III. 1642 с. Т. XII. 882 с. Т. XIV. 1185 с. Т. XXI. 739 с. Т. XXII. 950 с. Т. XXXV. 960 с.
- Высочайше 1828 — 3 апреля 1828 г. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. О воспрещении армянам и прочим людям пользоваться пастбищами на Калмыцких землях, и о дозволении им прокармливать стада свои на пустопорозжих казенных землях в Астраханской губернии и Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1830. С. 342–346 (№ 1912).
- Высочайше 1837 — 23 февраля 1837 г. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. Об отдаче Калмыцких земель в оброчное содержание // Полное собрание законов Российской империи. I отд. Т. XII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1838. С. 111–114 (№ 9962).
- Высочайше 1847 — 23 апреля 1847 г. Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом. Именной указ, данный Сенату // Полное собрание законов Российской империи. I отд. Т. XXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1848. С. 349–372 (№ 21144). (Примечание: в оригинале издания 1870 г. указано № 1144, правильно — № 21144).
- Высочайшая грамота 1828 — 21 апреля 1828 г. Высочайшая Грамота Калмыцкому народу. О подтверждении древних прав и преимуществ онаго; о имении ему для судопроизводства Совета, именуемого Зарго, и о пожаловании сему Совету печати // Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1830. С. 456–457 (№ 1976).
- Именной [указ] 1860 — 13 марта 1860 г. Именной [указ], объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции. О порядке заведывания кочующими в Ставропольской губернии Калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольскою и Астраханскою губерниями // Полное собрание законов Российской империи. I отд. Т. XXXV. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1862. С. 222–223 (№ 35556). (Примечание: в оригинале издания 1870 г. указано II отд., правильно — I отд.).
- Именной [указ] 1839 — 28 мая 1839 г. Именной [указ], объявленный Председателю Государственного Совета Военным Министром. О запрещении казенным крестьянам и выходцам из внутренних губерний поселяться на Калмыцких землях // Полное собрание законов Российской империи. I отд. Т. XIV. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1840. С. 514 (№ 12384).

(Примечание: в оригинале издания 1870 г. указано № 13384, правильно — № 12384).
Именной [указ] 1846 — 30 декабря 1846 г. Именной [указ], данный Министру Государственных Имуществ. О заселении дорог на Кал-

мыцких землях в Астраханской губернии // Полное собрание законов Российской империи. II отд. Т. XXI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1847. С. 725–726 (№ 20758).

Sources

- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In 45 vols. Coll. 1: 1649 to 12 December 1825. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Vol. II. 974 p.; Vol. IV. 881 p.; Vol. X. 995 p.; Vol. XIII. 957 p.; Vol. XVI. 1018 p.; Vol. XXI. 1083 p.; Vol. XXII. 1168 p.; Vol. XXIII. 969 p.; Vol. XXVI. 875 p.; Vol. XXVII. 1122 p.; Vol. XXIX. 1372 p. (In Russ.)
- Imperially Approved Report by the Collegium of Foreign Affairs of 5 July 1764 On Settlement of Kalmyks on the Right Bank of the Volga in a Locality Called Krymskiy Zaton and on Relocation of Astrakhan Cossacks to the Same Place. In: Ibid. Vol. XVI. No. 12198. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 827–832. (In Russ.)
- Most Graciously Granted Letter Missive to the Kalmyk People of 14 October 1800 On Reestablishment of the Council Called Zargo for Judicial Settlements among Kalmyks. In: Ibid. Vol. XXVI. No. 19599. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 340–341. (In Russ.)
- Letter Missive to Fellow Boyar Vasily Vasilyevich Golitsyn of 21 May 1687 On That Black Kalmyks Headed by Their Tayiji Chagan Batyr Be Received into Russian Allegiance and Granted Volga Meadows along the Akhtuba River as Nomadic Territories. In: Ibid. Vol. II. No. 1245. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 858. (In Russ.)
- Treaty Articles of Kalmyk Khan Ayuka Established on the Akhtuba River with [Prince] Pyotr Apraksin, Fellow Minister, Governor of Kazan and Astrakhan, of 30 September 1708 On Eternal and Devout Allegiance to the Russian Ruler with All Subject Peoples, [Commitments to] Constantly Nomadize along the Volga, [Secure] Protection for Southmost Towns from All Enemies, Stay in the Left Bank of the Volga River, Keep Chemet and Munkotemir from Further Invasions, and Persecute Chechens and Nogais. In: Ibid. Vol. IV. No. 2207. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 419–422. (In Russ.)
- Emperor's Edict to Prince Potemkin, Governor General of Novorossiysk, of 14 August 1783 On Relocation of Dorbet Kalmyks to the Crimean Steppe and Resettlement of Stavropol Kalmyks to Yekaterinoslav Viceroyalty. In: Ibid. Vol. XXI. No. 15813. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 993. (In Russ.)
- Emperor's Edict to [Prince] Potemkin, Acting Governor General of Saratov and the Caucasus, of 9 May 1785 On Establishment of Caucasus Governorate and Astrakhan Oblast. In: Ibid. Vol. XXII. No. 16194. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 388–392. (In Russ.)
- Emperor's Edict to Divisional General [Prince] Potemkin of 18 March 1786 On Resettlement of Kalmyks Residing in Caucasus Governorate. In: Ibid. Vol. XXII. No. 16355. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 557. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Senate of 30 April 1786 On Putting Kalmyks of Dorbet Uluses under the [Exclusive] Jurisdiction of [Central] Government. In: Ibid. Vol. XXII. No. 16387. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 583. (In Russ.)
- Emperor's Edict to [Prince] Gudovich, Governor General of Ryazan, Tambov and the Caucasus, of 19 April 1793 On That Kabardians, Ossetians and Other Peoples Inhabiting Lands to the South of the Terek and Malka Rivers Be [Duly] Supplied with Salt; On Relocation of Kalmyks from the Right Bank of the Volga to the [Left] Meadow One, and On Establishment of Two [instead of Four] Clan Courts in Great Kabardia. In: Ibid. Vol. XXIII. No. 17118. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 423–426. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Senate of 27 September 1800 On Allotment of All Lands from Tsaritsyn Downstream the Rivers Volga, Sarpa, Sal, Manych, Kuma and along the Caspian Shore to Kalmyks of Baga and Iki Dorbet Uluses. In: Ibid. Vol. XXVI. No. 19575. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 322. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Collegium of Foreign Affairs of 26 October 1800 On Confirmation of Rights and Privileges Granted to the Kalmyk People; On Restoration of All Contacts of Theirs in Previous Ways in Accordance with Rights Duly Received from Outer Authorities Independent

- from the Collegium. Supplemented with Emperor's Edict to [Baron] Lieutenant General Knorring. In: Ibid. Vol. XXVI. No. 20037. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 808–809. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Senate of 28 April 1802 On Allotment of Lands to Kalmyks, and On Handling of Complaints against the Latter to be Received. In: Ibid. Vol. XXVII. No. 20248. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 126. (In Russ.)
- Emperor's Edict to Prince Tsitsianov, Military Commander of Georgia, of 12 June 1803 On That Due Arrangements Be Made to Allot Lands in Astrakhan Governorate for Kalmyks and Kirghiz Kaisaks. In: Ibid. Vol. XXVII. No. 20793. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 653–655. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Senate of 19 May 1806 On Allotments of Lands for Kalmyks and Other Nomadizing Peoples in Astrakhan and Caucasus Governorates. In: Ibid. Vol. XXIX. No. 22135. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 283–309. (In Russ.)
- On Appointment of an Unwealthy Kalmyk Zaisang with a Small Aimag for the Protection of Salt [Trains] from Lake Elton, and On Due Payments to the Former. 4 July 1749. In: Ibid. Vol. XIII. No. 9640. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 99–100. (In Russ.)
- On Allotment of an Area Convenient for Fishing to Be Developed by Kalmyks Nomadizing around Astrakhan, and On Prohibition on Fishing in Any Other Place. 1 September 1737. In: Ibid. Vol. X. No. 7359. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 254–255. (In Russ.)
- Decree of the Senate of 25 August 1788 On Settlement of Kalmyks in Convenient Lands across Russia. In: Ibid. Vol. XXII. No. 16703. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. P. 1099. (In Russ.)
- Treaty Articles of Kalmyk Khan Ayuka Established with [Prince] Pyotr Matveevich Apraksin, Governor of Kazan and Astrakhan, in a Locality between Astrakhan, Cherny Yar and the Danilovka River of 5 September 1710 On That Khan Ayuka and All His Tayijis and Peoples Enter into Russian Allegiance. In: Ibid. Vol. IV. No. 2291. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 547–550. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In 50 vols. Col. 2. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830–1885. Vol. III. 1642 p. Vol. XII. 882 p. Vol. XIV. 1185 p. Vol. XXI. 739 p. Vol. XXII. 950 p. Vol. XXXV. 960 p. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulation by the Committee of Ministers of 3 April 1828 On That Armenians and Other Peoples Be Prohibited from Using Kalmyk-Inhabited Pastures, and On That Those Be Allowed to Graze Their Herds in Government-Owned Lands of Astrakhan Governorate and Caucasus Oblast. In: Ibid. Vol. III. No. 1912. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 342–346. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulation by the Committee of Ministers of 23 February 1837 On That Kalmyk-Inhabited Lands Be Classified as Quit-rent. In: Ibid. Part I. Vol. XII. No. 9962. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1838. Pp. 111–114. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulation by the Committee of Ministers of 23 April 1847 On Administration over the Kalmyk People. Emperor's Edict to the Senate. In: Ibid. Part I. Vol. XXII. No. 21144. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1848. Pp. 349–372. (Note: The original edition of 1870 mentions no. 1144, true — no. 21144). (In Russ.)
- Imperially Granted Letter Missive to the Kalmyk People of 21 April 1828 On Confirmation of the Latter's Ancient Rights and Privileges; On the Council Called Zargo for Judicial Settlements, and On That a Seal Be Granted to the Mentioned Council. In: Ibid. Vol. III. No. 1976. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1830. Pp. 456–457. (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Senate Proclaimed by the Minister of Justice of 13 March 1860 On Administering Regulations for Kalmyk Nomads of Stavropol Governorate, and On the New Borderline between Stavropol and Astrakhan Governorates. In: Ibid. Part I. Vol. XXXV. No. 35556. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1862. Pp. 222–223. (Note: The original edition of 1870 mentions Part II, true — Part I). (In Russ.)
- Emperor's Edict Proclaimed to the Chairman of the State Council by the Minister of War of 28 May 1839 On That State Peasants and Those from Internal Governorates Be Prohibited from Settling in Kalmyk-Inhabited Lands. In: Ibid. Part I. Vol. XIV. No. 12384. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1840. P. 514. (Note: The original edition of 1870 mentions no. 13384, true — no. 12384). (In Russ.)
- Emperor's Edict to the Minister of State Property of 30 December 1846 On Colonization of Roads in Kalmyk-Inhabited Lands of Astrakhan Governorate. In: Ibid. Part II. Vol. XXI. No. 20758. St. Petersburg: H. I. M. Chancery (Second Section), 1847. Pp. 725–726. (In Russ.)

Литература

- Белоусов 2016 — *Белоусов С. С.* Изучение имперской системы управления калмыцким народом в отечественной историографии // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. Мат-лы рос. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 16–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. А. Н. Команджаева. Элиста: НПП «Джангар», 2016. С. 76–84.
- Белоусов, Баянова 2018 — *Белоусов С. С., Баянова А. Т.* География перекочевок калмыков Астраханской губернии по материалам Кумо-Манычской экспедиции // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 3. С. 54–62. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-54-62
- Борисенко 1977 — *Борисенко И. В.* Картографические источники по землевладению и землепользованию в Калмыцкой степи (XIX – начало XX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии / редкол.: Л. С. Бурчинова (отв. ред.), А. И. Наберухин, М. Л. Кичиков. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 131–142.
- Бурчинова 1971 — *Бурчинова Л. С.* Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России (вторая половина XIX в.) / ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 47 с.
- Бурчинова 1980 — *Бурчинова Л. С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX века). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
- Бурчинова 1981 — *Бурчинова Л. С.* Первые рекогносцировочные обследования Калмыцкой степи в XIX в. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 62–71.
- Бурчинова, Команджаев 1989 — *Бурчинова Л. С., Команджаев А. Н.* Социальное положение калмыцкого крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрь-

ский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 114–127.

- Кичиков 1976 — *Кичиков М. Л.* О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степях Приуралья и Нижнего Поволжья // Вестник института. Вып. 15. Сер. истор. Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 5–26.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С карт. Калмыц. степи / сост. гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Мацакова 2008 — *Мацакова Н. П.* Проекты главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова о преобразовании общественного строя калмыков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 158–165.
- Мацакова, Амаева, Оконова 2018 — *Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Оконова Л. В.* Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 69–75.
- Мучиряева 2014 — *Мучиряева Е. Н.* К вопросу о деятельности Управления калмыцкого народа по учету и статистике в 1873–1892 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 27–37.
- Ряжев, Долеева, Топалова 2018 — *Ряжев А. С., Долеева А. О., Топалова Д. Ю.* К. И. Костенков о традиционном хозяйственном укладе Калмыцкой степи // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 4. С. 81–107. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-15-81-107
- Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX веков): биобиблиографический указатель / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.

References

- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Scholarly Researchers of Kalmykia, 17th to Early 20th Centuries: A Biobibliographic Sourcebook. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Exploring the imperial system of administering Kalmyks: Russian historiography reviewed. In: Komandzhaev A. N. (ed.) Nomadic Peoples of South Russia: Histori-

cal Experience and Contemporaneity. Conference proceedings (Elista; March 16–19, 2016). Elista: Dzhangar, 2016. Pp. 76–84. (In Russ.)

- Belousov S. S., Bayanova A. T. Kalmyks of Astrakhan Governorate: A geography of nomadic migrations according to the Kuma-Manych Expedition's materials. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 54–62. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-54-62

- Borisenko I. V. Cartographic sources on land tenure and use in Kalmyk Steppe, 19th – early 20th century. In: Burchinova L. S. et al. (eds.) *Precapitalistic and Capitalistic Relations in Kalmykia: Glimpses of History*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 131–142. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Earliest reconnaissance surveys of Kalmyk Steppe, 19th century. In: *Studies in Historical Geography of the Kalmyk ASSR*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 62–71. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Exploring Kalmykia's History, Mid-to-Late 19th Century: Issues of Source Studies. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Revisiting Economic Development of Kalmykia in the Early Capitalist Era, Mid-to-Late 19th Century: Sources and Literature. M. Kichikov (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 47 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S., Komandzhaev A. N. Social status of Kalmyk peasants, mid-19th to early 20th century. In: *Socioeconomic and Political Positions of Kalmykia's Peasantry in the Pre-October Era*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. Pp. 114–127. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Revisiting socioeconomic and political conditions to have preceded the Kalmyk (Oirat) migration towards steppes of the Cis-Urals and the Lower Volga. In: *Bulletin of the Institute*. Vol. 15. Ser. 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 5–26. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. (comp.) *Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts (Supplemented with Maps of Kalmyk Steppe)*. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Matsakova N. P. Chief Curator of the Kalmyk People K. I. Kostenkov and his social restructuring projects. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2008. No. 1. Pp. 158–165. (In Russ.)
- Matsakova N. P., Amaeva D. V., Okonova L. V. The role of bureaucracy in socio-economic development and management of Kalmykia in 19th century. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 4 (57). Pp. 69–75. (In Russ.)
- Muchiryaeva E. N. On the Chief Administration of Kalmyk people within accounting and statistics between 1873-1892. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 27–37. (In Russ.)
- Ryazhev A. S., Doleeva A. O., Topalova D. Yu. K. I. Kostenkov about the traditional economic structure in Kalmyk Steppe. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 4. Pp. 81–107. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-15-81-107

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 259–269, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47) «19»

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам)

Александр Нармаевич Команджаев¹, Бадма Владимирович Сангаджиев², Евгений Александрович Команджаев³

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности

 0000-0001-8317-0117. E-mail: sangadzhiev-bv@rudn.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Команджаев А. Н., Сангаджиев Б. В., Команджаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена актуальной проблеме — анализу состояния Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. на основе введения в научный оборот новых архивных материалов. Актуальность этого вопроса объясняется его небогатой историографической традицией: по данной проблеме в современный период изданы единичные работы, в которых кратко представлены отдельные ее фрагменты. Помимо этого, актуальность изучения указанной проблемы настоятельно требует междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. *Цель и задачи.* Целью работы является комплексная характеристика состояния калмыцких улусов и калмыцкого общества в конце XIX в., что позволит обозначить традиционные черты и установить степень внедрения новых явлений в общественно-экономическом развитии региона. Для достижения этой цели авторы представили сведения по целому комплексу различных сторон калмыцкой жизни. Избранные авторами хронологические рамки

исследования (конец XIX в.) вполне оправданы: прошло без малого 300 лет после переселения калмыков в Россию, что позволяет определить сохранность традиционных начал и обозначить влияние новаций. *Материалы и методы.* Для достижения цели исследования авторами применяется комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Особое место среди них занимают принципы историзма и системности, позволяющие правильно анализировать события более чем столетней давности и рассмотреть их во взаимосвязи с другими сторонами жизни калмыцкого общества. Важным является использование междисциплинарного и цивилизационного подходов, позволивших авторам представить объективное изложение многосложных процессов. Статья базируется на использовании новых архивных источников, впервые вводимых в научный оборот. Речь идет о делопроизводственной документации, хранящейся в материалах фонда земского отдела МВД в Российском государственном историческом архиве и в фонде Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия. Главным образом авторами приводятся сведения из сводных годовых отчетов астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи, особой административно-территориальной единицы Астраханской губернии. *Результаты.* На основе отчетных сведений проанализированы территория и население Калмыцкой степи, состояние хозяйства и социальной структуры калмыцкого общества, школьная система и оказание медицинской помощи, обращено внимание на характеристику нравственного облика астраханских калмыков чинами администрации. *Выводы.* Исследование конкретного материала показало, что калмыки Астраханской губернии на пороге XX в. являлись кочевым обществом с традиционным укладом жизни. Основой их жизнедеятельности являлось экстенсивное кочевое животноводство с теми же, как и 300 лет назад, видами и породами скота с некоторыми инновационными элементами (эпизодические заготовки кормов на зиму, строительство в некоторых урочищах стационарных помещений). Все потребности калмыков полностью удовлетворялись собственным хозяйством. К числу новаций следует отнести попытки земледельческих занятий в пригодных для этого локализованных участках Малодербетовского улуса по соседству с переселенческим крестьянством, а также вовлечение калмыцких улусов в рыночные отношения.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, кочевники, сословия, крестьяне-переселенцы, улусы, аймаки, урочища, скотоводство, земледелие, ремесло, школы, медицинская помощь, нравственность

Благодарность. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Команджаев А. Н., Сангаджиев Б. В., Команджаев Е. А. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 259–269. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Late 19th Century: Newly Discovered Archival Materials Analyzed

Alexandr N. Komandzhaev¹, Badma V. Sangadzhiev², Evgeniy A. Komandzhaev³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Professor

 0000-0001-8317-0117. E-mail: sangadzhiev-bv@rudn.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Komandzhaev A. N., Sangadzhiev B. V., Komandzhaev E. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The article introduces into scientific circulation newly discovered archival materials and analyzes actual conditions in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the late 19th century. The issue remains topical enough, which results from its poor historiographic tradition: only a few works have been published in the modern period just to outline some fragmentary aspects. In addition, interdisciplinary, civilizational and cultural approaches are urgently needed to address this theme. *Goals.* The work attempts a complex characterization of Kalmyk *uluses* and Kalmyk society in the late 19th century. The former shall be instrumental in defining traditional features and identifying the degree of introduction of new phenomena in socioeconomic development of the region. So, the paper provides data on quite a range of aspects inherent to Kalmyk life. The chronological framework of the study (late 19th century) is well justified: the Kalmyks had spent almost 300 years within Russia's borders, which makes it possible to determine the degree of preservation of traditional essentials and identify the influence of innovations. *Materials and methods.* The work employs a set of general scientific and special historical research methods. Special attention is paid to the principles of historicism and systemacity helpful in analyzing events from over 100 years ago and considering the latter in connection with other aspects of Kalmyk social life. Interdisciplinary and civilizational approaches make it possible to present objective accounts of complex processes. The mentioned documents are stored at the Russian State Historical Archive and the National Archive of Kalmykia. The former are mainly represented by consolidated annual reports of Astrakhan Governor describing actual conditions in Kalmyk Steppe — a special administrative and territorial unit of Astrakhan Governorate. *Results.* The paper analyzes the reports for data on territory and population of Kalmyk Steppe, economy and social structure of Kalmyk society, school and medical aid systems. It also stresses accounts of Astrakhan Kalmyks' moral appearances by Astrakhan officials. *Conclusions.* The study shows that Astrakhan Kalmyks were still a traditional nomadic society at the turn of the 20th century. Their livelihood was based on extensive nomadic livestock breeding with the same species and breeds as 300 years ago, though some innovations had been perceived (occasional winter forage conservation, construction of permanent buildings in some localities). All needs of Kalmyks were fully satisfied with their own farmsteads. The innovations included attempts to engage in agricultural activities in suitable areas of Maloderbetovsky Ulus next to resettled Russian peasants, and the involvement of Kalmyk communities in market relations.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, nomads, estates, resettled peasants, ulus, aimag, native lands, livestock, agriculture, crafts, schools, medical aid, morals

Acknowledgements. The reported study was funded by the Strategic Academic Leadership Program of Peoples' Friendship University of Russia.

For citation: Komandzhaev A. N., Sangadzhiev B. V., Komandzhaev E. A. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Late 19th Century: Newly Discovered Archival Materials Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 259–269. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Введение

Актуальность указанной темы вызывается необходимостью уточнения многих, в том числе статистических, данных о состоянии калмыцких улусов Астраханской губернии накануне XX в. Во-вторых, анализ общей картины состояния Калмыцкой степи необходим для комплексной характеристики региона накануне великих потрясений. Изучение проблемы в форме статического анализа с элементами динамики позволит также определить устойчивость традици-

онных начал в калмыцкой жизни данного периода и восприимчивость населения к новациям. Изучение указанной проблемы имеет более чем столетнюю историю. Уже в конце XIX в. в трудах Я. П. Дубровы и И. А. Житецкого [Дуброва 1898; Житецкий 1892], в путевых записках П. Смирнова [Смирнов 1999], в материалах обследования Калмыцкой степи К. И. Костенкова [Костенков 1870] и статистических данных Г. И. Лакина [Лакин 1911] представлены их ценные наблюдения, заметки о калмыцком

хозяйстве, социальных отношениях у калмыков, описания быта и повседневной жизни кочевников.

В XX в. наши представления о калмыцких улусах конца XIX столетия в значительной степени расширились новыми материалами в монографиях У. Э. Эрдниева, А. И. Наберухина и А. Н. Команджаева [Эрдниев 1985; Наберухин 1987; Команджаев 1999; и др.].

Следует обратить внимание на соответствующие разделы в обобщающих трудах [Очерки 1967; История 2009] и статью со статистическими сведениями о переселенческом хозяйстве Калмыкии [Команджаев 1982].

На современном этапе по проблемам, связанным с характеристикой дореволюционного состояния калмыцкого общества, опубликованы статьи о менталитете калмыков по опубликованным и архивным данным на основе социокультурного подхода [Бадмаев 2015; Четырова 2017; Четырова 2018; Команджаев, Команджаев 2021] и работы об институтах публичной власти в Калмыкии [Горяев, Команджаев 2015; Тепкеев 2018; Команджаев 2019].

Вместе с тем есть необходимость в обогащении работ дополнительными источниками, прежде всего архивными. В связи с этим анализ указанной проблемы базируется на материалах ежегодных отчетов Астраханского губернатора из Российского государственного исторического архива (фонд земского отдела МВД) и Национального архива Республики Калмыкия (фонд Управления калмыцким народом).

В 1980 г. исследователь Л. С. Бурчинова опубликовала специальный источниковедческий труд, посвященный анализу фонда Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия [Бурчинова 1980].

Географические рамки исследования мы ограничили территорией Калмыцкой степи, особой административно-территориальной единицы Астраханской губернии, состоявшей из 8 улусов, где проживало кочевое калмыцкое население с традиционным укладом жизни. За пределами нашего исследования остались Большедербетовский улус Ставропольской губернии, калмыцкие казачьи станицы области Войска Донского, Терской области, Астраханской

и Оренбургской губерний, которые отличались состоявшимся переходом к оседлости, большей степенью социализации и интеграции в общероссийское общественно-экономическое пространство.

Материалы и методы

В работе авторами применяется необходимый комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Особое место среди них занимают принцип историзма, позволяющий дать объективную характеристику изучаемым событиям и явлениям более чем столетней давности, и принцип системности, дающий возможность рассматривать их во взаимосвязи с другими сторонами жизни калмыцкого общества. Важным является использование междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов, позволившее авторам охарактеризовать многосложные процессы развития Калмыцкой степи и определить традиционные начала и инновационные элементы калмыцкой жизни в конце XIX в.

Калмыцкие улусы и общество в конце XIX в.

В 1899 г. территория Калмыцкой степи составила 7,5 млн десятин, из которых 950 тыс. дес. являлись неудобными для хозяйственной деятельности. Но, как отметил в своем отчете астраханский губернатор, «в действительном пользовании калмыков находится меньшее количество земли, так как часть ее отведена в пользование разным ведомствам и лицам» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2]. Помимо этого, из состава Калмыцкой степи были выведены 92 земельные и рыболовные оброчные статьи в размере 660 тыс. дес., которые были сданы в аренду «посторонним лицам» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2].

В Калмыцкой степи в 1899 г. проживало 138,2 тыс. чел., из которых количество женщин составляло более 66 тыс., мужчин — более 72 тыс. Поулусная численность населения выглядела следующим образом: в северной части Малодербетовского улуса 30 158 чел., в южной части этого улуса — 21 742 чел., в Яндыко-Мочажном улусе — 28 498 чел., Эркетеневском — 17 817 чел., Икицохуровском — 13 763 чел., Багацохуровском — 9 293 чел., Александровском (Хошутовском) — 8 035 чел., Харахусовском — 7 606 чел., в пос. Калмыцкий Базар,

являвшемся самостоятельной административно-территориальной единицей Калмыцкой степи, — 1 258 чел. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 59–60].

Превышение количества мужчин у калмыцкого населения являлось постоянной категорией на всем протяжении второй половины XIX — начала XX вв., что являлось особенностью кочевого общества. В численности населения в этот период наблюдалась постоянная положительная динамика.

По вероисповеданию население Калмыцкой степи распределилось следующим образом: буддисты — 133 409 чел., православные — 4 047 чел. (2 тыс. чел. — крещенные калмыки, остальные — чиновники, служащие и члены их семей), мусульмане — 678 чел. (в основном казахи на арендуемых землях), армяне — 29 чел. (торговцы), раскольники — 6 и 1 католик [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 206].

Следует сказать, что эти цифры неполны, поскольку в отчетах губернатора о состоянии Калмыцкой степи учитывалось только население калмыцких улусов. Между тем сюда не входило крестьянское население русско-украинских переселенческих сел на территории Калмыцкой степи, но в административном отношении включенных в состав Черноярского уезда Астраханской губернии. Это население проживало по соседству с калмыками в тесной хозяйственной, социальной и культурной связи с ними. Таковых в переселенческих селах, включая некоторые села Медвежинского уезда в границах Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, насчитывалось, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., около 40 тыс. чел. [Команджаев 1982: 91–92].

Активное заселение переселенцами окраинных земель Калмыцкой степи в XIX в. происходило в результате создания 10–15-верстной полосы, согласно Положению, утвержденному Александром I 19 мая 1806 г. Это пространство вдоль Волги от Астрахани до границы с Саратовской губернией было занято переселенческим населением. В целях компенсации калмыкам было дано право «вкочевки» в зимний период в земли переселенцев и астраханского казачества «для укрытия скота» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 106].

Однако из-за неправильного пользования 10–15-верстной полосой жителями оседлых приволжских сел стали возникать участвовавшие с 1850-х гг. земельные споры с калмыками соседних аймаков. В 1868 г. было решено разграничить территорию этой полосы, для чего была создана согласительная комиссия. Комиссия после разбирательств с земельными спорами 1870–1871 гг. пришла к заключению, что калмыки с 1864 г. не пользуются правом «вкочевки» зимой в займища крестьян. В связи с этим Управление калмыцким народом 11 октября 1871 г. предложило ликвидировать 10–15-верстную полосу, однако астраханский губернатор не дал согласия на продвижение в Петербург этого ходатайства [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–206]. Следует упомянуть о том, что в отчете губернатора за 1899 г. говорится о споре, возникшем между калмыцкими аймаками Аха-Цатанова рода в Яндыко-Мочажном улусе о праве пользования некоторыми урочищами, который находился на рассмотрении в Управлении калмыцким народом [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

В 1870-е гг. продолжала активно реализовываться программа по заселению калмыцких дорог: в 1870 г. в селах, расположенных на территории Калмыцкой степи вдоль Царицынско-Ставропольского, Крымского и Астраханско-Кизлярского трактов, было поселено 8 610 крестьян-переселенцев и построено 3 867 домов и кухонь, в 1871 г. — уже 9 129 крестьян и 1 432 дома [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 44].

Помимо различных построек, у крестьян достаточно активно возводились другие жилые, служебные и хозяйственные стационарные помещения в калмыцких улусах: в 1870–1871 гг. — по 12 домов для чиновников и полицейской стражи в год и более 900 мельниц, лавок и амбаров в переселенческих селах [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 44].

Сословный состав калмыцкого населения Астраханской губернии в 1899 г. выглядел следующим образом: нойонов — 35 чел., зайсангов аймачных и безаймачных — 2 600 чел., простолюдинов — 130 108 чел., представителей буддийского духовенства — 1 284 чел. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 206].

В числе духовенства составляли 36 чел. бакши (настоятели хурулов), 518 чел. — гелюнги, 371 чел. — гецюли, 358 чел. — манджики, которые исполняли службу в 23 больших и 39 малых хурулах [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 63–64].

Еще один (внештатный) хурул был открыт с разрешения МВД в 1855 г. на средства бывшего Ламы калмыцкого народа Гелика в Харахусовском улусе. Затем этот хурул был передан на содержание за счет личных средств владельцу Харахусовского улуса сотнику Дугарову и местному владельцу нойону Буюндыкову (Буюнтукову. — *авт.*).

Следует заметить, что владелец улуса Дугаров с 1864 г. являлся также сверхштатным чиновником по особым поручениям в Управлении калмыцким народом без заработной платы. Все хурулы содержались за счет ведения собственного хозяйства и за счет добровольных пожертвований населения. Лама калмыцкого народа утверждался пожизненно императором по представлению Министра внутренних дел [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 17].

Поулусно в 1871 г. хурулы и буддийское духовенство распределялись следующим образом: Багацохуровский улус — 3 больших и 5 малых хурулов с численностью 169 священнослужителей (69 гелюнгов, 50 гецюлей, 14 манджиков), Эркетеневский — также хурулов соответственно 3 и 5, 49 гелюнгов, 47 гецюлей и 33 манджика. Примерно такое же соотношение хурулов и духовенства имелось в Хошеутовском, Харахусовском и Икицохуровском улусах. Заметно больше количество хурулов и численность духовенства насчитывались в двух улусах со значительным количеством населения: в Малодербетовском (до разделения на Манычский и Малодербетовский улусы) улусе — 6 больших и 10 малых хурулов, 157 гелюнгов, 100 гецюлей, 105 манджиков; в Яндыко-Мочажном — то же число хурулов, 120 гелюнгов, 90 гецюлей и 85 манджиков [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 62]. Каменными, по сведениям из отчета за 1899 г., являлись здания 15 хурулов в Яндыко-Мочажном улусе, 5 хурулов в Эркетеневском, трех хурулов в Александровском (Хошеутовском), по одному в северной и южной частях Малодербетовского улуса. Деревянных хурульных зданий насчитывалось

89, кибиточных моленных домов — 116 [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 61–62].

В калмыцком кочевом хозяйстве определяющее место в 1899 г. занимало животноводство: лошадей насчитывалось 65,4 тыс. голов, крупного рогатого скота — 113,8 тыс., овец — 340,6 тыс., коз — 11,2 тыс., верблюдов — 18,5 тыс. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 79–80].

Развитие животноводства Калмыцкой степи в данный период имело положительную динамику и к началу Первой мировой войны значительно возросло: лошадей насчитывалось более 74 тыс., крупного рогатого скота — около 190 тыс., овец — более 686 тыс., верблюдов — более 20 тыс. [Команджаев 1999: 78].

Почти все поголовье лошадей, овец и крупного рогатого скота составляли животные калмыцкой породы. Разведение тонкорунных овец в калмыцких улусах (их насчитывалось чуть более 4 тыс.) не рекомендовалось, а во многих аймаках воспрещалось во избежание опустынивания степи. Как правило, эти статистические данные о численности скота в Калмыцкой степи в ежегодных отчетах губернатора приводятся в историко-экономических работах. Однако для полноты картины необходимо к указанной численности животных, имевшейся в хозяйствах калмыков, добавить количество скота в переселенческих крестьянских селах, расположенных в пределах калмыцких улусов (по данным Г. И. Лакина за 1907 г.: лошадей — 2 664, крупного рогатого скота — 55 293, овец — 190 923 [Лакин 1911: 7–30]), и скот арендаторов калмыцких земель (подсчитано авторами по архивным данным 1901 г.: лошадей — 5 748, крупного рогатого скота — 135 495, овец — 475 301 [Команджаев 1999: 78]).

Суммированные показатели свидетельствуют о больших масштабах животноводства в Калмыцкой степи: 85 тыс. лошадей, почти 305 тыс. голов крупного рогатого скота, более 1 млн овец. Следует признать, что и эти цифры занижают общую численность скота, поскольку не учтено поголовье животных крестьян-переселенцев, незаконно выпасавших скот на калмыцких землях без заключения контракта. Это мы видим по большому количеству штрафов за незаконный выпас скота в архивных материалах. В ежегодных отчетах также имеются

количественные сведения о проданных животных. Так, в 1899 г. продано 6 237 голов лошадей, верблюдов — 1 638, крупного рогатого скота — 30 574, овец — 78 648, коз — 923 головы на сумму 1 354 539 руб. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 81–82].

На наш взгляд, эти цифры неполны, поскольку не учитывалось количество животных, проданных на месте разным перекупщикам. В отдельной таблице представлены данные о падеже скота, что является свидетельством экстенсивности отрасли: в 1899 г. пало 998 верблюдов, 2 848 лошадей, 3 729 голов крупного рогатого скота, 21 078 овец и коз [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 83–84].

В отчетах астраханского губернатора имеются подробные сведения о масштабах развития хлебопашества, садоводства, огородничества, бахчеводства и табаководства в пригодных для этих отраслей землях Малодербетовского и Манычского (южной части Малодербетовского) улусов. По данным отчета о состоянии Калмыцкой степи в 1872 г., имелось 13 лесных и две садово-лесные плантации, 7 фруктовых садов у отдельных хозяев (5 — в Малодербетовском улусе и по одному — в Хошеутовском и Багацохуровском улусах) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 26].

Уже в 1899 г. было заведено новых садов: в северной части Малодербетовского улуса калмыками разных родов — 20 садов на площади 10,5 дес., в Яндыко-Мочажном улусе сад завел Добджиев, в пос. Калмыцкий Базар опыт разведения сада предпринял Улюмджиев, посадивший 1 500 саженцев (принялось 500). Помимо этого, крестьяне-переселенцы, самовольно поселившиеся в Свиной и Березовой балках в Малодербетовском улусе, высадили 13 садов [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

Огородничеством и бахчеводством в 1899 г. занимались 232 калмыка в Малодербетовском улусе, засеявших 120 дес., а также несколько жителей в Яндыко-Мочажном, Харахусовском улусах и в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани. Сеяли огурцы, помидоры, картофель, лук, а также арбузы, дыни и тыкву. Как отметил в отчете губернатор: «Урожай овощей, по случаю засух, был ниже среднего» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

Также в северной части Малодербетовского улуса в 1899 г. сеяли табак 28 калмыков. Здесь же хлебопашеством в 1899 г. занимались 182 чел., в южной части этого улуса — 129 чел. Подобный опыт зернового производства у нескольких калмыцких семей в Харахусовском улусе был неудачным, как и безуспешной стала попытка зайсанга Джамбаева в урочище Адык Эркетеневского улуса: «урожая вовсе не было» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3–3об.].

В целом по калмыцким улусам Астраханской губернии в 1899 г. было посеяно 122 четверти озимой пшеницы (урожай составил 471 четв.), 998 — ржи (урожай — 2 267 четв.), 1 207 — яровой пшеницы (урожай — 3 512 четв.), 113 — овса (урожай — 4 741 четв.), 57 — ячменя (урожай — 420 четв.), 69 — проса (урожай — 497 четв.), 69 — горчицы (урожай — 484 четв.), 21 — льна (урожай — 66 четв.) [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 74–75].

Как видим, урожайность зерновых была небольшой в условиях аридных степей, и хлебопашество было сосредоточено только в северной и южной частях Малодербетовского улуса.

Представляют интерес отчетные данные о численности ремесленников в калмыцких улусах в 1871 г.: сыромятников — 170, плотников — 45, кузнецов — 37, сапожников — 33, серебрянников — 27, печников — 12, слесарей — 12, портных — 11, столяров — 9, картузников — 2 [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 36]. При этом следует иметь в виду, что здесь представлена численность тех лиц, которые изготавливали товары на продажу, хотя в рамках домашнего производства обработкой кожи и шерсти, изготовлением одежды и другим занимались практически в каждой калмыцкой семье.

В отчетах представлены сведения о натуральных повинностях в калмыцких улусах, которые заключались в поставке подвод (транспорта) для чиновников и командированных лиц, поставке кибиток для улусных управлений и проживания чиновников, казачьих команд и полицейской стражи. Предоставлялось также топливо для отопления квартир чиновников. В 1871 г. в улусах было выделено 100 всадников с лошадьми для полицейской команды, учрежденной по указу императора 1 декабря 1867 г. в целях «искоренения хищничества и соблюдения

внутри степи тишины и порядка» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 10об.]. В том же году поступило натуральных повинностей: 120 лодок (в мочажной части Яндыко-Мочажного улуса), 4 396 подвод, 67 кибиток, топлива на 2 028 руб., 133 лошади, 115 верблюдов. Помимо этого, было выделено 80 всадников для 10 постоянных пикетов, 32 всадника для 10 временных пикетов, 15 чел. в Багацохуровском улусе для размежевания земли [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 11–11об.]. В 1872 г. натуральные повинности в денежном выражении составили 46 812 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 8].

Основным налогом в Калмыцкой степи являлся покибиточный годовой сбор, который зачастую был непосилен для калмыцких хозяйств. В 1872 г. было собрано недоимков прошлых лет 12 766 из 138 140 руб., текущего годового сбора — 70 680 из 88 753 руб., с крещеных калмыков собрали годовой сбор на сумму 462 руб. (из 2 421 руб. недоимков не поступило ничего). Кроме того, жители аймаков без родовых зайсангов уплатили 2 329 руб. годового сбора (из 3 036) и 255 руб. недоимков (из 4 572 руб.) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–5об.].

В Малодербетовском улусе в пользу владельца нойона Тундута жители выплачивали из недоимков прошлых лет 2 418 руб. (из 148 660 руб.), годового сбора за текущий год — 40 526 руб. (из 56 741 руб.). В целом за 1872 г. годовой сбор в Калмыцкой степи поступил в сумме 128 975 руб., из которых на содержание органов управления — 83 446 руб., в калмыцкий общественный капитал — 2 584 руб. (это налог с калмыков в аймаках без родовых зайсангов), владельцу Малодербетовского улуса — 42 944 руб. По Положению 1847 г., демчеи (сборщики налогов) занимались сбором недоимков в апреле (за первую половину года) и в сентябре (за вторую половину) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 7]. Следует сказать о том, что в калмыцкий общественный капитал поступали средства от сданных в аренду калмыцких земельных и рыболовных оброчных статей, а также за выпас скота крестьянами-переселенцами на землях калмыцких родовых обществ и штрафы от незаконного выпаса скота и незаконной распашки земли и др. Средства калмыцкого общественного капитала также шли на содержание управления, на экстраординарные расходы, на

здоровоохранение и школьное образование в Калмыцкой степи.

Чиновники улусных управлений обращали внимание на возрастающую бедность калмыцких простолюдинов, что объяснялось как экстенсивным характером хозяйства, так и социальной поляризацией в условиях перехода к рыночным отношениям. О росте этого процесса можно судить по количеству калмыков-отходников, получавших билеты и свидетельства на отлучку из мест проживания для найма на волжско-каспийские рыболовные и соляные промыслы, на сельскохозяйственные работы в соседние села. В 1899 г. было выдано 18 465 свидетельств и билетов [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 88–89].

В условиях незначительного количества водоемов в Калмыцкой степи жители были вынуждены заниматься устройством колодцев (худуков) и запруд. Так, в 1899 г. в северной части Малодербетовского улуса устроено 12 запруд в небольших балках для сбора талой и дождевой воды, 15 колодцев со срубами и 347 — без срубов, в южной части этого же улуса — 13 запруд и 80 худуков (колодцев), в Багацохуровском улусе — соответственно 2 и 21, в Икицохуровском улусе — 13 колодцев, в Эркетеневском — 2, в Харахусовском — 1. В других улусах в отчетном году новых запруд и колодцев не было построено [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3об.].

В отдельной ведомости значатся сведения о числе домов и других строений. В 1899 г. в калмыцких улусах насчитывалось 5 каменных, 1 532 деревянных, 806 глинобитных домов и других построек, 847 мазанок, 11 мельниц и 2 322 подсобных помещения, что свидетельствовало о начальных случаях отхода от классического кочевничества [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 73–74].

В ежегодных отчетах Управления калмыцким народом за 1870-е гг. наличествовал постоянный раздел «Нравственность», в котором чины администрации представляли описание характерных нравственных черт у калмыков. В отчете за 1874 г. чиновники отмечали: «Общая характерная черта калмыков есть послушание распоряжениям правительства и покорность начальству, довольство своим положением, уживчивость с окружающим степь русским населением,

хотя это население вторгается в пределы степи, производит в кочевьях калмыков самоуправство, захватывает земли и скот калмыков и вообще эксплуатирует калмыков, употребляя состояние и скот калмыков в свою пользу. Калмыцкий народ ведет патриархальную жизнь и пристрастен к жизни кочевой... Единственная дурная склонность у калмыков: страсть к спиртным напиткам и угон скота» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 27об.].

Администрация Калмыцкой степи еще раньше (в отчете за 1871 г.) заметила некоторое снижение хороших нравственных черт у калмыков и связывала это с прекращением с конца XVIII в. постоянных связей с Тибетом. Отсюда — «частыми являлись пьянство и воровство» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 24об.]. Это же было подтверждено в отчете за 1873 г.: «Единственную дурную склонность калмыков составляет хищничество и угон скота... Этот порок, свойственный вообще кочевым народам, в общежитии степняков имеет значение удалства. Но поскольку калмыки с каждым годом беднеют, то воровство и угон скота стало принимать уже характер промысла, обеспечивающего содержание» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 49об.].

Этим чиновники администрации признавали социальную подоплеку этих уголовных преступлений. В качестве меры против угонов скота была создана разъездная вооруженная полицейская команда из 100 конных калмыков в 10 пикетах по 10 чел. под руководством урядников из Астраханского казачьего войска [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 27об.].

По указу императора также предусматривалось высылка виновных в восточную Сибирь «в среду бурят», а также отстранение должностных лиц от управления аймаками в случае слабого надзора. Помимо этого чиновники предлагали в целях борьбы с угонами скота обезоруживать кочевников и виновных высылать за пределы калмыцких улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 49об.], но эта мера не получила нормативного оформления.

Подробные сведения в указанных отчетах имеются по образовательным учреждениям: в Калмыцкой степи в 1899 г. насчитывалось 6 улусных школ и училище при Управлении калмыцким народом в Астрахани, в которых обучалось 174 маль-

чика. Кроме этого, 11 чел. училось в Астраханской гимназии, 9 чел. — в реальном училище, 7 чел. — в городском училище, 2 — в школе садоводства и огородничества, 2 — в Казанской фельдшерской школе и 1 — в Хреновской лесной школе [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 4об.–5]. Следует отметить отсутствие в большинстве отчетов сведений о численности учеников в хурульных школах. На наш взгляд, необходимо в этом случае использовать данные из фонда Ламы калмыцкого народа.

В отчете за 1899 г. также отражены подробные данные о здравоохранении. Из эпидемических заболеваний выделены: натуральная оспа — 34 случая (умерло 19), скарлатина — 13 (умерло 4), дифтерит — 53 (умерло 16), корь — 53, тиф брюшной и возвратный, малярия (3 300 случаев), грипп, сибирская язва. Отмечается рост числа заболеваний желудочно-кишечного тракта (на 300 чел. больше, чем в предыдущем году) и сифилиса (913 чел.) [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 6–12]. В отчете представлены также данные о числе лиц, нуждающихся в призрении: инвалидов — 115, слабоумных — 75, глухонемых — 75, слепых — 156, сирот — 844 [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 13]. В 1899 г. в калмыцких улусах усилиями 18 оспопрививателей было привито 13 426 чел., из которых у 4 178 чел. прививка не принялась [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 75–76].

Выводы

Материалы ежегодных отчетов астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи являются наиболее ценным и достоверным источником по истории Калмыкии дореволюционного периода. Относительная достоверность отчетных сведений обеспечивалась регулярной и отработанной системой сбора сведений по цепочке «хотонный староста — аймачный старшина — улусное управление — Управление калмыцким народом». Управление составляло сводный отчет, который утверждался астраханским губернатором и отправлялся в земский отдел МВД. Положительная сторона ежегодных отчетов заключается в том, что в них содержались комплексные данные обо всех сторонах жизнедеятельности калмыков. Безусловно, эти сведения не могут быть абсолютно точными, поскольку на это влиял человеческий фактор: чинов-

нику было важно показать положительную динамику развития, калмыкам-скотоводам хотелось занизить численность своего скота, чтобы показать неблагополучие хозяйства в целях уменьшения многочисленных повинностей. На рубеже XIX–XX вв. произошла замена равного для всех семей по-

кибиточного налога сбором с имеющегося скота, в связи с чем уменьшение масштабов скотоводческого хозяйства у калмыков стало обычной практикой. Но даже при этом недостатке отчетные сведения являются добротным источником для анализа динамики развития дореволюционной Калмыкии.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Historical Archive.

Литература

Бадмаев 2015 — *Бадмаев В. Н.* Культурная самобытность монголоязычных народов в контексте «незападной современности» // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 1(25). С. 74–79.
Бурчинова 1980 — *Бурчинова Л. С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
Горяев, Команджаев 2015 — *Горяев М. С., Команджаев А. Н.* Политика российского государства по управлению кочевыми народами в первой половине XIX в. (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 26–29.
Дуброва 1898 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 239 с.
Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Очерк второй // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 36–214.
История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1 / редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Элиста: Герел, 2009. 845 с.
Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
Команджаев 1982 — *Команджаев А. Н.* О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории доре-

волюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1982. С. 91–102.
Команджаев, Команджаев 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX века (по свидетельству чиновников администрации) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 3. С. 48–62.
Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243.
Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С карт. Калмыц. степи / составил Гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
Лакин 1911 — *Лакин Г. И.* Хозяйственно-экономические очерки и наблюдения. Вып. 7. Землевладение и землепользование у крестьянских обществ Астраханской губернии. Ч. 2. Черновский уезд. Астрахань: Паровая губ. типография, 1911. 44 с.
Наберухин 1987 — *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / редкол.: Н. В. Устюгов и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 246 с.
Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

- Четырова 2017 — Четырова Л. Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 125–146.
- Четырова 2018 — Четырова Л. Б. Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев)

// Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 40–71.

- Эрдниева 1985 — Эрдниева У. Э. Калмыки (историко-этнографические очерки). 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Badmaev V. N. Cultural identity of Mongolian peoples in the context of «non-western modernity». *Bulletin of Kalmyk University*. 2015. No. 1(25). Pp. 74–79. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Exploring Kalmykia's History, Mid-to-Late 19th Century: Issues of Source Studies. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Chetyrova L. B. The mindset of Kalmyks: Origins and causes of alterations. *The New Research of Tuva*. 2017. No. 3. Pp. 125–146. (In Russ.)
- Chetyrova L. B. Labor in post-Socialist ethnic culture: The cases of Buryats, Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 2. Pp. 40–71. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate: Household Life before the Edict of 15 March 1892. Kazan: Kazan Imperial University, 1898. 239 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. The policy of the Russian state on the governance of nomadic peoples in the first half of the XIX century (the case study of Kalmyks). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 4. Pp. 26–29. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Economic and Social Relations in Kalmykia, Late 19th to Early 20th Century: Historical Experience and Contemporaneity. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Impacts of frontiersmen's households on Kalmykia's agrarian evolution, late 19th to early 20th century. In: Problems of Agrarian History in Pre-Revolutionary Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1982. Pp. 91–102. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Some characteristics of the mentality of the Russian Kalmyks at the end of the 19th century (According to the testimony of government officials). *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 3. Pp. 48–62. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. (comp.) Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts (Supplemented with Maps of Kalmyk Steppe). St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Lakin G. I. Economic Essays and Observations. Vol. 7: Land Use and Tenure in Peasant Communities of Astrakhan Governorate. Part 2: Cherny Yar Uyezd. Astrakhan: Steam Printing House, 1911. 44 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 845 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Kalmykia in the Three Russian Revolutions. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Smirnov P. Through Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 246 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Monograph. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Observations and Notes. Essay Two. In: Collected Works by Members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Lands. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 36–214. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 270–279, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 947(470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований)

Шамиль Наилевич Исянгулов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2022

© Исянгулов Ш. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается эволюция сельской семьи в Башкирии (до 1922 г. — в Малой Башкирии и Уфимской губернии) на основе материалов выборочных гнездовых динамических переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств за 1920-е гг. *Целью* работы является определение исследовательских возможностей указанных двух групп источников в контексте изучения истории крестьянской семьи на примере Башкирской АССР. *Материалы и методы.* Основными источниками стали опубликованные и архивные материалы — результаты выборочных обследований крестьянского хозяйства за 1920-е гг. В ходе исследования применялись статистический, описательный, сравнительно-исторический методы изучения. *Результаты.* Итоги весенних опросов хозяйств позволяют установить изменения средних размеров сельской семьи. В частности, в Башкирии с 1920 по 1923 гг. наблюдалось резкое уменьшение размеров семьи — на 0,6 человека, особенно в восточных кантонах республики. Затем несколько увеличившись, он вплоть до конца 1920-х гг. оставался на одном уровне (5,1 человека). По сведениям на 1926 г., наибольшие размеры семьи имели русские хозяйства — 5,4 человека, наименьшие — башкирские (4,8). О губительных последствиях голода 1921–1922 гг. для семьи свидетельствовали материалы переписей 1920 и 1922 гг. За два года произошло значительное увеличение одиночек, небольших по численности семей, уменьшение — больших. Гнездовые динамические переписи регистрировали такие «органические» изменения в деревне, как разделы, соединения, возвращение и вселение, миграцию и ликвидацию крестьянских хозяйств. В 1920–1926 гг. в Башкирии 14,1 % хозяйств разделились, 8,5 % хозяйств соединились, 36,9 % хозяйств временно выселились и ликвидировались, 13,4 % хозяйств возвратились и вновь вселились, что превышало общероссийские показатели. Если дробились в основном зажиточные хозяйства, то соединялись, мигрировали, вымирали бедные хозяйства. Материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств свидетельствуют, что в 1920-е гг. большинство сельчан составляли бедняки. *Выводы.* Материалы исследования

показывают, что рассмотренные источники имеют значительный источниковедческий потенциал и для изучения истории семьи в 1920-е гг., позволяя связать демографические характеристики с социально-экономическими.

Ключевые слова: Башкирия, 1920-е гг., выборочные обследования, крестьяне, семья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности».

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 270–279. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

The 1920s Evolution of Peasant Family in Bashkiria: Sample Surveys Analyzed

Shamil N. Isyangulov¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Isyangulov Sh. N., 2022

Abstract. Introduction. The article examines materials of 1920s cluster (dynamic) censuses and spring surveys of peasant farmsteads to outline the evolution of Bashkiria's rural family (before 1922 — in Bashkiria Minor and Ufa Governorate). **Goals.** The work seeks to identify research possibilities of the two groups of sources in the context of historical studies of peasant family in the Bashkir ASSR. **Materials and methods.** The paper primarily analyzes published and archival materials — results of 1920s sample surveys of peasant households. The study employs a number of research methods, such as the statistical, descriptive, and comparative historical ones. **Results.** The results of spring surveys of farmsteads make it possible to delineate changes in the average size of a rural family. In particular, from 1920 to 1923 Bashkiria witnessed a sharp decrease in family size — by 0.6 people, especially in the eastern cantons of the Republic. Then, the parameter increased slightly to stay virtually static (5.1 people) to the late 1920s. As of 1926, the largest family sizes were registered in Russian farmsteads (5.4), smallest sizes — in Bashkir ones (4.8). The disastrous consequences of the Famine of 1921–1922 for the family were evidenced by the Censuses of 1920 and 1922. The two years show a significant increase in singles, small families, and a decrease in large ones. In 1920–1926, dynamic censuses in Bashkiria recorded such ‘organic’ changes in the village as splits (14.1 %), mergers (8.5), returns and repeated incorporations (13.4 %), migrations and temporary liquidations of peasant farms (36.9). These exceeded Russia's indicators nationwide. While mainly prosperous households tended to split up, those were the poor that would merge, migrate, and even die out. The materials of 1920s sample surveys of peasant farms indicate that the majority of then villagers were poor. **Conclusions.** The documents show that the considered sources have a significant research potential for exploring family history in the 1920s, and may provide links between demographic and socioeconomic parameters.

Keywords: Bashkiria, 1920s, sample surveys, peasants, family

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project ‘Sociocultural Processes in Eurasian Environments: from Earliest Times to Present Days’.

For citation: Isyangulov Sh. N. The 1920s Evolution of Peasant Family in Bashkiria: Sample Surveys Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 270–279. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

Введение

В результате революции 1917 г., Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в составе и структуре крестьянской семьи произошли значительные изменения, которые проявлялись прежде всего в ее нуклеаризации. В современный период, в условиях кризиса семьи, уменьшения ее величины, изучение аналогичных процессов, происходивших в 1920-е гг. в деревне, представляется весьма актуальным.

В 1920-е гг. статистические органы страны проводили большую работу по изучению социально-экономического и демографического положения сельского населения. Эти исследования, в отличие от общих переписей, охватывали не все население, а были выборочными. Материалы выборочных переписей дают богатый материал по эволюции крестьянского хозяйства в 1920-е гг. В то же время в них имеются ценные сведения и по истории развития семьи в рассматриваемый период.

Еще в 1920-е гг. в советской историографии материалы выборочных обследований широко использовались при изучении так называемых «органических изменений» в деревне: разделов, соединений, ликвидации, временного выселения крестьянских хозяйств. Наиболее характерными являются работы известного статистика А. И. Хрящевой [Хрящева 1926]. Однако в последующей отечественной историографии работ, в которых бы использовались материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств для изучения российской семьи, немного (например: [Жиромская 1996: 26–96]).

Сведения выборочных переписей с 1960-х гг. широко использовали в своих работах историки, изучающие крестьянское хозяйство периода Гражданской войны и нэпа [Поляков 1967; Данилов 1977: 204–264; и др.]. Как исторический источник они проанализированы в работах К. М. Газаловой, Э. С. Халимовой [Газалова 1968; Халимова 1977].

В советский период историки писали об осреднении крестьянства. Однако они должны были констатировать о пролетаризации бедняков, расслоении сельчан, усилении кулачества, что было однако труднодоказуемо по статистическим источникам. Между тем британский исследователь Т. Шанин в

начале 1970-х гг. выступил против концепции советских историков, выдвинув теорию о единстве российского крестьянства, в котором шли разнохарактерные процессы социальной мобильности: одни хозяйства выбывали и вымирали, другие — разделялись, третьи — соединялись. Все это позволяло до поры до времени «нейтрализовать» эффект экономического расслоения [Шанин 2020: 85–247].

В региональной историографии работы 1920-х гг. являются зачастую публикациями источников с комментариями [Киреев 1923; Киреев 1924; Киреев 1925; К. 1926; А. Б. 1927]. Исключениями являются статьи С. К. Бушуева и Р. Н. Манапова (впрочем, первая из них ныне также играет роль источника). Однако оба автора специально исследованием семьи не занимались, а изучали прежде всего развитие крестьянского хозяйства [Бушуев 1931; Манапов 1973].

В работах, вышедших в постсоветский период, опубликованные итоги выборочных переписей крестьянских хозяйств практически не используются [Давлетшин 2001; Зарипова 2003; Надеждина 2005; и др.]. Не использовали отмеченные материалы и специалисты, изучавшие семью 1920-х гг. [Бикбулатов 1969; Нафиков 1974]. Таким образом, сельская семья в Башкирии в 1920-е гг. во многом остается малоизученной, в том числе по материалам выборочных переписей крестьянских хозяйств тех лет.

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции сельской семьи в Башкирии на основе материалов выборочных динамических переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств за 1920-е гг. (бюджетные исследования здесь не рассматриваются). Несомненно, в работе будет затрагиваться и развитие крестьянского хозяйства в указанный период, однако подробное его рассмотрение в задачу данной статьи не входит.

Материалы исследования

Основными источниками для данной статьи стали опубликованные и архивные источники, в которых получили отражение итоги выборочных весенних обследований (опросов) и гнездовых переписей.

Так, впервые выборочная перепись в Уфимской губернии, охватившая от 5 до 10 % хозяйств, была проведена еще в 1919 г. [Экономическое 1922: 4].

В 1920 г. выборочные обследования начали проводиться и на территории Малой Башкирии. С 1922 г. так называемые весенние опросы крестьянских хозяйств стали ежегодными. Они позволяют показать динамику крестьянских хозяйств и населения за 1920-е гг. Сведения получались путем экспертной оценки налоговых списков, которые составлялись ежегодно в мае–июне сельсовета и волостными комитетами. Налоговые списки фактически являлись сплошной ежегодной переписью крестьянских хозяйств. Однако в них число дворов нередко преувеличивалось, так как в список включались отсутствующие, а то и выморочные хозяйства. В то же время исследователи уверены, что Центральное статистическое управление, используя налоговые списки для составления весенних выборочных переписей, устраняло явные несоответствия по учету хозяйств [Газалова 1968: 290–291]. Таким образом, считается, что материалы весенних опросов являются вполне надежными и достоверными источниками. Материалы весенних опросов были опубликованы в изданиях Башкирского Центрального статистического управления в 1920-е гг., а также в центральной печати.

Процесс «органических» изменений в крестьянской семье и хозяйстве в рассматриваемый период позволяют представить материалы так называемых гнездовых переписей. Сущность метода подобных исследований состояла в периодическом наблюдении одних и тех же групп хозяйств (гнезд). Особое внимание в ходе этих обследований обращали на процессы дробления, соединения, ликвидации, временного выселения хозяйств. В связи с этим указанные выбороч-

ные переписи представляют значительный интерес и для изучения демографических процессов в деревне в этот период. Итоги гнездовых динамических переписей публиковались в различных статистических сборниках в 1920-е гг. [Сборник 1924; Статистический 1926; Статистический 1927; Итоги 1927; и др.].

В статье также использованы материалы Всероссийской переписи населения 1920 г., которые, как известно, не были обработаны полностью, а лишь выборочно.

Материалы общих и выборочных переписей позволяют представить динамику изменений численности крестьянских хозяйств в регионе, сельского населения, средних размеров семьи.

Численность крестьянских хозяйств и сельского населения

По утверждению статистика К. Г. Кирева, с 1920 по 1923 г. количество крестьянских хозяйств Большой Башкирии уменьшилось на 94 584, или на 17,5 %, а число сельских жителей — на 629 340 человек, или на более чем 20 % [Киреев 1923: 11].

Итоги выборочных обследований 1922 г. (они не были проведены в Кудейском, Тамьян-Катайском и Яланском кантонах) показывали, что по сравнению с 1920 г. число хозяйств в Большой Башкирии сократилось на 16,5 % [НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145].

С 1922 г. отмечается рост числа крестьянских хозяйств, к 1928 г. оно увеличилось на 22,3 % (см. таблицу 1). Процесс увеличения числа крестьянских дворов в республике прекратился в 1929 г. В связи с начавшейся коллективизацией их количество стало уменьшаться [Бушуев 1931: 37].

Таблица 1. Численность крестьянских хозяйств и сельского населения Башкирии в 1920–1928 гг.

[Table 1. Numbers of peasant households and rural residents. Bashkiria, 1920–1928]

Год	Число наличных крестьянских хозяйств, тыс.	Численность населения обоего пола, тыс. чел.	Количество человек на 1 хозяйство
1920	501,4	2 765,9	5,5
1922	418,5	2 072,0	5,0
1923	450,2	2 202,2	4,9
1924	456,4	2 364,8	5,2
1925	479,2	2 447,5	5,1
1926	494,0	2 513,1	5,1

1927	507,4	2 596,0	5,1
1928	512,0	2 597,1	5,1

Источники: [Сборник 1924: 105, 109; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145; Основные 1930: 2–3; Сельское хозяйство 1929: 16].

Примечание: По данным К. Г. Киреева, в 1923 г. в Башкирии число наличных крестьянских хозяйств составляло 445 344, а численность сельского населения — 2 176 331 чел., а в 1925 г., соответственно, 477 694 чел. и 2 440 472 чел. [Киреев 1923: 11; Киреев 1925: 15].

Численность населения по республике уменьшилась с 1920 по 1922 гг. на 22,1 %. Наиболее пострадало от голода население Малой Башкирии (кроме Аргаяшского), а также Белебеевского уезда бывшей Уфимской губернии, менее — Бирского и Уфимского уездов. За 2 года число хозяйств в Уфимской губернии сократилось на 14,3 %, а население — на 19,2 %, в Малой Башкирии, соответственно, на 20,3 % и 26,9 % [НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145]. После катастрофической убыли населения во время голода с 1923 г. отмечается и постепенный рост сельского населения. К 1928 г. оно выросло на 17,9 %.

Средний размер семьи в Большой Башкирии с 1920 по 1922 г. уменьшился с 5,5 до 5,0 человек, в том числе в Уфимской губернии он стал меньше на 0,5 человека, в Малой Башкирии — на 0,8. К 1922 г. в Уфимской губернии в среднем на 1 двор приходилось 5,0, в Малой Башкирии — 4,8 человека [Сборник 1924: 109]. С 1923 г. отмечается небольшой рост среднего размера семьи (двора).

Однако в середине 1920-х гг. вновь наметилась тенденция уменьшения размеров семьи, что стало характерным практически для всех кантонов республики (за исключением Зилаирского и Белебеевского). Если в восточных кантонах население не могло оправиться от последствий голода, то в дру-

гих имели место процессы дробления крестьянских хозяйств [Киреев 1924: 3; Киреев 1925: 15; К. 1926: 45].

По данным весеннего опроса 1926 г., наибольшие размеры семьи имели русские хозяйства (вместе с украинскими и белорусскими) — 5,4 человека, наименьшие — башкирские (4,8 человека). У русских состав семьи был на 14 % выше, чем у башкирских хозяйств, и на 11 % выше, чем у татарских (в состав татарских были включены мещеряцкие и тептярские) [А. Б. 1927: 188, 190].

Результаты выборочных обследований

Выборочные обследования также позволяют вскрыть произошедшие в результате коренных военно-политических, социально-экономических и природных катаклизмов глубокие демографические изменения в численности семьи. Так, сравнение результатов 10-процентной сельскохозяйственной переписи 1922 г. с выборочными материалами всеобщей переписи 1920 г. показывает, что с 1920 по 1922 гг. в связи с голодом в регионе происходило дальнейшее разрушение семьи. Отметим, что для выборочного исследования в 1920 г. из материалов всеобщей переписи было выбрано в Малой Башкирии 18 354 хозяйства, в Уфимской губернии — 38 208. Через 2 года было обследовано, соответственно, 15 353 и 33 020 хозяйств (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение крестьянских хозяйств Малой Башкирии и Уфимской губернии в 1920 и 1922 гг. по числу членов семьи, в %

[Table 2. Peasant households of Bashkiria Minor and Ufa Governorate by family size (%). 1920 and 1922]

Группы хозяйств по числу членов семьи	Малая Башкирия		Уфимская губерния	
	1920 г.	1922 г.	1920 г.	1922 г.
1 член семьи	1,4	4,0	1,9	3,1
2–3 члена семьи	18,6	27,7	19,0	23,8
4–6 членов семьи	45,6	47,0	48,1	48,7
7–10 членов семьи	28,7	19,4	28,2	22,6
11 и более членов семьи	5,7	1,9	2,8	1,8

Источник: [Статистический 1923: 174].

Сведения таблицы 2 ярко свидетельствуют о разрушительных последствиях страшного голода 1921–1922 гг. для семьи. За два года удельный вес одиночек в Малой Башкирии увеличился в 2,9 раза, в Уфимской губернии — в 1,6 раза. Неполные или нуклеарные семьи без детей или с 1 ребенком выросли в Малой Башкирии в полтора раза, в Уфимской губернии — в 1,3 раза. Удельный вес малых или неразделенных семей с 4–6 членами семьи также повысился за счет снижения больших семей с 7 и более членами. Так, семьи с 7–10 членами в Малой Башкирии сократились в 1,5 раза, в

Уфимской губернии — в 1,3 раза, с 11 и более членами, соответственно, в 3 и 1,6 раза. Повышенная смертность во время голода, очевидно, привела к катастрофическим последствиям в численности и структуре семьи.

Материалы гнездовых динамических переписей 1920-х гг. позволяют представить различные «органические» процессы, происходившие в крестьянской семье (см. таблицу 3). Одним из существенных элементов демографических процессов в крестьянской семье 1920-х гг. стали семейные разделы.

Таблица 3. Эволюция крестьянских хозяйств Уфимской губернии и Башкирской АССР в 1920–1926 гг., в %

[Table 3. Evolution of peasant households in Ufa Governorate and Bashkir ASSR (%). 1920–1926]

Год	Количество разделенных крестьянских хозяйств	Количество соединенных крестьянских хозяйств	Количество временно выселенных и ликвидированных крестьянских хозяйств	Количество возвращенных и вновь заселенных крестьянских хозяйств
1920	1,5	2,0	8,2	1,3
1921	0,3	0,6	10,6	1,3
1922	2,1	1,8	5,9	3,8
1923	3,3	2,1	4,1	4,3
1924	2,6	1,2	2,5	2,7
1925	2,9	0,9	4,4	Нет св.
1926	2,3	1,0	3,4	Нет св.
1920–1926	14,1	8,5	36,9	13,4

Источники: [Статистический 1926: 147–148; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 8. Д. 537. Л. 1, 39, 131; Статистический 1927: 64–65].

Примечание: В 1920–1922 гг. материалы гнездовых переписей относятся к Уфимской губернии, с 1923 г. — к Башкирской АССР.

Во время голода 1921 г. процент семейных разделов уменьшился. Более того, семейных разделов в Башкирии в 1920–1925 гг. было меньше, чем по сравнению как с производящими, так и с потребляющими губерниями европейской России за тот период [Газалова 1968: 273]. Так, за 1921–1924 гг. в Башкирии 14,8 % хозяйств образовались в результате разделов, тогда как в непродуцировавших 10 губерниях европейской России данный показатель составил 19,4 %, в производивших районах, не пострадавших от неурожая 1921 г., — 22,3 %, в районах юго-востока и Сибири, пострадавших от голода, — 21,0 % [Статистический 1926: 147–148].

Исследователи показали, что в 1920-е гг. семейные разделы в основном происходили в зажиточных семьях, тогда как в пролетарских и бедных их практически не было [Данилов 1977: 230; Манапов 1973: 223].

Вопрос природы семейных разделов 1920-х гг. в литературе остается нерешенным и требует, несомненно, привлечения и других источников. Исследователи склоняются к точке зрения, что одной из основных причин разделов (дроблений) в этот период было аграрное перенаселение [Жиромская 1996: 77–79].

С началом массовой коллективизации в республике вновь резко возрастает процент разделившихся хозяйств, прежде все-

го среди середняков и кулаков. Одной из основных причин увеличения разделов у этих групп стало значительное повышение сельскохозяйственного налога [Газалова 1968: 288]. Так, по 5 гнездам республики в 1929 г. разделилось 5,6 % хозяйств, по всем 10 гнездам — 7,9 %. Интерес представляют и причины разделов. Если в 1929 г. (по материалам 5 гнезд) 66,8 % разделов произошли по семейным причинам, 17 % — с целью скрыть мощностность хозяйства, 10,9 % — в связи с вступлением в колхоз, 2,6 % были фиктивными, то в 1930 г. 64,2 %, 20,4 %, 11,9 % и 2 % соответственно [Бушуев 1931: 49–51]. Несомненно, семейные разделы в 1929–1930 гг. стали одним из способов борьбы крестьян с политикой насильственной коллективизации.

Процессы соединения семей (хозяйств) обычно имели место после женитьбы (замужества), а также в результате чрезвычайных событий (войн, голода, пожара, смерти одного из родителей). Об этом свидетельствуют данные таблицы 3, когда процент соединившихся хозяйств повышался в 1920, 1922–1923 гг., т. е. в годы ухудшения социально-экономических и демографических условий существования, затем вновь понизился в 1924 г. и в последующие годы. Соединений было больше, чем разделов, и в 1921 г. Башкирия, как и другие губернии, пострадавшие от голода 1921–1922 гг., лидировала по числу хозяйств, образовавшихся в результате соединений (слияний) хозяйств. Так, в 1921–1924 гг. в Башкирской республике процент хозяйств, образовавшихся в результате соединений, составил 3,4 %, тогда как в 10 непродуцировавших губерниях — лишь 1,3 %, в продуцировавших районах, не пострадавших от неурожаа 1921 г., — 1,8 % [Статистический 1926: 148].

В Башкирии в 1921–1924 гг. выселилось и ликвидировалось 20,9 % крестьянских хозяйств, что было больше, чем во всех пораженных голодом губерниях России [Жиромская 1996: 46]. В основном вымирала наиболее бедная часть крестьянства [Шанин 2020: 153–159].

В то же время процент возвратившихся и вновь вселившихся хозяйств за тот же период составил 10,6 %, что было намного больше, чем в непродуцировавших губерниях и продуцировавшей полосе, не пострадавшей от голода 1921–1922 гг. [Статистический

1926: 148]. Наибольшее влияние в рассматриваемый период оказали процессы выселения и ликвидации хозяйств, несомненно, связанные с голодом 1921–1922 гг.

Материалы динамических переписей позволяют сопоставить демографические характеристики семей с социально-экономическими показателями. По данным динамической переписи, в Башкирии в 1924 г. 5,6 % хозяйств были беспосевными, 65,2 % имели посевы до 4 дес., 26,6 % — от 4,1 до 10 дес., 2,6 % — свыше 10 дес. Условно можно их отнести, соответственно, к батракам, беднякам, середнякам и кулакам. Средние размеры семьи этих групп были следующими: 3,7, 4,7, 6,9 и 8,5 человека. Таким образом, чем беднее хозяйство, тем меньше был средний размер семьи. Зажиточные же хозяйства представляли собой большие (многодетные) семьи [Статистический 1926: 128–129]. В целом такое положение было характерно для всей России [Шанин 2020: 115–119].

Наконец, материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств — ценный источник для изучения социально-экономического положения, социального расслоения сельского населения. Не ставя задачу подробного рассмотрения этой обширной проблемы, кратко отметим лишь следующее. Во время голода удельный вес хозяйств без рабочего скота с 1920 по 1922 гг. в Малой Башкирии увеличился с 17,5 до 44,4 %, в Уфимской губернии — с 18,4 до 40,0 %, бескоровных с 14,5 до 32,7 % и с 15,9 до 28,8 % соответственно. Процент хозяйств, сеявших сельскохозяйственные культуры до 4 дес., вырос за тот же период в Малой Башкирии с 62,6 до 84,5 %, в Уфимской губернии — с 58,7 до 83,4 %, а сеявших более 4 дес. — уменьшился (соответственно до 8,5 и 10,7 %) [Статистический 1923: 174–175].

С 1922 г. по 1926 гг., по данным динамических переписей, удельный вес беспосевной группы понизился с 6,0 до 2,3 %, бедняков — до 51,1 %, возрос: середняков — до 44 %, кулаков — до 2,6 % [Итоги 1927: 140–141].

Данные весенних опросов в 1926 г. дают несколько иные цифры: без посевов — 6,7 %, с посевом до 4 дес. — 57,9, от 4 до 10 дес. — 31,0, свыше 10 дес. — 4,4 %. К 1929 г. удельный вес середняков поднялся

до 37,8 %, кулаков — до 4,7 %. Однако бедняки продолжали составлять большинство крестьянских хозяйств. То же касается и группировок по числу скота. В 1929 г. более половины хозяйств в республике были с одним рабочим скотом и с одной коровой [Бушуев 1931: 28]. В связи с этим материалы гнездовой переписи 1927 г., когда оказалось, что так называемых мелких товаропроизводителей (середняков) в Башкирии 62,8 %, вызывают сомнения [Сельское хозяйство 1929: 24–25]. Очевидно, ни о каком осреднении крестьянства не могло быть и речи. Современные исследователи пишут об уравнивании, обеднении сельского населения [Жиромская 1996: 86; Ильиных 2018].

Заключение

Материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств 1920-х гг. представляют собой один из важных источников и при изучении истории сельской семьи в период новой экономической политики. Весенние опросы населения позволяют выяснить эволюцию числа крестьянских хозяйств, численности населения, среднего размера семьи. Особый интерес представляют материалы выборочных обследо-

ний начала 1920-х гг., позволяющих уточнить губительные итоги воздействия голода 1921–1922 гг. на демографические процессы в связи с неполнотой сведений ЗАГС. Они показали значительное снижение среднего размера сельской семьи в 1920–1923 гг., определенную его стабилизацию в середине 1920-х гг. и начало его нового снижения в конце десятилетия. Материалы гнездовых динамических переписей ярко рисуют картину раскрестьянивания, вероятной гибели населения во время голода и эпидемий, распространения таких специфических явлений деревенской жизни, как семейные разделы и соединения. Особое значение указанные источники имеют при изучении демографических характеристик семьи во взаимосвязи с социально-экономическим развитием крестьянского хозяйства в 1920-е гг. Материалы выборочных обследований свидетельствуют, что большинство крестьянских хозяйств Башкирской АССР относилось к беднякам. В целом рассмотренные источники позволяют глубже изучить демографические и социально-экономические процессы среди крестьянства в их единстве, в сочетании между собой.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Литература

- А. Б. 1927 — А. Б. Характеристика крестьянского хозяйства Башреспублики по основным национальным группам // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1927. № 29. С. 180–199.
- Бикбулатов 1969 — Бикбулатов Н. В. Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1969. 215 с.
- Бушуев 1931 — Бушуев С. К. Социально-экономические и классовые сдвиги в экономике сельского хозяйства БАССР // Хозяйство Башкирии. 1931. № 3–4. С. 19–51.
- Газалова 1968 — Газалова К. М. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в 1921–1929 гг. // Источниковедение истории советского общества. Вып. II. М.: Наука, 1968. С. 265–295.
- Давлетшин 2001 — Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы. Уфа: Гилем, 2001. 275 с.

- Данилов 1977 — Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Жиромская 1996 — Жиромская В. Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. М.: Наука, 1996. 158 с.
- Зарипова 2003 — Зарипова Р. К. Сельское население в эпоху модернизации: на материалах Республики Башкортостан в годы нэпа (1923–1928 гг.). Уфа: Восточный университет, 2003. 92 с.
- Ильиных 2018 — Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 128–134.
- Итоги 1927 — Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М.: ЦСУ СССР, 1927. 514 с.
- К. 1926 — К. Предварительные итоги весеннего выборочного обследования единоличных

- крестьянских хозяйств в Башреспублике в 1926 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1926. № 27–28. С. 44–50.
- Киреев 1925 — Киреев К. Итоги весеннего выборочного обследования единоличных крестьянских хозяйств Башреспублики в 1925 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1925. № 25–26. С. 9–31.
- Киреев 1924 — Киреев К. Итоги весеннего обследования сельского хозяйства Башреспублики в 1924 году // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1924. № 12. С. 1–15.
- Киреев 1923 — Киреев К. Крестьянское хозяйство Башреспублики в 1923 году // Сельскохозяйственный листок. 1923. № 4. С. 11–13.
- Манапов 1973 — Манапов Р. Н. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в Башкирии в 1921–1926 гг. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1973. С. 221–225.
- Надеждина 2005 — Надеждина В. А. «...Все к социализму иду и никак не могу прийти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 268 с.
- Нафиков 1974 — Нафиков З. З. Социалистическая семья: вопросы становления и развития (На примере Башкирской АССР). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1974. 144 с.
- Основные 1930 — Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. М.: Статгосиздат ЦСУ СССР, 1930. 171 с.
- Поляков 1967 — Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 512 с.
- Сборник 1924 — Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы ЦСУ. М.: Тип. МКХ, 1924. xv, 481 с.
- Сельское хозяйство 1929 — Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М.: Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929. 502 с.
- Статистический 1923 — Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. Вып. 1. М.: Тип. МКХ, 1923. xiv, 355 с.
- Статистический 1926 — Статистический ежегодник 1924 г. Вып. 1. М.: Тип. МКХ им. Ф. Я. Лаврова, 1926. xi, 337 с.
- Статистический 1927 — Статистический справочник СССР 1927. М.: Издание ЦСУ СССР, 1927. v, 506 с.
- Халимова 1977 — Халимова Э. С. Организация динамических переписей крестьянских хозяйств в 1920–1929 гг. и методика разработки их материалов // Вестник Московского университета. Серия VIII. История. 1977. № 3. С. 13–24.
- Хрящева 1926 — Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издание ЦСУ СССР, 1926. 172 с.
- Шанин 2020 — Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с англ. А. В. Соловьева; под науч. ред. А. М. Никулина. М.: Дело, 2020. 408 с.
- Экономическое 1922 — Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М.: 14-я тип. МСНХ (Мосполиграф), 1922. 183 с.

References

- A. B. Bashkir ASSR: Peasant households by main ethnic groups reviewed. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1927. No. 29. Pp. 180–199. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V. The Bashkir Aul: An Essay on Social and Cultural Life. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1969. 215 p. (In Russ.)
- Bushuev S. K. Socioeconomic and class changes in agricultural economy of the Bashkir ASSR. *Khozyaystvo Bashkirii*. 1931. No. 3–4. Pp. 19–51. (In Russ.)
- Celebrating the First Decade of Soviet Rule, 1917–1927: Outcomes Reviewed. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1927. 514 p. (In Russ.)
- Danilov V. P. The Soviet Pre-Kolkhoz Village: Population, Land Use, Economics. Moscow: Nauka, 1977. 320 p. (In Russ.)
- Davletshin R. A. History of Bashkortostan's Peasantry, 1917–1940. Ufa: Gilem, 2001. 275 p. (In Russ.)
- Economic Scarification of Peasantry in 1917 and 1919. Moscow: Moscow Council of Public Economy, 1922. 183 p. (In Russ.)
- Gazalova K. M. Peasant farms split up, 1921–1929: Statistical sources reviewed. In: Source Studies in the History of Soviet Society. Vol. II. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 265–295. (In Russ.)
- Ilyinykh V. A. Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s–1920s: Criteria, trends, factors. *Ural Historical Journal*. 2018. No. 4 (61). Pp. 128–134. (In Russ.)

- K. Individual peasant households in the Bashkir ASSR, 1926: Preliminary outcomes of spring sampling surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1926. No. 27–28. Pp. 44–50. (In Russ.)
- Key Elements of Agricultural Production in the USSR, 1916 and 1923–1927. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1930. 171 p. (In Russ.)
- Khalimova E. S. Arranging dynamic censuses of peasant households in 1920–1929 and methodologies to develop related materials. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1977. No. 3. Pp. 13–24. (In Russ.)
- Khryashcheva A. I. Groups and Classes within the Peasantry. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1926. 172 p. (In Russ.)
- Kireev K. Agriculture in the Bashkir ASSR, 1924: Preliminary outcomes of spring surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1924. No. 12. Pp. 1–15. (In Russ.)
- Kireev K. Individual peasant households in the Bashkir ASSR, 1925: Preliminary outcomes of spring sampling surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1925. No. 25–26. Pp. 9–31. (In Russ.)
- Kireev K. Peasant households in the Bashkir ASSR, 1923. *Selskokhozyaistvennyi listok*. 1923. No. 4. Pp. 11–13. (In Russ.)
- Manapov R. N. Bashkortostan's peasant households split up, 1921–1926: Statistical sources reviewed. In: South Ural Archaeographic Collection. Vol. 1. Ufa: Ufa Poligrafkombinat, 1973. Pp. 221–225. (In Russ.)
- Nadezhdina V. A. '...Keep Moving towards Socialism Failing to Achieve the Latter': Workers and Peasants of the Southern Urals — and Soviet Social Policies during the NEP. Ufa: Bashkir State University, 2005. 268 p. (In Russ.)
- Nafikov Z. Z. Socialist Family: Issues of Shaping and Development (A Case Study of the Bashkir ASSR). Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)
- Polyakov Yu. A. Transition to the NEP and Soviet Peasants. Moscow: Nauka, 1967. 512 p. (In Russ.)
- Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia 1910–1925. A. Solovyov (transl.); A. Nikulin (ed.). Moscow: Delo (RANEPA), 2020. 408 p. (In Russ.)
- Soviet Agriculture, 1925–1928: Collected Statistical Accounts for the 16th All-Union Conference of the CPSU. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1929. 502 p. (In Russ.)
- Statistical Reference Book of the Soviet Union, 1927. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1927. 506 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook, 1922 and 1923. Vol. 1. Moscow: Moscow Community Facilities, 1923. 355 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook, 1924. Vol. 1. Moscow: Moscow Community Facilities, 1926. 337 p. (In Russ.)
- The Soviet Union, 1918–1923: Collected Statistical Accounts over the Five Years. Moscow: Moscow Community Facilities, 1924. XV, 481 p. (In Russ.)
- Zaripova R. K. Rural Population in the Modernization Era: A Case Study of Bashkortostan during the New Economic Policy, 1923–1928. Ufa: Oriental University, 2003. 92 p. (In Russ.)
- Zhiromskaya V. B. After the Revolutionary Storms: Russia's Population in the Mid-1920s. Moscow: Nauka, 1996. 158 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 280–291, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-280-291

Иранская проблема в нацистской пропаганде на оккупированной территории Северо-Запада России (1942–1943 гг.)

Борис Николаевич Ковалев^{1,2}, Сергей Владимирович Кулик³

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (д. 29, ул. Политехническая, 195251 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

² Институт истории РАН (д. 7, ул. Петрозаводская, 197110 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-1904-1844. E-mail: bnkov@mail.ru

³ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (д. 29, ул. Политехническая, 195251 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-4093-5236. E-mail: kulik54@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ковалев Б. Н., Кулик С. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются тексты по иранской проблеме из коллаборационистских газет «За родину», «Новый путь». Эти периодические издания издавались и распространялись в Прибалтике и на Северо-Западе России в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.). Рассматриваемые публикации впервые являются объектом научного исследования. В этот период нацистская Германия проводила тонкую дипломатическую игру на «иранском фронте», она прилагала значительные пропагандистские усилия, направленные на привлечение на свою сторону, с одной стороны, Ирана, а с другой, советских народов, в том числе с Закавказья. Эта политика была настолько активна, что в полной мере ощущалась и в весьма отдаленном регионе — на Северо-Западе России. *Материалы и методы.* Объектом анализа являются тексты коллаборационистских газет по иранской проблематике. В отечественной и зарубежной историографии, посвященной различным аспектам нацистской пропаганды в годы Второй мировой войны, этот вопрос не получил еще должного освещения. При исследовании данной темы авторы статьи руководствовались принципами объективности, всестороннего анализа источника, историзма, источниковедческой критики. *Результаты.* В статье всесторонне рассмотрена пропагандистская политика нацистской Германии по отношению к Ирану как фактор стратегии борьбы против Советского Союза и Великобритании. Особое внимание уделяется пропагандистским установкам, взятым на вооружение в Германии

после ввода советских и британских войск в Иран. В географическом плане особое внимание уделяется Ближнему Востоку. Нацистская русскоязычная пропаганда на оккупированной территории России прилагала значительные усилия, чтобы доказать порочность стран антигитлеровской коалиции. Иран и его народ трактовались как жертва советско-британской оккупации и потенциальные союзники III Рейха.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистская пропаганда, коллаборационистская пресса, Иран, советско-британские отношения

Для цитирования: Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Иранская проблема в нацистской пропаганде на оккупированной территории Северо-Запада России (1942–1943 гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 280–291. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-280-291

Northwest Russia Occupied, 1942–1943: The Iranian Problem in Nazi Propaganda Revisited

Boris N. Kovalev^{1,2}, Sergey V. Kulik³

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnikeskaya St., 195251 St. Petersburg, Russian Federation)

² St. Petersburg Institute of History of the RAS (7, Petrozavodskaya St., 197110 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-1904-1844. E-mail: bnkov@mail.ru

³ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnikeskaya St., 195251 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-4093-5236. E-mail: kulik54@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kovalev B. N., Kulik S. V., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes the coverage of the Iranian problem in the collaborationist newspapers *Za rodinu* ('For Motherland') and *Novyi put'* ('New Way'). These periodicals were published and circulated both in the Baltic and Northwest Russia during the Nazi occupation (1941–1944). The publications have never been subject to scientific inquiry before. The period witnessed a subtle diplomatic game on the 'Iranian front' played by Nazi Germany and aimed at winning over both Iran and Soviet peoples (including those from Transcaucasia) to its side. That policy proved so active that it was implemented even in a very remote region — Northwest Russia. **Materials and methods.** The work analyzes articles of the collaborationist newspapers dealing with Iranian affairs. In Russian and foreign historiography examining various aspects of Nazi propaganda during World War II this aspect has not been considered properly yet. The guiding research principles include those of objectivity, comprehensive analysis, historicism, and source criticism. **Results.** The article scrutinizes into Nazi Germany's propaganda policy on Iran as a factor in the strategic struggle against the Soviet Union and Great Britain. Particular attention is paid to the propaganda affirmations used by Germany after the arrival of Soviet and British troops in Iran. Geographically, special emphasis is laid on the Near East. Nazi Russian-language propaganda in the occupied territories of Russia made significant efforts to prove depravity of the Allies of World War II. Iran and its people were treated as victims of the Soviet-British occupation and potential allies of the Third Reich.

Keywords: Great Patriotic War, Nazi propaganda, collaborationist press, Iran, Soviet-British relations

For citation: Kovalev B. N., Kulik S. V. Northwest Russia Occupied, 1942–1943: The Iranian Problem in Nazi Propaganda Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 280–291. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-280-291

Введение

В данной статье анализируются тексты по иранской проблеме из коллаборационистских газет «За родину» и «Новый путь». Эти периодические издания выходили и распространялись в Прибалтике и на Северо-Западе России в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.). Рассматриваемые публикации впервые являются объектом научного исследования. В этот период нацистская Германия проводила тонкую дипломатическую игру на «иранском фронте», она прилагала значительные пропагандистские усилия, направленные на привлечение на свою сторону, с одной стороны, Ирана, а с другой — советских народов, в том числе из Закавказья. Эта политика была настолько активна, что в полной мере ощущалась и в весьма отдаленном регионе — на Северо-Западе России.

Ряд историков касались вопросов функционирования и содержания коллаборационистских изданий: Б. Н. Ковалев (русская периодика Северо-Запада РСФСР) [Ковалев 2004], М. В. Шкаровский (православная периодика) [Шкаровский 2007], Д. А. Жуков, И. И. Ковтун (антисемитская пропаганда) [Жуков, Ковтун 2015], К. Н. Максимов (пропаганда на территории Калмыкии) [Максимов 2021] и др.

Материалы и методы

Объектом анализа являются тексты коллаборационистских газет по иранской проблематике. В отечественной и зарубежной историографии, посвященной различным аспектам нацистской пропаганды в годы Второй мировой войны, этот вопрос не получил ещё должного освещения. При исследовании данной темы авторы статьи руководствовались принципами объективности, всестороннего анализа источника, историзма, источниковедческой критики.

Нацистская пропаганда о ситуации в Иране

В годы Великой Отечественной войны нацистская пропаганда всячески доказывала, что весь подлинно цивилизованный мир воюет на стороне III Рейха или морально и материально поддерживает его. Своими противниками они называли страны анти-

гитлеровской коалиции: Советский Союз, Великобританию и США. Их союз объяснялся происками мирового еврейства, за которым стоят англо-американские плутократы и советские «жидо-большевики». В качестве жертвы их совместной политики назывался Иран, занятый в августе 1941 г. советскими и британскими частями.

После нападения на Советский Союз гитлеровская Германия усилила свою деятельность в Иране. III Рейх стремился приобрести там важные стратегические позиции: ведь из Ирана можно было нанести удары по советским республикам Закавказья и Средней Азии. Пути отсюда вели в Афганистан и Индию, особое значение в реалиях войны имела иранская нефть. С началом войны против СССР на Ближнем Востоке существенно активизировалась деятельность немецких спецслужб.

17 августа 1941 г. гитлеровский посланник предложил Реза-шаху «военную поддержку» [Алексеев 1963: 15]. Вряд ли нужно доказывать, что эта деятельность создавала опасность для Советского Союза.

В ноте Советского правительства правительству Ирана от 25 августа 1941 г. были приведены многочисленные факты шпионско-диверсионной деятельности немцев и их агентуры [Алексеев 1963: 15]. Не ограничиваясь враждебной деятельностью против СССР, по мнению советского руководства, немецкие фашисты создали в Иране профашистскую организацию и готовили государственный переворот, целью которого было вовлечь Иран в войну против СССР [Алексеев 1963: 15].

В этих условиях в Иран были введены советские и британские войска. Реза-шах 25 августа 1941 г. отдал приказ иранским вооруженным силам оказать сопротивление советским войскам. Но военный министр генерал Нахджаван приказал войскам прекратить сопротивление.

Это распоряжение было подтверждено новым правительством Ирана во главе с Али Форуги¹. 16 сентября 1941 г. Реза-шах

¹ Мохаммед Али Форуги (1877–1942) — премьер-министр Ирана, учёный, Почётный член Академии наук СССР.

был вынужден отречься от престола и вскоре покинуть Иран. Новым шахом стал его сын Мохаммед Реза Пехлеви [Алексеев 1963: 16].

29 января 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан «Договор о союзе». Согласно ему, союзники давали обязательство уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана, защищать Иран всеми имевшимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии со стороны Германии или другой державы. В свою очередь иранское правительство обещало предоставить союзным государствам средства транспорта, железные и шоссейные дороги для перевозки военных грузов. В телеграмме на имя Форуги Советское правительство выражало уверенность, что новые союзные отношения между СССР и Ираном «укрепят узы дружбы между иранским народом и народами Советского Союза» [Алексеев 1963: 16].

Оценка советско-британской политики в Иране

Советско-английскую политику в Иране нацистская пропаганда характеризовала с крайне негативной стороны. Журнал «Новый путь», издававшийся в Риге на русском языке, опубликовал большую статью с претензией на аналитику «Иран в прошлом и настоящем». В ней говорилось о том, что когда в декабре 1941 г. Англия и Советский Союз напали на Иран и в своем «победном шествии» по беззащитной стране взяли ее под свое «покровительство», Риза-хан¹, тогдашний правитель Ирана, отошел от власти. «Вместе с ним ушло, конечно, и его правительство. Кабинет министров, составленный заново под руководством сына Риза-хана, вынужден был заключить с новыми „хозяевами“ договор, по которому Иран разделялся на английскую и большевистскую сферы влияния» [Иран в прошлом 1942: 17].

Публикации в пронацистской прессе, посвященные Ирану, носили как антисоветский, так и антианглийский характер. В них регулярно отмечалось, что Англия отступает повсюду, и судьба Ирана является самым ярким показателем того, до какой степени дошел развал Британской империи.

Англо-советские войска летом 1941 г. вошли в Иран и заняли Тегеран, снова втя-

нув эту страну в орбиту своей политики [Иран в прошлом 1942: 17].

Для нацистских пропагандистов была характерна критика всех стран, входивших в антигитлеровскую коалицию. Они доказывали, что этот союз крайне не выгоден для населения Советского Союза, что Сталин грабит свою страну ради «буржуев-англичан». При этом даже в русскоязычных газетах проводилась мысль, что и само британское правительство допустило большую стратегическую ошибку. Якобы Англия не подумала о том, что военные события могут скоро измениться и притом настолько, что она не сможет держать дальше свои войска в Иране. «Такой именно момент и наступил теперь. Сейчас Англии нужны все ее войска до последнего солдата, и Черчилль, не задумываясь, отводит английские части из Ирана, отдавая, таким образом, страну целиком в руки большевиков» [Иран в прошлом 1942: 17].

Вывод из этого делался следующий: соглашение Идена со Сталиным на московской конференции приносит теперь очень горькие плоды. Слабость самой Англии никогда еще не была более очевидной, как сейчас [Иран в прошлом 1942: 17].

Следует признать, что в некоторых статьях немецкие пропагандисты вполне объективно объясняли причину, почему Иран был занят советскими и британскими войсками. Ведь это был достаточно надежный путь между силами союзников по антигитлеровской борьбе. «Зимой нынешнего года, когда сталинская армия вынуждена была сдавать одну позицию за другой, англичане искали возможности помочь своему тесному союзнику» [Иран в прошлом 1942: 17].

Посылка помощи через Владивосток была для англичан весьма затруднительна: Владивосток лежал слишком далеко и, кроме того, находился под угрозой со стороны Японии. Путь через Черное море преграждали проливы нейтральных государств.

Таким образом, единственным сухопутным путем для английской помощи СССР оставалась дорога через Иран [Иран в прошлом 1942: 17].

Коллаборационистская пресса утверждала, что Иран все больше входит в сферу советского влияния, что поэтому его судьба крайне не завидна. Гитлеровцы доказывали, что по мере того, как уходят англичане, в

¹ Так в тексте.

Иране появляются новые советские отряды, стремящиеся большевизировать страну. Сейчас, писали они, в Иране происходит то же, что творилось в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии и Буковине, когда эти земли были захвачены советскими войсками. В Иране бушует кровавый террор. Тысячи мирных жителей арестованы, сосланы, расстреляны или разорены. Кроме того, по испытанному уже методу, большевики разоряют страну [Иран в прошлом 1942: 17].

К одной из главных проблем Ближнего Востока нацисты относили его природные богатства, главным из которых является нефть. Именно она вызывала, по их утверждению, агрессивный интерес британских компаний. В статье «„Жидкое золото“ Востока. Английская политика насилия в Иране» особо отмечалось, что «нельзя забывать те трагедии, которые — в силу сложившихся обстоятельств — переживают народы, в данное время поработанные Англией. Английское владычество всегда было бедствием для Среднего и Ближнего Востока, последние же месяцы с особенной жестокостью обнаружилось в Иране» [Жидкое золото 1942: 18].

Антисемитизм и иранский вопрос

Практически во всех бедах современности нацистские пропагандисты обвиняли «мировое еврейство». Антисемитские статьи присутствовали практически в каждом номере газет или журналов. Их след искался везде. Иран в этом смысле исключением не являлся. Статья «Жидовское владычество в Иране» начиналась с пересказа и соответствующего комментария библейского сюжета.

Еще из Ветхого завета мы помним, как жиды сумели широко распространиться на территории Персии и стать в тягость приютившему их народу. Мы знаем, что в гареме персидского царя из династии Ахеменидов жидовке Эсфири удалось опутать своего властелина, в результате чего наступили роковые последствия для арийского населения страны. При содействии Эсфири, все доходные и влиятельные посты были заняты ее соплеменниками. Она же добилась осуществления чудовищного массового убийства сорока тысяч противников жидов. В память этого злодеяния еще в наши

дни, т. е. около двух с половиной тысяч лет спустя, международное жидовство справляет свой величайший праздник — пурим.

[Жидовское владычество 1942: 3].

С событий многовековой давности автор этой статьи переходит к описанию событий XX в. По его мнению, очередные проблемы Ирана начались тогда, когда его еврейское население получило определенные гражданские права. В этих условиях английское вмешательство подготовило путь к «дальнейшей эмансипации жидов» [Жидовское владычество 1942: 3]. В качестве меньшинства им было предоставлено право посылать в парламент двух представителей. «С тех пор как в экономической, так и в политической жизни Ирана начинается период расцвета жидовского влияния» [Жидовское владычество 1942: 3].

Именно поэтому, по мнению журналиста коллаборационистской газеты, население Ирана сейчас находится в столь плачевном состоянии. «Евреи состояли и состоят в постоянном общении со своими заграничными единоплеменниками при посредстве жидовских или интернациональных организаций, как, например, масонства, и часто работают на английские деньги, неизменно защищая интересы Англии в Иране». Англия же, наряду с США, писал он, является самым мощным оплотом жидовского мирового владычества [Жидовское владычество 1942: 3].

Национальные проблемы в Иране

Журналист псковской коллаборационистской газеты «За родину» Борис Шатов, можно сказать, специализировался на иранской проблематике. За его подписью было опубликовано несколько больших материалов по этой нетипичной для Северо-Запада России теме. В статье «Восстание в Иране. Угнетенное население восстает против Советского Союза и его плутократических друзей» он писал: «Прошел год, как советские и английские войска заняли Иран и, этим самым, лишили народ Ирана независимости» [Восстание в Иране 1942: 2].

В качестве фактора, который в Иране является для советских войск одним из самых серьезных, называлась курдская проблема. Волнения в Иране якобы не прекращаются ни на один день. «Как раз на этих днях, вопреки опровержению советского и иран-

ского правительства, получено сообщение, из которого видно, что восстание курдов принимает все большие размеры». Вывод был следующим: в разных областях многие племена присоединились к курдам, которые пользуются большим влиянием [Восстание в Иране 1942: 2].

Как курдов, так и самих иранцев нацистские пропагандисты относили к потенциальным союзникам III Рейха. Утверждалось, что в Германии с большим интересом следят за ходом развития событий в Иране, что население Ирана в большинстве своем симпатизирует Германии, которая отвечает им такими же дружественными чувствами. «В Германии выражают желание видеть Иран снова независимым государством, которое было бы хорошим другом для друзей и мощным врагом для врагов» [Восстание в Иране 1942: 2].

Критика советской и британской политики в Иране

Для русских коллаборационистских газет характерна попытка представить себя серьёзными независимыми изданиями, имеющими свою корреспондентскую сеть по всем крупным городам Европы и Азии. Поэтому некоторые публикации имели подзаголовок «От нашего собственного корреспондента». Один из них якобы находился в столице Италии. В номере газеты «За родину» за 18 октября 1942 г. опубликован материал из Рима, датированный 17 октября, — «ГПУ¹ расстреляло 1 000 персов». Из него следовало, что Иран изнемогает сейчас под властью трех оккупантов: советских, английских и американских, из которых каждый грабит и терроризирует страну на свой лад. «Конечно, в искусстве угнетения и террора ГПУ достигло наилучших результатов». По его приказанию, как сообщает „Мессаджеро“², за последнюю неделю было арестовано и расстреляно 1 000 иранских националистов [ГПУ расстреляло 1942: 2].

В этом же номере прошла информация от «корреспондента в Риме» «Без вести пропала экспедиция НКВД в северном Иране». Из неё следовало, что состоявшая из 3 муж-

чин и 6 женщин активная группа НКВД, сопровождавшаяся 14 красноармейцами и имевшая задание произвести розыски, — не вернулась из ближайших окрестностей Тавриза, в северном Иране. «Предполагается, что ее захватили и уничтожили повстанцы [ГПУ расстреляло 1942: 2].

Если верить нацистской пропаганде, то иранцы отчаянно сопротивлялись как советским войскам, так и англичанам. Для большего авторитета своей информации, ссылки могли идти и на нейтральные источники. К ним относились, например, турецкие СМИ:

Стамбул. По сообщению из Тегерана, британский военный суд в Ширазе приговорил к смерти и тотчас же казнил 120 иранских националистов. Их обвиняли в создании антибританской революционной организации. Члены организации бежали из области Шираз и пытались найти убежище в Ираке. Британские власти, стремясь не допустить перехода границы иранскими беженцами, закрыли ее больше, чем на две недели.

[Британцы казнили 1942: 3].

Еще один приём нацистской пропагандистской машины заключался в цитировании так называемых «нейтральных» и даже «враждебных» источников информации. Предполагалось, что это придаёт сотрудникам ведомства Й. Геббельса гораздо больший авторитет. Это могли быть факты — преувеличенные или преуменьшенные, вырванные из контекста или просто сфальсифицированные.

В преступлениях против мирного населения регулярно обвинялась Красная армия. В статье «Большевики в Иране сожгли 60 поселков», в качестве авторитетного источника идет ссылка на правительство Ирана:

Министр-президент Ирана Али-Сухейли впервые открыто заявил в парламенте о серьезных инцидентах, происходящих за последние недели в Тавризе и его окрестностях, между советскими оккупационными войсками и гражданским населением. На обеих сторонах имеются убитые. Следствие, произведенное на основе ирано-британо-советского договора, установило, что в этих инцидентах единственно виновны советские солдаты.

[Большевики в Иране 1943: 2].

¹ Государственное политическое управление при НКВД РСФСР.

² Итальянская ежедневная газета. Основана в Риме в 1878 г.

В это время проблемы с продовольственным обеспечением мирного населения в воюющих государствах стояла очень остро. На оккупированной гитлеровцами и их союзниками территории нашей страны вообще сложилась катастрофическая ситуация. Однако ситуация в далёкой стране должна была доказать, что где-то ещё хуже. При этом ссылка шла на враждебный источник — известную американскую газету. Из статьи «Новые ограничения в Иране» следовало:

Женева. Газета «Вашингтон Пост» уделяет много места вопросу об ограничении потребления продуктов первой необходимости в Иране. По словам газеты, задача оказалась гораздо труднее, чем предполагалось.

Строгие меры, предпринятые в этом отношении, не оставляют сомнения, что в стране предвидится огромный недостаток продовольствия, несмотря на крайнюю легкомысленность всех «успокаивающих» заявлений высших американских чиновников.

[Новые ограничения 1943: 3].

Статьи о голоде в Иране публиковались в коллаборационистской прессе регулярно. В нем обвинялись «союзные оккупационные власти». Так, в материале «Население под угрозой голода» подчеркивалось, что глава Иранского государства крайне негативно оценил продовольственное положение в своей стране. Из этого заявления вытекало, что до следующего урожая для пропитания населения недостает 130 000 тонн зерна. Это количество в свое время конфисковали союзные оккупационные власти.

«Глава государства Ирана заявил, что во всей стране неминуем голод. Заявление главы правительства, назначенного, между прочим, англичанами, вызвало в народе величайшее уныние и панику» [Население под угрозой 1942: 2].

Подобная ситуация, по утверждению немецких пропагандистов, провоцировала голодные восстания. Утверждалось, что голодные восстания в Иране распространяются и охватывают все новые области страны. «Несмотря на жестокие английские мероприятия, восставшим удалось разграбить несколько продовольственных складов» [Население под угрозой 1942: 2].

По мнению нацистской пропаганды, действия Советского Союза в Иране грубы и прямолинейны. Они заключались в массовых репрессиях, реквизициях, попытках коллективизации и советизации северного Ирана. Политика же англичан ведется гораздо более коварно и изощренно. Например, это могло касаться финансовой сферы. Так, в статье «Бесцеремонные махинации плутократических оккупационных учреждений» особо отмечалось, что финансовое положение Ирана из-за инфляционных финансовых операций англо-американских учреждений и из-за продолжавшегося выпуска банкнот без покрытия настолько обострилось, что министр финансов был вынужден объявить о своем уходе. Это связано с тем, что для покрытия непрерывно выпускаемых новых банкнот, англо-американские учреждения не предоставили соответствующего кредита английских банков [Население под угрозой 1942: 2].

Особые отношения между Германией и Турцией всячески подчеркивались и рекламировались нацистскими пропагандистскими службами. И даже главные враги, по их мнению, были весьма схожими. Для Анкары — это англо-американские плутократы, большевизм и жидо-левантзм. Однако Турция по-прежнему оставалась в статусе нейтрального государства. Нацистская пропаганда могла трактовать и её прессу, хотя на практике это было не так. Вплоть до 1943 г. в Анкаре были очень сильны прогерманские настроения, которые активно поддерживал немецкий посол Франц фон Папен.

Заметка в коллаборационистской газете «Иранская драма по вине Англии» подавалась как перепечатка из турецкого издания:

Стамбул. Турецкая газета «Акиан»¹ в своей передовой статье «Иранская драма» пишет о положении в Иране: «Наш сосед, Иран, борется с серьезными затруднениями. Иран был сторонником мира. Несмотря на это, по вине Англии, он попал в эту войну, разрушившую спокойствие страны.

Грабежи, восстания и беспорядки даже в самой столице, Тегеране, были подняты отчаявшимся населением, из-за начавшегося голода.

[Иранская драма 1942: 2].

¹ Турецкая ежедневная газета. Основана в 1918 г. в Стамбуле.

По утверждению пропагандистов, положение в Иране являлось не просто плохим, а самым плохим. Обвинялась в этом британская политика на Ближнем Востоке. «Без сомнения, общие следствия войны сказываются и в Иране, но голод в этой стране свирепствует в такой степени, как ни в одном другом государстве» [Иранская драма 1942: 2].

Подчеркивалось, что независимо от влияния войны, настоящей причиной бедствия Ирана является английская оккупация, тяжесть которой эта страна испытывает уже полтора года. Пострадал авторитет государства, нации, началась анархия, голод и болезни. «Никто, конечно, никогда не поверит, что Иран потерпел бы все эти несчастья, если бы не было английской оккупации» [Иранская драма 1942: 2].

Как уже отмечалось, одним из тезисов нацистской пропаганды, который доказывался на протяжении всей войны, являлся искусственный и порочный характер союза между СССР, Великобританией и США. Любые разногласия между ними встречались гитлеровцами с огромной радостью и воодушевлением. Зачастую они просто выдумывались и преувеличивались. Так утверждалось, что борьба между англичанами, американцами и большевиками за влияние в Иране беспрерывно продолжается и принимает острые формы. Чтобы ликвидировать взаимные трения в военно-судебной области, образовано два военных суда, в каждом из которых заседают британские, советские и иранские судьи [Иранские патриоты 1943: 3].

Еще одно утверждение нацистской пропаганды на протяжении нескольких лет заключалось в опасности советизации Ирана. Особое место занимали его северные области, где проживало большое количество азербайджанцев. Их пугали возможностью проведения коллективизации по советскому образцу. «Восстания иранских патриотов против советских войск особенно развились в северном Иране. В этой области два иранских национальных союза борются против большевиков, намеренных ввести в этих сельскохозяйственных округах колхозы. О коллективизации не осведомлены ни тегеранское правительство, ни североамериканский советник по хозяйственным де-

лам при иранском министерстве культуры» [Иранские патриоты 1943: 3].

Весной–летом 1942 г. с территории СССР в Иран была передислоцирована польская, так называемая «Армия Андерса». Там она в июле 1943 г. была переформирована во 2-й польский корпус в составе британской армии. Эту сложную логистическую операцию советское руководство было вынуждено осуществить из-за категорического нежелания польского правительства в Лондоне использовать своих солдат на советско-германском фронте. В трактовке нацистской пропаганды дело обстояло следующим образом:

Иран постепенно становится местом сбора польских беглецов, пытающихся скрыться от преследований со стороны большевиков.

Уже долгое время здесь находятся польские женщины и дети, водворенные сюда после отправки польских воинских частей на Ближний Восток. Особенно много поляков находится в городе Исфаган. Последнее время здесь же пребывает и польский «министр» Станчук, который сделал в Тегеране небезынтересное заявление.

Он подчеркнул, что перевозка сюда от 800 до 900 тысяч поляков, которые находятся еще в советских руках, является важнейшей проблемой для будущих польско-советских отношений. Он утверждает, что практически уже более полгода поляки не имели возможности покинуть пределы Советского Союза.

[Иранские патриоты 1943: 3].

В прессе используются различные жанры публицистики. К одному из них относится интервью. Статья «Иран страдает от оккупации» интересна тем, что приводит выдержки из беседы между шахом Ирана и американскими журналистами. Изначально явно предполагалось, что слова Мохаммеда Реза Пехлеви вызовут у читателей из США неприязнь к Великобритании и Советскому Союзу. Но они стали также широко тиражироваться по всей подконтрольной нацистам территории.

Анкара. В интервью, данном иранским шахом представителям американской печати, молодой монарх указал на те трудности, которые приходится сейчас переживать Ирану в связи с оккупацией его англо-американо-советскими войсками.

[Иран страдает 1943: 2].

В результате мероприятий гарнизонов оккупационных войск в стране началась инфляция, грозящая уничтожением национального имущества.

Необычайное подорожание и недостаток продовольствия и других товаров являются причиной, препятствовавшей восстановлению нормальных условий и вызвавшей серьезный кризис. Правительство делает неимоверные усилия, чтобы обеспечить народ насущным хлебом [Иран страдает 1943: 2].

Чем хуже у Германии обстояли дела на фронте, тем больше коллаборационисты подчёркивали свою особую значимость. Из этого заголовок следовало, что осенью 1943 г. представитель псковской газеты «За родину» находился в Турции: «От нашего корреспондента в Анкаре В. Корецкого „Плутократы порабащают наркотиками“» [Плутократы порабащают 1943: 2].

Тема была весьма актуальной, и, что немаловажно, многие приведенные в статье факты полностью соответствовали исторической правде.

Следует причислить веками испытанный опыт «добропорядочных» английских купцов, основанный на том, что люди ни на что так не готовы жертвовать всем достоянием, как на удовлетворение своих пороков.

[Плутократы порабащают 1943: 2].

Торговля ядами поэтому является самой прибыльной из всех отраслей. Она является наиболее подходящим средством для эксплуататорской политики, ведущейся англичанами, начиная с их первого выступления на арене колониальной истории. Поэтому во всех странах, находящихся под господством Англии, мы встречаем монополии торговли дурманящими ядами...

[Плутократы порабащают 1943: 2].

К сожалению, эта страшная беда затрагивала многие страны Ближнего Востока. Поэтому следующее утверждение является определенным преувеличением, когда все беды списываются исключительно на Великобританию:

До войны этот порок в Иране был почти неизвестен. К благотворительным законам тогда принадлежал запрет ввоза дурманящих ядов. После оккупации Ирана англичане от нового правительства потребовали разрешения на ввоз опиума из Индии.

[Плутократы порабащают 1943: 2].

Иранским властям пришлось, конечно, разрешение дать, однако англичане не смогли воспрепятствовать тому, что этот нежелательный импорт был обложен необычайно высокой таможенной пошлиной, так что контрабанда этого яда превратилась в весьма прибыльное предприятие для британского командования и оккупационных властей.

[Плутократы порабащают 1943: 2].

А вот с этим можно вполне согласиться:

«Господство над народом осуществляется не владычеством над его добродетелями, а над пороками!». Таков один из важнейших принципов британского империалистического государственного искусства...

[Плутократы порабащают 1943: 2].

Автор статьи напоминал читателям о печально известных «Опиумных войнах» и делал вывод о том, что с XIX в. политика англичан совершенно не поменялась:

Подобно тому, как сто лет тому назад силой оружия они вынудили Китай разрешить ввоз разрушительного яда, англичане поступили теперь с Ираном.

[Плутократы порабащают 1943: 2].

Правительство, правда, пыталось уменьшить действие этого вредного мероприятия высокой заградительной пошлиной. Но эти постановления обходятся британскими властями. Яд ввозится в страну как военное имущество и открывает офицерам и чинам оккупационных властей новые, весьма прибыльные источники наживы.

[Плутократы порабащают 1943: 2].

Нацистские пропагандисты пытались опровергать заявления советских СМИ. Речь шла о широкой поддержке, которую оказывали народы мира СССР. Коллаборационистская печать утверждала, что ТАСС публикует лживое сообщение о «солидарности населения Ирана с героическим народом Советского Союза. Большевицкая печать нагло измышляет, что в Иране якобы открыт сбор пожертвований для пострадавшего от войны советского населения. Московские газеты подчеркивают, что иранский шах будто бы на эти нужды внес 300 000 реалов» [Так они лгут 1943: 2].

Трудно сказать, насколько Мохаммед Реза Пехлеви сделал это с чистым сердцем и по доброй воле, но подобный факт дей-

ствительно имел место. Так что следующее утверждение являлось вымыслом гитлеровцев, которые желаемое выдавали за действительное:

На самом деле, пожертвования в Иране собираются не для помощи Советскому Союзу, а для поддержки населения Ирана, пострадавшего от карательных экспедиций частей НКВД. Как известно, чекисты в Иране чинили и чинят расправу над беззащитным гражданским населением, обвиняя его в «антисоветских настроениях».

[Так они лгут 1943: 2].

Тегеранская конференция 1943 г. в трактовке нацистской пропаганды

Интересна судьба Анатолия Петрова¹ — главного редактора псковской коллаборационистской газеты «За родину». До начала Великой Отечественной войны он возглавлял газету «Псковский колхозник». В 1941 г. с некоторыми своими коллегами перешёл на службу к гитлеровцам. С начала 1944 до середины сентября 1944 г. он ответственный редактор газеты «Северное слово».

После окончания войны — эмигрант. Проживал в ФРГ. Являлся заведующим отделом пропаганды «Центрального объединения политических эмигрантов из СССР» в Мюнхене. С 1956 г. член редакционной коллегии издаваемого объединением журнала «Свобода». Финансирование поступало от спецслужб США.

При этом в годы Великой Отечественной войны этот деятель занимался не только антисоветской, но и антиамериканской и антианглийской пропагандой. В статье «Иранский съезд „союзников“» он пытался разъяснить смысл встречи в Тегеране лидеров «Большой тройки»:

Господам надо задать головоломку своему московскому лакею. Они согласны для этого выехать в Иран, куда должен приехать и Сталин.

Почему же они собираются? Очень просто: дела идут неважно. И никто не знает, кто виноват. А дела неважные. События последнего времени опрокинули все радужные надежды господ Рузвельта и Черчилля.

[Иранский съезд 1943: 2].

¹ Настоящее имя — Федор Тарасович Лебедев (1898–1965).

Понятно, что и в 1945 г. гитлеровская пропаганда отрицала грядущий крах нацистской Германии. Шли рассуждения о «чудо-оружии», о неизбежности победы Берлина, не взирая ни на что. Так что в конце 1943 г. подобные заявления звучали не столь фантастично:

На восточном фронте натиск, который должен был закончиться разгромом германской армии, провалился. Германскую армию не разгромили, но совершенно обескровили Красную армию.

Измена итальянского короля и Бадольо, которая должна была закончиться победоносным походом англо-американской армии, закончилась тем, что родилась новая республиканско-фашистская Италия, а парадный марш обратился в черепаший бег на юге Италии, который может закончиться совершенно неожиданно для Рузвельта и Черчилля.

[Иранский съезд 1943: 2].

Летом 1943 г. Красная армия на Курской дуге разгромила Вермахт. Немецкая армия отступала на южном и центральном участках советско-германского фронта. На Северо-Западе России готовился так называемый «Первый сталинский удар» — полное снятие блокады Ленинграда. Поэтому заявление Петрова звучит крайне надуманно:

С невеселыми настроениями едут господа на конференцию. В мрачном настроении находится и их лакей Иосиф Сталин. Собрание будет не из веселых, но собрататься надо...

Во-первых, надо отчитать Сталина, не сдержавшего обещания разгромить германскую армию. Во-вторых, надо создать новые «платформы» и «предпосылки».

[Иранский съезд 1943: 2].

В очередной раз здесь проводилась мысль, что союз СССР с Великобританией и США крайне невыгоден всем гражданам советской страны:

Мы не собираемся угадывать пункты, под которыми распишутся господа и лакеи, но основной результат нам ясен. Этим результатом будут новые реки крови русского народа, которые исполнительный лакей

должен будет снова пролить для того, чтобы заслужить доверие своих капиталистических господ.

[Иранский съезд 1943: 2].

Конференция в Тегеране стала первой из встреч лидеров трех стран, на которых стали вырабатываться принципы послевоенного устройства всего мира. Потом последовали Ялта и Потсдам.

Литература

- Алексеев 1963 — Алексеев Л. Советский Союз и Иран. М.: Международные отношения, 1963. 58 с.
- Большевики в Иране 1943 — Большевики в Иране сожгли 60 поселков // За родину. 1943. 2 апреля. С. 2.
- Британцы казнили 1942 — Британцы казнили 120 иранских националистов // За родину. 1942. 20 октября. С. 2.
- Восстание в Иране 1942 — Восстание в Иране. Угнетенное население восстает против Советского Союза и его плутократических друзей // За родину. 1942. 22 сентября. С. 2.
- ГПУ расстреляло 1942 — ГПУ расстреляло 1 000 персов. // За родину. 1942. 18 октября. С. 2.
- Жидкое золото 1942 — «Жидкое золото» Востока. Английская политика насилия в Иране // Новый путь. 1942. 11 ноября. С. 18.
- Жидовское владычество 1942 — Жидовское владычество в Иране // За родину. 1942. 19 сентября. С. 3
- Жуков, Ковтун 2015 — Жуков Д. А., Ковтун И. И. Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 283 с.
- Иран в прошлом 1942 — Иран в прошлом и будущем // Новый путь. 1942. 15 апреля. С. 3
- Иран страдает 1943 — Иран страдает от оккупации // За родину. 2 июля. 1943. С. 2.

References

- ‘Liquid gold’ of the East. English policy of violence in Iran. *Novyi put’*. 1942, November 11. P. 18. (In Russ.)
- Alekseev L. Soviet Union and Iran. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1963. 58 p. (In Russ.)
- Bolsheviks committed 60 villages to fire in Iran. *Za rodinu*. 1943, April 2. P. 2. (In Russ.)
- British residents executed 120 Iranian nationalists. *Za rodinu*. 1942, October 20. P. 2. (In Russ.)
- Congress of ‘allies’ in Iran. *Za rodinu*. 1943, December 6. P. 2. (In Russ.)

Выводы

1944 год стал победным для Красной армии. Практически вся территория нашей страны была освобождена от гитлеровских захватчиков. Редакции коллаборационистских газет перебазировались на территорию Прибалтики и в Германию. Писать в этих условиях о далекой ближневосточной стране становилось все более неактуально. Конец III Рейха неумолимо приближался.

- Иранская драма 1942 — Иранская драма по вине Англии // За родину. 19 декабря. 1942. С. 2.
- Иранские патриоты 1943 — Иранские патриоты против советских войск // За родину. 9 мая 1943. С. 3.
- Иранский съезд 1943 — Иранский съезд «союзников» // За родину. 6 декабря 1943. С. 2.
- Ковалев 2004 — Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 483 с.
- Максимов 2021 — Максимов К. Н. Газета немецких оккупантов «Свободная земля»: парадигма фашистской пропаганды инвертированной цели войны против Советского Союза // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1226–1245. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245
- Население под угрозой 1942 — Население под угрозой голода // За родину. 17 декабря. 1942. С. 2.
- Новые ограничения 1943 — Новые ограничения в Иране // За родину. 1943. 7 апреля. С. 3.
- Плутократы поработают 1943 — Плутократы поработают наркотиками // За родину. 1943. 20 сентября. С. 2.
- Так они лгут 1943 — Так они лгут // За родину. 1943. 15 ноября. С. 2.
- Шкаровский 2007 — Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

- Drama of Iran caused by England. *Za rodinu*. 1942, December 19. P. 2. (In Russ.)
- Further restrictions in Iran. *Za rodinu*. 1943, April 7. P. 3. (In Russ.)
- GPU executed 1,000 Persians. *Za rodinu*. 1942, October 18. P. 2. (In Russ.)
- Iran in past and future. *Novyi put’*. 1942, April 15. P. 3. (In Russ.)
- Iran suffering from occupation. *Za rodinu*. 1943, July 2. P. 2. (In Russ.)
- Judaic domination over Iran. *Za rodinu*. 1942, September 19. P. 3. (In Russ.)

- Kovalev B. N. Nazi Occupation and Collaborationism in Russia, 1941–1944. Moscow: AST; Tranzitkniga, 2004. 483 p. (In Russ.)
- Lies they tell. *Za rodinu*. 1943, November 15. P. 2. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Svobodnaya Zemlya — newspaper of German occupants: Against the Soviets. A paradigm of fascist propaganda to negate war goals revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1226–1245. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245
- Patriots of Iran against Soviet troops. *Za rodinu*. 1943, May 9. P. 3. (In Russ.)
- Plutocrats enslave with drugs. *Za rodinu*. 1943, September 20. P. 2. (In Russ.)
- Population in teeth of starvation. *Za rodinu*. 1942, December 17. P. 2. (In Russ.)
- Rebellion in Iran: Oppressed population revolts against Soviet Union and its plutocratic allies. *Za rodinu*. 1942, September 22. P. 2. (In Russ.)
- Shkarovsky M. V. Cross and Swastika: Nazi Germany and Orthodox Church. Moscow: Veche, 2007. 512 p. (In Russ.)
- Zhukov D. A., Kovtun I. I. Antisemitic Propaganda in Occupied Territories of Soviet Russia, 1941–1944. Rostov-on-Don: Phoenix, 2015. 283 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 292–309, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Административно-правовой режим и повседневная жизнь спецпереселенцев-калмыков в 1944–1945 гг. в официальных документах и воспоминаниях очевидцев

Александр Егорович Епифанов^{1,2}, Евгений Федорович Кринко³

¹ Московский городской педагогический университет (д. 16, стр. 10, ул. Новокузнецкая, 119017 Москва, Российская Федерация)

² Научно-исследовательский центр Академии управления Министерства внутренних дел России (д. 8, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 125171 Москва, Российская Федерация)

доктор юридических наук, профессор

 0000-0002-5686-5770. E-mail: mvd_djaty@mail.ru

³ Южный научный центр Российской академии наук (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Епифанов А. Е., Кринко Е. Ф., 2022

Аннотация. *Введение.* Принудительное выселение во время Великой Отечественной войны — одна из самых трагических страниц истории калмыцкого народа. Несмотря на многочисленные публикации по данной теме, история калмыцкой ссылки продолжает вызывать исследовательский интерес. Цель статьи — проанализировать административно-правовой режим и повседневную жизнь калмыков-спецпереселенцев в 1944–1945 гг. *Материалы и методы.* Основу исследования составили два комплекса исторических источников: 1) официальные документы из фондов Министерства внутренних дел СССР и 4-го спецотдела Министерства внутренних дел СССР Государственного архива Российской Федерации; 2) источники личного происхождения — воспоминания бывших спецпереселенцев. Авторы опираются на системный и междисциплинарный подходы, используют историко-правовые и историко-антропологические методы исследования. *Результаты.* Многие документы свидетельствуют о тяжелом положении калмыков на спецпоселении, трудностях адаптации, отсутствии необходимых условий жилья, нехватке питания и одежды, других проблемах. В то же время в документах отразилось стремление власти, в том числе и органов НКВД, улучшить положение спецпереселенцев, решить вопросы их снабжения и трудоустройства. В исторической памяти калмыков сохранились перенесенные материальные трудности и психологические переживания, голод и

нищета, болезни и смерти близких. Однако они сохранили теплое отношение к местным жителям, которые оказывали им реальную помощь и поддержку.

Ключевые слова: этническая депортация, калмыки, повседневная жизнь, историческая память, устная история, спецпоселение, Великая Отечественная война

Благодарность. Исследование проведено в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. по теме НИР № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)».

Для цитирования: Епифанов А. Е., Кринко Е. Ф. Административно-правовой режим и повседневная жизнь спецпоселенцев-калмыков в 1944–1945 гг.: официальные документы и воспоминания очевидцев // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 292–309. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Administrative-Legal Regime and Everyday Life of Exiled Kalmyk Settlers in 1944–1945: Official Documents and Eyewitness Accounts Analyzed

Alexander E. Epifanov^{1,2}, Evgeniy F. Krinko³

¹ Moscow City University (16/10, Novokuznetskaya St., 119017 Moscow, Russian Federation)

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Research and Development Center (8, Zoya & Aleksandr Kosmodemyanskies St., 125171 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Professor

 0000-0002-5686-5770. E-mail: mvd_djaty@mail.ru

³ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Epifanov A. E., Krinko E. F., 2022

Abstract. Introduction. The deportation during the Great Patriotic War is a most tragic page in Kalmyk history. Despite numerous publications, the history of the Kalmyk exile continues to arouse research interest. **Goals.** The article aims to analyze the administrative-legal regime and everyday life of exiled Kalmyk settlers in 1944–1945. **Materials and methods.** The study explores two sets of historical sources: 1) official documents from the State Archive of the Russian Federation (collections of the USSR Ministry of Internal Affairs and its Fourth Special Department), 2) private sources — memoirs of former exiled settlers. The work employs systematic and interdisciplinary approaches, uses the historical legal and historical anthropological research methods. **Results.** Many documents attest to the harsh conditions experienced by Kalmyks in special settlement areas, adaptation difficulties, lack of necessary housing conditions, food and clothing, and other problems. At the same time, the documents narrate the desire of authorities (including NKVD bodies) to improve the situation faced by exiled settlers, solve problems of their supply and employment. The historical memory of Kalmyks contains imprints of the endured pecuniary burdens and psychological traumas, starvation and poverty, illnesses and deaths of beloved ones. However, the people retain hearty attitudes towards local residents who rendered them real help and support.

Keywords: ethnic deportation, deportation, Kalmyks, everyday life, historical memory, oral history, special settlement, forced settlements, Great Patriotic War

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment for Southern Scientific Center (RAS), project no. 122020100347-2 ‘Political and Sociocultural Processes across South Russia in Modernization Contexts, 17th to 21st Centuries’.

For citation: Epifanov A. E., Krinko E. F. Administrative-Legal Regime and Everyday Life of Exiled Kalmyk Settlers in 1944–1945: Official Documents and Eyewitness Accounts Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 292–309. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Введение

Выселение калмыцкого народа в конце 1943 г. и последующее пребывание на спецпоселении относятся к наиболее трагическим страницам его истории. Первые работы на данную тему появились еще в советское время. В духе господствовавших в тот период в советской историографии представлений в них подчеркивалась несправедливость обвинения калмыков в «сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины» [Очерки истории 1970: 309], отмечалась помощь, оказанная им местным населением в ссылке, описывались трудовые подвиги спецпоселенцев как проявление их патриотизма, за которые они были заслуженно удостоены государственных наград [Очерки истории 1970: 317–333].

В российской историографии данная тема стала предметом более глубокого изучения в обобщающих работах, посвященных этническим депортациям и системе спецпоселений в СССР [Полян 2001; Земсков 2003; Бердинских 2005; и др.], в фундаментальных трудах по истории Калмыкии [История Калмыкии 2009; Максимов 2020; и др.] и специальных исследованиях.

Немало внимания историки уделили разработке и проведению операции «Улусы», порядку принудительного переселения и обустройства депортированных на новом месте, их реабилитации и возвращению на родину [Бугай 1991; Серазетдинов, Иванов 2007; Убушаев В., Убушаев К. 2007; Збе-ровская 2013; и др.].

Наряду с изучением нормативно-правового статуса спецпоселенцев [Белковец 2004; Баев 2006; Лиджиева 2013; и др.] появились исследования, посвященные их повседневности, ее отражению в исторической памяти, психологической травме как одному из последствий депортации [Гучинова 2005а; Гучинова 2005б; Гучинова 2019; Гучинова 2021; и др.].

Разработка указанных вопросов стала в значительной степени возможна благодаря введению в научный оборот широкого комплекса архивных документов [Депортация народов 1992; Иосиф Сталин 1992; Книга Памяти 1993; Книга Памяти 2001; История

сталинского 2004; Сталинские депортации 2005; и др.] и записи воспоминаний непосредственных участников событий [Мы — из высланных 2003; Во глубине сибирских 2013; Депортация в памяти 2014; Забвению не подлежит 2014; Калмыки 2019; и др.].

Тем не менее исследователи обоснованно указывают на необходимость поиска новых «материалов о жизнедеятельности калмыков, высланных на спецпоселение» в региональных архивах [Куканова, Очиров 2021: 746]. Обращают на себя внимание и сохраняющиеся разногласия в трактовке причин, характера и последствий депортации (см.: [Гунаев 2013; и др.]), причины которых связаны с различиями исследователей не только в подходах, но и в используемых источниках. В то же время обращение к данной теме, наряду с историками, юристов, антропологов, политологов, фольклористов, литературоведов и других исследователей, предлагающих собственное прочтение соответствующих источников, создает перспективы ее дальнейшей разработки на основе междисциплинарного подхода.

Целью данной публикации является анализ административно-правового режима спецпоселенцев-калмыков и обстоятельств их повседневной жизни, а также их отражения в официальных документах и воспоминаниях очевидцев. Хронологические рамки ограничены периодом 1944–1945 гг. — первыми годами пребывания калмыков на спецпоселении, с момента их прибытия и до завершения Великой Отечественной войны, когда шел процесс выработки новых административных и поведенческих практик. Этот период был наиболее сложным для калмыков как в материально-бытовом, так и в социально-психологическом отношении, поскольку им пришлось преодолевать трудности адаптации к новым местам жизни и деятельности в условиях отсутствия большинства мужчин трудоспособного возраста, находившихся на фронте. Принятие ряда нормативно-правовых актов в послевоенное время, в первую очередь ужесточение наказаний за побеги с мест спецпоселений, а также присоединение к своим семьям мужчин-фронтовиков после демобилиза-

ции, обозначили новые способы и формы закрепления калмыков за местами ссылки, лишая их надежд на возвращение.

Материалы и методы

Статья основана на двух группах исторических источников. Первую составляют официальные ведомственные документы из фондов Министерства внутренних дел (МВД) (в рассматриваемый период — Наркомата внутренних дел СССР (Р-9401) и 4-го спецотдела МВД / НКВД СССР (Р-9479) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они частично представлены в предыдущих документальных публикациях и исследованиях. Однако авторы впервые вводят в научный оборот ряд ранее неопубликованных делопроизводственных документов центрального и местных аппаратов Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР, что позволяет существенно дополнить представления о режиме отбывания репрессированными калмыками специального поселения. Вторая группа источников представлена воспоминаниями бывших спецпереселенцев, в основном опубликованными, а также записанными непосредственно одним из авторов. Можно предположить, что, по крайней мере, у респондентов, высланных из Калмыкии в детском возрасте, представления о пребывании на спецпоселении формировались не только на основе личных впечатлений, но и в ходе обсуждения данных событий с родителями и другими старшими родственниками, выступая проявлениями семейной памяти.

Авторы опираются на системный и междисциплинарный подходы, используя различные методы исследования. Историко-правовые методы позволили на основе официальных документов охарактеризовать режим спецпоселений. Историко-антропологические методы выразились в обращении к судьбам конкретных людей и их семей через их отражение в воспоминаниях.

Административно-правовой режим спецпоселения калмыков

Порядок принудительного переселения и последующего размещения на новом месте калмыков был в основном определен постановлением СНК СССР № 1432/42сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» [ГА РФ. Ф. Р-9479.

Оп. 1. Д. 136. Л. 3–6]. Согласно данному документу, НКВД СССР надлежало направить в Алтайский и Красноярский края, в Омскую область по 25 000 выселяемых калмыков и 20 000 — в Новосибирскую область. Расселение калмыков следовало производить главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах. Квалифицированные рабочие и служащие подлежали использованию по специальности на «предприятиях районов вселения». На краевые и областные исполкомы возлагались прием, размещение и вовлечение спецпоселенцев в сельскохозяйственные, рыболовецкие и промысловые артели, а также их наделение приусадебными участками согласно уставу сельхозартели. Расселение предполагалось производить в первую очередь в пустующие здания колхозов и совхозов путем освобождения части зданий в трудпереселенческих и спецпоселках, а также путем уплотнения жилых зданий в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах. Спецпоселенцам требовалось оказание содействия в строительстве собственных домов путем предоставления местных строительных материалов. Алтайскому и Красноярскому краевым, Омскому и Новосибирскому областным исполкомам предоставлялось право мобилизовать для перевозки спецпоселенцев автомобильный и гужевой транспорт любых предприятий союзной и местной промышленности, колхозов. Допускалось также использовать для этого «автотранспорт, работающий на вывозке зерна в попутном и порожнем направлении» [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 5].

Мероприятия, связанные с подготовкой расселения спецпоселенцев-калмыков, осуществлялись под контролем, а многие и при непосредственном участии органов НКВД. Исполнителями оперативных планов в документах указаны первые лица соответствующих региональных управлений и представители центрального аппарата НКВД СССР. В районы спецпоселения были направлены представители краевых и областных управлений, с которыми предварительно был проведен необходимый инструктаж. Они были также снабжены специальной памяткой с подробным перечнем работ по подготовке, приему и расселению репрессированных. Оперативное руководство подготовитель-

ной работой и прием эшелонов со спецпоселенцами на узловых пунктах разгрузки осуществляли представители московской бригады НКВД СССР и ответственные работники региональных управлений [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 76].

3 января 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в докладной записке И. В. Сталину и В. М. Молотову в Государственный комитет обороны СССР отразил о том, что НКВД СССР совместно с местными организациями приняты необходимые меры по приемке, обеспечению жильем и трудовому устройству репрессированных калмыков в местах спецпоселения [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 1]. Как это станет видно далее, приводимая информация далеко не полностью соответствовала действительности.

Согласно разъяснениям отдела спецпоселений НКВД СССР от 26 августа 1944 г., никакого специального режима для спецпереселенцев по месту их пребывания или работы не создавалось. По жилищно-бытовым условиям, в вопросах обеспечения продуктами питания и иными видами снабжения, а также в части культурного и медицинского обслуживания, социального обеспечения спецпереселенцы приравнивались к местным рабочим и служащим [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 152].

В связи с тем, что члены многих семей в процессе переселения оказались в разных местах высылки, 9 сентября 1944 г. была принята директива НКВД СССР «О соединении разрозненных семей калмыков». Отмечая важность проблемы воссоединения семей, исследователи считают, что указанный документ должен был способствовать прочности оседания людей в местах высылки [Лиджиева 2013: 34].

В 1944 г. были приняты также распоряжения СНК СССР «Об обучении детей спецпереселенцев на русском языке», «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД-НКГБ, относящихся к переселенным национальностям» и другие нормативно-правовые акты об устройстве жизни спецпоселенцев [Лиджиева 2013: 34].

Главным документом, регламентировавшим пребывание калмыков на спецпоселении, стало постановление СНК СССР

№ 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47а. Д. 3205. Л. 13–14]. В нем отмечалось: «Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР», за исключением права «отлучаться за пределы района расселения» без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД. Самовольная отлучка за пределы расселения обслуживаемой спецкомендатуры рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Кроме того, спецпереселенцы — главы семей или замещающие их лица обязывались в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. От спецпереселенцев требовалось строго соблюдать установленный режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД под угрозой административного взыскания в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

Прибытие на спецпоселение

С 9 по 18 января 1944 г. Омская область приняла 13 железнодорожных эшелонов с 8 468 семьями спецпереселенцев, включавшими 27 158 человек: 4 701 мужчину, 9 559 женщин и 12 898 детей. Они были размещены в 19 районах, расположенных по линии железной дороги и находившихся на расстоянии от 10 до 100 километров от ближайших станций. В пустующих домах были размещены 1 857, в жилых домах «за счет уплотнения» — 6 611 семей [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

В Новосибирской области в январе 1944 г. были расселены 5 455 семей в составе 16 436 человек, в том числе 3 579 мужчин, 5 605 женщин, 7 252 ребенка [Максимов 2020: 400]. В Алтайский край — 6 469 семей из 22 213 человек, в том числе 4 269 мужчин, 7 524 женщины, 10 420 детей [Максимов 2020: 399].

Все спецпереселенцы первоначально были расселены в домах хозяйственного и общественного назначения по колхозам, совхозам и предприятиям, частично — в домах колхозников. 7 528 семей из 24 998 человек, в том числе 4 448 мужчин, 8 845 женщин, 11 705 детей было расселено в Красноярском крае [Максимов 2020: 400], 648 семей калмыков — в Казахской ССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 189].

В апреле 1944 г. 753 семьи из Ростовской области прибыли в Новосибирскую область [Максимов 2020: 402], а в июле 1944 г. 379 семей были выселены из Сталинградской в Свердловскую область [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 106].

Необходимо отметить крайне неблагоприятное санитарно-эпидемиологическое состояние спецпереселенцев, в определенной степени вызванное просчетами в организации и проведении перевозки спецпереселенцев, приведшими в свою очередь к повышенной заболеваемости и смертности. В некоторых эшелонах были зарегистрированы случаи инфекционных заболеваний. В Омске и Кормиловском районе Омской области с поездов было снято 3 заболевших сыпным тифом. Еще 13 калмыков заболели тифом на карантине. 256 человек были госпитализированы при разгрузке эшелонов с иными инфекционными заболеваниями. В семи районах по месту расселения калмыков вспыхнули очаги сыпного тифа. Всего в пути умерли 309 человек, а в Омской области с 9 по 25 января 1944 г. еще 83 человека, в том числе 11 мужчин, 8 женщин, 33 старика и 31 несовершеннолетний ребенок. Основной причиной смерти явилось воспаление легких (в 37 случаях) [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 99]. По пути в Алтайский край обморозились 19, умерли 314 человек (33 мужчины, 47 женщин, 121 ребенок, 113 стариков). Через неделю из 317 госпитализированных умерли еще 164 человека. По пути в Красноярский край умерли 434 человека и 94 человека через неделю по прибытии [Максимов 2020: 399–400]. На пути в Новосибирскую область с эшелонов были сняты 192 трупа спецпереселенцев. Калмыки прибыли в тяжелом состоянии, на 100 % завшивевшие. 224 человека были госпитализированы с диагнозами дистрофия, воспаление легких и туберкулез. 39 из них вскоре умерли [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 7].

В документах отмечалось большая организационно-хозяйственная работа, проведенная накануне приезда калмыков в районах их размещения: подготовка жилья, ремонт окон, дверей, печей и полов в намеченных к вселению спецпереселенцев пустовавших домах. В колхозах и совхозах для спецпереселенцев было заготовлено и подвезено к жилью около 5 000 кубометров дров из расчета обеспечения топливом ка-

ждой семьи на 10–12 дней. Заранее были намечены и подготовлены пункты санитарной обработки, приема горячей пищи и обогрева. Для перевозки детей местное население предоставило теплую одежду — полушубки, тулупы и валенки. В среднем на каждую калмыцкую семью предусматривалось по полторы подводы для перевозки вещей [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

На станциях разгрузки спецпереселенцев встречали представители районов, колхозов, совхозов и предприятий. Прибывшие спецпереселенцы прошли санитарную обработку, получили горячее питание, сухой паек на 5 дней и в организованном порядке были распределены по местам вселения [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96]. Эти сведения нашли отражение в воспоминаниях бывших спецпереселенцев. Н. К. Ченинова, прибывшая в Убинский район Новосибирской области 11 января 1944 г., вспоминала: «С 6 утра начали подъезжать подводы. Стали увозить людей, а к нам все никто не подъезжал. Позже подъехала машина, в которую стали загружать стариков и маленьких детей, чтобы отвезти в теплое помещение. Там их обещали покормить и напоить чаем». По прибытии автора воспоминаний также «угостили русским чаем» [Депортация в памяти 2014: 30].

Многим запомнилась проводившаяся по прибытии санитарная обработка — в пути у калмыков не было возможности соблюдать санитарно-гигиенические нормы: «...в первую очередь, нас повели в баню, в парную — травили вшей. Одежда у многих сгорела, остались нагими» [Депортация в памяти 2014: 10–11]; «по словам мамы, в руднике у нас санитарная обработка была, всех повезли в баню, потому что дорогу перенесли такую, большую. Естественно, были насекомые. Одежду всю пожгли, потравили и потом, при выходе из бани уже давали что кому угодно, обработанную, дезинфицированную, видимо, и не свою даже одежду, а вот то, что приготовили местные организации, местные власти. В большинстве случаев даже одежду меняли» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018].

Дальнейший путь лежал в еще более глухие места: «...мы попали вообще в самую тайгу, глушь, оказывается. Куда-то увезли после санитарной обработки в глушь, и первую зиму зимовали в этой глуши» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018].

Причины перемещений были не всегда ясны спецпереселенцам, особенно детям: «Сначала нас привезли в Ульяновский район Омской области. Что потом случилось, почему нас снова погнали дальше, не знаю. Привезли в Салехард» [Во глубине сибирских 2013: 157].

Другие спецпереселенцы сами переезжали на новые места, чтобы встретиться с близкими или земляками: «В поисках лучшей доли мы переехали в свиноводческий совхоз „Спайка“, там было много наших земляков» [Во глубине сибирских 2013: 159]. В последующем часть калмыков из мест первоначального размещения переселилась в другие регионы, от Сахалина до Ханты-Мансийска и Салехарда.

Трудоустройство и трудовая деятельность

По сообщениям органов НКВД с мест, значительная часть спецпереселенцев быстро осваивалась и активно включалась в трудовую деятельность [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7]. Однако эти сообщения звучат слишком оптимистично. Спецпереселенцы прибывали в тяжелом состоянии, у многих практически не было белья, пригодной одежды и обуви: «Была ли постель, не помню, и мы всю зиму на улице не выходили. Не в чем было. И вот только по весне, когда травка появилась, растения, это, наверно, скорей апрель-май по сибирским меркам, мы стали выходить на улицу» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018]. Поэтому к весне 1944 г. свыше 30 % трудоспособных спецпереселенцев не работали [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7].

В документах отмечается, что партийные и советских органы развернули и систематически проводили массово-политическую работу среди спецпереселенцев, склоняя их к труду, соблюдению в местах расселения и на работе санитарных правил. Кроме того, агитаторы настойчиво внушали калмыкам, что те выселены «навечно», в связи с чем им неизбежно придется осваиваться и обзаводиться личным хозяйством. Любые надежды на новое переселение отменялись. Труд калмыков использовался преимущественно на лесоразработках, райпромкомбинатах, кирпичных заводах, торфоразработках и подсобных хозяйствах крупных промышленных предприятий. По

специальности были трудоустроены трактористы, механики, комбайнеры, животноводы и рыбаки [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

8 марта 1944 г. были утверждены разработанные отделом спецпоселений НКВД СССР «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев». В соответствии с данным документом весь трудоспособный спецконтингент следовало в кратчайшие сроки трудоустроить. Контроль над хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев возлагался на отделы спецпоселений НКВД-УНКВД, а также районные и поселковые спецкомендатуры НКВД с целью не допустить самовольного перехода спецпереселенцев или их перевода по распоряжению администрации с одного предприятия на другое, вне пунктов расселения, а также устранять недочеты в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев [Лиджиева 2013: 34].

Во многих воспоминаниях спецпереселенцев-калмыков существенное место занимает тяжелый труд. Особенно трудно пришлось женщинам, работавшим на лесозаготовках в тайге: «Мы валили лес, т. е. пилили ручной пилой огромные деревья, затем обрубка сучков, распилка на чурки. Работали одни женщины разного возраста: старше 30 лет, моложе 30 лет. Работа была очень тяжелая. Валили лес высоко в горах, а на эту высокую, крутую гору еще надо было добраться. Поднимались и опускались обычно с палкой в руке». Работать приходилось по 8 часов в день при норме в 8 кубометров «на 2 человека: распилить, расколоть, сложить». Это был не только физически тяжелый, но и опасный труд: «Были случаи (и нередко) травм головы, рук, ног. Когда спиленное дерево падает, надо успеть отбежать подальше. Однажды женщина отбежала не в ту сторону, и ее насмерть задавило деревом. Это было очень страшно. Однажды ударом сучка меня ранило в голову, и я лечилась в больнице» [Депортация в памяти 2014: 31–32].

Материальное положение спецпереселенцев

По данным отдела спецпоселений НКВД СССР, до 80 % калмыков в Новосибирской

области к 1 октября 1944 г. были раздеты и разуты, не имели пригодной обуви и одежды. Из-за отсутствия одежды 581 ребенок не посещал школу [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Особенно остро стоял вопрос с питанием. Ситуация усугублялась тем, что большинство калмыков были расселены в колхозах, где продовольственные фонды по окончании хозяйственного года уже были распределены по трудодням. Свободные продовольственные остатки отсутствовали. В результате продовольствия для репрессированных по месту их спецпоселения фактически не оказалось.

К октябрю 1944 г. до 20 % калмыков, трудоустроенных в колхозах Алтайского и Красноярского краев, Омской и Тюменской областей, доели все запасы продовольствия. В Омской области к этому времени уже были зарегистрированы факты нищеты среди спецпоселенцев, многие из них страдали дистрофией [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 165–166]. По прогнозам руководства отделов спецпоселений региональных управлений НКВД, к концу года до 50 % калмыков, расселенных в колхозном секторе, должны были оказаться в аналогичном положении. Выборочная проверка в Новосибирской области показала, что из 125 семей калмыков, проживавших в колхозах Андреевского района, лишь 17 при условии строжайшей экономии были в состоянии растянуть свои запасы продуктов до марта 1945 г. 22 семьи располагали продовольствием лишь до февраля этого года. Остальные 86 семей на момент проверки продуктов питания не имели и вынуждены были существовать исключительно за счет подачек местного населения. Во многих колхозах Новосибирской области, несмотря на добросовестную работу спецпоселенцев, никто из них не получил ни овощей, ни хлеба на заработанные трудодни. В связи с полным отсутствием продовольствия многие калмыки занимались нищенством [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 167].

Упоминание о голоде звучит рефреном во многих воспоминаниях о первых годах ссылки: «Все равно есть было нечего, многие умерли от холода и голода» [Депортация в памяти 2014: 219]; «Не хочется вспоминать о голоде, но все же он был и был неотъемлемой частью в жизни нашего народа

в эти тяжелые времена. Сколько людей погибло из-за голода?! Сколько судеб он поломал?!» [Депортация в памяти 2014: 182].

Авторы воспоминаний приводят и практики выживания спецпереселенцев, в том числе детей: «Мы же в первое время материально бедствовали. Приходилось ходить и собирать после разгрузки рыбы рыбные отходы. Промывали их и готовили еду», — вспоминает М. Б. Горяев [Во глубине сибирских 2013: 159]. «Дети тогда рано взрослели, — отмечает С. Кубанова. — В Кормиловке у нас не было ни топлива, ни еды. Мы часто, взяв санки и мешки, бежали на железную дорогу в поисках проходящих составов с углем. На останавливающиеся поезда ребята посмелее взбирались, а малыши внизу уголь подбирали. Голод и нужда заставляли долго работать ручонками, не мешало даже движение поезда — спрыгивали, когда грузовой поезд уже набирал скорость. Также с вагонов мы сбрасывали и жмых хлопковый (огромные круги килограммов по 20 каждый). Падая, они разбивались о землю на мелкие куски, мы подбирали их, приносили домой и жарили прямо на печи. Часто жмых (это ведь вата!) горел, но мы грызли эти черные кусочки, потому что беспрестанно хотелось есть. Мы всегда остро ощущали голод» [Во глубине сибирских 2013: 177]. «Спасал лес: собирали ягоды, кедровые орехи. Научились сажать огороды, выращивали картошку, заготавливали сено, разводили скот», — свидетельствует С. Л.-Г. Сангаджиева [Депортация в памяти 2014: 219].

Дополнительные трудности вызывали неприспособленность калмыков к суровому сибирскому климату, непривычные условия работы и незнание многими русского языка, поскольку они получали начальное образование в годы советской власти на родном языке. Кроме того, часть местного населения, а также представители органов власти первоначально отнеслись к репрессированным калмыкам враждебно. По словам А. М. Джимбиева: «Мы приехали, слух пошел, что людоеды едут». Эти стереотипы преодолевались только в процессе длительного общения и взаимодействия: «Потом привыкли: оказывается, калмыки не едят людей, работают» [ПМА: Джимбиев 2018].

В наиболее тяжелом положении оказались многодетные семьи, в которых были

инвалиды, а трудоспособные отсутствовали. Нередко совхозы и колхозы отказывались принимать на иждивение такие семьи. По словам У. Э.-Г. Бембеева, попавшего в деревню Козловку Новосибирской области, «колхозники очень избирательно брали нас к себе: если есть работники в семье — брали, если нет — открещивались под разными предлогами. И понять их можно — это же лишняя обуза!» [Во глубине сибирских 2013: 562].

Работавшим на предприятиях и в учреждениях и членам их семей выдавали продукты по карточкам, но по минимальным нормам, что вынуждало искать дополнительные источники продовольствия: «В сутки на каждого иждивенца (детей и стариков) давали по 200 грамм хлеба, для рабочих — 500 грамм. Большой радостью было, если достанется небольшой довесок. Правда, мама почему-то ругала за то, что я брала эти довески. Принесет мама домой эти 700 грамм и делит на завтрак, обед и ужин. Весной, на Пасху, мама давала мне небольшую сумку, и я ходила на кладбище. Там люди могли дать кто картошку, кто пирожок, кто капусту» [Депортация в памяти 2014: 183].

Материальные трудности усиливались психологическим стрессом, вызванным переменами в положении людей: «На родине у нас было всё: дом, свой двор, скотина, одежда, обувь на все сезоны. Мать в колхозе работала. Одним словом, было где жить, что одевать и кушать. Не бедствовали. А тут в один миг всё потеряли, да еще оказались в чужом краю» [Во глубине сибирских 2013: 157].

В октябре 1944 г. проверкой органов НКВД было установлено, что постановление бюро Омского обкома ВКП(б) от 10 марта 1944 г. №366/20, обязывавшее райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов принять практические меры по улучшению материально-бытового положения спецпоселенцев-калмыков, выполнялось крайне неудовлетворительно. Жилье подавляющего большинства калмыков к зиме не было подготовлено, отпущенные на нужды репрессированных государством фонды реализовывались неудовлетворительно. Значительная часть калмыков в конце 1944 г. проживала в абсолютно непригодных жилищах: амбарах, банях, сараях и даже шала-

хах. Ссуды, направленные на индивидуальное строительство, реализовывались очень медленно. Из ассигнованных с этой целью на 1944 г. 222 500 руб. оказались реализованы лишь 36 %. По некоторым районам Омской области выделенные ассигнования не были реализованы совершенно [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 175].

Большинство калмыков не имели одежды, пригодной к условиям сибирской зимы. Но даже и ту, которая имела, они вынуждены были продать или обменять на продукты [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12]. В ряде колхозов Исилькульского, Калачинского, Называевского и некоторых других районов Омской области десятки семей калмыков и к январю 1945 г. по-прежнему проживали в полуразрушенных домах-землянках без крыш, окон и дверей, в колхозных банях и амбарах при чрезвычайной уплотненности [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 99].

В документах отмечается и антисанитарное состояние занимаемых калмыками помещений, их поголовная завшивленность в условиях крайней неблагоустроенности. Комплексная санобработка спецпереселенцев во многих районах после их приема не проводилась ни разу. В связи с этим Омский областной комитет партии обязал областной отдел здравоохранения и райисполкомы осуществлять санитарный и медицинский надзор в местах расселения калмыков, не допуская антисанитарного состояния занимаемых ими помещений и завшивленности. Дважды в месяц стали проводиться комплексные санобработки спецпоселенцев [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 176].

Тяжелые условия жизни и голод способствовали повышению смертности среди спецпоселенцев. Только в Новосибирской области в 1944 г. умерли 1 510 калмыков [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7], что составило 8,4 % от их общей численности. В Омской области (в новых границах) в 1944 г. умерли 1 856 человек (16,3 %), в Томской — 142 (17,4 %), в Тюменской — 1 755 (12,3 %) [Максимов 2020: 423]. Крайне сложно обстояли дела в Свердловской области, где из-за отсутствия необходимых условий размещения и питания среди спецпереселенцев значительно возросли заболеваемость и смертность. К 1 марта 1945 г. умерли 139 человек (11,8 % общей численности

прибывших). При этом 41 человек (30 %) умер от дистрофии, 56 (40 %) — от легочных заболеваний. 72 умерших (51,7 %) были несовершеннолетними детьми [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 166. Л. 98–99].

Выдача скота

За сданный скот и имущество в Калмыкии спецпоселенцы должны были получать на новых местах денежную компенсацию по действовавшим заготовительным ценам или крупный рогатый скот. По словам Н. К. Чениновой: «В марте 1944 года, за то, что мы в Калмыкии оставили свое имущество, нам дали корову. В мае она отелилась, и у нас появилось молоко» [Депортация в памяти 2014: 31–32].

Порядок компенсации регулировался распоряжением СНК СССР от 29 мая 1944 г., согласно которому спецпоселенцы должны были получить в среднем не выше 200 кг живого веса крупного рогатого скота и до 33 кг овец при наличии соответствующей квитанции о сдаче скота и сельскохозяйственной продукции при выселении. Ввиду нормативно установленного столь небольшого веса подлежащего возврату скота некоторым калмыцким семьям для получения полноценной дойной коровы приходилось объединяться [Лиджиева 2013: 34]. Однако после высылки калмыков установить принадлежность скота к конкретным хозяйствам оказалось невозможно. Это обстоятельство послужило препятствием для выписки именных квитанций бывшим владельцам скота [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 194–195].

Документы свидетельствуют, что выдача скота спецпоселенцам в первое время затягивалась. Особенно неблагоприятное положение в этом вопросе сложилось в северных районах Тюменской области и Красноярского края, где скот фактически отсутствовал и завезти его до открытия навигации не представлялось возможным. В Новосибирской области скот имелся, но не было кормов. В условиях крайнего дефицита домашнего скота СНК СССР своим постановлением № 16398-рс от 10 августа 1944 г. разрешил выдать спецпоселенцам скот, закупленный для освобожденных от оккупации районов. Но во многих местах выдача скота калмыкам была отсрочена до начала 1945 г. Если к 1 октября 1944 г.

в Новосибирской области им было выдано только 31 % положенного скота, то на 10 февраля 1945 г. — 2 535 голов крупного и 1 308 — мелкого скота, т. е. 70 % к плану. Полностью скот выдали калмыкам только в 3 из 19 районов и еще в 5 — на 90 %. В остальных районах выдача скота была задержана до мая–июня 1945 г. в связи с его отсутствием [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Алтайскому крайисполкому Наркоматом мясной и молочной промышленности СССР для бесплатного распределения среди калмыков было выделено 5 099 голов крупного рогатого скота (1 007 тонн живого веса). Кроме того, Наркоматом заготовок (Наркомзагом) СССР для бесплатной выдачи спецпоселенцам было выделено 418 тонн продовольственного зерна. Наркомзаг также обязал Алтайский крайисполком отпустить спецпоселенцам-калмыкам 485 тонн муки, 145 тонн крупы и 485 тонн картофеля. Но в течение продолжительного времени эти продукты спецпоселенцам не выдавались, поскольку не было ясно, следовало их выдавать бесплатно либо требовать предъявления обменных квитанций. В первую очередь скот выдавался семьям красноармейцев, имевшим малолетних детей, лучшим работникам производства, а также тем семьям, которые прежде имели в личном пользовании крупный рогатый скот и перед выселением сдали его государству. Незамедлительной выдаче спецпоселенцам скота было посвящено специальное решение Алтайского крайисполкома. Районными спецкомендатурами на выдачу скота составлялись специальные списки, подлежавшие утверждению районными исполкомами [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 116].

Необходимо отметить, что, получив скот, во многих случаях спецпоселенцы-калмыки вынуждены были практически сразу же приступить к его забою или продаже. В основном это было вызвано их тяжелым продовольственным положением, практически полным отсутствием фуража и утепленных стойл, а также слухами о предстоящем новом переселении. В Новосибирской области полученный скот забили или продали 226 калмыцких семей. Еще у 78 семей скот от бескормицы пал [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11]. Пресекли начавшийся несанкционированный забой

скота только решительные меры со стороны органов НКВД. При этом 34 калмыка как инициаторы забоя скота и один управляющий скотофермой были привлечены к уголовной ответственности. 60 % выделенного скота было определено на прокорм и сбережение в благополучные колхозы и совхозы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

Поскольку переселение калмыков из Сталинградской в Свердловскую область произошло уже после издания постановления СНК СССР №627-176сс от 29 мая 1944 г., этой части спецпоселенцев сданный ими по прежнему месту жительства скот своевременно компенсирован не был. 350 голов крупного рогатого скота были бесплатно переданы им уже после войны [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 106].

Меры по улучшению положения спецпереселенцев

Местные власти, организации и учреждения во многих регионах размещения спецпереселенцев первоначально не занимались вопросами их хозяйственно-бытового обустройства, полагая, что они относятся к компетенции органов НКВД [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 71–81]. Так, в Новосибирской области районные органы ВКП(б) обратились к данному вопросу лишь после того, как он был рассмотрен бюро обкома партии в октябре 1944 г. [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 72].

Еще в марте 1944 г. правительственными постановлениями предусматривалось выделение Наркомзагом СССР Красноярскому крайисполкому для распределения среди репрессированных калмыков 535 тонн муки, 160 тонн крупы и 535 тонн картофеля. Однако при выдаче муки и крупы калмыкам была допущена «особая медлительность». Лишь благодаря вмешательству НКВД СССР к 14 апреля спецпоселенцам были выданы 12,4 тонны муки и 1,5 тонны крупы. К 7 июня того же года спецпоселенцы получили только 125 тонн картофеля [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 46]. Примерно так же обстоял вопрос с выделением Наркомзагом для аналогичных целей 459 тонн продовольственного зерна [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 46].

Имеющиеся источники позволяют считать, что органы НКВД сыграли определенную роль в налаживании жизни спецпере-

селенцев. Так, отдел спецпоселений Новосибирского областного управления НКВД систематически направлял в районы своих сотрудников, чтобы выправить положение и оказать практическую помощь районному аппарату. С 1 октября 1944 по февраль 1945 гг. во все 19 районов Новосибирской области, где были расселены калмыки, выезжали 45 сотрудников управления НКВД, находившиеся там 315 дней [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 75].

Аналогичным образом налаживали работу со спецпоселенцами-калмыками на вверенной территории районные отделы и спецкомендатуры НКВД. В результате районные комитеты партии приняли 19 решений по этому поводу, районные исполнительные комитеты — 34. С целью наведения порядка в деле обеспечения спецпереселенцев были заслушаны 265 хозяйственников и представителей администрации из тех мест, где калмыкам приходилось хуже всего. 79 партийных, советских и хозяйственных работников при этом получили строгие взыскания. Руководство тех 11 районов, где положение калмыков было катастрофическим, систематически вызывали в Новосибирск. Таким образом, местные органы власти были принуждены заняться решением вопросов спецпереселенцев [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 81].

В Свердловской области под нажимом сотрудника областного управления НКВД Лесокомбинат, на котором работали калмыки, открыл детскую столовую, в которой 90 калмыцких детей ежедневно получали горячую пищу. За счет подсобного хозяйства калмыкам были выделены 5 тонн картофеля, на приобретение которых в два этапа выданы ссуды в 150 и 60 тысяч рублей. Надлежащие меры были приняты по приведению в порядок жилищ спецпоселенцев и очистке поселков. 9 наиболее нуждавшихся семей (49 калмыков) были переведены в более благоустроенные спецпереселенческие колхозы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 166. Л. 98–99].

В октябре 1944 г. начальник управления НКВД Красноярского края предложил начальнику Отдела спецпоселений НКВД СССР добиваться через соответствующие наркоматы выполнения в кратчайший срок постановления СНК СССР о полной реализации выделенных фондов на скот, зер-

но, лес, гвозди и оконное стекло, а также кредитов на жилищное строительство для спецпоселенцев. С главками и торгующими организациями было поручено договориться о выделении калмыкам теплой одежды и обуви, а также об увеличении норм отпуска соли и чая. В Наркомзаге СССР следовало добиться получения наряда на 3 000 тонн сена для обеспечения выданного репрессированным скота. Особое ходатайство было посвящено расширению сети инвалидных и детских домов, предназначенных для инвалидов и детей-сирот в возрасте до 14 лет. Соответствующие вопросы было предложено разрешить через наркоматы социального обеспечения и просвещения, обязав при этом на этот счет соответствующие краевые отделы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 118].

В Алтайском крае для строительства жилья Госплан СССР в первом квартале 1944 г. выделил 8 000 квадратных метров пиломатериалов, 10 тонн катанки для гвоздей и 2 вагона оконного стекла. К 1 октября 1944 г. в Алтайском крае калмыками было построено 433 жилых помещения. Но развешивание индивидуального жилищного строительства калмыками существенно тормозило отсутствие на местах транспорта и строительных материалов, особенно гвоздей и оконного стекла [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Многие калмыцкие семьи проживали в зимнее время в требовавших капитального ремонта бараках, в условиях огромной скученности. Построенные спецпоселенцами индивидуальные дома к зиме оказались не готовы ввиду отсутствия оконных рам и дверей. О невыполнении местными хозяйственными органами своих обязанностей по хозяйственно-бытовому устройству калмыков ставил на вид начальнику УНКВД Алтайского края заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев, который непосредственно курировал работу со спецпоселенцами на местах и обеспечивал в необходимых случаях своевременное вмешательство центрального аппарата НКВД СССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 117].

Органы НКВД инициировали правительственное вмешательство для обеспечения спецпоселенцев-колхозников предметами и продуктами первой необходимости по карточной системе [ГА РФ. Ф. Р-9479.

Оп. 1. Д. 161. Л. 167]. По решению СНК СССР от 19 ноября 1944 г. для реализации калмыкам было выделено 10 000 метров хлопчатобумажной ткани, из которых 6 905 метров были раскуплены. Полностью была получена выделенная шерсть, из которой, несмотря на загруженность промкомбинатов заказами для фронта, для спецпоселенцев изготовили 4 500 пар валенок, в том числе 2 012 пар были проданы калмыкам. Кроме того, в порядке мобилизации областных и районных ресурсов для наиболее нуждавшихся калмыков было выделено 533 пары обуви, 250 комплектов верхней одежды, 400 комплектов нательного белья и постельные принадлежности [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Несмотря на перечисленные меры, многие калмыцкие семьи продолжали оставаться в бедственном положении и остро нуждались в денежной помощи на хозяйственное устройство и обзаведение. Многие семьи спецпоселенцев не имели посуды, мебели и домашней утвари. Вследствие полного отсутствия денежных средств они не имели возможности приобрести выделенные государством ткани, валенки и пр. В этой связи УНКВД Новосибирской области был поставлен вопрос о вынесении правительственного решения, направленного на выделение каждой калмыцкой семье по 1 000 рублей долгосрочного кредита на хозяйственное обзаведение.

При различных обстоятельствах, в основном в силу изменения административно-территориального деления, часть репрессированных калмыков оказалась также в Тюменской и Томской областях. Их положение, практически не отличавшееся от сложившегося в других регионах, к ноябрю 1944 г., по признанию наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия, стало критическим. Согласно его обращению в СНК СССР, они находились в исключительно тяжелых бытовых и санитарных условиях, в большинстве своем не имели белья, одежды и обуви. Меры местных исполнительных органов по улучшению жилищно-бытовых условий спецпоселенцев на зиму, по существу, оказались безрезультатными. В этой связи Л. П. Берия обратился к А. И. Микояну за экстренной правительственной помощью спецпоселенцам-калмыкам, ходатайствовав о выделении им в ноябре-декабре 1944 г.

36 тонн хозяйственного мыла, 18 тонн плиточного чая, 90 тонн соли, 50 тонн шерсти, 60 000 метров хлопчатобумажной ткани [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 151. Л. 48].

Согласно «Плану мероприятий по калмыкам», утвержденному наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берия, 11–12 декабря 1944 г. в Новосибирске было проведено оперативное совещание начальников отделов спецпоселений УНКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской, Томской и Тюменской областей. На нем были подведены итоги работы по хозяйственно-трудовому устройству калмыков и состоянию оперативной работы среди них, поставлены задачи и даны практические указания по работе в данной сфере. Как выяснилось в ходе совещания, наиболее остро стояли два вопроса — питания и одежды. Положение спецпоселенцев во многом усугублялось тем, что большинство колхозов, в которых были трудоустроены репрессированные калмыки, с государством по хлебу не рассчитались. В этой связи на заработанные трудодни колхозники получали лишь авансы в пределах 125–400 грамм хлеба на трудодень. Если местное население выживало за счет индивидуальных хозяйств, спецпоселенцы, которые к тому же выработали значительно меньше трудодней, таких возможностей не имели и оставались в крайне тяжелом положении. Лишь незначительной части калмыков удалось засеять огороды весной 1944 г. по причине нехватки семян. Вместе с тем, не имея продуктов питания, многие калмыки стали выкапывать картофель чуть ли не на другой день после его посадки. Лишь единицы из них оказались обеспечены картофелем на зиму. Только весной 1945 г. калмыки засеяли 575 га индивидуальных огородов [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Руководству отделов спецпоселений региональных управлений НКВД было предписано принять все возможные меры для оказания продовольственной помощи наиболее остро нуждавшимся калмыкам за счет местных ресурсов, по возможности перебросить их семьи в совхозный сектор или на предприятия. Вопрос о продовольственном положении репрессированных калмыков предлагалось безотлагательно поставить перед региональными партийными комитетами с одновременной постановкой его на контроль в НКВД СССР.

Начальникам отделов спецпоселений управлений НКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской и Тюменской областей, на территории которых смертность спецпоселенцев достигала 10–12 % и выше, в декабре 1944 г. Л. П. Берия было предложено исследовать ее очаги и разобраться в причинах этого ненормального явления. Начальник отдела спецпоселений Новосибирского управления НКВД Г. С. Жуков обратил внимание на то, что, несмотря на факты бездушного, наплевательского отношения к спецпоселенцам, к уголовной ответственности были привлечены лишь некоторые допустившие их хозяйственники. При этом нигде, за исключением Новосибирской области, организации, заинтересованные в рабочей силе из числа калмыков, не лишались ее. В этой связи начальникам отделов спецпоселений была поставлена задача не проходить мимо подобных безобразий и полностью использовать предоставленные им права как в части привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, так и в проведении хозяйственных репрессий. Кроме того, начальникам отделов спецпоселений было предложено взять под особый контроль выполнение решений региональных комитетов партии, направленных на улучшение положения спецпоселенцев-калмыков. Непосредственная ответственность за их осуществление была возложена на руководство районных спецкомендатур [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 169].

Учитывая бедственное положение с продовольствием, органы НКВД добились от Новосибирского облисполкома выделения остро нуждающимся спецпоселенцам из внутриобластных ресурсов 50 тонн зерна и 500 тонн картофеля. Но это решение позволило смягчить положение лишь в незначительной степени. Находившиеся в сельском секторе калмыки были поставлены на централизованное снабжение. По решению СНК СССР №155-65с от 28 января 1945 г. на снабжение по установленным нормам были взяты 8 500 человек из 9 925 трудоустроенных в сельском секторе (85 %) [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

В апреле 1945 г. НКВД СССР выступил перед советским правительством с ходатайством отпустить спецпоселенцам в порядке семенной ссуды картофеля, зернобобовых, проса и кукурузы. Столовую свеклу, мор-

ковь, капусту, лук и огурцы предлагалось отпустить спецпоселенцам за наличный расчет. Подготовленный в недрах союзного наркомата внутренних дел проект соответствующего постановления СНК СССР предусматривал оказание всемерного содействия спецпоселенцам в засеивании ими в 1945 г. приусадебных участков и индивидуальных огородов за счет местных ресурсов, включая выделение им дополнительного количества семян по не предусмотренным культурам [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 72–73].

Однако, несмотря на предпринятые меры и нажим со стороны органов НКВД, серьезных изменений в деле снабжения спецпоселенцев одеждой и обувью так и не наступило. Лишь незначительное количество предприятий, на которых были задействованы репрессированные калмыки, оказалось в состоянии обеспечить их всем необходимым. В результате во многих районах сотни спецпоселенцев вынуждены были прекратить работу, так как им нечего было одеть и обуть. По той же причине множество калмыцких детей школьного возраста не посещали школу. Например, в Манском районе Красноярского края 100 спецпоселенцев прекратили выход на работу, так как они были совершенно раздеты и разуты. На Томском лесоперевалочном комбинате 408 калмыков с наступлением холодов прекратили работу по той же причине. В одном только Андреевском районе Новосибирской области 105 детей за отсутствием одежды и обуви не вышли в школу [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 168].

Невыход на работу из-за отсутствия одежды и обуви сильно усугублял и без того тяжелое материальное положение репрессированных калмыков. Предпринятые органами НКВД меры по максимальному использованию местных ресурсов, а также реализации распоряжения СНК СССР от 19 ноября 1944 г. о выдаче спецпоселенцам шерсти и хлопчатобумажной ткани несколько смягчили их положение, но не решили проблему по существу. Потребовалось выделение фондов одежды и обуви по линии заинтересованных главков, на предприятиях которых были задействованы калмыки, а также дополнительная помощь в централизованном порядке в овчинах и обуви для наиболее остро нуждающихся спецпоселенцев, трудоустроенных в колхозном секторе.

В результате принятых мер положение калмыков к концу Великой Отечественной войны стало постепенно улучшаться, хотя в отдельных районах и населенных пунктах все еще сохранялись многочисленные трудности в вопросах их обустройства, питания и трудоустройства. Стали быстрее осваивать средства, отпущенные на жилищное строительство. Так, на 1 октября 1944 г. из 2 897 000 рублей, отпущенных на эти цели кредитов, были израсходованы только 580 000 рублей. На 1 января 1945 г., несмотря на наступление затруднявших строительство зимних морозов, было использовано уже 1 523 000 рублей. Если на 1 октября 1944 г. из 5 818 семей калмыков, расселенных в Новосибирской области, только 11 % (682 семьи) имели более или менее пригодные к зиме жилища, то к концу февраля 1945 г. этот вопрос был практически решен. Выборочной проверкой на 10 февраля 1945 г. по 13 районам расселения репрессированных калмыков из 3 717 их семей только 119 нуждались в ремонте жилищ. Таким образом, 96 % калмыцких семей к концу войны стали проживать в помещениях, пригодных для жилья [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

В Казахской ССР спецпоселенцам были выделены сотни вагонов строительных и горюче-смазочных материалов. В счет зерна, оставленного репрессированными калмыками на родине, впредь до нового урожая на протяжении четырех месяцев каждому из них ежедневно выдавалось по 140 грамм муки и 35 грамм крупы. С большими затруднениями и не полностью в отношении спецпоселенцев были выполнены правительственные постановления о выдаче им телок и овцематок, в порядке расчета с ними за оставленный по прежнему месту жительства скот [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Работа спецкомендатур и местного аппарата НКВД сосредоточилась на жестком контроле за правильной и своевременной реализацией выделяемых государством на обеспечение репрессированных калмыков фондов. Еще одной важнейшей задачей была признана воспитательная работа среди спецпоселенцев, направленная на «преодоление их изживенческих настроений», привлечение к самостоятельному хозяйственному обустройству. Особое внимание при

этом было уделено подготовке весенней посевной кампании, а также посадке индивидуальных огородов калмыками [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 81].

Восприятие режима спецпоселений и отношений с местным населением

Все бывшие спецпереселенцы в своих воспоминаниях отмечают несправедливость постигшего их наказания: «Если и были среди калмыков предатели, то в чем провинились старики, женщины и дети? Ведь предателей в военные годы хватало и среди других народов. Но репрессиям подверглись немногие, в том числе калмыки» [Депортация в памяти 2014: 126]. И все же многие бывшие спецпоселенцы, несмотря на пережитые голод и нищету, с гордостью говорят о годах пребывания в ссылке: «Жизнь в ссылке нас закалила и учила быть выносливыми и терпеливыми. Мы перенесли стойко и голод, и холод» [Депортация в памяти 2014: 131].

Положительно оцениваются и отношения с населением, которые проделали определенную эволюцию: «Местные жители были запуганы, им сказали, что привезли людоедов и врагов народа. Со временем отношения менялись в лучшую сторону, у отца были друзья, которые бывали у нас и, чем могли, помогали. Но калмыки жили отдельными группами, по родственным связям» [Депортация в памяти 2014: 219]. Стремление жить вместе с близкими, соседями, земляками объясняется в первую очередь тем, что они проявляли взаимную помощь и поддержку в самых трудных ситуациях: «Жили тяжело, но калмыки держались вместе — всегда помогали друг другу. Однажды, помню, у одной бабушки заболел сын. Что за болезнь, мы даже не знали. На лекарства денег не было. И вот эта бабушка пришла к нам просить денег, и мать с плачем отдала последние деньги» [Депортация в памяти 2014: 215].

Наряду с этим, в памяти калмыков остались дискриминационные ограничения режима спецпоселений [ПМА: Джимбиев 2018; и др.], при этом злоупотребления нередко связываются с качествами отдельных лиц: «Коменданты у нас были очень строгие, могли издеваться над людьми» [Депортация в памяти 2014: 207]. Однако встречаются и противоположные мнения: «Комендантом у нас был бывший фронтовик. Он никогда

не препятствовал поездкам, если на то были причины. В общем-то, был неплохим человеком» [Депортация в памяти 2014: 124].

Заключение

Историко-правовой анализ режима спецпоселения позволяет рассматривать его как осуществлявшееся в принудительном порядке перемещение калмыков в определенные местности под надзор органов внутренних дел и госбезопасности [Баев, Елифанов 2012: 45–47]. Принудительное переселение сопровождалось принятием дискриминационных мер в отношении спецпереселенцев, выразившихся в первую очередь в ограничении свободы передвижения и необходимости отмечаться в спецкомендатурах. В то же время в принятых нормативно-правовых актах, регламентировавших их статус, подчеркивается, что калмыки сохраняли остальные права граждан СССР.

Многие документы свидетельствуют о тяжелом социально-экономическом положении калмыков на новых местах пребывания, об объективных трудностях их адаптации к новым природным и социальным условиям, отсутствии необходимых условий жилья, нехватке питания и одежды и других проблемах, что вело к росту заболеваемости и повышенной смертности. Наряду с этим, немало документов отражают стремление органов власти улучшить положение спецпоселенцев, решить вопросы их снабжения и трудоустройства. Немаловажную роль в этом сыграли органы НКВД СССР, занимавшиеся в годы Великой Отечественной войны регулярным мониторингом выполнения постановлений и распоряжений СНК СССР, посвященных материально-бытовому и хозяйственному устройству калмыков по регионам их расселения.

Анализ воспоминаний подвергшихся принудительным выселениям калмыков позволяет считать, что они остро осознавали их несправедливость по отношению к народу в целом. В исторической памяти калмыков сохранились перенесенные материальные трудности и психологические переживания, пережитые голод и нищета, болезни и смерти близких. Они стали источником психологической травмы, последствия которой усугублялись длительным замалчиванием данных событий. Очевидно, что о действиях тех или иных государственных

органов, направленных на изменение их положения, спецпереселенцы судили не по принятым документам, а по степени реализации решений, которые далеко не всегда отличались эффективностью. В то же

время спецпереселенцы сохранили теплое отношение ко многим местным жителям, включая и представителей органов власти, которые оказывали им реальную помощь и поддержку в любой форме.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Полевые материалы авторов

ПМА: Джимбиев 2018 — Интервью с Джимбиевым Андреем Манганыковичем, 1924 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 23 марта 2018 г. Продолжительность — 135 минут. Интервьюер Е. Ф. Кринко.

ПМА: Лиджи-Горяева 2018 — Интервью с Лиджи-Горяевой Софьей Эрдниевной, 1939 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 20 марта 2018 г. Продолжительность — 105 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.

Литература

Баев 2006 — *Баев Р. Р.* Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2006. 278 с.

Баев, Епифанов 2012 — *Баев Р. Р., Епифанов А. Е.* История и регламентация переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма в 1943–1956 гг. Учеб. пособие. Владивосток; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 377 с.

Белковец 2004 — *Белковец Л. П.* Административно-правовой режим спецпоселений // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 134–139.

Бердинских 2005 — *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.

Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 88 с.

Во глубине сибирских 2013 — *Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957) / ред.-сост.: Ю. О. Оглаев, Р. Г. Саряева.* Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 720 с.

Гунаев 2013 — *Гунаев Е. А.* Ценность правового государства и прав человека — конституционный императив при исследовании истории репрессий народов в СССР в 30–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 6(3). С. 136–140.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Author's Field Data

Informant 1: Andrei M. Dzhibiev, b. 1924. Rec. by E. Krinko on 23 March 2018, Elista (Republic of Kalmykia, Russia). (In Russ.)

Informant 2: Sophia E. Lidzhi-Goryaeva, b. 1939. Rec. by E. Krinko on 20 March 2018, Elista (Republic of Kalmykia, Russia). (In Russ.)

Гучинова 2005а — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь: Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.

Гучинова 2005б — *Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005. 282 с.

Гучинова 2019 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422

Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Нарративы детей Сибири о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742

Депортация в памяти 2014 — *Депортация в памяти поколений: научно-популярное издание / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева.* Элиста: НПП «Джангар», 2014. 294 с.

Депортация народов 1992 — *Депортация народов СССР (1930–1950 г.). Ч. 1. Документальные источники. Материалы к серии «Народы и культуры».* Вып. XII / сост. О. Л. Милова. М.: ИЭА, 1992. 353 с.

Забвению не подлежит 2014 — *Забвению не подлежит / сост. И. В. Лиджиева, К. Э. Манцева.* Элиста: КИГИ РАН, 2014. 163 с.

Зберовская 2013 — *Зберовская Е.* Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы

- сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 3. С. 46–51.
- Земсков 2003 — *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.
- Иосиф Сталин 1992 — Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл.: Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Т. II. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- История сталинского 2004 — История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОС-СПЭН, 2004. 824 с.
- Калмыки 2019 — Калмыки. Депортация. Возвращение: к 75-летию депортации калмыцкого народа / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: ИКИАТ, 2019. 511 с.
- Книга Памяти 1993 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Книга Памяти 2001 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 2 / сост.: В. З. Атуева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
- Куканова, Очиров 2021 — *Куканова В. В., Очиров У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Лиджиева 2013 — *Лиджиева И.* Правовой статус спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 3. С. 34–39.
- Максимов 2020 — *Максимов К. Н.* Калмыки и Калмыкия в новейшей истории России. М.: Наука, 2020. 781 с.
- Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.): сборник / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Полян 2001 — *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 315 с.
- Серазетдинов, Иванов 2007 — *Серазетдинов Б. У., Иванов А. С.* История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.
- Сталинские депортации 2005 — Сталинские депортации. 1928–1953 гг. / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. 904 с.
- Убушаев В., Убушаев К. 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. 496 с.
- Шевенова, Гучинова 2005 — *Шевенова С. И., Гучинова Э.-Б.* Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. СПб.: Алетейя, 2005. 228 с.

References

- Atueva V. Z. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 s.
- Baev R. R. Ethnic Relocations and Resettlements from Kalmykia, the North Caucasus and Crimea, 1943–1956: Organizational and Legal Essentials Revisited. Cand. Sc. (law) thesis. Volgograd, 2006. 278 p. (In Russ.)
- Baev R. R., Epifanov A. E. Ethnic Relocations and Resettlements from Kalmykia, the North Caucasus and Crimea, 1943–1956: History and Legislative Implementation. Coursebook. Vladivostok; Volgograd: Volgograd State University, 2012. 377 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D., Bugay N. F., Burchinova L. S. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- Belkovets L. P. Administrative and legal status of special settlements. *Russian Juridical Journal*. 2004. No. 3. Pp. 134–139. (In Russ.)
- Berdinskikh V. A. Exiled Settlers: Political Deportations of Soviet Russia's Peoples. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2005. 768 p. (In Russ.)

- Bugay N. F. (comp.) Joseph Stalin — Lavrentiy Beria: 'Be Those Deported'. Documents, Facts, Comments. Moscow: Druzhba Narodov, 1992. 288 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Operation Ulusy. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 88 p. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Godaev P. O. (comp., ed.) We Are the Forever Deported: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Children of Siberia' and their narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 722–742. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone has one's own Siberia': Two stories of the Kalmyk Deportation (Interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Guchinova E.-B. M. Be It Remembered Not Forgotten: Anthropology of Deportation Trauma among the Kalmyks. Stuttgart: Ibidem, 2005. 282 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Everyone has his Siberia. Two stories of the Kalmyk Deportation. *Antropologicheskij Forum (Forum for Anthropology and Culture)*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Value of a legal state and human rights – constitutional imperative in the study of the history of repression of peoples in the USSR in the 30-50s XX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 6(3). Pp. 136–140. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The vanishing history of 'thirteen years and thirteen days': Problems of searching and preserving archival materials on repressed Kalmyks in Siberia. Part 1. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Lidzhieva I. The legal status of special resettlers in the 40–50th of the XX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 3. Pp. 34–39. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Mantseva K. E. (comps.) Never Be It Forgotten. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 163 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) Deportation in Memories of Generations. Elista: Dzhangar, 2014. 294 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) Kalmyks. Deportation. Return: Commemorating the 75th Anniversary of Kalmyk Deportation. Elista: Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories, 2019. 511 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks and Kalmykia in Contemporary Russian History. Moscow: Nauka, 2020. 781 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Milova O. L. (comp.) Deportation of Soviet Peoples, 1930s–1950s. Part 1: Documentary Sources. Series 'Peoples and Cultures'. Vol. XII. Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 1992. 353 p. (In Russ.)
- Oglav Yu. O., Saryaeva R. G. (comps., eds.) 'Deep in Siberian Mines': Collected Memoirs and Articles, 1943–1957. Elista: Kalmyk State University, 2013. 720 p. (In Russ.)
- Pobol N. L., Polyana P. M. (comps.) Stalin's Deportations, 1928–1953. Moscow: MFD; Materik, 2005. 904 p. (In Russ.)
- Polyana P. M. Out of Choice: History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. Kalmyks in Yugra Land during the Harsh War Years, 1941–1945: A History of Household Life. Surgut: Surgut State University, 2007. 208 p. (In Russ.)
- Shevenova S. I., Guchinova E.-B. The Heritage of Memory: Kalmyk Deportation in Schoolchildren's Writings. St. Petersburg: Aletheia, 2005. 228 p. (In Russ.)
- Tsarevskaya-Dyakina T. V. (comp., ed.) History of Stalin's GULAG, Late 1920s to Mid-1950s. Collected documents. In 7 vols. Vol. 5: Exiled Settlers in the USSR. Moscow: ROSSPEN, 2004. 824 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Deportation, Return, Revival, 1943–1959. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Zberovskaya E. Kalmyks forced resettlers in Siberia: Problems of preservation of the ethnic identity in the Deportation's conditions. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 3. Pp. 46–51. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Exiled Settlers in the USSR, 1930–1960. Moscow: Nauka, 2003. 304 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 310–332, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 061.62(470.57)(09)«19/20»
DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-310-332

Институционализация академической гуманитарной науки в Башкортостане в XX – начале XXI в.: этапы, участники, результаты (к 100-летию ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН)

*Марсиль Нуруллович Фархшатов¹, Зугура Ягануровна Рахматуллина², Айбулат Валиевич
Псянчин³*

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и истории культуры
Башкортостана

 0000-0003-3430-2405. E-mail: marsil@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор, директор

 0000-0001-9778-5243. E-mail: faia7@yandex.ru

³ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор географических наук, профессор, заведующий отделом этнологии

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Фархшатов М. Н., Рахматуллина З. Я., Псянчин А. В., 2022

Аннотация. Введение. В настоящее время история отечественной академической науки и ее отдельных институтов интересует многих исследователей, что связано в первую очередь с необходимостью создания в России актуальных, отвечающих современным вызовам знаний. Вполне понятны попытки найти на опыте научного прошлого страны более оптимальные варианты развития фундаментальной науки. Статья имеет целью анализ институционализации сферы производства знаний в Башкортостане и научной деятельности Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН за вековой период его развития в рамках осмысления становления республиканской академической науки и ее

главных научных результатов. *Материалы и методы.* Работа, кроме имеющейся специальной литературы, опирается также на разнообразные источники: законодательные акты, делопроизводственную документацию, мемуаристику и т. д. Комплексный анализ первоисточников был осуществлен для получения обобщенных сведений по истории создания и развития уникального академического учреждения в одном из ключевых регионов страны, которое по праву стало опорным пунктом формирования единой научной школы башкироведения. *Результаты.* Становление национальной гуманитарной мысли в Башкортостане стало закономерным процессом развития отечественной и мировой науки в Новейшее время. Наступившая эпоха научно-технической революции, повсеместное обострение политико-идеологической конкуренции, в том числе и на мировом «олимпе» знаний, потребовали организации сети научных учреждений и в национальных регионах страны. Советские лидеры ясно понимали роль гуманитарной науки в духовном и политическом просвещении и воспитании народа и вкладывали значительные средства в ее развитие. Благодаря государственной поддержке основанный в 1922 г. Академический центр при Народном комиссариате народного просвещения Башкирской АССР стал впоследствии, пройдя через ряд реорганизаций, авторитетным комплексным научным учреждением, на развитие которого оказали влияние взаимосвязанные между собой доктринальные, региональные, общесоюзные/общероссийские модернизационные факторы, а также система межличностных и межпоколенческих связей в сообществе башкирской академической гуманитарной интеллигенции. *Выводы.* История институционализации профессиональной гуманитарной науки в Башкортостане способствует осмыслению диалектики, теоретических, методологических и идеологических аспектов развития научного знания в России в целом, роли и значения творчества выдающихся ученых в духовной жизни, научном и социокультурном развитии общества.

Ключевые слова: Башкортостан, ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, институционализация науки, история региональной гуманитарной науки, научные школы, академические учреждения и власть

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности».

Для цитирования: Фархшатов М. Н., Рахматуллина З. Я., Псянчин А. В. Институционализация академической гуманитарной науки в Башкортостане в XX – начале XXI в.: этапы, участники, результаты (к 100-летию ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 310–332. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-310-332

Institutionalization of Academic Humanities Research in Bashkortostan, 20th to Early 21st Centuries: Stages, Participants, Results (Towards the 100th Anniversary of the Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the RAS)

Marsil N. Farkhshatov¹, Zugura Ya. Rakhmatullina², Aybulat V. Psyanchin³

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Department

 0000-0003-3430-2405. E-mail: marsil@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Director

 0000-0001-9778-5243. E-mail: faia7@yandex.ru

³ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Dr. Sc. (Geography), Professor, Head of Department
 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Farkhshatov M. N., Rakhmatullina Z. Ya., Psyanchin A. V., 2022

Abstract. *Introduction.* At present, the history of domestic academic science and its individual institutions is of interest to many researchers, which is primarily due to the need to create relevant knowledge in Russia that meets modern challenges. Attempts to find (on the basis of experiences of the country's scientific past) more suitable options for the development of fundamental science are quite understandable. *Goals.* The article aims to analyze the institutionalization of knowledge production in Bashkortostan and scientific activities of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Center of the RAS) over a century of its development in the framework of understanding the formation of Republic's academic science and its main scientific results. *Materials and methods.* In addition to the available specialized literature, the work also relies on a variety of sources, such as legislative acts, records management documents, memoirs, etc. The paper provides a comprehensive analysis of primary sources to obtain generalized information on the history of the creation and development of a unique academic institution in one of the key regions of Russia which rightfully became a stronghold in the shaping of a unified scientific school of Bashkir studies. *Results.* The formation of national humanitarian thought in Bashkortostan has become a natural process of development of domestic and world science in modern times. The era of the scientific and technological revolution, widespread intensification of political and ideological competition, including that on the world 'Olympus' of knowledge, required the organization of a network of scientific institutions in ethnic regions of the country. Soviet leaders clearly understood the role of the humanities in spiritual and political enlightenment and education of the people — to invest heavily in their development. The state support gave rise to the 1922 establishment of the Academic Center under the People's Commissariat for Public Education of the Bashkir ASSR that would later become — after a series of reorganizations — an authoritative comprehensive scientific institution. Its development was influenced by interconnected doctrinal, regional, all-Union / all-Russian modernization factors, as well as a system of interpersonal and intergenerational relations in the community of the Bashkir academic humanitarian intelligentsia. *Conclusions.* The history of the institutionalization of Bashkortostan's professional humanities contributes to the understanding of dialectics, theoretical, methodological and ideological aspects of the development of scientific knowledge in Russia at large, the role and significance of efforts of outstanding scientists in the spiritual life, scientific and sociocultural development of society.

Keywords: Bashkortostan, Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, institutionalization of science, history of regional humanities, scientific schools, academic institutions and authorities

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project 'Sociocultural Processes in Eurasian Environments: from Earliest Times to Present Days'.

For citation: Farkhshatov M. N., Rakhmatullina Z. Ya., Psyanchin A. V. Institutionalization of Academic Humanities Research in Bashkortostan, 20th to Early 21st Centuries: Stages, Participants, Results (Towards the 100th Anniversary of the Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the RAS). *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 310–332. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-310-332

Введение

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы (далее — ИИЯЛ, Институт) Уфимского федерального исследовательского центра РАН является старейшим научно-исследовательским

учреждением гуманитарного профиля в Республике Башкортостан. Он берет свое начало от Академического центра, созданного в 1922 г. при Народном комиссариате просвещения Башкирской АССР (Башнаркомпрос). За 100 лет своего существования

им пройден путь, отражающий основные тенденции институционализации и развития фундаментальной науки в регионах России в XX – начале XXI в.

За время своей деятельности Институт внес неопределимый вклад в системное изучение духовной и материальной культуры башкир и других народов Южного Урала, социальной и политической жизни края, места и роли республики в развитии страны. Созданные сотрудниками не одного поколения фундаментальные труды по актуальным проблемам истории, археологии, этнографии, башкирского языка и литературы получили признание в России и за ее пределами. Они внесли заметный вклад в развитие отечественной науки, культуры Башкирской АССР / Республики Башкортостан, легли в основу нового уникального направления отечественной гуманитарной мысли — башкироведения как комплексной академической дисциплины.

Институт начал свою деятельность с работ, имеющих прикладной характер: разработка новой письменности, башкирской грамматики и литературного башкирского языка, словарей, научной терминологии на башкирском языке и т. д. Со временем возросший кадровый и научный потенциал позволил учреждению перейти к решению сложных теоретических проблем: первоначальное заселение территории Южного Урала, древнее население региона, этногенез и духовный мир башкир, вхождение Башкортостана в состав Русского государства, современные этнокультурные процессы в условиях многонациональной среды и т. д.

Подобная тенденция наблюдалась во многих регионах страны: становление профессиональной гуманитарной науки требовало времени, формирования кадрового потенциала, создания собственной материальной и теоретической базы для поступательного развития национальных научных центров.

Историография и источники темы

В настоящее время история отечественной академической науки и ее отдельных институтов интересует многих исследователей [*Азиатский Музей 2018; Татароведение 2021*; и др.], что связано прежде всего с необходимостью создания в России актуальных, отвечающих современным вызовам знаний. Вполне понятны и попытки найти

на научном опыте прошлого страны, имевшей устойчивые исследовательские традиции и фундаментальные достижения, более оптимальные варианты развития современной науки, уровень развития которой является одним из ключевых критериев социально-экономического прогресса общества.

В историографии заявленной темы, как правило, преобладают юбилейные издания, содержащие достаточно большой объем информации справочного характера [*В научном поиске 1982; Сулейманова, Исянгулов 2007; 80 лет 2012; Флагман 2017; Казанчиев, Азаматова 2021*; и др.].

Некоторые авторы предприняли и первые попытки теоретического обобщения истории развития тех или иных научных направлений, разрабатываемых в Институте. Из фундаментальных работ следует назвать прежде всего добротные, скрупулезные исследования К. К. Каримова, который на широкой источниковой базе охарактеризовал основные этапы и достижения развития академической науки в Башкортостане в контексте всей новейшей отечественной истории [*Каримов 1986; Каримов 2008*; и др.].

Заслуживают внимания также известные сочинения других современных авторов: Ш. Н. Исянгулова, А. Д. Казанчиева, А. В. Псянчина, Р. Н. Сулеймановой, М. Н. Фархшатовой, Ф. Г. Хисамитдиновой, С. А. Халфина, Р. Р. Юсупова и др. [*Халфин, Юсупов 2006; Псянчин 2011; Фархшатов, Хисамитдинова 2012; Сулейманова, Исянгулов, Казанчиев 2016*; и др.]. Более того, при изучении прошлого и настоящего региональных научных центров оказываются актуальными некоторые общие работы по истории организации науки в России и мире, а также по историко-сравнительному науковедению [*Бастракова 1973; Беляев, Пышкова 1979; Наука 2003*; и др.].

Настоящая статья имеет целью анализ институционализации сферы производства знаний и научной деятельности ИИЯЛ за вековой период его развития в рамках осмысления становления академической науки в Башкортостане и ее главных научных результатов.

Работа, кроме имеющейся специальной литературы, опирается также на разнообразные источники: законодательные акты, делопроизводственную документацию, мемуарику и т. д., некоторые из

которых уже введены в научный оборот [Хөсәйенов 2001; Документы 2012; Сидоров 2012; Чемерис 2012; Институт 2017; и др.].

Институты, действующие лица, достижения гуманитарной науки в Башкортостане в Новое и Новейшее время

Имперский период

Первые попытки системного изучения истории и культуры башкир и других народов Башкирии «в интересах Российской империи» предприняли участники экспедиций, организованных в 1768–1774 гг. Императорской академией наук и художеств в Санкт-Петербурге: П.-С. Паллас (1741–1811), И. И. Лепехин (1740–1802), И. Г. Георги (1729–1802) и др. Они, а также И. К. Кирилов (1695–1737), будущий первый член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук П. И. Рычков (1712–1777), его сын Николай Рычков (1746–1784) и другие исследователи-любители, состоявшие на государственной службе, опубликовали ценные труды по истории края и впервые открыли для научного мира башкир как народ и территорию их обитания — Южный и Средний Урал и прилегающие к нему степи [Сидоров 2007; Каримов 1999: 18–26]. В них содержались также некоторые народные знания башкир, зафиксированные в утерянных впоследствии оригинальных арабоалфавитных письменных памятниках.

Значительный вклад в процесс накопления фактического материала о прошлом Башкортостана и его осмысления внесли члены губернских статистических комитетов, различных центральных и местных «ученых обществ»: Оренбургского отдела Русского географического общества (открыт в 1867 г.), Уральского общества любителей естествознания (г. Екатеринбург, 1870), Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878), Оренбургской губернской ученой архивной комиссии (1887), Общества по изучению местного края (г. Уфа, 1908) и др. Многие из них писали о башкирах и других местных народах с искренним уважением к их древней культуре, но нередко с позиций «мы» и «они», воспринимая «иностранцев» в качестве не субъектов, а лишь объектов истории Русского государства.

Особенно известны своими глубокими исследованиями краеведы Р. Г. Игнатьев (1818–1886), Н. А. Гурвич (1828–1914), В. Н. Витевский (1845–1906), В. В. Катаринский (1846–1902), Д. П. Никольский (1855–1918), С. Г. Рыбаков (1867–1921) и др.

С давних пор, преимущественно в крупных медресе края, шло стихийное формирование основ книжной национальной гуманитарной мысли, включенной в орбиту арабо-мусульманской культуры [Фархшатов 1994: 13–20, 54–95]. Видными ее представителями были Тажетдин Ялсыгулов (1768–1838), Гали Сокрой (1826–1889) и его сын Гарифуллы Кийиков (1861–1918), Зайнулла Расулев (1833–1917), Ризаэтдин бин Фахретдин (1859–1936), Мурад Рамзи (1854/55–1934), Зиаэтдин Камали (1875–1942), Мунир Хадыев (1876–1913) и др. Использование автохтонных документов, а также памятников фольклора позволило им осветить многие ключевые страницы истории башкир и других народов края, которые оставались за пределами исследований русскоязычных авторов.

Салихжан Кукляшев (1811–1863), Мир-Салих Бекчурин (1819–1903), Мухаммад-Салим Уметбаев (1841–1907), Абубакир Диваев (1855–1933), Ахмед-Заки Валиди (1890–1970), Мухаметша Бурангулов (1888–1966) и др. первыми из башкир, опираясь на опыт русских ученых, освоили европейские методы научного познания и создали оригинальные труды по филологии, этнографии, истории. Но такие примеры были единичными. Имперская культурная политика, принадлежность преимущественно к «сельскому миру», господство религиозно-мифологического типа мышления тормозили развитие научного потенциала башкир [Фархшатов 2016: 524], как и у многих других народов страны.

Первые десятилетия Советской власти

Октябрьская революция 1917 г. и установление Советской власти возвели поддержку гуманитарных наук на местах на государственный уровень. Начались поиски новых форм организации правительственных научных учреждений. К профессиональной исследовательской деятельности привлекаются научные силы из башкир, которые в ходе начавшейся «социалисти-

ческой» реконструкции народного хозяйства все активнее включались в городскую жизнь и индустриальный труд.

3 января 1920 г. в г. Стерлитамаке, в то время столице Башкирской Республики (признана в марте 1919 г.), в составе Башнаркомпроса была создана Научная коллегия¹, первый государственный орган по руководству научными исследованиями, во главе с Ф. А. Давлеткильдеевой [Каримов 2008: 180; Каримов 2010: 327]. При ней уже через месяц с лишним (16 февраля) учреждается добровольная общественная организация краеведов — «Общество по изучению быта, истории и культуры Башкирии», которое начало издавать свои «Труды» на башкирском и русском языках (вышли два выпуска).

В августе 1922 г. в связи с присоединением Уфимской губернии к Башкирской АССР и образованием «Большой Башкирии» Общество переводится в Уфу — новый столичный центр и объединяется там с «Обществом по изучению Южного Урала» в «Общество по изучению Башкирии» (с четырьмя отделами: историческим, филологическим, издательским и этнологической географии), имеющее отделения в кантонах. Новое объединение (распущено в январе 1932 г. после того, как краеведение было объявлено «враждебной» наукой [Каримов 2008: 42; Каримов 2010: 329–330]), бюджет которого на 99 % пополнялся за счет государственных субсидий, издавало «Башкирский краеведческий сборник», а также журнал «Башкорт аймагы» («Башкирский край») и входило в структуру так называемого Академического центра (Академцентр).

Академцентр, от которого берет отсчет современная история Института, был создан 4 сентября 1922 г. после реорганизации Научной коллегии Башнаркомпроса [Ергин 2006: 24]. В его задачи входили «организация научных экспедиций, созыв научных конференций», «руководство научными обществами и создание новых» и т. п. [Каримов 2010: 327].

В первый год деятельности организация состояла из трех отделов (научного, худо-

¹ В структуру Научной коллегии Башнаркомпроса входили отделы археологии, истории, естествознания, искусства, а также музейный отдел и управление архивным делом.

жественного и издательского), в которые входили шесть специализированных комиссий для работы среди трех категорий населения края (башкир, русских, «национальных меньшинств»).

Первой из них заработала Комиссия по практической реализации башкирского языка, куда первоначально входили Фатих Сайфи (Мухаммад-Фатих Сайфуллин), Габдулла Ш(о)наси (Ибрагимов) и Сагит Рамеев, к которым затем присоединились Шагит Худайбердин, Шариф Манатов, Даут Юлтый и др. [Ергин 2006: 26].

Плодотворно протекала и деятельность созданной в ходе реорганизации учреждения Терминологической комиссии, которая сосредоточила свое внимание на разработке новой башкирской письменности, создании двуязычных (русско-башкирских и башкирско-русских) словарей по основным отраслям науки и знаний, разработке толкового и орфографического словарей башкирского языка (практически все из подготовленных тогда отраслевых терминов и словарей увидели свет уже после прекращения деятельности центра).

В состав нового учреждения, кроме «Общества по изучению Башкирии», входили также музейная комиссия и областное бюро краеведения, а позже — Башкирский центральный и Государственный художественный музеи. С 1923 г. Академцентр выпускал научно-педагогический журнал «Белем» («Знание») на башкирском и татарском языках, а также русскоязычный журнал «Фронт просвещения», которые стали своеобразной летописью организации гуманитарных исследований, освещающей важные события научной жизни республики. Первым заведующим организации стал Сагит Сюнчелей (1922–1923), которого впоследствии сменили Шариф Манатов (1924), Шариф Сюнчелей (1925–1927).

К работе Академцентра, направленной на развитие «советской» науки, «всеми силами» на штатной и внештатной основе привлекались лучшие интеллектуальные силы из башкир и других народов края: видные поэты и писатели Мажит Гафури, Даут Юлтый, Булат Ишемгул, Хабибулла Габитов; педагоги Закир Шакиров, Мухаметша Бурангулов; врач А. А. Черданцев; геолог Г. В. Вахрушев (в дальнейшем доктор гео-

лого-минералогических наук, первый председатель Президиума Башкирского филиала АН СССР); религиозные и государственные деятели Ризаэтдин Фахретдинов и его сын Габдрашит, Сагит Мрясов и др. [Каримов 2010: 327].

После принятия Башкирским обкомом ВКП(б) в июне 1926 г. тезисов «Характеристика башкирского движения [1917–1920 гг.]» [Резолюции 1959: 276–286] началось целенаправленное отчуждение из научно-краеведческой жизни «непролетарских» кадров из башкир.

За 1922–1929 гг. сотрудники центра, по данным Ю. В. Ергина, опубликовали более 280 книг общественного-политического, учебно-образовательного, научно-популярного характера [Ергин 2006: 31] и внесли свой вклад в приращение знаний по истории и культуре башкирского края, создали основу для интенсификации в дальнейшем исследовательской работы. Особое значение имела разработка нового алфавита, орфографии, научной терминологии башкирского литературного языка, благодаря чему уже с 1923 г. стало возможно печатание первых книг и республиканской газеты «Башкортостан» на башкирском языке [Каримов 1986: 64–66; Каримов 2010: 328–329]. Это был стратегический прорыв во всей истории национальной культуры и науки.

В середине 1930-х гг. в связи с очередной реорганизацией Народного комиссариата просвещения и функционирующего при нем Академцентра РСФСР последний при Башнаркомпросе прекратил свое существование. Процесс не был оформлен юридически по причине постепенной передачи его функций разным другим учреждениям, в связи с чем точная дата ухода с исторической сцены этого учреждения в документах не установлена.

На становление традиций научной работы в республике позитивное влияние оказала профинансированная местным правительством республики Башкирская комплексная экспедиция АН СССР (1928–1932 гг.), изучавшая производительные силы и население, а также помощь из бюджета республики на развитие культуры и науки региона. В составе экспедиции, наряду с 17 другими, работали археологический и антропологический (этнографический) отряды под руководством А. В. Шмидта

и С. И. Руденко (первоначально он возглавлял работу всей экспедиции), а также фольклорно-лингвистический подотряд во главе с Н. К. Дмитриевым [Псянчин 2011: 12, 15–17, 20]. В 1929–1930 гг. к их деятельности были привлечены и местные подвижники науки, в том числе этнограф Г. Г. Вильданов, фольклорист Н. С. Закиров (Наки Исанбет), филологи Г. Я. Давлетшин, З. Ш. Шакиров и К. З. Ахмеров и др., которые в ходе совместной работы с видными учеными приобрели навыки исследовательской работы. Впоследствии многие из них, в том числе З. Ш. Закиров и К. З. Ахмеров, стали первыми сотрудниками современного академического Института.

В 1930-х гг. в Башкирской АССР усилилось внимание к науке, на развитие которой стали выделяться значительные средства (до 8 % бюджета республики) [Саяхов 1973: 6]. Для более эффективного их использования местные и партийные органы решили объединить все имеющиеся научные организации в одно многопрофильное учреждение. Им стал комплексный Башкирский научно-исследовательский институт (БашНИИ), созданный по решению Совнаркома Башкирской АССР от 27 марта 1930 г. при деятельном содействии Башкирской экспедиции АН СССР. Среди шести его структурных подразделений был и социально-культурный отдел с секциями литературы, языка и искусства, а также историко-археологической и педагогической секциями. Основная его цель состояла в содействии «культурной революции», форсированной «коренизации» местного государственного аппарата и культурно-просветительских учреждений [Саяхов 1973: 6; Каримов 1986: 93, 94, 95].

В начале 1932 г., на основании решения бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 10 сентября 1931 г., социально-культурный отдел в составе всего комплексного БашНИИ был реорганизован. Он стал самостоятельным научным учреждением под названием Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры (БашНИИНК), перед которым ставились более конкретные задачи: системные исследования по башкирской филологии, фольклористике, литературоведению и историологии [Сулейманова, Исянгулов 2007: 11]. Его деятельность должна была тесно увязы-

ваться с «практикой и направлена целиком и полностью на службу социалистической культуры», а также обеспечивать «возросшие интересы народных масс к научным знаниям» [Фархшатов, Хисамитдинова 2012: 294]. Первоначально в учреждении трудились 15 человек, в том числе семь научных сотрудников.

Институт национальной культуры, первым директором которого стал выпускник Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве, доцент Башкирского государственного педагогического института М. А. Солянов, подчинялся Народному комиссариату просвещения Башкирской АССР. Он не входил в состав Академии наук СССР, хотя ее кураторство предусматривалось еще со времен Башкирского комплексного НИИ.

В 1933 г. при Президиуме АН СССР была создана Постоянная комиссия научной помощи Башкирии [Усманов 1982: 8; Сулейманова, Исянгулов 2007: 13]. Большую научно-методическую помощь, например, исследователи истории революционного движения БашНИИНК получали со стороны Башкирского отделения Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (сокращенно она называлась БашИстпарт), созданной в 1922 г. при Башкирском обкоме партии (упразднена в 1934 г.).

Штатные и привлеченные сотрудники Института решали преимущественно прикладные задачи: разрабатывали новый башкирский алфавит на основе латиницы (позже — кириллицы) и нормы башкирского литературного языка, создавали учебно-методические пособия по родному языку, двуязычные терминологические словари по ботанике, химии, географии, математике и другим отраслям знаний. Кроме того, они проводили большую собирательскую работу в области фольклора, диалектологии и этнографии, материалы которой стали базой для расширения и углубления изысканий в последующей научной деятельности учреждения.

В предвоенный период Институт претерпел существенные научно-организационные изменения вплоть до исключения из числа подразделений сектора истории, а из тематики исследований — исторических проблем. В июле 1936 г. с целью концентрации

немногочисленных научных сил и средств «в области изучения башкирского языка, литературы и фольклора» учреждение было преобразовано в Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы, которому указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 ноября 1940 г. было присвоено имя народного поэта Башкирии Мажита Гафури, отмечавшего в тот год свой 60-летний юбилей. В начале 1941 г. в Институте трудилось 18 человек (12 научных и 8 научно-технических сотрудников).

Власти принципиально стояли на позициях «партийной» деятельности Института, необходимости «беспощадной борьбы против проникновения в язык и литературу остатков влияния контрреволюционной валидовщины и султангалеевщины» [Документы 2012: 71].

Подчиненность государственным органам Башкирской АССР — Президиуму Центрального исполнительного комитета (БашЦИК) (1936–1937), Совету народных комиссаров (Совнарком) (1937–1941, 1946–1951), Народному комиссариату просвещения (1932–1936; 1941–1946) — жестко привязывала тематику исследований коллектива к идеологическим интересам обкома ВКП(б). «Плюсом» было финансирование из местного бюджета, что позволяло в необходимых случаях мобилизовать значительные средства при решении конкретных научных задач, как, например, было при создании фундаментальных трудов по истории и культуре края: многотомных «Очерков по истории Башкирской АССР», «Материалов по истории Башкирской АССР» и др.

При реформировании Института в 1936 г. изучение местной истории предполагалось поручить Уфимскому филиалу Института Маркса-Энгельса-Ленина, который, однако, не был открыт. Прекратились и исследования по искусству — они должны были осуществляться в структурах Управления по делам искусства Башкирского Совнаркома. Работы по разработке научной терминологии башкирского языка переходили в создаваемую при БашЦИКе терминологическую комиссию.

В годы «большого террора» Институт не избежал действий со стороны «карательных» органов. Были репрессированы многие сотрудники, в том числе директора Габ-

дулла Амантай¹ и Афзал Тагиров² за «ряд крупнейших политических ошибок», «засорение» штата института «враждебными элементами» и т. д. [Документы 2012: 72–73; Сулейманова, Исянгулов 2007: 19–20, 53 (сноска 57)]. Было время, когда в штате состояло всего четыре-пять сотрудников. Значительная часть подготовленных трудов по истории, национальной литературе и искусству остались в рукописях, которые сегодня хранятся в различных архивохранилищах Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга или безвозвратно утеряны.

Репрессии нанесли серьезный урон становлению башкирской гуманитарной науки, планомерной подготовке национальных кадров. Идеологически мотивированные преследования в первую очередь «выбили» наиболее активных научных деятелей и представителей «старой» интеллигенции (в их трагическом списке значились также имена бывших директоров Академцентра Башнаркомпроса — расстрелянного Сагита и обвиненного в «бытовых связях» с «врагом народа» Шарифа Сюнчелевых). Политизация науки «имела трагические последствия не только для пострадавших, но и для оставшихся на свободе специалистов и будущего самой науки, особенно перспективных ее направлений, во многом определявших интеллектуальный потенциал башкирского народа» [Каримов 2010: 331].

Несмотря на все эти негативные явления, Институт продолжал развиваться, и названия его отделов (секторов) и состав сотрудников уже сами по себе говорят о приоритетах научных изысканий. В разные годы в нем имелись секторы истории революционного движения (реорганизован в сектор истории и экономики, затем в сектор

истории), языкознания и «материалистической» лингвистики (со словарно-терминологическим центром), а также литературы (объединены в сектор языка и литературы с выделением самостоятельного словарно-терминологического центра), искусствоведения (с кабинетом музыкальной этнографии), «национальных меньшинств», театральный сектор, секторы социального быта, периодической печати и библиографии, а также кабинет музыкальной этнографии, музыкальная творческая бригада по созданию башкирской оперы, «авторский кабинет» (для работы с начинающими писателями, обсуждения и рецензирования их рукописей), научно-методическое бюро башкирской стенографии и др.

В Институте трудились многие известные филологи Г. Я. Давлетшин и З. Ш. Шакиров, композиторы С. Х. Габяши, А. С. Ключарев и И. В. Салтыков, знаменитый певец, народный артист Башкирской АССР Г. С. Альмухаметов, ссыльный академик М. К. Любавский (с 15 марта 1932 г. по март 1935 г.; он скончался в декабре 1936 г. и был похоронен на Сергиевском кладбище Уфы), историки Б. М. Мансуров и А. Н. Усманов, писатели Афзал Тагиров, Гайнан Амири и Яков Ухсай (будущий народный поэт Чувашии), московский профессор-языковед Н. К. Дмитриев (в качестве внештатного научного консультанта) и др.

Оживление научной мысли вызвал приход в науку представителей нового поколения исследователей из башкир (филологов К. З. Ахмерова, Т. Г. Баишева, А. И. Харисова, А. И. Чанышева, историка А. Н. Усманова и др.), создавших ценные труды по башкирскому, чувашскому и марийскому языкам, фольклору, литературе, истории. Многие из них с энтузиазмом совершали этнографические, диалектологические и др. экспедиции для сбора полевого материала, что способствовало широкому развертыванию гуманитарных исследований в республике.

Среди довоенной научной продукции Института особое место занимают монографии М. К. Любавского «Очерк башкирских восстаний в XVII и XVIII вв.» и «Очерк по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.», а также подготовленные им сборники документов «Выборы в Уфимской провинции депутатов в Екатерининскую комиссию

¹ Известный башкирский поэт, общественный и государственный деятель, ученый-фольклорист и литературовед Габдулла Амантай (Г. С. Амантаев, 1907–1938) занимал должность директора БашНИИНК дважды: с 29 апреля 1933 по 18 октября 1936 г. и с апреля по 29 сентября 1937 г.

² А. М. Тагиров (1890–1937), крупный общественный и государственный деятель, талантливый прозаик и драматург, возглавлял Институт национальной культуры, будучи председателем ЦИК (1931–1937) и Союза писателей (1934–1937) Башкирской АССР, по совместительству с 19 октября 1936 по апрель 1937 г.

1767 г.» и «Акты и документы по истории [башкирского] землепользования», оставшиеся, к сожалению, неопубликованными [Отчетная записка 1933; Тольц 1971; Фархшатов, Хисамитдинова 2012: 294]. Большое влияние на развитие гуманитарной мысли края оказала публикация первого тома «Материалов по истории Башкирской АССР» (М.; Л., 1936) под редакцией видного ленинградского историка А. П. Чулошникова¹, подготовленного по заданию республиканского правительства Историко-Археологическим институтом АН СССР (позднее — Ленинградское отделение Института истории АН СССР, а с 2000 г. — Санкт-Петербургский институт истории РАН).

В целом в годы довоенных пятилеток положительные результаты строительства на местах форсированными темпами «социалистической по содержанию» и «национальной по форме» науки, которая в организационном плане прошла сложный путь от краеведческих по существу организаций до специализированных исследовательских институтов, были налицо. Отметим, что именно в 1930-е гг. практически во всех республиках Урало-Поволжья появились свои институты национальной культуры, например Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы при Совнарком Татарской АССР (1939; в настоящее время — Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан).

Несмотря на позитивные перемены в научной и культурной жизни республики, как и всей страны в целом, были и определенные проблемы. Так, двойная смена алфавита превратила буквально в «макулатуру» бесценные рукописные старопечатные книги башкир и других тюрко-мусульманских народов СССР, оторвала их от культуры предков и классического Востока. Большой урон развитию отечественной гуманитарной мысли наносил диктат партийных и советских органов. Государственная монополия на фундаментальную науку, ее чрезмерная идеологизация, насаждение в сфере гуманитарных наук единственно «верной», марксистской научной методологии, критика ученых, «не усвоивших диалектический

¹ По сведениям Р. И. Якупова, А. П. Чулошников состоял внештатным сотрудником ИИЯЛ им. М. Гафури [Флагман 2017: 6].

материализм», вели к «шельмованию» научных кадров старой формации, прерыванию преемственности гуманитарной мысли, «утечке умов», свертыванию некоторых научных направлений, особенно актуальных в преддверии нарастания угрозы нацизма [Фархшатов 2016: 525–527].

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Институт внес достойный вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Многие его сотрудники добровольно ушли на фронт и погибли в боях за Родину, в их числе директор Шаги-Султан Шаги-Марданович Байков (1905–1943; на должности с середины июня 1941 по 27 февраля 1942 г.), ученый секретарь Н. М. Камалов, научный сотрудник известный поэт М. Хай (Х. Г. Мухаметьяров, 1911–1941 гг.) и др. [Исянгулов 2017: 23; Псянчин, Сулейманова 2015]. Республиканские наука и культура теряли ученых и видных представителей творческой интеллигенции, подлинных носителей башкирского языка и традиционной культуры, что наносило новые удары по преемственности национальной гуманитарной мысли [Буканова, Султангузина 2011: 89].

Оставшиеся немногочисленные сотрудники (в начальный период войны всего два-три человека) единодушно откликнулись на призыв «Все для фронта!». В издательских сериях «Фронт и тыл» и «Библиотека красноармейца» директор А. Н. Усманов (1910–1981; на должности: декабрь 1937 – сентябрь 1939 г. и июнь 1943 – март 1951 г.) и его подчиненные М. Бурангулов, А. Н. Киреев и др. выпустили немало книг и брошюр, в которых прославлялись боевые традиции башкир, советский патриотизм, дружба народов Советского Союза.

В военное лихолетье не прекращалась и фундаментальная научная работа, о чем свидетельствовала, например, защита в 1942 г. А. И. Харисовым на заседании Ученого совета Московского государственного университета (далее — МГУ) первой в истории Института кандидатской диссертации по филологии, подготовленной под руководством профессора Н. К. Дмитриева. В 1943–1944 гг. диссертации литературоведа А. Г. Кудашева и языковеда К. З. Ахмерова были предоставлены к защите в МГУ

и Московское отделение Института языка и мышления АН СССР. Проявлялась и забота о профессиональном росте имеющихся кадров. Вот только один примечательный факт: в 1944 г. в целях повышения квалификации четверем из имевшихся тогда семи сотрудников Института были предоставлены научные командировки в научно-образовательные центры Москвы сроком по одному месяцу каждому [Институт 2017: 54].

В декабре 1943 г. по решению правительства республики и обкома партии в Институте был воссоздан сектор истории (с этого времени он стал именоваться Башкирским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы им. М. Гафури) [Усманов 1982: 12, 15]. Связано было это в первую очередь с тем, что годы военных испытаний показали исключительную важность исторических знаний и исторической памяти в гражданском и патриотическом воспитании, укреплении дружбы между народами страны и идей общности их исторических судеб.

Ярким событием стала совместная работа башкирских гуманитариев с сотрудниками Академии наук Украинской ССР, эвакуированной в Уфу в 1941–1943 гг. Благодаря этому появились первые работы по археологии Южного Урала Е. Ф. Лагодовской и Д. И. Блifelъд «Древнейшая металлургия Башкирии» и «Археологические памятники Башкирии с древнейших времен до начала нашей эры». Украинские академики П. Г. Тычина подготовил исследование «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури», а Л. А. Булаховский консультировал сотрудников, работавших над «Очерками башкирской диалектологии», редактировал их рукописи.

Послевоенное время

В послевоенные годы в Башкортостане стало уделяться более серьезное внимание науке, подготовке кадров и их сотрудничеству со столичными академическими центрами. Связано было это, как и в целом по стране, с возрастающей ролью науки, естественной и гуманитарной, при восстановлении разрушенного в ходе войны народного хозяйства и нарушенного душевного равновесия общества, необходимостью придания экономике и культуре края новых импульсов и ориентиров для развития. Постановле-

ние обкома «О недостатках и мерах улучшения научно-исследовательской работы в республике» от 31 июля 1945 г. стало на ближайшие годы программным документом перестройки науки на мирный лад и повышения эффективности деятельности научных учреждений.

Перемены коснулись и ИИЯЛ: возросло число сотрудников с учеными степенями, кандидатские диссертации защитили филологи К. З. Ахмеров, А. Г. Кудашев и Р. Н. Тергулова. Важным событием явилось направление на учебу пяти человек в аспирантуру Института истории АН СССР, которые вернулись в начале 1950-х гг. в Уфу. В их числе был, например, будущий известный историк С. М. Васильев. В первые послевоенные годы были изданы такие серьезные труды, как «Большой русско-башкирский словарь» (1948; под ред. Н. К. Дмитриева, К. З. Ахмерова, Т. Г. Баишева) и «Грамматика башкирского языка» на башкирском языке (1950).

Научные сотрудники старшего и молодого поколения учились новым приемам исследовательской работы, основываясь на методологических трудах столичных коллег, прежде всего членов созданной в 1946 г. для оказания помощи при написании «Очерков по истории Башкирской АССР» так называемой Башкирской комиссии при Институте истории АН СССР. В ее состав входили Н. В. Устюгов, В. И. Лебедев, А. П. Кучкин, а также уроженцы Башкортостана, бывшие слушатели двухлетних курсов по подготовке в аспирантуру при Башкирском педагогическом институте им. К. А. Тимирязева в 1931–1934 гг. Р. М. Раимов и Ш. И. Типеев. Они были известными специалистами по истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв., революционного движения на Южном Урале в начале XX столетия, башкирской автономии 1917–1920 гг. Их исследования, безусловно, не были лишены и некоторых серьезных недостатков, обусловленных господствовавшими тогда идеологическими установками.

Настольными книгами башкирских ученых-гуманитариев были также фундаментальные работы С. И. Руденко по этнографии башкир и уроженца Башкирии А. А. Юлдашева — по грамматике башкирского языка. При деятельном участии башкирских коллег историк-археограф

Н. Ф. Демидова и другие ученые Москвы и Ленинграда в то время продолжили беспрецедентную работу по подготовке и изданию свода «Материалы по истории Башкирской АССР», третий том которого увидел свет в 1949 г.

Однако постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г., а вслед за ним соответствующие постановления Башкирского обкома от 5 мая 1945 г., 23 апреля 1946 г. и 15 мая 1948 г., призывавшие ученых республики отражать прошлое «правдиво», надолго нарушили поступательное развитие научной деятельности и в ИИЯЛ [Чемерис 2012: 10–13]. Постепенно некоторые исследовательские направления были скорректированы, а оставшиеся поставлены под жесткий идеологический контроль. Отражением возросшего партийного диктата стал также запрет Управлением Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит), под предлогом возможного подрыва «дружбы народов», публикации второго и шестого томов «Материалов по истории Башкирской АССР», подготовленных к началу 1950-х гг. [Абсалямов 2001].

В составе Академии наук СССР

В 1951 г. в Уфе был создан Башкирский филиал АН (БФ АН) СССР со штатом в 230 сотрудников, учреждения которого руководство республики добивалось еще с июня 1940 г., чтобы «объединить имеющиеся в республике кадры научных работников для разрешения вопросов, имеющих актуальное значение для дальнейшего развития производительных сил Башкирской АССР» [Из истории 2001: 39–40; Буканова, Султангужина 2011: 91]. В состав филиала вошел также Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и культуры им. М. Гафури (формально прекратил свое существование 16 декабря 1951 г.). Он стал надежной базой для нового учреждения под названием «Институт истории, языка и литературы» (имя М. Гафури выпало из названия учреждения, а попытки его восстановления затем не увенчались успехом). Отныне ИИЯЛ стал подлинно академическим многопрофильным учреждением, для

укрепления которого были привлечены и иногородние кадры (например, историк Ш. И. Типеев из Москвы, который с 1952 по 1954 гг. исполнял обязанности директора; археолог К. В. Сальников из Оренбурга, который в 1960-х гг. стал заведующим сектором археологии и этнографии).

На основании долгосрочных (пятилетних) планов главное внимание в Институте стало уделяться фундаментальным и теоретическим изысканиям. В нем появляются новые научные направления и соответствующие структуры, как, например, группа по изучению народного зодчества, которой руководил Б. Г. Калимуллин, сектор археологии и этнографии во главе с Р. Г. Кузеевым (1959), собственная аспирантура (1952), формально подчинявшаяся Президиуму БФ АН СССР (среди первого набора аспирантов был, например, историк-аграрник Х. Ф. Усманов — будущий директор ИИЯЛ). В 1959 г. в институте работали уже 45 человек, в том числе 34 научных сотрудника, 17 из которых имели ученую степень.

Получение академического статуса позволило уделять серьезное внимание подготовке кадров в собственной аспирантуре БФ АН СССР, а также целевой аспирантуре АН СССР, через которую прошли, в частности, языковед Т. М. Гарипов, этнографы Р. Г. Кузеев и Н. В. Бикбулатов, литературовед Г. Б. Хусаинов, историки Б. Х. Юлдашбаев, А. З. Асфандиаров и У. Х. Рахматуллин¹. Дальнейшее укрепление материальной базы, установление международных научных связей в ходе наступившей вскоре политической «оттепели», а также управленческие способности директора А. И. Харисова (1914–1977; возглавлял ИИЯЛ с 1954 по 1963 гг., а затем до своей кончины был заместителем директора по научной работе) благоприятно отразились на количестве и качестве научной продукции Института. Только в 1952–1959 гг. его сотрудники издали 64 книги [Усманов 1982: 21].

Крупным достижением стало завершение работы, под руководством Институ-

¹ Значение столичных научных центров в подготовке ученых-гуманитариев для Башкортостана ярко освещается в воспоминаниях Г. Б. Хусаинова, который в 1951–1954 гг. обучался в аспирантуре Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН [Хөсәйенов 2001: 225–272].

та истории АН СССР, над первым томом «Очерков по истории Башкирской АССР» (Ч. 1–2. Уфа, 1956–1959), который представил системное изложение прошлого края с древнейших времен до 1917 г. и внес заметный вклад в разработку истории народов России в целом.

Настоящим событием в научной, общественной и политической жизни республики стали сборник документов «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики» под редакцией Б. Х. Юлдашбаева (1959), составленная Р. Г. Кузеевым книга «Башкирские шежере» (1960), которая впервые ввела в научный оборот уникальный первоисточник — родословные записи башкирских племен и родов. В этих и других крупных научных проектах приняли участие пришедшие тогда в науку талантливые молодые ученые, прошедшие аспирантскую подготовку в ведущих научных центрах страны и республики: этнографы Р. Г. Кузеев и Н. В. Бикбулатов, языковеды Т. М. Гарипов и Х. Г. Юсупов, историки Х. Ф. Усманов и Б. Х. Юлдашбаев, литературоведы Г. Б. Хусаинов и Г. З. Рамазанов и др.

На 1960–1970-е гг. приходится этап зрелости, своеобразного «золотого века» ИИЯЛ, который после роспуска Башкирского филиала АН с 1964 по 1967 гг. существовал как самостоятельный Уфимский институт истории, языка и литературы с прямым подчинением соответствующему отделению Академии наук СССР. Кадровый состав учреждения пополняется первыми докторами наук по языку (К. З. Ахмеров в 1963 г.), фольклору (А. И. Киреев в 1963 г.), литературе (А. И. Харисов в 1966 г.; Г. З. Рамазанов в 1966 г. и Г. Б. Хусаинов в 1970 г.), археологии (К. В. Сальников в 1966 г.), истории (Р. Г. Кузеев в 1971 г. и Х. Ф. Усманов в 1977 г.) и др. В этот период было подготовлено около 60 кандидатов наук, многие из которых стали преподавателями различных вузов и продолжили свои научные изыскания.

Показательно, что позитивных результатов ИИЯЛ добился в условиях целенаправленного культивирования в отечественной общественной мысли далеких от реальности идеологических постулатов (построение коммунизма уже «при жизни нынешних поколений», формирование, «расцвет

и сближение социалистических наций», утверждение принципа «социалистического реализма» в литературе и искусстве, «триумф принципов интернационализма» и «окончательное» решение в СССР национального вопроса, воспитание «советского человека», наступление этапа «развитого социализма» и др.). Налицо было и усиление контроля властей над сферой науки. В 1963 г. директором Института был «трудоустроен» бывший секретарь Башкирского обкома КПСС по идеологии Х. С. Сайранов (1915–1989), который занимал этот пост 17 лет, что является беспрецедентным явлением в истории научной организации¹. То, что власти постоянно держали ИИЯЛ в поле своего идеологического зрения, свидетельствовали и такие постановления Башкирского обкома КПСС, как «О работе Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР» от 14 декабря 1965 г. и др. [Директора 2007: 49].

В этих условиях ответственность и напряженный подвижнический труд коллектива превратили ИИЯЛ в крупное академическое научное учреждение, подлинный флагман гуманитарной науки не только в республике, но и во всем Урало-Поволжском регионе. В 1981 г. здесь работали 99 человек, в том числе 60 научных сотрудников, среди которых было 5 докторов и 36 кандидатов наук.

Научная продукция ИИЯЛ, представленная крупными монографическими и обобщающими исследованиями, впечатляла. Только в 1960–1981 гг. под его грифом было издано 225 книг [Усманов 1982: 30]. Среди заметных научных достижений коллектива были разработка и издание под руководством В. П. Иванкова второго тома «Очерков по истории Башкирской АССР», охватывавшего советский период (1966), и «Истории Уфы» под началом Р. Г. Ганеева (1976; 2-е, испр. и доп., изд. — 1981).

Особый резонанс в научных кругах не только Башкортостана нашли фундаментальные монографии «История башкирской литературы: XVIII–XIX вв.» А. И. Харисова (1965, на башк. яз.; 1972 — на рус. яз.), «Происхождение башкирского народа» Р. Г. Кузеева (1974), «Археологическая

¹ О Х. С. Сайранове как директоре ИИЯЛ см.: [Сидоров 2012: 97–98].

карта Башкирии» (1976; редкол.: О. Н. Бадер (отв. ред.) и др.), «Башкирская система родства» Н. В. Бикбулатова (1981), «Салават Юлаев: Исследование документальных источников» И. М. Гвоздиковой (1982) и др.

Не имели аналогов также работа А. Н. Киреева «Эпические памятники башкирского народа» (1961), «Русско-башкирский словарь» (1964; редкол.: К. З. Ахмеров (отв. ред.) и др.), «Словарь башкирских говоров» в 3 т. (1967–1987; под ред. Н. Х. Максютковой, Н. Х. Ишбулатова), свод «Башкирия в русской литературе» в 5 т. (1961–1968), подготовленный под руководством М. Г. Рахимкулова (2-е изд. в 6 томах — 1989–2004). С 1963 г. исключительно ценную работу по составлению толкового словаря современного башкирского литературного языка в 4 томах планомерно вела группа под руководством А. Г. Бишшева.

Вполне закономерно, что в 1982 г. ИИЯЛ за достигнутые успехи указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом «Знак Почета», что нашло отражение в официальном наименовании учреждения.

В последующие годы, когда наука неумолимо превращалась в ведущий фактор общественного прогресса и партийные органы активно развивали идею «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма», опубликованные в 1960–1970-х гг. исследования и собранные экспедиционные материалы археологов, фольклористов, археографов, диалектологов стали надежным фундаментом для развития новых научных направлений (антропологии, археографии, мифологии, компьютерной лингвистики и др.) и организации прикладных и вспомогательных структур. На основе созданного научного багажа были осуществлены такие уникальные исследовательские и издательские проекты, как фундаментальный свод «Башкирское народное творчество» в 18 томах на башкирском языке (1972–1985; его русскоязычное издание в 12 томах появилось в 1987–2010 гг.), основные составители которого из числа сотрудников ИИЯЛ (Н. Т. Зарипов, Ф. А. Надршина, М. М. Сагитов, А. М. Сулейманов и А. И. Харисов) в 1987 г. стали лауреатами республиканской премии имени Салавата Юлаева.

В Институте сложились богатейшая фототека, уникальный фонд фономатериалов, лексическая, диалектологическая и топонимическая картотеки, включающие в себя около 3 млн слов и словоформ. Благодаря усилиям Г. Б. Хусаинова был создан Фонд восточных рукописей и старопечатных книг (1976), в настоящее время насчитывающий более 7 тыс. единиц хранения. Р. Г. Кузеев, А. Х. Пшеничнюк, Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова и др. создали целое академическое хранилище с более чем 300 тыс. предметами материальной культуры башкир и других народов края под названием «Музей археологии и этнографии» (организовывался в 1976–1980 гг.), а Р. М. Юсупов — уникальную во всем Советском Союзе краниологическую коллекцию и лабораторию антропологических исследований (1989).

Имя ИИЯЛ прославило на весь мир сенсационное золотое сокровище сарматской знати (более 7 тыс. предметов), открытое А. Х. Пшеничнюком в 1986–1990 гг. в ходе археологических раскопок так называемых царских курганов IV в. до н. э. под Оренбургом. В 2000–2002 гг. коллекция под названием «Золотые олени Евразии» экспонировалась как памятник мировой культуры в лучших музеях нового и старого континентов: «Metropolitan Museum of Art» (Нью-Йорк), «Palazzo Reale» (Милан), Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), Государственном историческом музее (Москва) и др. В настоящее время «сарматское золото» хранится в Институте этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева РАН и является одним из узнаваемых научно-культурных брендов Республики Башкортостан.

Несмотря на ощутимый прогресс отечественной науки, системную государственную поддержку академических институтов, к середине 80-х гг. прошлого века ряд научных направлений не получил должного развития. В частности, в ИИЯЛ в забвении оказались такие важнейшие темы, как духовный мир и менталитет башкир, становление Башкирской Автономии в 1917–1919 гг., ислам и его институты, башкирская научная эмиграция, каталогизация восточных рукописей и т. д., что свидетельствовало о несоответствии уровня организации науки требованиям развития научной мысли, а также запросам практической жизни. Серьезную

озабоченность вызывали также организационные вопросы.

Период «перестройки» и современное состояние в составе РАН

В период цивилизационных трансформаций российского общества и перехода к рыночной экономике ИИЯЛ, которым тогда руководили Х. Ф. Усманов (1924–2009; на должности — в 1980–1988 гг.) и З. Г. Ураксин (1935–2007; директор — в 1988–2002 гг.), ощутил резкую смену научных парадигм. Учреждение пережило также ряд реорганизаций в составе Башкирского филиала АН СССР, преобразованного в 1987 г. в Башкирский научный центр Уральского отделения (БНЦ УрО) АН СССР, а спустя пять лет — в Уфимский научный центр (УНЦ) восстановленной 10 ноября 1991 г. Российской академии наук (РАН).

Системные организационные перемены коснулись РАН, а УНЦ РАН как ее структурное подразделение по распоряжению правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. вошел в состав Федерального агентства научных организаций (ФАНО) России и по приказу от 26 июля 2017 г. был преобразован в Уфимский федеральный исследовательский центр (УФИЦ) РАН. ИИЯЛ стал одним из его «обособленных структурных подразделений» и в июне 2018 г. в составе УФИЦ РАН был передан в ведение Министерства науки и высшего образования (Минобрнауки) Российской Федерации. Научно-методическое руководство учреждением было закреплено за Отделением историко-филологических наук РАН.

Кардинально изменилась также система финансового обеспечения: с 2013 г. базовое финансирование ИИЯЛ, как и других академических учреждений, стало осуществляться в виде субсидий из федерального бюджета на выполнение государственных заданий, сформированных и утвержденных сначала ФАНО, а затем Минобрнаукой, что в начальный период, безусловно, активизировало научные поиски и разработку актуальных и востребованных тем. Часть средств поступала в институт за участие его сотрудников в Программах Президиума и отделений РАН, а также в грантовых проектах Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, 1992–2020), Рос-

сийского гуманитарного научного фонда (РГНФ, 1994–2016), Российского научного фонда (с 2004 г.) и др.

Новое понимание принципов федеративного государственного устройства России, расширение прав ее субъектов, новое «хождение» гуманитарной интеллигенции «во власть» привели к созданию в 1991 г. национальной академии наук и в Республике Башкортостан [Фархшатов, Хисамитдинова 2012: 291].

В ее состав вошел и ИИЯЛ — так решил его трудовой коллектив, принимая 11 декабря 1992 г. новый Устав учреждения, но организационно учреждение оставалось в составе УНЦ РАН. 17 июня 2005 г. общим собранием научных сотрудников был утвержден новый устав, который зафиксировал, что институт является исключительно структурным подразделением РАН, входит в состав УНЦ и в научно-методическом плане руководствуется решениями Отделения историко-филологических наук РАН. В дальнейшем подобная позиция позволила институту, при сохранении также финансовой поддержки республики через Академию наук Республики Башкортостан, обеспечить устойчивую интеграцию разработок его научных сотрудников в российскую и мировую науку.

Несмотря на объективные и субъективные проблемы, неожиданные перемены общественных настроений и научных пристрастий, частые реорганизации, ИИЯЛ со своими сложившимися научными школами и традициями, продолжающими генерировать новые знания, устоял как главное гуманитарное академическое учреждение республики, руководство которой оказывало ему ощутимую поддержку. Более того, на его базе были созданы новые академические структуры: лаборатория лингвистики и информационных технологий (2002; руководитель — З. А. Сиразетдинов) и два новых отдела. Отдел энциклопедии Башкортостана во главе с Р. З. Шакуровым с 1993 г. стал самостоятельной Главной редакцией Башкирской энциклопедии, а через два года — Научным издательством «Башкирская энциклопедия» в составе Академии наук Республики Башкортостан. Отдел народов Южного Урала в 1993 г. был переименован в Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии. В 1999 г. поста-

новлением Президиума РАН на его базе был образован Центр этнологических исследований УНЦ РАН, а в 2008 г. — Институт этнологических исследований РАН, который сегодня носит имя своего основателя — Р. Г. Кузеева.

О постепенном приближении академической науки к запросам жизни свидетельствовал также выход в свет на рубеже XX–XXI столетий таких фундаментальных трудов Института, как «История башкирской литературы» в 7 томах (т. 1–6. 1990–1993; под ред. Г. Б. Хусаинова; Т. 7, 2019; редкол.: М. Х. Надергулов (отв. ред.) и др.), «История Башкортостана» в 5 томах (1996–2007; под ред. Х. Ф. Усманова, М. И. Роднова, И. М. Гвоздиковой, Р. Н. Сулеймановой), «Башкирско-русский словарь» (1996; под ред. З. Г. Ураксина), «Антологии башкирской поэзии: Голос веков» (2001) и «Антологии башкирской литературы: XIII–XVII вв.» (2007).

«Башкирское народное музыкальное творчество» в 3 томах (2001–2005; сост. Р. С. Сулейманов), «Башкиры: Этническая история и традиционная культура» (2002; отв. ред. Р. М. Юсупов), «Толковый словарь башкирского языка» в 2 томах (1993; под ред. А. Г. Бишева, З. К. Ишмухаметова, З. Г. Ураксина, У. М. Яруллиной), «Диалектологический словарь башкирского языка» (2002; сост. М. И. Дильмухаметов), и «Диалектологический атлас башкирского языка» (2005; отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова), «Салават Юлаев: Энциклопедия» (2004; редкол.: И. Г. Илишев (гл. ред.), И. М. Гвоздиков, А. М. Сулейманов и др.), «Русско-башкирский словарь» в 2 томах (2005; под редакцией З. Г. Ураксина) стали особой научной гордостью института, поскольку они, кроме академической и общественной значимости, демонстрировали способность коллектива решать самые сложные задачи гуманитарной науки.

В последующем благодаря инициативе директоров в 2005–2015 гг. Ф. Г. Хисамитдиновой и в 2015–2021 гг. А. В. Псянчина и кропотливой работе коллектива института были развернуты и реализованы масштабные работы по созданию машинного фонда башкирского языка, подготовке и изданию «Истории башкирского народа» в 7 томах с 8 книгами документальных приложений (2009–2014; под ред. Ф. Г. Хисамитдино-

вой, В. В. Овсянникова, А. В. Псянчина, И. М. Гвоздиковой, Ю. М. Абсалямова, М. Н. Фархшатова, Р. Н. Сулеймановой и др.). Увидели свет «Академический толковый словарь башкирского языка» в 10 томах (2011–2018; под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой), энциклопедия «Народы Башкортостана» (2014; гл. ред. Ф. Г. Хисамитдинова).

В 2015 г. лаборатория лингвистики и информационных технологий в рамках создания национального корпуса башкирского языка впервые в истории лингвистики тюркских народов разработала и поместила в сети Интернет корпус фольклорных текстов башкирского языка объемом в 150 тысяч словоформ.

Эти серьезные научные достижения являются не только системным обобщением основных результатов исследований всех предыдущих поколений ученых-гуманитариев по истории и культуре башкир и других народов республики, но и научной проекцией их на настоящее и теоретическим осмыслением многочисленных изменений (социально-экономических, исторических, социокультурных, духовных, языковых), которые происходили и происходят в новейшей истории Башкортостана.

В настоящее время идет большая работа над новым сводом башкирского фольклора в 36 томах под руководством Г. Р. Хусаиновой (в 1995–2020 гг. опубликовано 15 томов), «Истории башкирской литературы» в 4 томах на русском языке под руководством М. Х. Надергулова (в 2012–2015 гг. опубликованы первые 3 тома), описанием и публикацией восточных рукописей (в 2016 г. Р. М. Булгаковым и М. Х. Надергуловым опубликованы «Башкирские родословные»). На основе машинного фонда башкирского языка, созданным в 2010 г., идет формирование национального электронного корпуса башкирского языка.

Одним из перспективных научных направлений являются экспериментально-фонетические исследования, осуществляемые вместе с новосибирскими лингвистами с использованием магнитной томографии. Первым результатом исследования диалектов башкирского языка стал «Атлас артикуляций звуков восточного диалекта башкирского языка» (2010; под ред. Ф. Г. Низаметдиновой). Другими продуктами расширяющейся научной кооперации в

области гуманитарных исследований стали коллективные монографии «Антропология башкир» (2010; отв. ред. Н. Х. Спицына, Н. А. Лейбова) и «Башкиры» из серии «Народы и культуры» (2015; под ред. Р. Г. Кузеева, Е. С. Данилко), подготовленные совместно с учеными Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН.

В последнее время расширяются такие инновационные направления башкирского языкознания, как структурная лингвистика, разработка машинных технологий и компьютерной лингвистики, изучение диалектов и говоров. В частности, 9 октября 2021 г. между правительством Республики Башкортостан и Институтом системного программирования РАН подписано Соглашение о создании на базе ИИЯЛ совместной лаборатории «Башкирский язык, его диалекты и говоры на платформе Lingvodoc». В Институте совместно с гуманитарными факультетами вузов республики, Академией наук Республики Башкортостан, подвижниками Всемирного Курултая (Конгресса) башкир уже развернута интенсивная работа по созданию этой лаборатории и систематизации эмпирической базы в объеме, как минимум, 100 тысяч словоформ, обработанных с помощью парсера (синтетического анализатора) и введенных в соответствующую компьютерную программу. Масштабный проект, безусловно, будет «работать» на экологию башкирского языка, оказавшегося, по данным ЮНЕСКО, под угрозой исчезновения [[Рахматуллина 2021: 98](#)].

В последние годы отдел этнологии под руководством А. В. Псянчина осуществляет комплексные исследования современных этнокультурных и этноязыковых процессов в регионе в рамках проектов «Этноязыковой и культурный портрет жителя полиэтнического города (на примере этносоциологического исследования в г. Уфе)» и «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма» [[Псянчин, Каримов, Мигранова 2021](#); [Псянчин, Мигранова, Зарипов 2021](#)]. Они включены в разработанную Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и РАН Программу фундаментальных и прикладных научных исследований по теме

«Этнокультурное многообразие российско-го общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

К числу важнейших научных достижений в области гуманитарных исследований последних двух десятилетий следует отнести также проведение на систематической основе в Башкортостане и соседних территориях компактного проживания башкир археологических, фольклорных, этнографических и археографических экспедиций, которые были возрождены с 2003 г. благодаря грантам отечественных научных фондов.

Современная структура ИИЯЛ в соответствии с профилем его деятельности представлена 9 отделами: археологических исследований; этнологии; истории и истории культуры Башкортостана; новейшей истории Башкортостана; языкознания; фольклористики; литературоведения; восточных рукописей; а также отделом компьютерной лингвистики и диалектологии, созданным в начале 2022 г. на базе лаборатории лингвистики и информационных технологий. В 2021 г. в учреждении работал 81 человек, в том числе по одному академику, член-корреспонденту и почетному академику Академии наук Республики Башкортостан, 14 докторов и 43 кандидата наук [[Казанчиев, Азаматова 2021: 262](#)].

Исследования научного коллектива ведутся согласно Уставу УФИЦ РАН и Положению об ИИЯЛ УФИЦ РАН. В настоящее время исследования осуществляются в рамках определенных государственным заданием на 2022–2024 гг. коллективных тем «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма», «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности» и «Развитие и лексико-грамматическое исследование корпуса письменных текстов башкирского языка».

Заключение

В XX – начале XXI в. в Башкортостане в результате долгих поисков была выработана оптимальная модель организации плановых фундаментальных исследований в структуре Академии наук Российской Федерации, которая стала осуществлять координирующую роль всех научных сил для

их мобилизации на решение актуальных научных проблем одного из опорных регионов России. Именно академическая наука, прошедшая несколько этапов институционализации, не только сохранила, но и существенно приумножила лучшие научные традиции предшествующих поколений всех народов республики.

Первым профессиональным научным учреждением гуманитарного профиля в Башкортостане и в целом на всем Южном Урале стал современный ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. За вековой период своей научной биографии учреждение подготовило сотни высококвалифицированных специалистов, в его стенах, при неоценимой помощи видных ученых и крупных научных центров страны, сформировались авторитетные и перспективные научные школы, которые, несмотря на чрезмерную идеологизацию в советские годы и частые организационные реформы в последние десятилетия, внесли и вносят значительный вклад в развитие отечественной науки, обогащение этнокультурного потенциала башкир и других народов Башкортостана. Только за 1932–2021 гг. под грифом современного ИИЯЛ издано около 1 500 монографий, словарей, тематических многотомных изданий, сборников статей, документов и материалов по этнической истории, хозяйству, материальной и духовной культуре, общественному и семейному быту, проблемам этнокультурных взаимосвязей башкир и других народов края.

В публикациях научного коллектива закреплены достижения нескольких поколений ученых, нашли отражение ключевые аспекты истории и культуры народов Урало-Поволжского региона, зафиксированы новейшие открытия и достижения в области отечественной и мировой археологии, антропологии, этнографии, истории, языкознания. Академическая продукция, изданная под грифом Института, свидетельствует о зрелости научных сил республики, о фундаментальности и обоснованности научных концепций и может служить исследовательским ориентиром при изучении социокультурного прошлого и настоящего и других народов России.

Труды научного коллектива ИИЯЛ отличаются основательностью эмпирической базы, строгостью и выверенностью научных суждений, содержат принципиально важные теоретические выводы и обобщения. Одной из главных является фундаментальная мысль, что башкиры, как и другие народы региона, были действующими лицами отечественной и мировой истории, оказали заметное влияние на экономику, культуру, политику российской государственности. Они проявили способность к развитию в составе разных политических образований, выработали собственную модель общественного поведения, накопили огромный потенциал самосохранения и саморазвития, что позволяет им занимать достойное место в обновленной России и быстро меняющемся мире.

Заслуживает внимания и вывод, что многонациональный Башкортостан демонстрирует диалогизм башкирского национального духа и культуры, устойчивость национальных традиций, бережное отношение к духовно-культурным ценностям предков, этническое и религиозное многообразие, государственный подход при решении проблемных ситуаций, что является действительной основой стабильности и поступательного развития российского общества. И именно веками выработанная модель организации и развития отечественной академической гуманитарной науки способствует закреплению этих истин, развитию духовных и творческих сил всех этносов страны.

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН вступил в XXI столетие уникальной и авторитетной научной организацией. Сегодня учреждение осуществляет фундаментальные и прикладные исследования по широкому спектру проблем гуманитарной науки, возглавляет в регионе одно из классических направлений академического востоковедения — тюркологию и является единственным в мире академическим центром по изучению научных проблем башкироведения. Свои результаты и потенциальные возможности ИИЯЛ постоянно и с успехом демонстрирует на многочисленных научных форумах различных уровней, в том числе международных, ежегодно выступает ор-

ганизатором статусных научных мероприятий. Некоторые из них являются систематическими и обеспечивают устойчивые контакты с признанными научными центрами России, ближнего и дальнего зарубежья.

Наряду с активной научной деятельностью Институт является кузницей научно-педагогических кадров для вузов, научных учреждений и образовательных организаций республики (только за 1932–1981 гг. он подготовил 10 докторов и 79 кандидатов наук), активно содействует наполнению школьного образования новым содержанием, ориентированным на интеллектуализм, этизм и эстетизм. Значителен его вклад в популяризацию научных знаний.

В постсоветский период важной частью работы Института явилось взаимодействие с Правительством республики в сфере создания правовой базы для развития духовной культуры башкир и других народов, укрепления реальной государственности Башкортостана. Учреждение принимает активное участие в подготовке и обсуждении законопроектов и государственных программ, что дало основание академику РАН Р. И. Нигматуллину утверждать, что «ИИЯЛ давно перешагнул рамки чисто научного учреждения, фактически став [в республике] центром общественной, политической значимости...» [Институт 2002: 5]. Институт занимает особый статус в социально-культурной жизни республики и пользуется заслуженным авторитетом в экспертном сообществе.

В настоящее время отечественная академическая наука, в том числе башкироведение, столкнулась с серьезными проблемами. В их числе: переформатирование ее модели организации (перемещение центра фундаментальных исследований из РАН в университеты), изменение форм финансирования академической науки, коммерциализация многих научных разработок, сокращение сроков планирования разработки крупных исследовательских тем (вместо пяти — три года), а также внедрение новых критериев оценки эффективности гуманитарных научных учреждений и др.

В новых реалиях XXI столетия научному коллективу ИИЯЛ предстоит вместе с другими отечественными гуманитарными центрами решать важные задачи — поднять башкироведческие исследования на мировой уровень, сохранить и развивать язык и культуру башкирского этноса, приумножить этнокультурные силы народов республики, предотвратить дегуманизацию культуры, повысить академическую мобильность сотрудников, расширить грантовую поддержку академических исследований. Высокопрофессиональные научные кадры, исследовательские заделы, конкурентные научные преимущества дают основание утверждать, что Институт вместе со своими научными партнерами внесет в решение этих стратегических задач свою значительную лепту, культивируя в научном сообществе и общественном сознании ценность знания как одного из факторов укрепления научного потенциала республики и страны.

Литература

- 80 лет 2012 — 80 лет в научном поиске: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук / сост. М. Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 108 с.
- Абсалямов 2001 — Абсалямов Ю. М. Переписка Академии наук СССР об издании трудов по истории Башкирии // Археография Южного Урала: Исторические источники и современные методы: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 20–21 сентября 2001 г.) / гл. ред. А. Б. Юнусова. Уфа: ТАУ, 2001. С. 16–19.
- Азиатский Музей 2018 — Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Вост. лит., 2018. 895 с.
- Бастракова 1973 — Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. М.: Наука, 1973. 296 с.
- Беляев, Пышкова 1979 — Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М.: Наука, 1979. 245 с.
- Буканова, Султангужина 2011 — Буканова Р. Г., Султангужина Г. Ю. Образование и наука [в годы Великой Отечественной войны] // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. 6. М.: Вост. лит., 2011. С. 88–97.
- В научном поиске 1982 — В научном поиске: К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР / редкол.: Х. Ф. Усманов (отв. ред.) и др. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 160 с.

- Директора 2007 — Директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: (К 75-летию Института) / сост. Ш. Н. Исянгулов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 116 с.
- Документы 2012 — Документы и материалы по истории ИИЯЛ УНЦ РАН / сост. Р. Н. Сулейманова // 80 лет Институту истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 63–121.
- Ергин 2006 — *Ергин Ю. В.* Ш. Х. Сюнчелей (1885–1959). Уфа: Вагант, 2006. 56 с. (Серия «Деятели народного образования». Б-ка «Педагогического журнала Башкортостана»)
- Из истории 2001 — Из истории Уфимского научного центра РАН и Академии наук Республики Башкортостан (Док. и материалы) / публ. Г. Т. Хусаиновой // Вестник Академии наук Республики Башкирия. 2001. Т. 6. № 4. С. 39–57.
- Институт 2002 — Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН: 70 лет / редкол.: И. Г. Илишев, Ф. Г. Хисамитдинова, З. Г. Ураксин и др. Уфа: Гилем, 2002. 60 с.
- Институт 2017 — Институт истории, языка и литературы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в документах и материалах / сост. Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов; отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 192 с.
- Исянгулов 2017 — *Исянгулов Ш. Н.* Сотрудники Института на фронтах Великой Отечественной войны // Институт истории, языка и литературы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в документах и материалах. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 23–35.
- Казанчиев, Азаматова 2021 — *Казанчиев А. Д., Азаматова Г. Б.* Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы // Уфимский федеральный исследовательский центр РАН: [К 70-летию научного учреждения] [Сб. статей] / авт.-сост. Г. Т. Хусаинова; гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа: Информреклама, 2021. С. 258–284.
- Каримов 1986 — *Каримов К. К.* Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа: Башкнигоиздат, 1986. 160 с.
- Каримов 1999 — *Каримов К. К.* Наука в дореволюционном Башкортостане. Уфа: Восточный университет, 1999. 116 с.
- Каримов 2010 — *Каримов К. К.* Развитие гуманитарной науки и формирование научных кадров // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кулшарипов. Уфа: Гилем, 2010. Т. 5. С. 324–331.
- Каримов 2008 — *Каримов К. К.* Развитие науки в Башкортостане: Вторая половина XIX – первая половина XX в. М.: Наука, 2008. 528 с.
- Наука 2003 — Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. 1040 с.
- Отчетная записка 1933 — Отчетная записка о [научно-исследовательской] работе научного сотрудника [Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры] Любавского М. К. за январь–апрель 1933 г. Машинописный подлинник // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7: Отчет о научно-исследовательской работе Института за 1933–1934 гг. Л. 13–13об.
- Псянчин 2011 — *Псянчин А. В.* Краткий очерк деятельности Башкирской экспедиции АН СССР (1928–1932 гг.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2011. 24 с.
- Псянчин, Сулейманова 2015 — *Псянчин А. В., Сулейманова Р. Н.* Мобилизация научного потенциала Башкортостана и вклад ученых в победу в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. 2015. Вып. 6. С. 142–155.
- Псянчин, Каримов, Мигранова 2021 — *Псянчин А. В., Каримов А. Г., Мигранова Э. В.* К вопросу об этноязыковом портрете жителя полиэтнического города (На примере социологического обследования в г. Уфе) // Городские башкиры: Этническая идентичность в условиях полиэтнического города: Материалы XI Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 21 мая 2021 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 140–147.
- Псянчин, Мигранова, Зарипов 2021 — *Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я.* К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 743–757. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757
- Рахматуллина 2021 — *Рахматуллина З. Я.* Мир держится на культуре: философское осмысление. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 226 с.
- Резолюции 1959 — Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и Пленумов обкома КПСС (1919–1940) / редкомиссия: Х. С. Сайранов и др. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. 734 с.
- Саяхов 1973 — *Саяхов Ф. Л.* Из истории создания научных учреждений и вузов в Башкирской АССР // Из истории социалистическо-

- го строительства в автономных республиках РСФСР. Ученые записки Башкирского государственного университета. Вып. 70 / редкол.: В. Я. Алексеев (отв. ред.) и др. Уфа, 1973. С. 5–19.
- Сидоров 2012 — *Сидоров В. В.* В двух веках и тысячелетиях: [Мемуары]. Уфа: АН РБ; Гилем, 2012. 184 с.
- Сидоров 2007 — *Сидоров В. В.* Познание Земли башкирской. Кн. 1: Век XVIII. Уфа: Китап, 2007. 196 с.
- Сулейманова, Исянгулов 2007 — *Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н.* Флагман академической науки Башкортостана // Флагман академической науки Башкортостана: [сб. статей] / отв. ред.: Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Гилем, 2007. С. 10–56.
- Сулейманова, Исянгулов, Казанчиев 2016 — *Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н., Казанчиев А. Д.* История становления и развития Института истории, языка и литературы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 2 (1). С. 48–61.
- Татароведение 2021 — Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: мат-лы I Междунар. науч.-практ. семинар (г. Казань, 2–3 декабря 2021 г.) / сост.: Ф. Г. Файзуллина, Г. А. Хуснутдинова, Э. М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2021. 300 с.
- Тольц 1971 — *Тольц В. С.* Материалы М. К. Любавского по истории Башкирии // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии: Сб. статей / под ред. С. М. Васильева (отв. ред.), А. Н. Усманова, Х. Ф. Усманова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 221–230.
- Усманов 1982 — *Усманов Х. Ф.* Институту истории, языка и литературы — 50 лет // В научном поиске: К 50-летию Института истории, языка и литературы. Уфа: Башкнигоиздат, 1982. С. 6–35.
- Фархшатов 1994 — *Фархшатов М. Н.* Народное образование в пореформенной Башкирии (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1994. 144 с.
- Фархшатов 2016 — *Фархшатов М. Н.* Наука // Башкиры / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М.: Наука, 2016. С. 522–532. (Серия «Народы и культуры»)
- Фархшатов, Хисамитдинова 2012 — *Фархшатов М. Н., Хисамитдинова Ф. Г.* Башкироведческая наука // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. 7. Уфа: Китап, 2012. С. 291–298.
- Флагман 2017 — Флагман гуманитарной науки Башкортостана: К 85-летию юбилею Института истории, языка и литературы: Визуально-хроникальный альбом // авт.-сост.: Р. И. Якупов, Э. В. Мигранова; редкол.: А. В. Псянчин (отв. ред.) и др. Уфа: Восточная печать, 2017. 114 с.
- Халфин, Юсупов 2006 — *Халфин С. А., Юсупов Р. Г.* История науки: Академическая наука в Башкортостане (вторая половина XX века). Уфа: АН РБ; УГАЭС; ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. 221 с.
- Хөсәйенов 2001 — *Хөсәйенов Ф.* Язымышыма язганы: Автобиографик язмалар // Әсәрзәр: 3 томда. Өфө: Китап, 2001. Т. 3. Б. 3–272 (Хусаинов Г. По суждению судьбы: Автобиографические записки // Сочинения: в 3 т. Т. 1. Уфа: Китап, 2001. С. 3–272).
- Чемерис 2012 — *Чемерис В. П.* Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: Пройденный путь / отв. ред. М. Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 152 с.

References

- Absalyamov Yu. M. Correspondence of the USSR Academy of Sciences about publications of works on Bashkortostan's history. In: Yunusova A. B. (ed.) *Archaeography of the Southern Urals: Historical Sources and Contemporary Methods. Conference proceedings* (Ufa; September 20–21, 2001). Ufa: TAU, 2001. Pp. 16–19. (In Russ.)
- Activity [Scientific] Report by M. K. Lyubavsky, Research Associate [of Bashkir Research Institute of National Culture]: January – April 1933. Typescript (original). At: Ufa Federal Research Centre (RAS), Scientific Archive. Coll. 3. Cat. 1. File 7: Research Activity Report of the Institute, 1933–1934. Pp. 13–13(back). (In Russ.)
- Bastrakova M. S. *Soviet Science: The Shaping of Organizational System*. Moscow: Nauka, 1973. 296 p. (In Russ.)
- Belyaev E. A., Pyshkova N. S. *The Network of Soviet Scientific Institutions, Its Shaping and Development: A Historical Essay*. Moscow: Nauka, 1979. 245 p. (In Russ.)
- Bukanova R. G., Sultanguzhina G. Yu. Education and science [during the Great Patriotic War]. In: Kulsharipov M. M. (ed.) *History of the Bashkir People*. In 7 vols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Vol. 6. Pp. 88–97. (In Russ.)
- Chemerys V. P. *Institute of History, Language and Literature (USC RAS): The Course Made Good*. M. Farkhshatov (ed.). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2012. 152 p. (In Russ.)

- Ergin Yu. V. Sh. Kh. Syuncheley (1885–1959). Series 'Figures of Public Education'. Ufa: Vagant, 2006. 56 p. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N. (comp.) The 80 Years of Scientific Inquiry: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of the RAS). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2012. 108 p. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N. Public Education in Post-Reform Bashkiria, 1860s–1890s. Moscow: Nauka, 1994. 144 p. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N. Science. In: Kuzeev R. G., Danilko E. S. (eds.) The Bashkirs. Series 'Peoples and Cultures'. Moscow: Nauka, 2016. Pp. 522–532. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N., Khisamitdinova F. G. Bashkir studies. In: Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Ufa: Kitap, 2012. Vol. 7. Pp. 291–298. (In Russ.)
- Fayzullina F. G., Khusnutdinova G. A., Galimzyanova E. M. (comps.) Tatar Studies in Changing Paradigms: Theory, Methodology, Practice. Seminar proceedings (Kazan; December 2–3, 2021). Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2021. 300 p. (In Russ.)
- Ilishev I. G., Khisamitdinova F. G., Uraksin Z. G. et al. (eds.) Institute of History, Language and Literature (USC RAS): Celebrating the 70th Anniversary. Ufa: Gilem, 2002. 60 p. (In Russ.)
- Isyangulov Sh. N. (comp.) Directors of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of the RAS): Towards the 75th Anniversary. Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2007. 116 p. (In Russ.)
- Isyangulov Sh. N. Associates of the institute at war. In: Suleymanova R. N., Isyangulov Sh. N. (comps.) Institute of History, Language and Literature during the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials. R. Suleymanova (ed.). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS). Pp. 23–35. (In Russ.)
- Karimov K. K. Development of Science in Bashkortostan, Mid-19th to Mid-20th Centuries. Moscow: Nauka, 2008. 528 p. (In Russ.)
- Karimov K. K. Development of the humanities and training of researchers. In: Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Ufa: Gilem, 2010. Vol. 5. Pp. 324–331. (In Russ.)
- Karimov K. K. Science in Pre-Revolutionary Bashkortostan. Ufa: Vostochnyi Universitet, 1999. 116 p. (In Russ.)
- Karimov K. K. Science of Bashkortostan in Socialist Construction. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1986. 160 p. (In Russ.)
- Kazanchiev A. D., Azamatova G. B. The Order Badge of Honor Institute of History, Language and Literature. In: Khusainova G. T. (comp.) Ufa Federal Research Centre (RAS): [Towards the 70th Anniversary]. M. Ilgamov (ed.). Ufa: Informreklama, 2021. Pp. 258–284. (In Russ.)
- Khalfin S. A., Yusupov R. G. History of Science: Academic Science in Bashkortostan, Mid-to-Late 20th Century. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences; UGAES; Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2006. 221 p. (In Russ.)
- Khusainov G. By the will of fate: Autobiographic notes. In: Khusainov G. Works. In 3 vols. Ufa: Kitap, 2001. Vol. 1. Pp. 3–272. (In Bash.)
- Khusainova G. T. Ufa Scientific Center (RAS) and Bashkortostan Academy of Sciences: Glimpses of history. Documents and materials reviewed. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (The Herald of the ASRB)*. 2001. Vol. 6. No. 4. Pp. 39–57. (In Russ.)
- Kolchinsky E. I. (comp., ed.) Science and Crises: Essays in Comparative History. St. Petersburg: Dmitri Bulavin, 2003. 1040 p. (In Russ.)
- Popova I. F. (ed.) Asiatic Museum – Institute of Oriental Manuscripts (RAS): A Guidebook. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2018. 895 p. (In Russ.)
- Psyanchin A. V. Activities by the Bashkir Expedition of the USSR Academy of Sciences, 1928–1932: A Brief Essay. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFCR RAS), 2011. 24 p. (In Russ.)
- Psyanchin A. V., Karimov A. G., Migranova E. V. Citizen in polyethnic urban backgrounds: An ethnolinguistic portrait derived from sociological surveys in Ufa. In: Urban Bashkirs. Ethnic Identity in Polyethnic Cities. Conference proceedings (Ufa; May 21, 2021). Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFCR RAS), 2021. Pp. 140–147. (In Russ.)
- Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya. The issue of ethnic and all-Russian identity in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 743–757. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757
- Psyanchin A. V., Suleymanova R. N. Mobilization of scientific potentials and impacts of researchers in the Great Victory, 1941–1945. In: Transactions of the Institute of History, Language and Literature (USC RAS). Collected papers. 2015. Vol. 6. Pp. 142–155. (In Russ.)
- Rakhmatullina Z. Ya. The World [Peace] Rests on Culture: A Philosophical Insight. Ufa: Bashkir State University, 2021. 226 p. (In Russ.)

- Sayakhov F. L. Creating scientific institutions and universities in the Bashkir ASSR: Historical accounts. In: Alekseev V. Ya. et al. (eds.) *Socialist Construction in Autonomous Republics of the RSFSR: Glimpses of History. Series 'Scholarly Notes of Bashkir State University'*. Vol. 70. Ufa, 1973. Pp. 5–19. (In Russ.)
- Sayranov Kh. S. et al. (eds.) *Bashkir Party Organization: Resolutions of Regional Conferences and Plenums of the CPSU, 1919–1940*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1959. 734 p. (In Russ.)
- Sidorov V. V. *Exploring the Land of Bashkirs*. Ufa: Kitap, 2007. Vol. 1: 18th Century. 196 p. (In Russ.)
- Sidorov V. V. In *Two Centuries and Millennia: [Memoirs]*. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences; Gilem, 2012. 184 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. N. (comp.) Documents and materials in the history of the Institute of History, Language and Literature (USC RAS). In: *Celebrating the 80th Anniversary of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of the RAS)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2012. Pp. 63–121. (In Russ.)
- Suleymanova R. N., Isyngulov Sh. N. (comps.) *Institute of History, Language and Literature during the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials*. R. Suleymanova (ed.). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2017. 192 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. N., Isyngulov Sh. N. The Captain of Bashkortostan's Academic Science. In: Khisamitdinova F. G. (ed.) *The Captain of Bashkortostan's Academic Science. Collected papers*. Ufa: Gilem, 2007. Pp. 10–56. (In Russ.)
- Suleymanova R. N., Isyngulov Sh. N., Kazanchiev A. D. Institute of History, Language and Literature: Formation and development revisited. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2016. No. 2 (1). Pp. 48–61. (In Russ.)
- Tolts V. S. Lyubavsky's materials in the history of Bashkiria. In: Vasilyev S. M., Usmanov A. N., Usmanov Kh. F. (eds.) *Exploring the History Feudalism and Capitalism in Bashkiria. Collected papers*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (BO USSR Ac. Sc), 1971. Pp. 221–230. (In Russ.)
- Usmanov Kh. F. Celebrating the 50th anniversary of the Institute of History, Language and Literature. In: Usmanov Kh. F. et al. (eds.) *In Scientific Inquiry: Towards the 50th Anniversary of the Institute of History, Language and Literature (Bashkortostan Office of the USSR Academy of Sciences)*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1982. Pp. 6–35. (In Russ.)
- Usmanov Kh. F. et al. (eds.) *In Scientific Inquiry: Towards the 50th Anniversary of the Institute of History, Language and Literature (Bashkortostan Office of the USSR Academy of Sciences)*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
- Yakupov R. I., Migranova E. V. (comps.) *The Captain of Bashkortostan's Humanities: Towards the 85th Anniversary of the Institute of History, Language and Literature. Visual album of chronicles*. A. Psyanchin et al. (eds.). Ufa: Vostochnaya Pechat, 2017. 114 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 333–348, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.03+912.43

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-333-348

Археологические памятники Калмыкии по современным картографическим источникам

Эрдни Анато́льевич Ке́ев ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ке́ев Э. А., 2022

Аннотация. *Введение.* При работе с современными картами Республики Калмыкия замечено, что на них присутствует большое количество объектов, обозначенных знаком кургана/бугра. *Целью* данного исследования является изучение информативности современных картографических источников в работе по локализации археологических памятников Республики Калмыкия. *Результаты.* В итоге выявлено 7 860 объектов, с большой вероятностью являющихся курганами: большая часть точек расположена на территории Ергенинской возвышенности, Кумо-Манычской впадины и Сарпинской низменности, несколько меньше плотность объектов в западной части Калмыкии (северо-западный склон Ставропольской возвышенности) и еще меньше объектов обозначено в Прикаспийской низменности. Распределение объектов на карте республики соотносится с известным фактом о различной плотности курганов в разных природно-географических зонах Калмыкии. Хотя и на исследованных картах отмечены не все курганы, однако локализованы памятники, выделяющиеся своими размерами: 1 580 объектов из 7 860 имеют указание высоты. В итоге составлена обзорная карта с наиболее крупными объектами. Как известно, крупные курганы очень редко стоят поодиночке, обычно они маркируют целую группу, состоящую из более мелких по размеру памятников. *Выводы.* Исследованные картографические материалы являются важным источником в дальнейшем изучении памятников археологии. Полученные данные будут использоваться при выездах на местность и при разработке методики дешифровки аэрофото- и космоснимков. Работа в этом направлении позволит выявить не только крупные памятники, но и памятники меньших размеров.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, Ергенинская возвышенность, Кумо-Манычская впадина, Сарпинская низменность, Прикаспийская низменность, Ставропольская возвышенность, археологические памятники, курган, топографические карты, картографические источники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические памятники Калмыкии по современным картографическим источникам // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 333–348. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-333-348

Archaeological Sites of Kalmykia: Contemporary Cartographic Sources Revisited

Erdni A. Kekeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kekeev E. A., 2022

Abstract. *Introduction.* When it comes to contemporary maps of Kalmykia, one can mention those contain quite a number of symbols to denote kurgans / mounds. *Goals.* The study aims at examining informational values of contemporary cartographic sources in terms of localizing actual archaeological sites of the Republic. *Results.* The work reveals 7.860 objects strongly supposed to be kurgans, the bulk of them placed in the Ergeni Upland, Kuma-Manych Depression, and Sarpa Lowland, while a lower density observed in western parts of the region (northwest of the Stavropol Upland) with scarcest numbers delineated within the Caspian Depression. The distribution of archaeological objects on the map essentially aligns with the well-known fact that different natural and geographic zones of Kalmykia are characterized by varying densities of kurgans. Despite the maps contain not all kurgans, they do mention sizeable ones, and 1.580 of 7.860 objects have height indications. So, there is a review map with largest sites. As is known, immense kurgans are not that solitary and often serve to mark groups of smaller mounds. *Conclusions.* The examined cartographic materials are significant sources that may be instrumental in exploring archaeological sites in future. The data obtained can be used in further expeditions and development of image interpreting methods. Such efforts shall make it possible to discover not only large monuments but also minor ones.

Keywords: Republic of Kalmykia, Ergeni Upland, Kuma-Manych Depression, Sarpa Lowland, Caspian Depression, Stavropol Upland, archaeological sites, kurgan, topographic maps, cartographic sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Sites of Kalmykia: Contemporary Cartographic Sources Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 333–348. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-333-348

Введение

Согласно принятой на сегодня методике полевых археологических работ, перед каждым выездом в «поле» проводится сбор всей доступной информации о районе будущих работ. В числе других источников привлекаются исторические и современные карты. Этот этап позволяет соотнести будущие исследования с уже проведенными работа-

ми, а также еще до выезда ознакомиться с физико-географическими особенностями района обследования. В процессе этапа изучения современных топографических карт замечено, что на них присутствует большое количество объектов, обозначенных знаком кургана/бугра. Было решено отметить все подобные объекты на территории республики и соотнести полученные данные с из-

вестными фактами о погребальных памятниках археологии Калмыкии.

Целью данного исследования является изучение информативности современных картографических источников в работе по локализации археологических памятников Республики Калмыкия.

Изучение топографических карт Республики Калмыкия

Для создания основного проекта было использовано программное обеспечение Quantum GIS с модулем Quick Map Services. После загрузки этого модуля у программы появляется функция совмещения растровых и векторных карт из разных источников: Yandex Map, Google Maps, Bing Satellite, Космоснимки и др. Важным инструментом стала программа SASPlanet, имеющая схожий функционал, но позволяющая экспортировать растровые слои с точной привязкой. Дополнительным источником стал интернет-ресурс satmaps.info, содержащий в свободном доступе необходимые карты [Топографические карты 2011–2022].

Были изучены топографические карты масштабом 1:100 000 и 1:200 000 территории всей Калмыкии, общая площадь которой составляет более 74,7 тыс. км². Первыми были исследованы 69 карт более крупного масштаба: L-37-084; М-38-137 — М-38-140; L-38-008; L-38-020 — L-38-022; L-38-028 — L-38-034; L-38-040 — L-38-047; L-38-049 — L-38-059; L-38-061 — L-38-071; L-38-073; L-38-076 — L-38-082; L-38-089 — L-38-094; L-38-104 — L-38-107; L-38-116 — L-38-119. Кроме этого, были использованы карты масштаба 1:200 000 — L-37-XVIII, L-38-II, L-38-III, L-38-IV, L-38-XXIV. По информации, указанной на картах, установлено, что топографическая съемка была произведена с 1980 по 1998 гг., карты изданы в период с 1982 по 2000 гг.

При составлении этих карт была произведена топографическая съемка, локализованы и нанесены основные объекты: подробный рельеф с высотными точками, населенные пункты и отдельные строения, элементы гидросети, дорожная сеть и т. д. Одним из этих элементов стали возвыше-

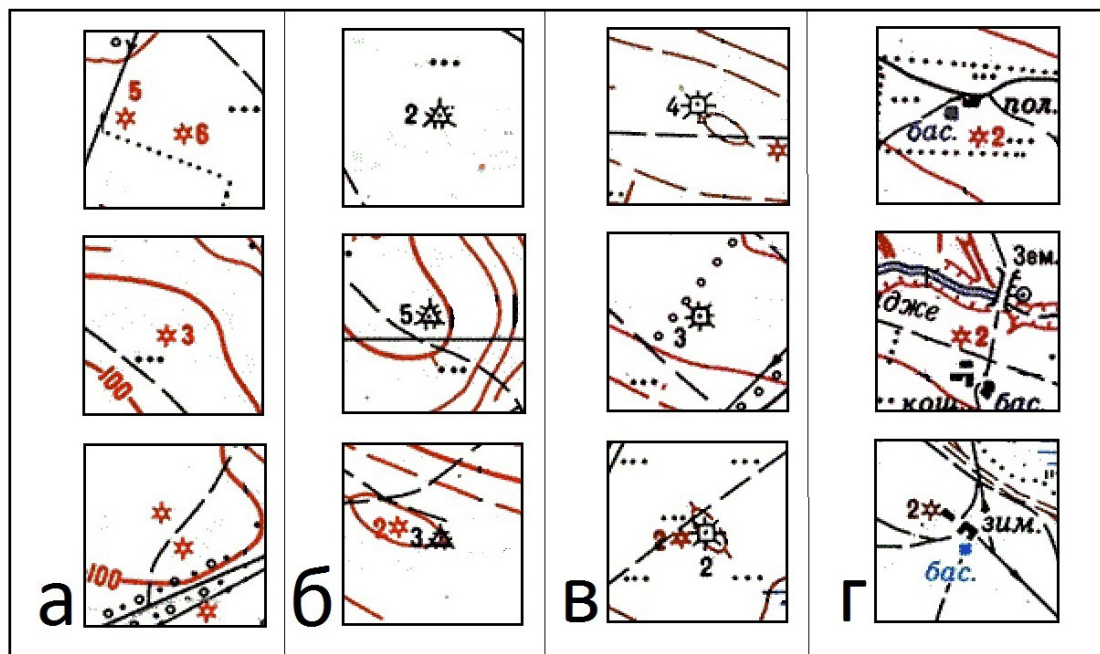

Рис. 1. Условные знаки на топографических картах 1980–2000 гг. (масштаб 1:100 000 и 1:200 000): а) курган/бугор с указанием высоты в метрах; б) тригонометрический пункт на кургане; в) точка съемочной сети на кургане; г) пример расположения объекта вблизи строений и дорог

[Fig. 1. Symbols from 1980s–2000s topographical maps scaled 1:100.000 and 1:200.000: a) kurgan/hill with height indication (m), b) trigonometrical point on kurgan, c) survey network point on kurgan, d) sample object located near buildings and roads]

ния, обозначенные на этих картах как курганы/бугры. Согласно принятой методике, отдельные бугры, выделяющиеся по высоте на местности, показываются условным знаком курганов и бугров. Частотой знаков отображается относительная густота расположения бугров на участке [Условные знаки 1983: 65].

Для степной местности Калмыкии чаще всего эти объекты можно отнести к курганным насыпям. На изученных топографических картах они отмечены знаками кургана/бугра (рис. 1а) [Условные знаки 1983: табл. 24, пункт 222/2а], тригонометрического пункта на кургане (рис. 1б) [Условные знаки 1983: табл. 1, пункт 2] и точки съезда

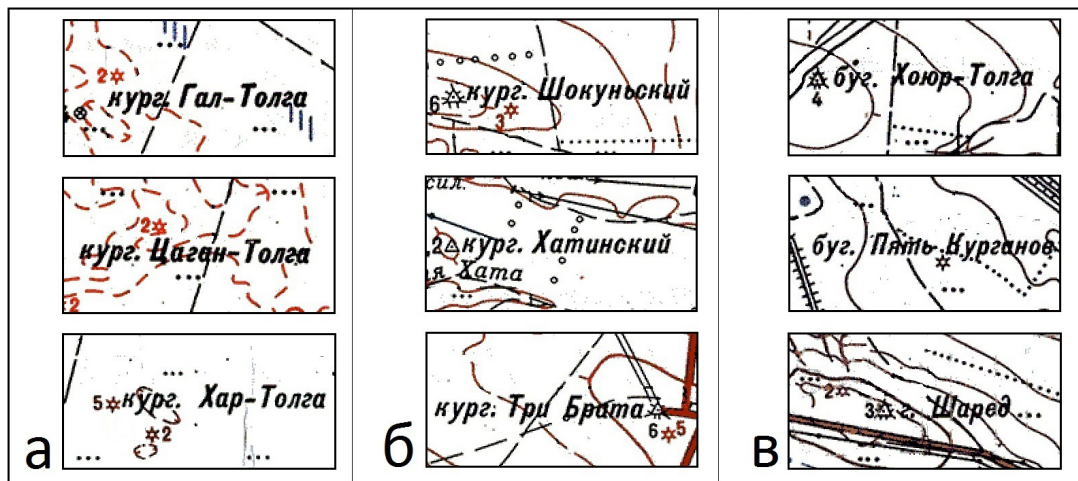

Рис. 2. Фрагменты карт 1980–2000 гг. (масштаб 1:100 000 и 1:200 000).

Примеры объектов с названиями

[Fig. 2. Fragments of 1980s–2000s maps scaled 1:100,000 and 1:200,000.

Sample objects with names]

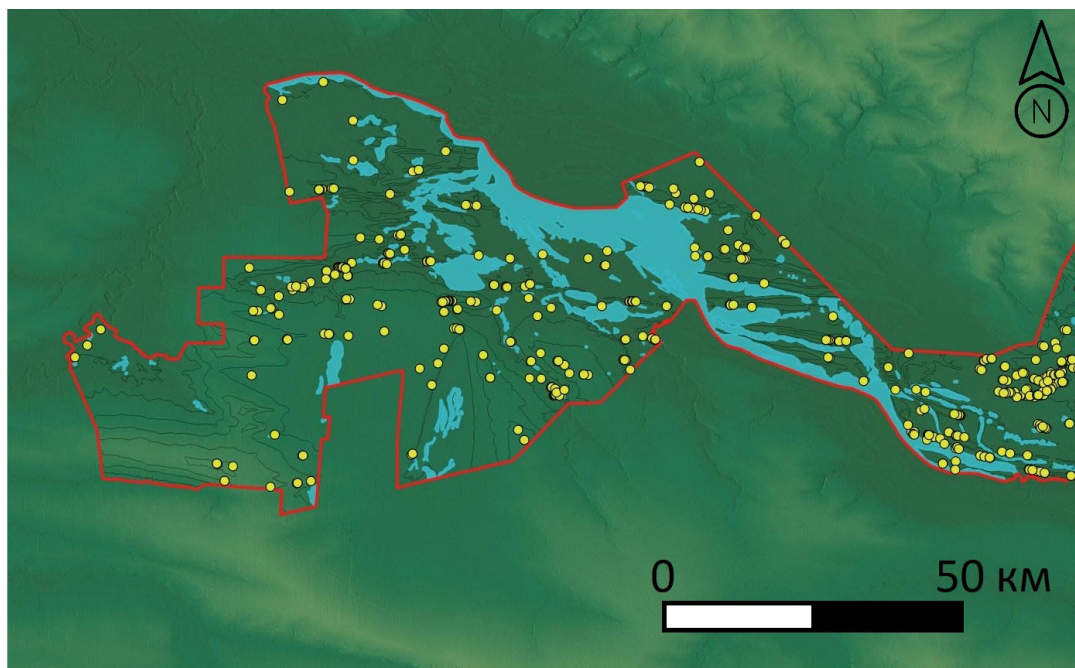

Рис. 3. Схема расположения объектов, обозначенных знаком кургана/бугра.

Западная часть Калмыкии. Источник: [Топографические карты 2011–2022]

[Fig. 3. Arrangement diagram for objects marked as kurgans/hills. Western parts of Kalmykia]

мочной сети на кургане (рис. 1в) [Условные знаки 1983: табл. 1, пункт 6].

В результате обследования был создан векторный слой, куда вошли все точки от-

меченные вышеуказанными условными знаками. Всего было выявлено 10 969 объектов. Некоторые из них имеют свое название (62 объекта), большая часть которых

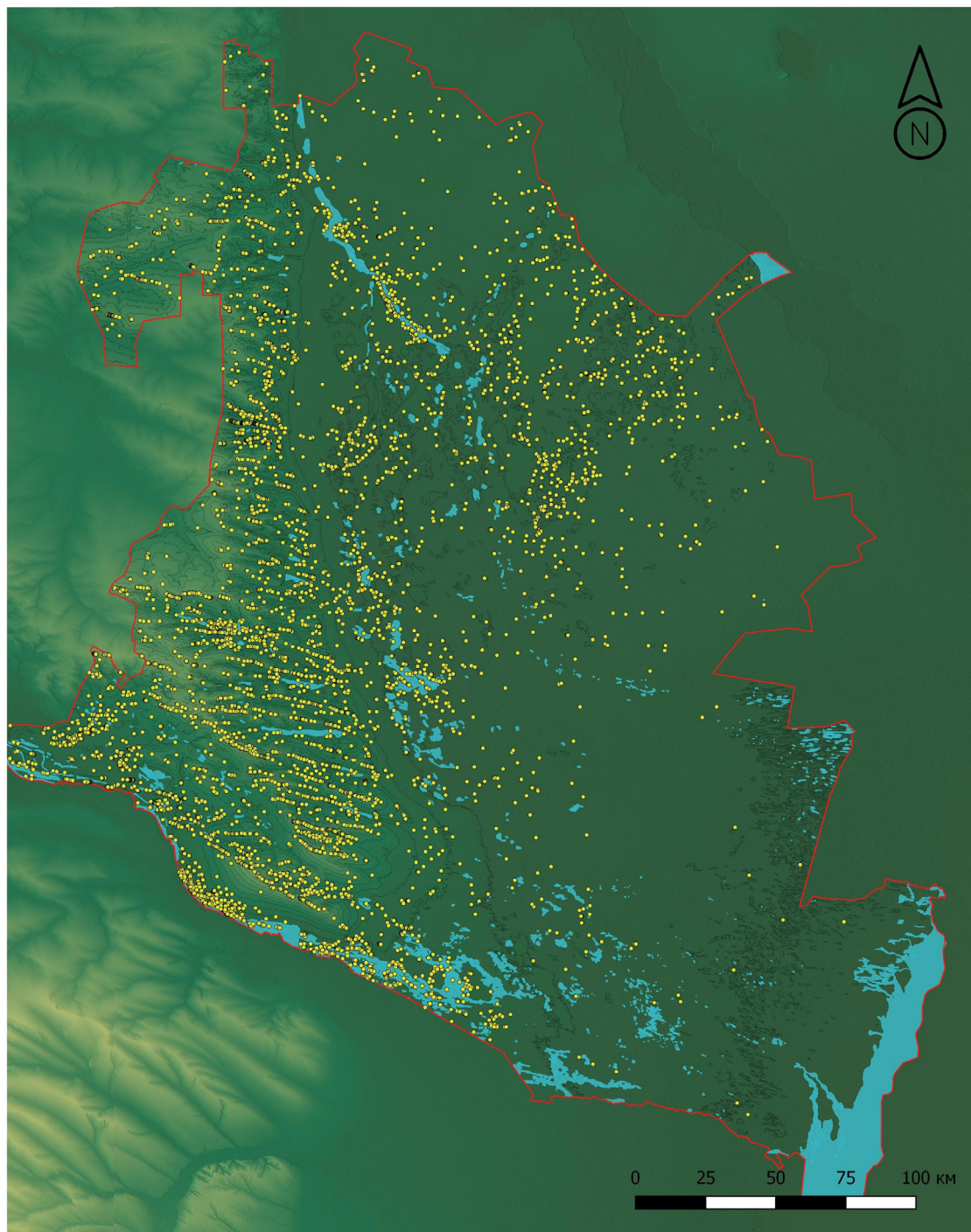

Рис. 4. Схема расположения объектов, обозначенных знаком кургана/бугра. Центральные и восточные районы Калмыкии. Источник: [Топографические карты 2011–2022]

[Fig. 4. Arrangement diagram for objects marked as kurgans/hills. Central and eastern parts of Kalmykia]

сопровождается сокращением «кург.» (курган) и «к-ны» (курганы) (рис. 2, а-б) [Условные знаки 1983: 79], встречаются обозначение «г.» (гора) и «буг.» (бугор) (рис. 2, а-б) [Условные знаки 1983: 77]. Дополнительным признаком является составная часть «курган» или «толга» (калм. *толга* 'курган, холм, пригорок' [КРС 1977: 502]), например, объект, обозначенный знаком кургана/бугра, — название «буг. Пять Курганов» или объект, обозначенный знаком тригопункта на кургане, имеет названием «буг. Хоюр-Толга» (рис. 2в).

Повторной проверке подверглись объекты, расположенные поблизости от населенных пунктов, животноводческих стоянок, гидротехнических сооружений, шоссе-санных дорог, перекрестков и др. (рис. 1г).

Местоположение подозрительных объектов сверены с космоснимками высокого разрешения и установлено, что 3 109 объектов с большой вероятностью не являются курганными насыпями. Расположенные на территории, подвергающейся антропогенному воздействию, они, скорее всего, являются результатами современных земляных работ.

В итоге выявлено 7 860 объектов, с большой вероятностью являющиеся курганами: 7 753 объекта обозначены знаком кургана/бугра, 279 — знаком тригометрического пункта на кургане и 28 — знаком точки съемочной сети на кургане (рис. 3, рис. 4). Площадь Республики Калмыкия насчитывает 74 700 км², т. е. средняя плотность выявленных объектов равна 10,5 объектов на 100 км² (см. таблицу 1).

Таблица 1. Количество объектов, обозначенных знаком кургана/бугра. Распределение по природным районам Калмыкии

[Table 1. Number of objects marked as kurgans/hills by natural zones of Kalmykia]

Природный район	Количество объектов	Площадь, км ²	Плотность, объект на 100 км ²
Ергенинская возвышенность	4 345	17 700	24,6
Кумо-Манычская впадина	1 332	6 000	22,34
Сарпинская низменность	1 802	22 000	8,2
Прикаспийская низменность	204	26 300	0,77
Ставропольская возвышенность	175	2 400	7,3
ВСЕГО	7 860	74 400	10,5

Изучение созданной картосхемы показало, что большая часть точек расположена на территории Ергенинской возвышенности, Кумо-Манычской впадины и Сарпинской низменности, несколько меньше плотность объектов в западной части Калмыкии (северо-западный склон Ставропольской возвышенности) и еще меньше объектов обозначено в Прикаспийской низменности. Распределение объектов на карте республики соотносится с известным фактом о различной плотности курганов в разных природно-географических зонах.

Для прослеживания данной закономерности был создан отдельный растровый слой природных зон Республики Калмыкия, источником стала карта «Районирование природных кормовых угодий» из Атласа

«Природные ресурсы Калмыцкой АССР» [Районирование 1985] (рис. 5).

Для упрощения дальнейших расчетов 13 районов были сгруппированы в пять основных зон: Ергенинская возвышенность (более 17 700 км²), Кумо-Манычская впадина (более 6 000 км²), Сарпинская низменность (более 22 000 км²), Ставропольская возвышенность (около 2 400 км²) и Прикаспийская низменность (около 26 300 км²) (рис. 6).

Характеристика основных физико-географических зон

Ергенинская возвышенность (эрозионно-возвышенная равнина) характеризуется полынно-ковыльно-типчачовыми степями на комплексах светло-каштановых почв с

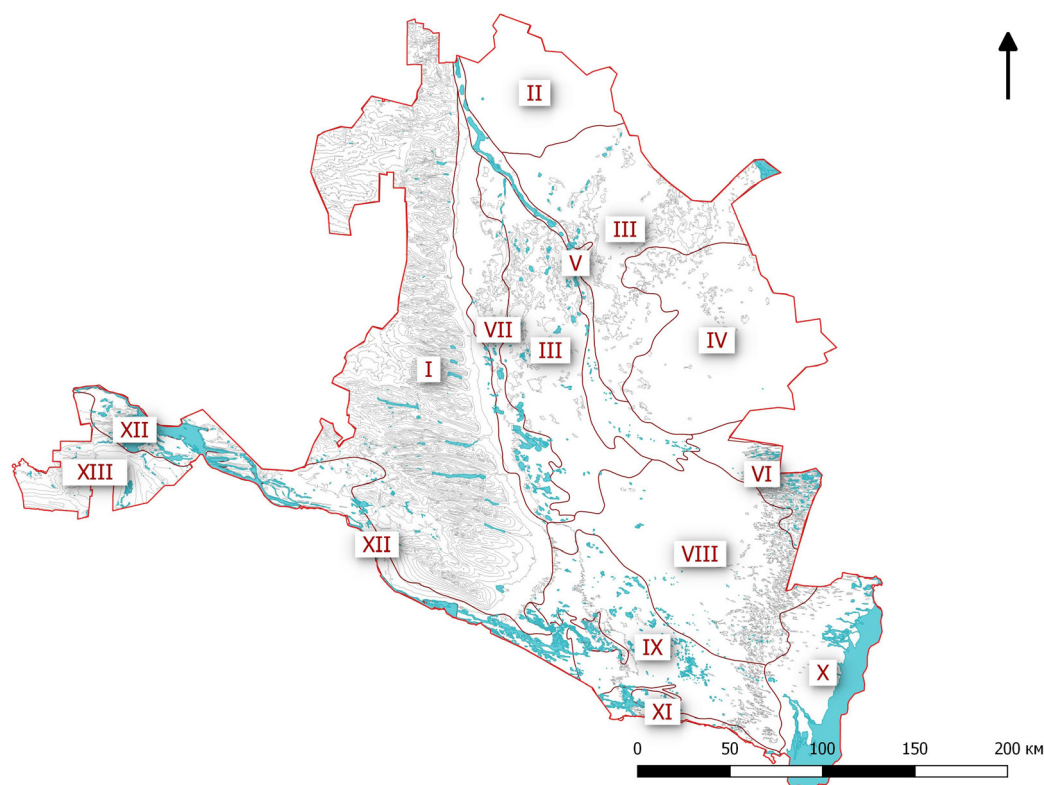

Рис. 5. Картосхема «Природные районы Калмыкии». Цифрами обозначены: I — Ергенинская возвышенность; II — Северная Сарпинская суглинистая равнина; III — Южная Сарпинская равнина; IV — Астраханская песчаная равнина; V — Сарпинская ложбина; VI — район Бэровских бугров; VII — Приергенинская равнина с лиманами; VIII — Центрально-Черноземельская песчаная равнина; IX — Южно-Черноземельская песчаная равнина; X — Приморская песчано-солончаковая низменная равнина; XI — долина р. Кума; XII — Манычская ложбина; XIII — Ставропольская возвышенность. Составлена по карте «Районирование природных кормовых угодий» из Атласа «Природные ресурсы Калмыцкой АССР» [Районирование 1985]

[Fig. 5. Natural Zones of Kalmykia (topological map). Nomenclature: I — Ergeni Upland; II — Northern Sarpa sandy loam plain; III — Southern Sarpa plain; IV — Astrakhan sandy plain; V — Sarpa hollow; VI — Berovskie hills; VII — Pre-Ergeni plain with coastal lakes; VIII — Central Chernozemelsky sandy plain; IX — Southern Chernozemelsky sandy plain; X — Coastal sandy and salt lake lowland plain; XI — Kuma River valley; XII — Manych hollow; XIII — Stavropol Upland.

Compiled from Zoning of Natural Forage Lands (map) included in the Atlas of Natural Resources of the Kalmyk ASSR]

солонцами. Расположена в умеренно аридной зоне со среднегодовыми осадками 300–400 мм и теплым летом [Ташнинова, Ташнинова 2010: 52].

Ергенинская возвышенность представляет собой невысокую асимметричную эрозионно-возвышенную равнину, осложненную балками и оврагами. Возвышенность протянулась почти меридианально от Волги (в районе г. Волгограда) до долины реки Восточный Маныч. Длина возвышенности достигает 350 км, ширина — 20–50 км, высота — 160–221 м. Балки расположены ши-

роотно и находятся на расстоянии 5–10 км друг от друга. Длина балок колеблется в пределах 20–80 км. В южной части Ергеней балки становятся намного шире (до 1 000–3 000 м) и глубже (до 100–130 м). Размеры балок свидетельствуют, что в древности здесь протекали широкие и глубокие реки. Восточный склон Ергенинской возвышенности круто (на 70–80 м) обрывается к Прикаспийской низменности. Глубокие балки восточного склона Ергеней образуют между собой гребни в сторону Прикаспийской низменности, называемые хамурами (калм.

хамр 'холм, возвышение' [КРС 1977: 573]). Протяженность этих гребней-хамуров достигает 80 км [Очир-Горяева, Кекеев, Бура-таев 2020: 16].

Кумо-Манычская впадина по природному районированию 1984 г. состоит из Манычской ложбины и долины р. Кумы [Районирование 1985]. Манычская ложбина, как и Ергенинская возвышенность, расположена в умеренно аридной зоне со среднегодовыми осадками 300–400 мм и теплым летом, а долина р. Кумы относится к средне-аридной зоне со среднегодовыми осадками 250–300 мм и жарким летом [Ташнинова, Ташнинова 2010: 52].

В середине третичного периода впадина периодически заливалась морскими водами, образуя пролив, соединявший Каспийское и Черное моря. В ложбине сформиро-

вались две речные долины — Западного и Восточного Маныча, а также р. Кумы. Долина Маныча имеет пойменную и три надпойменные террасы. Пойменная терраса Западного Маныча заполнена в настоящее время водами озера Маныч-Гудило и Пролетарского водохранилища, а в пойме Восточного Маныча находится Чограйское водохранилище. Из надпойменных террас на протяжении обеих долин ясно выражена только вторая [Ташнинова и др. 2008: 95].

Сарпинская низменность представляет собой плоскую равнину со слабым уклоном к юго-востоку. По природному районированию Сарпинская низменность состоит из Приергенинской равнины с лиманами, Северной и Южной Сарпинской равнин, Сарпинской ложбины [Районирование 1985]. Сарпинская низменность относится к сред-

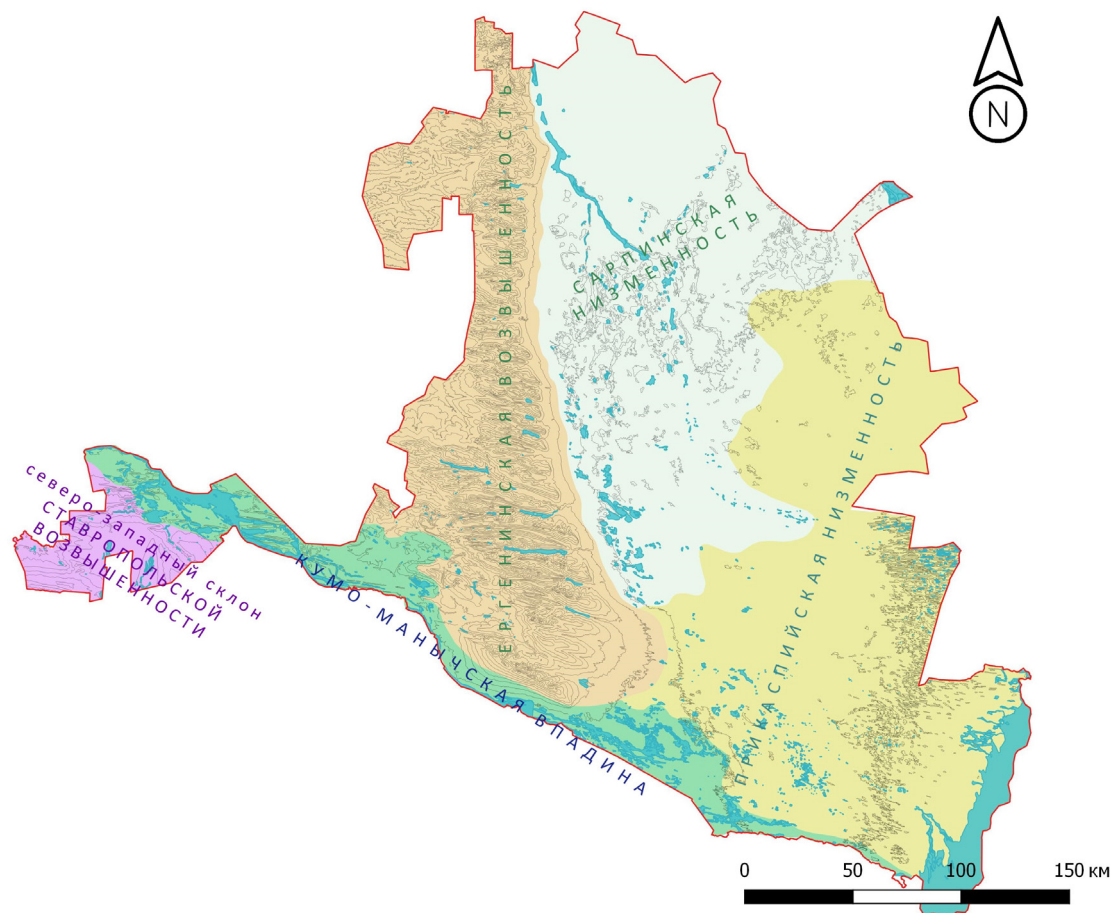

Рис. 6. Картохема «Природные районы Калмыкии». Составлена по карте «Районирование природных кормовых угодий» из Атласа «Природные ресурсы Калмыцкой АССР» [Районирование 1985]

[Fig. 6. Natural Zones of Kalmykia (topological map). Compiled from Zoning of Natural Forage Lands (map) included in the Atlas of Natural Resources of the Kalmyk ASSR]

неаридной зоне со среднегодовыми осадками 250–300 мм и жарким летом [Ташнинова, Ташнинова 2010: 52].

Прикаспийская низменность представляет собой равнину, полого наклоненную к Каспийскому морю, большая ее часть лежит ниже уровня моря (до -28 м). Прикаспийская низменность делится на Астраханскую песчаную равнину, район Бэровских бугров, Центрально- и Южно-Черноземельскую песчаные равнины и Приморскую песчано-солончаковую низменную равнину [Районирование 1985].

Астраханская и Черноземельские песчаные равнины, район Бэровских бугров находятся в среднеаридной зоне со среднегодовыми осадками 250–300 мм и жарким летом, а Приморская низменная равнина расположена в сильноаридной зоне со среднегодовыми осадками менее 300 мм, для теплого периода характерны высокие температуры [Ташнинова, Ташнинова 2010: 52].

На Ставропольской возвышенности (северо-западный склон Ставропольской возвышенности, междуречье Егорлыка, Калауса и Маныча) расположено два крайних западных района Калмыкии — Городовиковский и Яшалтинский. Данная территория относится к слабоаридной зоне с осадками более 400 мм и нормальным теплым летом.

По описанным показателям видно, что наиболее благоприятными для проживания человека и ведения хозяйства являются западные (северо-западный склон Ставропольской возвышенности) и центральные районы Калмыкии (Ергенинская возвышенность и Кумо-Манычская впадина), менее благоприятна северо-восточная часть республики (Сарпинская низменность), и наихудшими показателями обладает Прикаспийская низменность, расположенная в сильноаридной зоне.

Распределение выявленных объектов по физико-географическим зонам

Выявленные на топографических картах объекты распределились следующим образом: Ергенинская возвышенность — 4 345 объектов (24,6 объекта на 100 км²), Кумо-Манычская впадина — 1 332 объекта (22,34 объекта на 100 км²), Сарпинская низменность — 1 802 объекта (8,2 объекта на

100 км²), Ставропольская возвышенность — 175 объектов (7,3 объекта на 100 км²) и Прикаспийская низменность — 204 объекта (0,77 объекта на 100 км²).

Попробуем соотнести эти показатели с известными фактами об археологических памятниках Калмыкии. На Ергенинской возвышенности и в Кумо-Манычской впадине в основном сосредоточены крупные курганные группы бронзового века. Могильники часто имеют устройство в виде одной или нескольких параллельных цепей, протянувшихся в широтном направлении. В ряду курганов регулярно встречаются насыпи высотой более 3–4 метров в высоту, длина таких групп достигает нескольких десятков километров.

Высокие, хорошо просматриваемые издали гребни Ергенинской возвышенности служили наиболее благоприятными местами для возведения монументальных курганных некрополей древнего населения [Очир-Горяева, Кекеев, Буратаев 2020: 16].

В Сарпинской низменности большая часть исследованных памятников датирована ранним железным и средними веками. Курганы часто представляют собой курганные группы, расположенные на небольших повышениях рельефа в виде курганного поля. Протяженность могильников, как правило, небольшая, курганы располагались бессистемно в виде скоплений произвольной формы. Большие курганы в этих краях немногочисленны, в основном насыпи редко превышают высоту 1 м [Очир-Горяева 2008: 147–149].

Возможно, этот факт повлиял на разницу в плотности обозначенных объектов — на местности гораздо легче выявляются крупные курганы и группы, состоящие из большого числа насыпей на Ергенинской возвышенности и в Кумо-Манычской впадине. Для топографов видимые издалека крупные насыпи являлись, прежде всего, надежным ориентиром, который было важно закрепить на карте. Возможно, в Сарпинской низменности реальная плотность курганов гораздо выше, чем плотность обозначенных объектов. Небольшие размеры курганов (до одного метра), часто встречающиеся в виде бессистемных скоплений, трудно назвать значимыми ориентирами.

Низкая плотность выявленных объектов на территории западных районов Калмыкии

объясняется другим фактором. Эти территории заметно благоприятнее остальной части Калмыкии, этот факт должен влиять и на плотность населения в древние эпохи. Однако сегодня умеренно континентальный климат и доступность водных ресурсов позволили развить в этих районах Калмыкии пахотное земледелие. В отличие от остальной части республики в Городовиковском и Яшалтинском районах пахотные земли занимают достаточно большой процент от общей площади — 1 800 из 3 515 км², т. е. более 51 %. В остальных районах Калмыкии пахотными землями занято только 9,2 % общей площади (6 563,2 из 71 216,1 км²). По-видимому, в этом районе большая часть курганов уже распахана, и они продолжают исчезать с каждым годом.

Что касается объектов на территории Прикаспийской низменности, где наблюдается самая низкая плотность объектов, можно привести пример Сарпинской низменности — слабая выраженность курганов на местности и их небольшие размеры. Отметим, что на данной территории найдено несколько десятков развеянных древних поселенческих памятников, подтверждающих факт заселенности Прикаспийской низменности с эпохи мезолита [Кольцов 2005: 34–48].

В результате проведенного анализа показано, что информация из топографических карт, с определенными оговорками, может быть использована в археологических исследованиях. Распределение выявленных объектов по природным зонам подтвердило, что во время топографических работ курганы воспринимались в первую очередь как ориентиры на местности. Крупные курганы, регулярные цепи на водоразделах хорошо заметны издалека, а мелкие скопления курганов, тем более распаханные памятники могли расцениваться как малозначимые объекты или остались незамеченными вообще.

Сравнение с ранее проведенными работами по картографированию памятников археологии

После выделения районов с наиболее объективными показателями была предпринята попытка соотнести выявленные объекты (курганы?) с выявленными погребальными памятниками.

Основным источником информации стала работа «Археологическая карта Республики Калмыкия. Часть I (Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы)», в которой приводятся систематизированные данные об археологических памятниках, выявленных в 1982–2011 г., — 191 группа (1 201 курган) и 27 поселенческих памятников (местонахождения и стоянки) [Археологическая карта 2016].

К сожалению, не все курганы удалось точно локализовать, у части памятников отсутствуют точные координаты, есть только словесное описание, у части — указан неправильный формат координаты. В результате создан слой с 984 курганами, которые, за небольшим исключением, расположены в средней и южной частях Ергенинской возвышенности (Целинный и Ики-Бурульский районы) и на севере Манычской ложбины в границах Приютненского района.

После этого было проведено сравнение реальных курганов с объектами, которые обозначены на топографических картах как курганы/бугры. Установлено, что из 984 курганов 290 отмечены на топографических картах как курганы. Другими словами, при съемке местности топографами было зафиксировано 29,5 % курганов — почти каждый третий.

Понимая всю условность дальнейших вычислений, попробуем экстраполировать показатели обследованного района на всю территорию Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины. Если топографами зафиксировано 29,5 % курганов, то выходит, что плотность курганов на Ергенинской возвышенности (около 17 700 км²) равна 83,39 кургана на 100 км², общая численность может достигать 14 800. Показатели в Кумо-Манычской впадине (около 6 000 км²) несколько ниже — 75,68 курганов на 100 км², т. е. общее количество равно 4 500 курганов.

Сравним полученные данные с подобными вычислениями других специалистов. По информации Е. В. Цуцкина, на опытном участке по трассе канала Волга-Чограй (Приергенинская равнина, западная часть Сарпинской и Прикаспийской низменностей) и в зоне затопления Калмыцкого водохранилища площадью 328,5 км² традиционными методами обнаружено 122 кур-

гана (37,14 курганов на 100 км²). С помощью дешифровки космоснимков на этом же участке выявлено 730 курганов — более 222 курганов на 100 км² [Цуцкин 1987: 117].

Кроме этого, Е. В. Цуцкин предложил применить этот показатель к территории всей Калмыцкой АССР (площадь — 75,9¹ тыс. км²) и привел показатель в 177 500 курганов [Цуцкин 1987: 118].

В конце концов эти данные попали в официальные источники, в которых говорится о том, что на территории Калмыкии насчитывается «более 200 000 археологических памятников» [Государственная охрана 2002: 22].

Позднее такой прием расчетов и получившийся результат были поставлены под сомнение [Очир-Горяева 2008: 53]. Специалистами Научно-производственного центра Волгоградской области, имеющими опыт сплошного обследования и составления археологической карты, было высказано мнение, что цифра 200 тысяч явно завышена в несколько раз [Назаров 1997: 22–23].

Более реальной кажется цифра, полученная в результате обследования традиционными методами, — 122 кургана на 328,5 км² [Цуцкин 1987: 117], т. е. 37,14 курганов на 100 км². Можно округлить эту цифру до 40–45, так как территория была обследована в кратчайшие сроки, а равнина близка по физико-географическим показателям к условиям Сарпинской низменности, где в основном известны курганы малого размера, редко превышающие один метр в высоту.

Схожие цифры приводит Д. А. Буваев: площадь участка опытных работ «Чограй» (южная часть Ики-Бурульского и Приютненского района Калмыкии и северные районы Ставропольского края) составила 4 200 км², здесь с помощью методик дешифровки ДДЗ (данных дистанционного зондирования) выявлено 2 200 курганов [Буваев 2014: 236]. Плотность равна 52,38 кургана на 100 км². Автор этой статьи не указывает причины выбора именно этого участка для проведения опытных исследований. Однако необходимо отметить, что большая плотность курганов в долине р. Восточный Маныч известна давно. Например, в долине Восточного Маныча, в 1965–1967 гг., в зоне затопления Чограйского водохранили-

ща были проведены спасательные раскопки, где на участках общей площадью около 50 км² было раскопано 329 курганов [Кекеев, Буратаев 2016: 262].

Для работы по дешифровке спутниковых снимков большим преимуществом Кумо-Манычской впадины являются относительно ровный рельеф и отсутствие густой растительности. Курганные группы, устроенные в виде цепи, часто имеют в своем составе несколько крупных курганов. Обычно группы состоят из одного-трех рядов курганов, протянувшихся в широтном направлении. Такие объекты на открытой местности достаточно легко поддаются идентификации. Обнаружение одного или нескольких крупных курганов дает возможность спрогнозировать расположение более мелких памятников.

С учетом приведенных данных скорректируем получившиеся ранее результаты. Возьмем показатели, приведенные Д. А. Буваевым, как меньшее значение. Вычисленные ранее по топокартам показатели возьмем как верхние показатели. В результате получаем следующие цифры: предполагаемое количество погребальных памятников на Ергенинской возвышенности — от 9 300 до 14 800 курганов, а в Кумо-Манычской впадине — от 3 100 до 4 500 курганов.

Результаты оценки возможности использования топографических карт в картографировании археологических памятников Калмыкии

Проведенный анализ дал еще несколько важных наблюдений. Первое — топографы руководствовались правилом генерализации, так в группе, состоящей из нескольких курганов, на карту наносились наиболее крупные. На картах следующего масштаба количество отображаемых объектов уменьшалось, оставлялись только самые крупные объекты. В итоге на топографической карте даже мелкого масштаба можно проследить группы курганов, протянувшиеся линией по гребням водоразделов.

Второе наблюдение — указанная высота курганов определена топографами довольно точно (на картах даны округленные цифры), и эти показатели дают возможность локализовать наиболее крупные погребальные памятники Калмыкии (рис. 7, рис. 8, таблица 2). Известный курган *Зунда-Толга*

¹ Так у Е. В. Цуцкина.

высотой более 8 м расположен в 1 км северо-восточнее Чограйского водохранилища, т. е. в Кумо-Манычской впадине. Два объекта (один из которых называется Шокуньский) высотой более 7 м расположены в южной части Ергенинской возвышенности. Объектов высотой 6 м насчитывается 16: 13 на Ергенях (в том числе объекты *Торунтын*, *Три Брата* и *Хундулан*), 2 — в Кумо-Манычской впадине, 1 — в Сарпинской низменности. Количество объектов меньших размеров возрастает в следующей прогрессии: объектов высотой 5 м — 27, высотой 4 м — 108, 3 м — 266, 2 м — 1 160. Всего объектов высотой от 2 до 8 м насчитывается 1 580, 937 из которых расположены на Ергенинской возвышенности, 319 — в Кумо-Манычской впадине, 268 — в Сарпинской низменности, 29 — на северо-западном склоне Ставропольской возвышенности и 27 — в

Прикаспийской низменности (рис. 7, рис. 8, таблица 2).

В результате изучения топографических карт сделана оценка возможности их использования в картографировании археологических памятников Калмыкии.

Основным недостатком современных топографических карт является тот факт, что топографическая съемка производилась, прежде всего, с целью создания точной карты местности. Интересующие нас археологические памятники — курганы — являлись для топографов объектами, которые выделяются на местности и могут служить ориентирами. В итоге на карту наносились только возвышения, выделяющиеся своими размерами.

Как известно, в разных физико-географических районах наиболее представлены погребальные памятники отдельных исто-

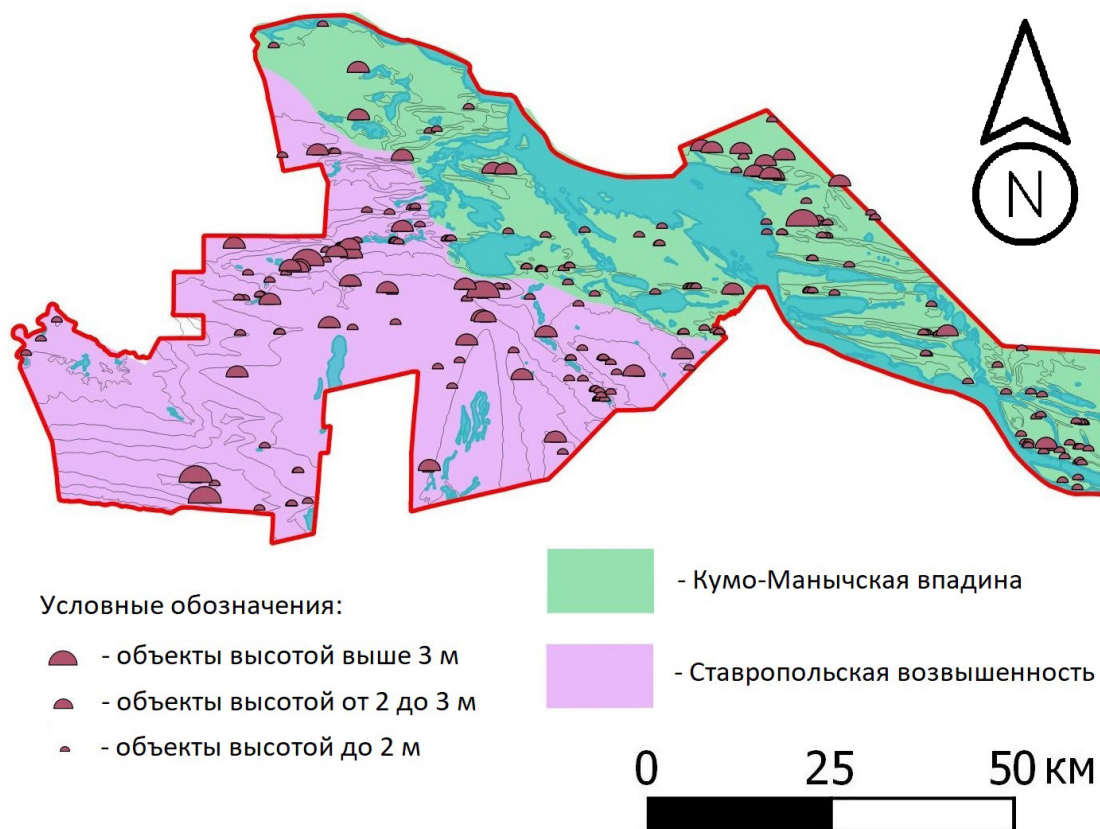

Рис. 7. Схема расположения объектов, обозначенных знаком кургана/бугра с указанием высоты объектов. Западная часть Калмыкии. Источник: [Топографические карты 2011–2022]

[Fig. 7. Arrangement diagram for objects marked as kurgans/hills with height indications. Western parts of Kalmykia]

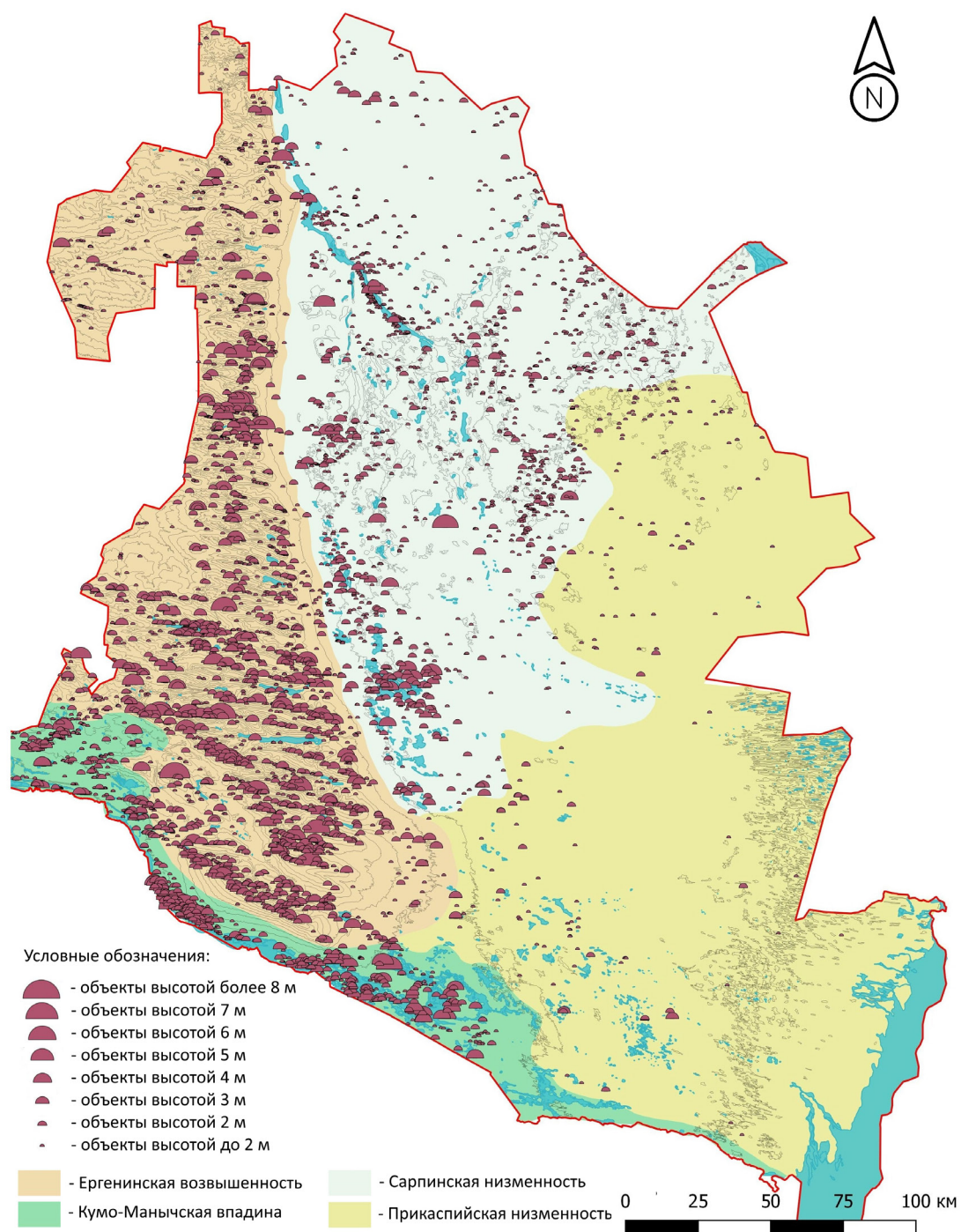

Рис. 8. Схема расположения объектов, обозначенных знаком кургана/бугра с указанием высоты объектов. Центральные и восточные районы Калмыкии.

Источник: [Топографические карты 2011–2022]

[Fig. 8. Arrangement diagram for objects marked as kurgans/hills with height indications. Central and eastern parts of Kalmykia]

Таблица 2. Количество объектов, обозначенных знаком кургана/бугра с указанием высоты. Распределение по природным районам Калмыкии

[Table 2. Number of objects marked as kurgans/hills with height indications by natural zones of Kalmykia]

Высота объекта, м	Ергенинская возвышенность	Кумо-Манычская впадина	Сарпинская низменность	Прикаспийская низменность	Ставропольская возвышенность	ВСЕГО
8	—	1	—	—	—	1
7	2	—	—	—	—	2
6	13	2	1	—	—	16
5	20	3	4	—	—	27
4	76	22	10	—	—	108
3	157	57	44	4	4	266
2	669	234	209	23	25	1 160
ИТОГО	937	319	268	27	29	1 580

рических эпох. Так для Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины характерны крупные курганные группы, устроенные в виде одной или нескольких цепей. Основная часть могильников протянулась в широтном направлении и расположена на гребнях водоразделов. В группах регулярно встречаются большие курганы (высотой больше 3 м). Поэтому в этой зоне отмечено наибольшее количество объектов — 5 667. В Сарпинской низменности, наоборот, преобладают курганы раннего железного и средних веков. Памятники этого периода располагаются в виде бессистемных скоплений, курганы редко превышают один метр в высоту. Этим можно объяснить факт, что на территории Сарпинской низменности топографами отмечено всего 1 802 объекта — при площади, равной суммарной площади Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины.

Для западных районов Калмыкии, расположенных на северо-западном склоне Ставропольской возвышенности, также характерна низкая плотность обозначенных курганов. Этот факт может объясняться тем, что здесь курганы были мелкого и среднего размера. Затем интенсивная распашка земель сnivelировала большую часть курганов. Наименьшее количество курганов отмечено в Прикаспийской низменности. Здесь, как и в Сарпинской низменности, рельеф в основном совершенно плоский, а климат еще засушливее.

Была проведена попытка вычислить истинную плотность курганов. Для сравнения была использована информация из «Археологической карты Республики Калмыкия», где приведены данные по разведкам на Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадине [Археологическая карта 2016]. Были совмещены объекты, отмеченные на топокартах как курганы и реально существующие, выявленные памятники. Установлено, что почти 30 % курганов отмечено топографами знаком кургана. Для ориентира была привлечены результаты работы Д. А. Буваева. Им были проведена дешифровка космоснимков Кумо-Манычской впадины и южной части Ергенинской возвышенности [Буваев 2014: 236].

Кроме этого, удалось выявить и сильные стороны топографических карт. Первым преимуществом, конечно же, является площадь, охваченная съемкой, выявлены карты по всем районам Калмыкии общей площадью более 74,7 тыс. км². На сегодняшний день изучение такой площади с целью выявления археологических памятников займет не один десяток лет. И — только при условии преодоления дефицита квалифицированных кадров, грамотного планирования и проведения полевых работ при стабильном финансировании.

Хоть и на исследованных картах отмечены не все курганы, однако локализованы памятники, выделяющиеся своими размерами. 1 580 объектов из 7 860 имеют указание

высоты. В итоге составлена обзорная карта с наиболее крупными объектами (рис. 7, рис. 8). Как известно, крупные курганы очень редко стоят поодиночке, обычно они маркируют целую группу, состоящую из более мелких по размеру памятников.

Заключение

Исследованные картографические материалы являются важным источником в дальнейшем изучении памятников археологии. Проведенное исследование показало основные сильные и слабые стороны этого источника. Полученная информация не отвечает на все поставленные вопросы, но она дает ценные подсказки. Следует развивать методику применения комплекса картографических источников: создание детальных

топографических планов отдельных территорий с уже известными памятниками, проведение аэрофотосъемки и разработка методики дешифровки как аэрофото-, так и космоснимков. Работа в этом направлении позволит выявить не только крупные памятники, но и памятники меньших размеров. Обследование местности и изображений, полученных с воздуха, может помочь в поиске поселенческих памятников, которые в отличие от курганов гораздо сложнее найти. Необходимо проведение поиска памятников, находящихся под угрозой разрушения, будь то районы активной природной эрозии, хозяйственной застройки или пахотные земли. Где-то разрушение происходит медленнее, где-то быстрее, но рано или поздно эти памятники исчезнут вовсе.

Источники

Топографические карты 2011–2022 — Топографические карты 2011–2022 [электронный ресурс] // Спутниковые карты. URL: <https://satmaps.info/> (дата обращения: 01.12.2021).

Sources

Topographic maps, 2011–2022. On: Topographic Maps Free. Available at: <https://satmaps.info/> (accessed: December 1, 2021). (In Russ.)

Литература

- Археологическая карта 2016 — Археологическая карта Республики Калмыкия (Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы) / М-во образования и науки РФ, Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова; под ред. П. М. Кольцова. Элиста: Джангар, 2016. 299 с.
- Буваев 2014 — Буваев Д. А. Инвентаризация археологических памятников Калмыкии по материалам дистанционного зондирования // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов: Научная книга, 2014. С. 232–240.
- Государственная охрана 2002 — Государственная охрана памятников истории и культуры в России: обзор существующей структуры управления в сфере охраны объектов культурного наследия (по данным на 01.12.2002) / сост. А. М. Тарунов. М.: НИИ Центр, 2002. 160 с.
- КРС 1977 — Калмыcko-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Кекеев, Буратаев 2016 — Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Свод археологических

памятников Кумо-Манычской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 352 с.

- Кольцов 2005 — Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье, 2005. 352 с.
- Назаров 1997 — Назаров А. А. Археологическая карта Волгоградской области // Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни: тезисы докладов I Международ. симпозиума (г. Волгоград, 8–14 сентября 1997 г.). Волгоград: Комитет по печати и информации Волг. обл., 1997. С. 22–23.
- Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева, Кекеев, Буратаев 2020 — Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Ут Сала — курганная группа-гигант Ергенинской возвышенности // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 10–28. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28
- Районирование 1985 — Районирование природных кормовых угодий // Природные ресурсы Калмыцкой АССР. М.; Элиста: ГУГК при Совмине СССР, 1985. Л. 5.
- Ташнинова, Ташнинова 2010 — Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Почвы аридных зон Калмыкии // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 1. С. 52–61.
- Ташнинова и др. 2008 — Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А., Богун Н. М., Санджиева А. Г.

Комплексные исследования природно-антропогенных экосистем Кумо-Манычской впадины (по материалам полевых экспедиций) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 90–103.

Условные знаки 1983 — Условные знаки для

топографических карт масштабов 1:25 000, 1:50 000, 1:100 000. М.: Военно-топогр. упр. Генштаба, 1983. 95 с.

Цуцкин 1987 — Цуцкин Е. В. Некоторые направления космической археологии // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 114–153.

References

- Buvaev D. A. Compiling an inventory of Kalmykia's archaeological monuments: Remote sensing data analyzed. In: *Archaeology of Eastern European Steppe. Collected papers*. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2014. Vol. 12. Pp. 232–240. (In Russ.)
- Kekeev E. A., Burataev E. G. *Archaeology of the Kuma-Manych Depression: A Corpus of Monuments, 1965–1967*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 352 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. (ed.) *An Archaeological Map of Kalmykia: Iki-Burulsky, Priyutnensky, Tselinny, and Chernozemelsky Districts*. Elista: Dzhangar, 2016. 299 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. *Mesolithic and Neolithic in the Northwestern Caspian*. Moscow: Voskresenie, 2005. 352 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nazarov A. A. *Archaeological map of Volgograd Oblast*. In: *Specially Protected Areas and Healthy Life. Symposium abstracts*. Volgograd: Regional Committee for Print Media and Information, 1997. Pp. 22–23. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. *Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Corpus of Kalmykia's Monuments Explored in 1929–1997*. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Kekeev E. A., Burataev E. G. Ut Sala – mound giant-group of the Ergeninskiy Height. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 10–28. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28
- Symbols for Topographical Maps Scaled 1:25.000, 1:50.000, 1:100.000. Moscow: Dept. of Military Topography (General Staff), 1983. 95 p. (In Russ.)
- Tarunov A. M. (comp.) *Government to Protect Russia's Monuments of History and Culture: Organizational Structure of Cultural Heritage Conservation System Reviewed (As of December 1, 2002)*. Moscow: Tsentr, 2002. 160 p. (In Russ.)
- Tashninova L. N., Buvaev D. A., Bogun N. M., Sandzhieva A. G. Comprehensive studies of natural and anthropogenic ecosystems in the Kuma-Manych Depression: Analyzing materials of field expeditions. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 3. Pp. 90–103. (In Russ.)
- Tashninova L. N., Tashninova A. A. Soils of arid zones of Kalmykia. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN (Science in the South Russia)*. 2010. Vol. 6. No. 1. Pp. 52–61. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Space archaeology: Some trends revisited. In: *Archaeological Explorations of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 114–153. (In Russ.)
- Zoning of natural fodder-producing areas. In: *Natural Resources of the Kalmyk ASSR*. Moscow, Elista: Main Directorate for Geodesy and Cartography (USSR Council of Ministers), 1985. P. 5 (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 349–360, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-349-360

Женщина в контексте буддийского учения «Зерцало мудрости» ламы-просветителя Э.-Х. Галшиева

Жаргал Аюшиевна Аякова¹

¹ Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова (д. 8, ул. Пушкина, 670024 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор философских наук, доцент

 0000-0002-7332-5952. E-mail: azhargal@yandex.ru

© КалмНИЦ РАН, 2022

© Аякова Ж. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Образ женщины в бурятской литературе создавался под влиянием буддийских патриархальных воззрений, часто приводивших к дискриминации женского начала, снижению религиозного и социального статуса женщин. Популярное сочинение ламы-просветителя Э.-Х. Галшиева (1855–1915) «Зерцало мудрости» отражает положение женщины в дореволюционном бурятском обществе и является ярким примером того, как буддийские ценности, определяющие ее духовные и социальные основы, инкорпорируются в повседневную практику бурятской женщины. *Целью исследования* является рассмотрение места и роли женщины в религиозной и социальной жизни бурятского общества, выявление причин предубеждений относительно женщин и противоречивого толкования женской природы. *Материалы и методы.* Материалами исследования послужили сочинение Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» и фундаментальные труды буддийских учителей. Основной метод исследования — историко-философский и сравнительно-сопоставительный анализ. Буддийское учение не отрицало принцип гендерного равенства, утверждало равные возможности мужчины и женщины в реализации духовного пути. Однако встречающиеся в канонических текстах противоречия по поводу отношения Будды к женщинам послужили поводом для предубеждений относительно женской природы. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к гендерным исследованиям, а также необходимостью целостного осмысления сущности и значения женского пространства не только в традиционном, но и в современном обществе. *Результаты.* Влияние буддийского учения на мировоззрение бурят относительно женщины очевидно, тем не менее в сочинении ламы Э.-Х. Галшиева не обнаружены явные подтверждения дискриминации женщины и признаков ее угнетения. До сих пор бытует мнение о крайне тяжелом и бесправном положении буряток в дореволюционное время, однако произведение ламы Э.-Х. Галшиева, на наш взгляд, отражает образ женщины, свидетельствующий о достаточной степени ее свободы и уважении к ней. *Вывод.* Несмотря на приниженный статус женщины в

буддийской традиции, она всегда сохраняла свои традиционные функции в религиозной и семейной жизни. Положение бурятской женщины в дореволюционном обществе определялось уровнем ее духовного развития, брачным союзом, деторождением, трудолюбием, умением вести и содержать хозяйство. В бурятской семье не только женщина стремилась удовлетворить потребности супруга, но и муж ставил себе целью следовать желаниям жены, что соответствовало ее ожиданиям и ценностям.

Ключевые слова: лама Э.-Х. Галшиев, «Зерцало мудрости», буддийское учение, женщина, бурятка, бурятское общество

Для цитирования: Аякова Ж. А. Женщина в контексте буддийского учения «Зерцало мудрости» ламы-просветителя Э.-Х. Галшиева // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 349–360. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-349-360

The Mirror of Wisdom by Ven. E.-Kh. Galshiev: Woman in Buddhist Contexts and Teachings

Zhargal A. Aiakova¹

¹ Filippov Buryat State Academy of Agriculture (8, Pushkin St., 670024 Ulan-Ude, Russian Federation) Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-7332-5952. E-mail: azhargal@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Aiakova Zh. A., 2022

Abstract. Introduction. The image of woman in Buryat literature had been created under the influence of Buddhist patriarchal views which led to discrimination against the former and humiliation of female nature in religious and social life. The article deals with the status of Buryat woman in *The Mirror of Wisdom*, a Buddhist composition authored by Ven. E.-Kh. Galshiev (1855–1915). It describes women's spiritual paths in pre-revolutionary Buryat society and demonstrates how Buddhist values had been incorporated into their daily life to determine spiritual and social foundations. **Goals.** The study seeks to examine the impacts and role of women in religious and social life of Buryat society, identify the causes of prejudice against women and somewhat contradictory interpretation of female essence. **Materials and methods.** The work analyzes Lama Galshiev's *Mirror of Wisdom* and fundamental treatises by outstanding Buddhist teachers. The main research methods are historical/philosophical and comparative analyses. The article proves topical enough due to the growing interest in gender studies as well as the need for a holistic understanding of the essence and role of woman not only in traditional but also in modern society. **Results.** Despite the influence of Buddhist teachings on interpretations of Buryat woman's status is obvious, Lama Galshiev's text contains no clear confirmation of discrimination against women or signs of oppression. There is a persistent opinion that Buryat women had been experiencing extremely difficult and rightless conditions in pre-revolutionary times, but Lama Galshiev tends to narrate a somewhat different image of woman — enjoying a certain degree of freedom and respectful enough. **Conclusion.** Though submissive in the Buddhist tradition, woman's status was never questioned in traditional religious and family life. Actual conditions of a Buryat woman in pre-revolutionary society were rather determined by her personal spiritual level, marriage, childbearing functions, household keeping skills. In Buryat family not only woman sought to satisfy the needs of her husband but the latter also set himself a goal of meeting his wife's wishes in accordance with her expectations and values.

Keywords: Ven. E.-Kh. Galshiev, *The Mirror of Wisdom*, Buddhist teaching, woman, Buryat woman, Buryat society

For citation: Aiakova Zh. A. *The Mirror of Wisdom by Ven. E.-Kh. Galshiev: Woman in Buddhist Contexts and Teachings*. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 349–360. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-349-360

Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. среди бурятского населения была распространена буддийская дидактическая литература тибетских, монгольских и бурятских авторов, излагающая сущность буддийского учения для мирян в относительно простой и доступной форме. Выдающийся вклад в развитие бурятской буддийской литературы внес доромбо-лама Эрдэни-Хайбзун Галшиев (1855–1915), бурятский религиозный деятель, ученый и просветитель. Сочинение Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй Толи» — «Зерцало мудрости: разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам» (далее «Зерцало мудрости») — представляет собой яркий образец бурятской национальной литературы и дидактического труда в форме поучений, разъясняющих духовное и мирское бытие бурят [Галшиев 1993], причем эти поучения несли в себе не столько религиозное, сколько светское содержание. Речь здесь идет о повседневном бытовании женщины и мужчины, их взаимоотношениях между собой и с другими членами социума, их положении в обществе. Женщина должна совершенствоваться в вероучении, строго выполнять нравственные обеты мирянки и стремиться реализовать себя наилучшим образом в семейной жизни. Любой человек, по мнению автора, должен самосовершенствоваться во всем: в учении, воспитании, поведении, ведении хозяйства и т. д. [Галшиев 1993: 167–169, 203–213, 298–310]. Но прежде всего ему следует усвоить нравственные принципы для развития таких благих качеств (парамит), как щедрость, сострадание, терпение, усердие, осознанность, мудрость, составляющих основное содержание духовного роста буддиста. Женщине без этих качеств невозможно достичь внутренней свободы, гармонии в семье и социуме.

Материалы и методы

Основными материалами исследования являются произведения Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» [Галшиев 1993] и фундаментальный трактат Чже Цонкапы «Большое руководство к этапам пути пробуждения» [Цонкапа 1994]. Были использованы методы историко-философского и сравнительно-сопоставительного анализа.

Женщина в буддизме

Проблема статуса и религиозности женщины в традиционном бурятском обществе освещалась в основном в контексте общей характеристики этноса [Басаева 1991; Герасимова, Галданова, Очирова 2000; Дугар-Нимаев 1983; Кузьмина 1980].

В качестве предмета специального исследования данная проблема представлена в монографии и статьях Л. Ю. Дондоковой [Дондокова 2000; Дондокова 2001; Дондокова 2006; Дондокова 2008], О. М. Бальжитовой [Бальжитова 2007], Т. Б. Бадмацыренова и Е. Л. Бадмацыреновой [Бадмацыренов, Бадмацыренова 2015; Бадмацыренов 2017], Р. Ж. Жалсановой [Жалсанова 1971]. Источниковый материал ламы Э.-Х. Галшиева ранее исследовался в основном с литературоведческой точки зрения.

Образ женщины в бурятской литературе создавался под влиянием буддийских патриархальных воззрений, часто приводивших к дискриминации женского начала, снижению религиозного и социального статуса женщин. В некоторых сочинениях этико-дидактического жанра для мирян, написанных бурятскими ламами, обнаруживается негативное отношение к женщине, которой отводилась зависимая, подчинительная роль [Дондокова 2008: 55].

Сочинение ламы Э.-Х. Галшиева отличается сдержанным характером относительно женского статуса и ее природы, хотя и отмечается гендерный стереотип, присущий культуре дореволюционного бурятского общества [Галшиев 1993].

Сравнительно-сопоставительный анализ сочинения ламы Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» и фундаментальных трудов буддийских учителей позволяет более целостно рассмотреть положение женщины в бурятском обществе, осмыслить ее место и роль в контексте буддийского учения. Автор обращает внимание на положение женщины, рассматриваемое по «двум законам»: духовному и мирскому [Галшиев 1993: 204, 324]. Согласно духовному закону женщина должна соблюдать буддийские принципы нравственного поведения: не убивать любое живое существо, не лгать и не пустословить, не брать то, что тебе не принадлежит, ста-

ратся не брать или вовремя отдавать долг, быть целомудренной и соблюдать гигиену ума и тела, молиться трем драгоценностям, почитать учителя своего мужа [Галшиев 1993: 172–175, 243–252, 298–324].

Согласно мирскому закону, женщина должна быть хранительницей домашнего очага, умелой и гостеприимной хозяйкой, скромной и верной женой. Хотя статус и роль женщины, обязанности мужа и жены отражают мужской духовный опыт, однако, на наш взгляд, он не сводится к принижению женщины, ограничению ее активности в религиозной и социальной жизни.

Если мужчина существует в экстенсивных отношениях и предназначен для жизни вовне, публичной, широкой, то женщина реализует себя в интенсивных отношениях и предназначена для жизни внутренней, домашней, близкой. Женщина как мать и хранительница очага имеет более прочную укорененность в «скрытом и непознаваемом единстве жизни», и если «для мужчины пол — это деятельность, то для женщины — бытие» (цит. по: [Брандт 2006: 71]).

Буддийское учение не отрицало принцип гендерного равенства, утверждало равные возможности мужчины и женщины в реализации духовного пути. Однако встречающиеся в канонических текстах противоречия по поводу отношения Будды к женщинам послужили поводом для предубеждений относительно женской природы, о чем говорится в «Готами Сутта» (Проповедь для Готами)¹. Так, в Дигха-никая (Собрание длинных поучений) на вопрос ближайшего ученика Ананды, как следует вести себя с женщинами, Будда наставляет держаться подальше от женщин, избегать их взглядом, не вступать с ними в разговор, а при их обращении к нему, сохранять бдительность и внимание [Дигха-никая 2020: 391].

В Джатаках женщина предстает похотливым существом, страсть и влечение которого могут вспыхнуть даже в глубокой старости, или лживой особью, способной на измену ради удовлетворения непреодолимого сладострастия [Джатака об одураченном 2018; Джатака о заклинании от тоски 2018].

¹ *Махапраджанати Готами* — сестра матери, кормилица и приёмная мать Будды; она была первой женщиной, попросившей у Будды Готами посвящения в монахини и вступления в сангху [Готами сутта 2014].

В ранних буддийских текстах женщина рассматривалась как воплощение плотского соблазна и скверны, обладательница примитивной природы и низкого характера, препятствующих развитию духовных качеств, «ведь тело женщины грязно, [оно] не сосуд Дхармы» [Готами Сутта 2014].

Представления раннего буддизма о женщине находят свое отражение в последующих буддийских учениях, а именно в «Большом руководстве к этапам пути Пробуждения» (Ламрим) Чже Цонкапы (1357–1419), основателя тибетской традиции Гелук, распространившейся среди монгольских народов. Ламрим стал руководством не только для монахов, но и для мирян, почитающих Цонкапу как «второго Будду».

Лама Э.-Х. Галшиев в своем произведении руководствуется основополагающими нравственными принципами, выраженными в доктрине Благородного восьмеричного пути, ведущей к избавлению от страданий и освобождению от сансары. В более концептуальной форме эта доктрина представляет собой буддийское учение о срединном пути, отрицающем крайности потакания своим слабостям и самоотречения. Чтобы следовать срединному пути, следует отказаться от негативных проявлений ума, деяний, речи, коренящихся в клешах ненависти, привязанности, невежества. Автор подробно объясняет виды деяний и их последствия как в религиозном, так и в мирском смысле [Галшиев 1993: 298–310].

Женщина, следующая срединному пути, должна совершенствоваться в вероучении, строго выполнять нравственные обеты мирянки и стремиться реализовать себя наилучшим образом в семейной жизни, так как она является подателем благого человеческого рождения. Приписываемые Будде наставления для женщин относятся именно к замужним женщинам: «жена по отношению к мужу должна содержать дом в порядке, хранить верность, не расточать доходов мужа и хорошо управляться с хозяйственными делами», «чтобы понимать работу мужа и помогать ему, жена должна учиться и заниматься самообразованием», «муж и жена должны духовно совершенствоваться», «жена должна почитать духовного учителя мужа» [Дондокова 2008: 53].

Патриархальная буддийская традиция создала систему запретов для женщин в пу-

бличной религиозной жизни: им запрещалось подниматься на второй этаж дацана, притрагиваться к изображениям и статуям будд и бодхисаттв, переходить дорогу перед ламами. Доступ к буддийскому образованию для бурятских женщин был невозможен, поскольку только ученики или слушатели мужского пола могли получать образование в дацанах. Таким образом, религиозное мировоззрение женщин формировалось благодаря не только родителям, но и их мужьям и родственникам мужчинам, следовавшим буддийскому вероучению.

Гигиена ума и тела женщины

В сочинении Э.-Х. Галшиева женщина прежде всего хранительница семейного очага, духовных ценностей и традиций, от нее зависит домашний комфорт, сохранение материального богатства, гармония семейных отношений. Статус дома для женщины был чрезвычайно высок, так как представлял собой сокровенное место, где соединялось, отражалось и формировалось все содержание жизни, символически воплощались ценности и смыслы существования, аккумулировались опыт поколений, традиции, социально-психологические установки. Э.-Х. Галшиев пристальное внимание уделяет такой женской обязанности, как соблюдение порядка и чистоты в жилище. Чистота является составным элементом буддийского идеала, воплощающим относительную чистоту мирского существования и абсолютную чистоту Будды, Сангхи, Дхармы.

Поэтому чистота и порядок в жилище соотнобразуются с понятием духовно-нравственной чистоты, чистоты помыслов, речи и деяний. В «Зерцале мудрости» женщина должна следить за чистотой в доме и во дворе «словно за чистотой своего лица», тогда высшие существа, «люди всех десяти сторон света зайдут к тебе и отведают кушанья» [Галшиев 1993: 6].

Особенно наставлялось держать в чистоте буддийский алтарь *гунгарбаа*, на который каждое утро божествам преподносилось подношение с чистыми помыслами, «высшие с чистоплотными привычками не побрезгуют принять у тебя пищу и питье» [Галшиев 1993: 6].

Чистота в доме и ближайшей среды обитания, физическая гигиена, имеют такое же большое значение, как гигиена ум-

ственная. Культ чистоты формировался благодаря буддийским текстам, где понятие «чистота», «чистый» имеет высокочастотное употребление: чистое сознание, чистое видение, чистые помыслы, чистые земли (сукхавети). Наведение чистоты и порядка в доме приравнивается к избавлению от умственных омрачений, то есть «очищаются все грехи, клеши и загрязнения твоего сознания» [Ело Ринпоче 2006: 7].

Таким образом, соблюдение порядка и чистоты в доме подразумевает интеграцию на грубом уровне переживания внешнего чистого, воспринимаемого как символ и воплощение позитивной ценности, с внутренней духовной чистотой.

Верность в браке в буддизме признается абсолютной ценностью. Э.-Х. Галшиев наставляет, что в случае нарушения супружеской верности женой, муж должен немедленно отказаться от нее, так как неверная жена «словно женщина-мангус из малого света, она таит большую опасность для твоей жизни» [Галшиев 1993: 252].

Сравнение неверной жены с мангусом неслучайно: в мифологии монгольских народов мангусы способны к оборотничеству и множеству чудовищных воплощений, разоряющих семейные гнезда, похищающих их имущество, стадо, детей, близких и родственников.

Верность супругов в буддизме способствует сохранению одного из пяти мирских обетов — отказ от прелюбодеяний. Это значит необходимо следовать правилам сексуальной жизни: воздержание от чрезмерных половых сношений, извращений, избегание совокупления в неподходящих местах и в неподходящее время. «Неуместные» формы полового поведения являются признаками невежества и безнравственности. Женщине не подобает проявлять свою чувственность, вожделение или страсть, так как они относятся к одному из трех корней яда, омрачающего сознание. Не зря в буддийской иконографии три яда ума — неведение, влечение, ненависть — изображены в центре колеса сансары в виде неразрывных свиньи, петуха и змеи соответственно.

Во избежание чрезмерного чувственного возбуждения или страстных желаний в «Зерцале мудрости» говорится, что мужу не стоит женой «пользоваться сверх меры». Если женщине это грозило навязчивыми желаниями и накоплением негативных кар-

мических потенциалов, то для мужчины чрезмерные телесные наслаждения оборачивались болезнями и преждевременной старостью: «в настоящей жизни тебя будут преследовать болезни, и ты состаришься, как бык или жеребец» [Галшиев 1993: 298].

Женщина должна быть сдержанной, стараться не показывать свою чувственность, подразумевающую склонность к плотским наслаждениям, необузданным влечениям, аффективным состояниям — гневу, восторгу, горю, удовольствию, не должна поддаваться воздействию внешних объектов и эмоционально реагировать на них. Проявление страсти характеризуется доминирующим свойством и сильным влечением к объекту страсти, поэтому воздержание является одним из корней страдания в буддийской доктрине [Ело Ринпоче 2006: 64, 74, 90].

Регламентация сексуальной жизни супругов подробно описана в параграфе «О распутстве» в учении Ламрим, в котором Цонкапа рассматривает такие признаки прелюбодеяния, как «неподходящие для совоплощения люди» (с чужими женами, незамужними женщинами, «охраняемыми семьей», проститутками, «нанятыми другими» и др.); «неподходящие члены [тела]» (рот, анус и др.); «неподходящие места» (вблизи ступ, реликвий, изображений будд, в доме родителей и т. д.); «неподходящее время» (в период менструаций, последних месяцев беременности, кормления грудью, однодневного обета, болезни, уныния и др.) [Цонкапа 1994: 282]. Соблюдение целомудрия женщиной является противоядием чувственным клешам и распутному поведению, залогом крепкой семьи, рождения здоровых детей и сохранения домашнего очага.

Отношения мужа и жены

Согласно буддийскому преданию, существует семь видов жен: жена как убийца, вор, тиран, мать, сестра, друг и рабыня [Бхария сутта 2014]. Гневные, алчные, безнравственные жены подобны первым трем видам, которых «с распадом тела ад ожидает»; великодушные, оберегающие семейное хозяйство, имеющие высокое мнение о своих мужьях, честные и исполняющие их волю, воспитанные и нравственные, «себя обуздавшие», подобны матерям, сестрам, друзьям и рабыням, которые «с распадом тела в мир небесный попадают» [Бхария сутта 2014].

Таким образом, буддийский идеал женщины воплощает собой совокупность таких качеств, как материнская забота, сестринская кротость, надежность друга и преданность рабыни. Брачный статус женщины в системе традиционных ценностей буддизма являлся более предпочтительным и значимым. Именно в браке она могла раскрыть свое внутреннее богатство, реализовать свои качества, необходимые для благополучной семейной жизни. За внешней скромностью и покорностью замужней бурятки скрывались верность, терпение, мудрость и достоинство. Патриархальное мышление культивировало и абсолютизировало функции деторождения, домашней работы и угождения, что лишало любовь женщины серьезности и веса, умаляло ее значение или превращало в ничто. Однако в буддийской традиции понятие любви в меньшей степени связано с эмоциональными и физическими реакциями, порождаемыми страстью и привязанностью, здесь любовь объемлет прежде всего сострадание и сердечную доброту. В бурятской семье не принято было демонстрировать свои чувства прилюдно, выказывать свои эмоции и проявлять порывы любовных отношений. Женщина, обуздавшая свои желания и эмоции, отличалась внутренним духовным стержнем, определяющим ее поведение и обязанности не только на благо близких, но и на благо других, что является основным принципом буддийской этики. «Воздерживайся выражать свои чувства радости или гнева, будь подобен морю, у которого никогда не волнуется дно» [Галшиев 1993: 257]. Взаимоуважение и взаимопонимание между мужем и женой не нуждались в их демонстрации или чувственных проявлениях. Сдержанность мужа в отношении жены является признаком мудрого и глубокого чувства. Автор наставляет: «не смотри часто в сторону жены», иначе все заметят, «что ты бессильный, последний муж», а «если хвалить жену, это все равно, что хвалить ее женские прелести» [Галшиев 1993: 218]. Хвалиться и хваться перед своей женой — «привычка последнего мужчины». Если появляется необходимость спросить или посоветоваться с женой, то лучше это делать «в скрытом месте», а не в присутствии посторонних людей, иначе «это будет посмешищем» [Галшиев 1993: 171, 263].

Мужчина в бурятских семьях, выполняя функции отца и мужа, не позволял себе грубости и самоуправства в отношении жены и детей. Привязанность супругов определялась заботой друг о друге, взаимными обязанностями по хозяйству, воспитанием детей, помощью родителям, сохранением традиций и духовных ценностей. Вместо привычного нам понятия любви как чувства, основанного на взаимной страсти и половом влечении, у бурят употребляется понятие *хайрлаха*, т. е. заботиться, сострадать, проявлять жалость. *Хайрлаха* не есть жалость покровительская, утешение или милость и не идет на поводу эго, а означает отсутствие суждения, проявление заботы и уважения не только к близким, но и ко всем людям. Буддийская практика сострадания ко всем живым существам противостоит доминированию чувственных желаний и способствует их трансформации в гармоничное состояние и спокойный ум.

В поучении Э.-Х. Галшиева женщина должна умело и грамотно управлять домашним хозяйством. Хотя, будучи невестой, она должна обладать этим умением, но в доме мужа она принимала «правила игры» его семьи, свекра и свекрови, необходимо было приспособиться к их характерам и укладу жизни. Поэтому муж должен жену «научить торговле и навыкам счета», чтобы «мощь дома не пришла в упадок». Жена ни в коем случае не должна быть ленивой, «без дела болтаться по чужим домам, селам», дабы не прослыть «бродячей собакой» [Галшиев 1993: 183]. Хорошая жена отличается гостеприимством, поэтому «прежде хорошо научи жену и прислугу правилам угощения гостей»; у доброй хозяйки в запасе всегда много «доброй пищи и ягод», она должна угощать самой вкусной едой любого скитальца как званого дорогого гостя и не скуπиться [Галшиев 1993: 231–294].

Материальная щедрость и радость от помощи другим в буддизме являются одними из основных даяний, способствующих накоплению заслуг и благой кармы. Буряты считают, что проявление щедрости в настоящей жизни сулит богатство в будущем перерождении, а радость или сорадование может обернуться доброй славой о нравах хозяев дома. Таким образом, жена и хозяйка, умеющая сохранять и приумножать домашнее имущество, щедрая духовно и мате-

риально, достойна уважения и заботливого внимания мужа.

Забота мужа о жене проявляется в выполнении мужских обязанностей по хозяйству: строительство дома и обеспечение его безопасности, укрепление стен и двери жилища «словно вход в военную крепость», забота о том, чтобы он был «полезен здоровью и приятен душе» [Галшиев 1993: 167].

Жена должна быть грамотной, уметь распоряжаться материальными ценностями, не стремиться к обогащению, но и не жалеть денег на хорошую одежду и полезную пищу, хорошо знать правила торговли, чтобы дом не пришел в упадок. Скрамность женщины проявляется в почитании веры и накоплении духовных заслуг прежде, чем накопление и сохранение материального достатка; в предпочтении национальной «родной красивой одежды», нежели подражание «нарядам других народов»; в наличии украшений к месту и по поводу и т. д. В воспитании детей жена должна придерживаться нескольких правил: занимать детей с младенческого возраста, с мудростью развлекать их, так как не стоит «лежащих в люльке малолетних детей заставлять спать все время, подобно тарбагану», следить за его питанием, избегая чрезмерного потребления мяса, жирной пищи и т. д. [Галшиев 1993: 174–176].

Буддисты до сих пор считают, что рождение мужчиной является результатом благой кармы, т. е. родиться мужчиной является более благоприятным, чем женщиной. Если в буддизме и допускалось достижение женщинами архатства или просветления, то часто при условии перерождения мужчиной. Цонкапа отмечает достоинство рождения мужчиной, так как именно мужчины способны быть «сосудами всех достоинств», а причины созревания достоинства рождения женщиной закладываются по причине «радости от достоинств мужчины; недовольства женским положением, признания его ущербным; отвращения желающих обрести женское тело от их стремления; спасения от оскпления» [Цонкапа 1994: 319–322].

Радость от рождения мальчика увеличивает духовные заслуги матери и отца, укрепляет их взаимодействие и гарантирует продолжение рода. Поэтому данный аспект учения Цонкапы нашел свое отражение в следующем наставлении Э.-Х. Галшиева:

«Не верь даже своей жене до тех пор, пока она не родит сына» [Галшиев 1993: 213]. Таким образом, влияние буддийского учения на гендерный стереотип в бурятском обществе очевиден. В рождении сына отцы видят подтверждение своей собственной значимости; женщины же понимают, что общество будет благоволить к своей мужской половине.

В современных буддийских обществах до сих пор сильны традиции возвышения мальчиков в семье относительно девочек. Например, в тибетской семье девочка не может даже нечаянно сесть на одежду мальчика, не может перешагнуть через голову мальчика, во время стирки сначала стирают одежду мальчика, еда за обедом в первую очередь подается мальчику, а не девочке [Кельян 2020: 23].

В бурятской семье в сыновьях видели отцовского наследника, продолжателя рода, именно дети мужского рода принимали эстафету у своих отцов и играли важную роль в укреплении рода и положения, сохранении хозяйства и имущества, устоев и традиций семьи. Сын выступал «объектом инвестиционного вложения» [Фромм 2010: 166] и играл важную роль в укреплении социального престижа семьи.

«Нет нигде надежнее друга, чем собственный сын», говорится в «Зерцале мудрости» [Галшиев 1993: 232]. Поэтому женщина, родившая несколько сыновей, повышала свой статус в глазах близких и пользовалась уважением в обществе. Провозглашение Цонкапой «пусть все женщины постоянно становятся мужчинами мужественными, храбрыми, мудрыми и просветленными!» [Цонкапа 1994: 153] воспринимается женщинами как призыв к преодолению человеческих слабостей и установлению ценностей и приоритетов, определяющих взаимоотношения в семье и в социуме.

Буддисты считают, что аборт относится к негативным деяниям, поскольку является одной из форм убийства. Человеческий эмбрион считается таким же полноправным живым существом, как и родившийся ребенок, поэтому у бурят возраст человека исчислялся со дня зачатия, а не со дня его рождения. Отсутствие детей в семье воспринималось как большое несчастье. Когда бездетные супруги брали ребенка у близких родственников, те, как правило, отдавали

своего ребенка без колебаний, так как чувство единой большой семьи у бурят было развито чрезвычайно сильно, а чувство сострадания заставляло относиться к чужому горю как к своему.

Женщина — мать и хранительница традиций

В буддийском учении женщина в роли матери выступает идеалом истинного сострадания и милосердия. Приемная мать Будды Махапраджапати стала первой женщиной-монахиней, вступившей в сангху монахов. В то время это было революционным решением Будды [Уланов 2019: 18], но, возможно, именно сыновний долг и сострадание к матери послужили причиной его согласия после долгих сомнений и нескольких отказов на ее просьбу стать полнопосвященной монахиней *бикшунни* [Аякова 2017: 56–60]. Будда признавал, что женщины, будучи бикшунни, могут достичь архатства, но отмечал, что из-за появления сангхи монахинь Учение Дхармы продлится не 1 000 лет, а 500 [Готами сутта 2014].

В Бурятии никогда не существовал институт буддийских монахинь *бикшунни*. Верующие бурятки в преклонном возрасте принимали буддийские обеты послушниц *убсанцы* или *генинмы*, посвящали все свое время молитвам и участию в религиозных обрядах в целях накопления духовных заслуг и улучшения кармы. В этом им помогали ламы-наставники, авторитет которых был чрезвычайно высок в дореволюционное время. Женщины-послушницы принимали постриг и облачались в бордовые или желтые одежды, а в народе их называли *шабганса* (монахиня) [Дондокова 2008: 56]. В советское время в бурятском обществе название *шабганса* приобрело уничижительный оттенок, подтверждением чему служит распространенная в то время пословица «Старуха-монахиня (монг. *чавганц*) аймачные сплетни распространяет» [Кульганек 2011: 297].

Идея буддизма о «неоплатном долге» детей перед своими родителями за их заботу и доброту нашла свое отражение в духовном пространстве бурят. У Э.-Х. Галшиева сказано: «Благодетельному отцу и матери воздавай почет, согласно учению. Все земные говорят: они живые воплощения богов в этой жизни» [Галшиев 1993: 171].

В тибетском учении Ваджраяны практик материнской тантры совершает простижение (физически или мысленно) и выражает почтение женщине как божеству [Shaw 1994: 35].

В Ламриме медитация на бодхичитту начинается с признания того, что все живые существа в прошлых жизнях были нашими матерями, поэтому у Э.-Х. Галшиева: «проникайся состраданием ко всем живым, как к родной матери-старушке» [Галшиев 1993: 328].

В тибетском буддизме имеется множество женских божеств, но особо бурятскими верующими почитается Мать Зеленая Тара (Ногон Дара Эхэ), вобравшая в себя силу всех будд трех времен. Существует большое многообразие обрядовых текстов и практик, связанных с традицией почитания и поклонения Таре: восхваления, гимны, комментарии, жизнеописания, истории и т. п. [Сумьяя 2012: 70–74]. А пантеон дакинй в тантре помогает развивать чувствительность практика к особой энергии, помогающей относиться к женщине как к возможности высоких реализаций [Знаменитые 1996: 12].

Сегодня женщины-буддистки Бурятии продолжают традиции учения Будды, играют активную роль в религиозной и общественной жизни республики. Постсоветская Бурятия характеризуется возрождением буддизма: здесь восстанавливаются и строятся новые дацаны, проводятся общественные молебны, отмечаются буддийские праздники. В бурятских семьях ежедневные ритуалы традиционно проводятся женщиной: каждое утро она совершает поклонение и подношение *бурханам* (буддам) на алтаре, возжигает *адис* (ароматные палочки), повторяет мантры, в основном *ом мани падме хум*, но все больше женщин читают наизусть мантры Белой и Зеленой Тары, Балдан Лхамо, Ами табхи.

Убранство базового алтаря мирянки состоит из трех объектов, символизирующих тело, речь и ум Будды. Центральным объектом является статуя Будды или бодхисаттвы, слева размещаются буддийские тексты, символизирующие речь Будды. Справа размещается ступа как символ ума Будды. Вместо каждого из этих объектов верующие могут использовать их изображения. Женщины посещают дацаны и дуганы чаще, чем мужчины, поскольку женщины в боль-

ше степени обладают религиозным сознанием, определяющим их поведение и чувство кармической ответственности. Важно отметить, что женщины смогли сохранить буддийские традиции в советский антирелигиозный период, они пронесли веру через самые трагические этапы истории [Tsomo 2016: 86–98].

В Бурятии именно женщины составляют основную массу верующих, в которой формируются «общности буддийских религиозных активисток» [Бадмацыренов 2017: 26]. Современные бурятские женщины имеют самые широкие возможности для совершения паломнических поездок как внутри региона, так и за его пределами. Женщины составляют подавляющее большинство паломников-туристов в Бурятии [Очирова и др. 2021: 80]. Они помогают в обустройстве дацанов, в реконструкции и декорации их внутреннего убранства, в организации крупных религиозных служб и буддийских праздников. Буддисткам удается эффективно совмещать религиозные практики с общественной деятельностью, заниматься научной деятельностью и продвигать буддийские ценности. Они демонстрируют пример того, как буддийские женщины могут реализовать свой потенциал, быть услышанными и признанными за свои заслуги. Хотя некоторые животрепещущие вопросы остаются открытыми и до сих пор существуют барьеры в преодолении патриархальности, это не мешает буддийским женщинам продолжать духовный путь и оставаться преданными последователями учения Будды.

Заключение

Буддийское мировоззрение повлияло на все стороны социальной жизни бурятского общества, в том числе и на положение женщины. Женское пространство в совокупности духовной, материальной, обрядовой, семейно-брачной сфер восходит к «женскому вопросу» в буддийском учении, хотя и утверждавшем гендерное равенство, но в то же время допускавшем женскую несостоятельность как «сосуда Дхармы». Буддийское учение относительно женской природы оказало влияние на мировоззрение бурят, тем не менее в сочинении ламы Э.-Х. Галшиева сложно обнаружить идеи дискриминационного характера относительно женщины и признаки ее угнетения. Наоборот, мы пришли к выводу,

что естественное положение женщины как хранительницы домашнего очага, умелой хозяйки, верной спутницы приносит ей удовлетворение от осознания себя находящейся на своем месте, достигшей цели, отвечающей ее духовным ценностям и природным способностям. В бурятской семье не только женщина стремилась удовлетворить потребности супруга, но и муж ставил себе целью следовать желаниям жены. Положение бурятской женщины в дореволюционном обществе определялось уровнем ее духовного развития, брачным союзом,

деторождением, трудолюбием, умением вести и содержать хозяйство. Домашний труд женщины, ее вклад в благосостояние семьи получали однозначно высокое общественное признание. Достигнув преклонных лет, женщина со стороны своих детей и внуков и в целом всего общества пользовалась большим уважением и заботой, при этом ее статус и богатый жизненный опыт позволяли участвовать в семейных и общеродовых мероприятиях, воспитании последующих поколений и передаче им традиционных ценностей.

Литература

- Аякова 2017 — Аякова Ж. А. Феминизация буддийского монашества в США: древние традиции и современная действительность // Личность и культура. 2017. № 6. С. 53–63.
- Бадмацыренов, Бадмацыренова 2015 — Бадмацыренов Т. Б., Бадмацыренова Е. Л. Женщины в буддийских сообществах Бурятии: историко-социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6–1. С. 60–65.
- Бадмацыренов 2017 — Бадмацыренов Т. Б. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия // Ойкумена. 2017. № 2. С. 18–27.
- Бальжитова 2007 — Бальжитова О. М. Положение женщины в буддизме Индии, Монголии и Бурятии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 23 с.
- Басаева 1991 — Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Брандт 2006 — Брандт Г. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб.: Алетейя, 2006. 160 с.
- Бхария сутта 2014 — Бхария сутта: Жены. АН.7.63 (ред. перевода 08.01.2014) [электронный ресурс] // Тхеравада.ру. Палийский канон. Суттанта. Ангутара Никая. АН 7: Саттака Нипата — Книга Семи. Вторые Пятьдесят. Семь видов жен. URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an7_63-bhariya-sutta-sv.htm (дата обращения: 25.02.2022).
- Галшиев 1993 — Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. 352 с.
- Герасимова, Галданова, Очирова 2000 — Герасимова К. М., Галданова Г. Р., Очирова Г. Н. Традиционная культура бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 143 с.
- Готами сутта 2014 — Готами сутта: Готами. АН 8.51 (ред. перевода 08.01.2014) [электронный ресурс] // Тхеравада.ру. Палийский канон. Суттанта. Ангутара Никая. АН 8: Аттахакка Нипата — Книга Восьми. Вторые Пятьдесят. URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_51-gotami-sutta-sv.htm (дата обращения: 05.06.2021).
- Дигха-никая 2020 — Дигха-никая (Собрание длинных поучений) / пер. А. Я. Сыркина; отв. ред. В. П. Андросов. М.: Наука, Вост. лит., 2020. 902 с.
- Джатака о заклинании от тоски — Джатака о заклинании от тоски [электронный ресурс] // Собрание джатак. 2018. URL: <https://www.oum.ru/literature/buddizm/o-zaklinanii-ot-toski/> (дата обращения: 23.02.2021).
- Джатака об одураченном — Джатака об одураченном [электронный ресурс] // Собрание джатак. 2018. URL: <https://www.oum.ru/literature/buddizm/ob-odurachenom/> (дата обращения: 23.02.2021).
- Дондокова 2008 — Дондокова Л. Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2008. 208 с.
- Дондокова 2000 — Дондокова Л. Ю. Женщина в религиозных воззрениях бурят и связанные с ними запреты // Цырендоржиевские чтения. Киев: Стило, 2000. С. 40–50.
- Дондокова 2001 — Дондокова Л. Ю. Статус первых буддийских монахинь — бхиккхуни (бхикшуни) // Мир буддийской культуры: мат-лы междунар. симпозиума. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. С. 25–32.
- Дондокова 2006 — Дондокова Л. Ю. Идеал женщины в буддийской литературе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: мат-лы конф. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2006. С. 255–259.

- Дугар-Нимаев 1983 — *Дугар-Нимаев Ц. А.* Источники из истории бурятской литературы из фонда М. Н. Хангалова // Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 169–177.
- Ело Ринпоче 2006 — *Ело Ринпоче* Краткое объяснение сущности Ламрима. Улан-Удэ: БЦ Ринпоче Багша, 2006. 134 с.
- Жалсанова 1971 — *Жалсанова Р. Ж.* О религиозности женщин в сельских районах Бурятии // Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. С. 104–114.
- Знаменитые 1996 — Знаменитые йогини. Женщины в буддизме. Сборник / пер.: С. Хос, илл. и сост.: М. Черепанов. М.: Путь к себе, 1996. 256 с.
- Кельян 2020 — *Кельян.* Женщины Тибета. Хабаровск: Издатель Валентина Козинец, 2020. 208 с.
- Кузьмина 1980 — *Кузьмина Е. Н.* Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 160 с.
- Кульганек 2011 — *Кульганек И. В.* Монгольская афористическая поэзия о буддизме // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Четвертые Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 294–300.
- Очирова и др. 2021 — *Очирова О. А., Антонов В. И., Бадмаев В. Н., Пурэвсүрэн Б., Петрова А. А.* Социальный портрет буддиста паломника Бурятии: от традиционного к онлайн-формату (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 79–91.
- Сумъяа 2012 — *Сумъяа Д.* Традиция почитания Тары в буддизме // *Oriental Studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). 2012. Т. 5. № 3. С. 70–75.
- Уланов 2019 — *Уланов М. С.* Буддизм в феминистском контексте: исторический опыт и современный дискурс // *Logos et Praxis*. Т. 18. 2019. № 2. С. 14–23.
- Фромм 2010 — *Фромм Э.* Кризис психоанализа. М.: АСТ; Полиграфиздат, 2010. 252 с.
- Цонкапа 1994 — *Цонкапа Чже.* Большое руководство к этапам пути пробуждения. Кн. 1–5. Т. 1 / пер. А. Кугявичуса; под общ. ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. 446 с.
- Shaw 1994 — *Shaw M.* *Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism.* Princeton: Princeton University Press, 1994. 291 p.
- Tsomo 2016 — *Tsomo K. L.* *Kalmyk Women's Covert Buddhist Practice* // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2016. V. 20. Is. 1. Pp. 86–98.

References

- Aiakova Zh. A. Feminization of Buddhist monasticism in the USA. *Personality and Culture*. 2017. No. 6. Pp. 53–63. (In Russ.)
- Andabhuta Jātaka. On: OUM Club (website). Collected Jātakas. 2018. Available at: <https://www.oum.ru/literature/buddizm/ob-odurachennom/> (accessed: February 23, 2021). (In Russ.)
- Asatamanta Jātaka. On: OUM Club (website). Collected Jātakas. 2018. Available at: <https://www.oum.ru/literature/buddizm/o-zaklinanii-ot-to-ski/> (accessed: February 23, 2021). (In Russ.)
- Badmatsyrenov T. B. Social structure of Buddhist community: The components and their interrelations. *Ojkumena*. 2017. No. 2. Pp. 18–27. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T. B., Badmatsyrenova E. L. Women in the Buddhist communities of Buryatia: Historical and sociological analysis. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 6–1. Pp. 60–65. (In Russ.)
- Balzhitova O. M. Buddhism of India, Mongolia and Buryatia: Women's Status Analyzed. Cand. Sc. (philosophy) thesis abstract. Chita, 2007. 23 p. (In Russ.)
- Basaeva K. D. Family and Marriage among the Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
- Bharyā Sutta. Kinds of Wives. AN.7.63 (transl. edited: January 8, 2014). On: Tkheravada.ru. The Pāli Canon. Suttanta [Pitaka]. Anguttara Nikāya. AN 7: Sattakanipāto — The Book of Sevens. The Seven Kinds of Wives. Available at: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an7_63-bharyiya-sutta-sv.htm (accessed: February 25, 2022). (In Russ.)
- Brandt G. Feminist Philosophy: Woman's Nature. St. Petersburg: Aletheia, 2006. 160 p. (In Russ.)
- Cherepanov M. (comp.) The Glorious Yoginis: Women in Buddhism. Collected texts. Moscow: Put k Sebe, 1996. 256 p. (In Russ.)
- Dīgha Nikāya (Collection of Long Discourses). A. Syrkin (transl.); V. Androsov (ed.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2020. 902 p. (In Russ.)

- Dondokova L. Yu. Female ideal in Buryat Buddhist literature, mid-19th to early 20th century. In: Peoples of Siberia, Central and East Asia. History and Culture. Conference proceedings. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2006. Pp. 255–259. (In Russ.)
- Dondokova L. Yu. Status of earliest bhikkhunis — Buddhist female monks. In: The World of Buddhist Culture. Symposium proceedings. Chita: Transbaikial State Pedagogical University, 2001. Pp. 25–32. (In Russ.)
- Dondokova L. Yu. Woman in religious beliefs of Buryats and related taboos. In: Tsyrendorzhiev Readings. Kiev: Stilos, 2000. Pp. 40–50. (In Russ.)
- Dondokova L. Yu. Women's Status in Buryat Traditional Society, Mid-19th to Early 20th Century. Ulan-Ude: Filippov Buryat State Academy of Agriculture, 2008. 208 p. (In Russ.)
- Dugar-Nimaev Ts. A. History of Buryat literature: Materials from the M. Khangalov Collection revisited. In: Contemporaneity and Traditional Culture of Buryatia's Peoples. Ulan-Ude: Buryat Institution (SB USSR Ac. of Sc.), 1983. Pp. 169–177. (In Russ.)
- Fromm E. The Crisis of Psychoanalysis. Moscow: AST; Poligrafizdat, 2010. 252 p. (In Russ.)
- Galshiev E.-Kh. The Mirror of Wisdom. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M., Galdanova G. R., Ochirova G. N. Buryat Traditional Culture. Ulan-Ude: Belig, 2000. 143 p. (In Russ.)
- Gèyāng. Women of Tibet. Khabarovsk: Valentina Kozinets, 2020. 208 p. (In Russ.)
- Gotami Sutta: Gotami. AN 8.51 (transl. edited: January 8, 2014). On: Tkheravada.ru. Pāli Canon. Suttanta. Anguttara Nikāya. AN 8: Atthakanipāto — The Book of Eights. Available at: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_51-gotami-sutta-sv.htm (accessed: June 5, 2021). (In Russ.)
- Kulganek I. V. Mongolian aphoristic poetry about Buddhism. In: Buddhist Culture. History, Source Studies, Linguistics and Arts. The Fourth Dorzhiev Readings. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. Pp. 294–300. (In Russ.)
- Kuzmina E. N. Heroic Epic of the Buryat People: Female Images Reviewed. Novosibirsk: Nauka, 1980. 160 p. (In Russ.)
- Ochirova O. A., Antonov V. I., Badmaev V. N., Purevsuren B., Petrova A. A. Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: From traditional to online format (Based on the results of a sociological study). *The New Research of Tuva*. 2021. No. 2. Pp. 79–91. (In Russ.)
- Shaw M. Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism. Princeton: Princeton University Press, 1994. 291 p. (In Eng.)
- Sumyaa D. The tradition of venerating Tara in Buddhism. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. Vol. 5. No. 3. Pp. 70–75. (In Russ.)
- Tsomo K. L. Kalmyk women's covert Buddhist practice. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2016. Vol. 20. No. 1. Pp. 86–98. (In Eng.)
- Tsongkhapa Je. The Great Treatise On The Stages Of The Path To Enlightenment. Book 1–5. Vol. 1. A. Kugyavichus (transl.), A. Terentyev (ed.). St. Petersburg: Narthang, 1994. 446 p. (In Russ.)
- Ulanov M. S. Buddhism in the feminist context: Historical experience and modern discourse. *Logos et Praxis*. 2019. Vol. 18. No. 2. Pp. 14–23. (In Russ.)
- Yelo Rinpoche. A Brief Introduction to Lamrim Essentials. Ulan-Ude: Rinpoche Bagsha, 2006. 134 p. (In Russ.)
- Zhalsanova R. Zh. Religiosity of women in rural Buryatia revisited. In: Overcoming Vestiges of Lamaism, Shamanism, and Old Believers' Movement. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1971. Pp. 104–114. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 361–372, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 392.51

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-361-372

Терминология традиционного свадебного комплекса у калмыков: *шахата*

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Шараева Т. И., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается термин «шагата» (калм. *шахата*), которым обозначалось и сватовство, и девушка в статусе невесты. Анализ материалов по свадебной обрядности калмыков в XIX в. и ойратских групп Китая и Монголии показал более широкое его употребление в традиционных обществах. В современной свадебной обрядности калмыков данный термин не используется. *Материалы и методы.* Материалами исследования послужили работы исследователей традиционного быта и культуры калмыков о традиционной свадебной обрядности калмыков. Нами также проанализированы публикации исследователей обрядовой культуры народов Южной Сибири, Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и структурно-функциональный методы. *Результаты и выводы.* Анализ материалов о термине «шагата» в традиционной свадебной традиции калмыков позволяет нам говорить о его полисемантической. Он маркировал: получение девушкой статуса невесты, возникновение новой семьи, введение нового члена в родственное сообщество, имущественные отношения брачующихся сторон, количество угощения на свадьбе. Термин «шагата» в традиционном калмыцком обществе был связан с кочевым образом жизни, традициями и традиционным мировоззрением номадов. Его исчезновение связано с изменением форм хозяйствования и образа жизни, трансформацией обрядовой культуры калмыков.

Ключевые слова: калмыки, свадьба, традиционные представления, берцовая кость, чадорodie, имущественные отношения, свадебное угощение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Шараева Т. И. Терминология традиционного свадебного комплекса у калмыков: *шахата* // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 361–372. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-361-372

Shayata / *Uahama*: One Term of Kalmyk Traditional Wedding Revisited

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sharaeva T. I., 2022

Abstract. *Introduction.* The article deals with the term ‘shayata’ (Kalm *uahama*) to have denoted both the matchmaking process and the young woman as bride proper. The insight into materials on wedding rites of 19th-century Kalmyks and Oirat groups of Mongolia and China attests to that the term is rather widespread in traditional communities. So, the lexeme is virtually absent in present-day Kalmyk wedding discourse. *Materials and methods.* The study analyzes works to have examined traditional household activities and cultural phenomena of Kalmyks related to traditional wedding rites. Special attention is paid to publications exploring ethnic ritual cultures of Southern Siberia, Mongolia, and Xinjiang (China). The employed research methods include the comparative/historical, comparative proper, and structural/functional ones. *Results.* The analysis of materials dealing with the term ‘shayata’ in the Kalmyk wedding tradition makes it possible to suggest a polysemantic meaning inherent thereto. So, it served to mark a number of aspects, such as a young woman’s status of bride, emergence of a new family, introduction of the woman into the community of relatives, property relationships between the two sides of the marriage, and numbers of wedding treats. In traditional Kalmyk society, the term was closely associated with nomadic lifestyle, traditions and centuries-old worldviews of nomads. The factors to have caused its disappearance are changes in economic patterns and modes of life, transformed ritual culture of Kalmyks.

Keywords: Kalmyks, wedding, traditional performances, tibia, childbearing, property relationships, wedding treats

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Sharaeva T. I. *Shayata* / *Uahama*: One Term of Kalmyk Traditional Wedding Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 361–372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-361-372

Введение

В настоящее время традиционная свадебная обрядность калмыков, вызывает интерес не только у различных исследователей, но, как ни парадоксально, и у самих калмыков. Казалось бы, исследователю достаточно опросить местное население и дополнить полученные сведения материалами из различных источников, чтобы составить общую картину о традиционной свадебной обрядности. Вместе с тем, чтобы объяснить или понять смысл некоторых обрядовых и ритуальных действий современного свадебного комплекса, сами калмыки нередко прибегают к опросу стар-

шего поколения или изучению материалов о традиционной свадебной обрядности тюрко-монгольских народов. К сожалению, сложившаяся ситуация — показатель значимых трансформаций и утрат в обрядовой сфере у калмыков. Причины произошедшего кроются в исторических событиях, приведших к резкому изменению образа жизни с кочевого на оседлый, к деформации социальных связей, к утрате языка и традиционной культуры с начала XX в. по настоящее время. Несомненно, что все вышеуказанное затронуло и свадебную обрядность калмыков как связанную с качественными изменениями в

жизни каждого человека, ведь специфика свадебных обрядов у калмыков была обусловлена хозяйственно-культурным типом кочевников Центральной Азии. В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть термин *шахата* традиционного свадебного комплекса калмыков, который вышел из употребления.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили работы исследователей традиционного быта и культуры калмыков о свадебной обрядности калмыков [Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Бентковский 1869; Житецкий 1893]. Нами также проанализированы публикации исследователей обрядовой культуры народов Южной Сибири, Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Автор привлекал и свои ранее опубликованные работы.

В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и структурно-функциональный методы.

Свадебный комплекс

Современный свадебный комплекс у калмыков включает: знакомство (*зэң оруллһн*), сватовство (*хурвн бортх* / *тавн бортх*), свадьба (*хурм*), приезд родителей и близких невесты (*берин төркн*). Из его состава полностью исчезли или трансформировались многие этапы, обряды и ритуалы, обусловленные кочевым образом жизни и связанными с ним представлениями. Одним из таких примеров является наличие в настоящее время двух терминов, обозначающих сватовство: *хурвн бортх* и *тавн бортх*.

В традиционном свадебном комплексе калмыков предсвадебный цикл¹ включал пять основных и несколько промежуточных

¹ Традиционный свадебный комплекс калмыков состоял из предсвадебного цикла, включавшего пять поездок (*нег бортх* или *зэң оруллһн* — предварительный сговор, *хойр бортх* — подтверждение полученного ранее согласия, *хурвн бортх* — сватовство, *дөрвн бортх* — смотрины жениха, *тавн бортх* — изготовление предметов быта из ткани и войлока, сезонной женской одежды), свадьбы *хурм* и послесвадебного цикла (посещение невесты родителями *берин төркн* и приезд дочери к родителям после свадьбы через год *төркиллһн*) [Шараева 2011: 134–135].

поездок² представителей стороны жениха к родным невесты. Пять значимых приездов сватов на сторону невесты до свадьбы обозначались по наименованию и количеству кожаных сосудов *бортх*, в котором доставлялась молочная водка: первый приезд — *нег бортх* (букв. ‘одна бортха / один кожаный сосуд’), второй приезд — *хойр бортх* (букв. ‘две бортхи / два кожаных сосуда’) и т. д. Во время третьей поездки проходило сватовство, а пятый приезд представителей стороны жениха завершал весь предсвадебный цикл.

В современной свадебной обрядности у калмыков оба термина — *хурвн бортх* и *тавн бортх*, обозначавших в прошлом разные этапы предсвадебного цикла, стали равнозначными вследствие трансформации традиционного предсвадебного цикла и маркируют сватовство как завершение предсвадебного этапа.

Вместе с тем в различных источниках встречается другой термин, обозначающий сватовство, — *шахата*. Как отмечал П. И. Небольсин в описании свадьбы у калмыков Хошеутовского улуса³, «первые обряды сватовства и сговора называются у калмыков „шагата“» [Небольсин 1852: 69].

Этот же термин встречается в описании сватовства у калмыков в работе Н. А. Нефедьева: «событие сие, называемое шагата, составляет сговор или помолвку» [Нефедьев 1834: 193].

И. А. Житецкий указывал, что «первое действие брачной драмы — „шагата“, или

² Сторона жениха должна была посещать сторону невесты до свадьбы для доставления зимнего продовольствия, если между сватовством и свадьбой проходила зима, материалов для изготовления убранства жилища и хозяйственных принадлежностей, для оповещения о сроках свадьбы и т. д.

³ К началу XX в. на территории Российской империи калмыки проживали в различных регионах: Астраханской (в составе восьми улусов — Малодербетовского, Манычского, Икицохуровского, Багацохуровского, Харахусовского, Эркетеневского, Яндыко-Мочажного, Хошеутовского), Ставропольской (Большедербетовский улус) и Оренбургской губерниях, области Войска Донского, Терской (Кумской аймак) и Уральской областях, а также на территории казачьих войск: Донского, Терского, Оренбургского, Астраханского и Уральского.

сватовство» [Житецкий 1893: 20] устанавливало обязательные отношения брачующихся сторон: «разрыв после трех бортого бывает только в исключительных случаях» [Житецкий 1893: 20].

Традиционно после сватовства брачующиеся стороны у калмыков получали право называть друг друга сватами (*хунр*), что символизировало налаживание новых родственных отношений. На это указывает в своей работе о калмыках Большедербетовского улуса И. В. Бентковский: «после сговора... Собственно *шагаге*, значит родственное сближение, вступление в родство...» [Бентковский 1869: 153].

Анализ материалов вышеуказанных источников позволяет утверждать, что термин «*шагата*» был распространен до начала XX в. у представителей всех субэтнических групп калмыков¹, фиксировал состоявшееся сватовство, употреблялся наравне с другими терминами, обозначающими этапы предсвадебного цикла. Почему же этот термин полностью утратил свое значение в современном свадебном комплексе? И какое значение он имел?

Традиционный обряд бракосочетания у калмыков

В калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева слово *шагата* ‘просватанный’ указано как устаревшее [КРС 1977: 661]. В контексте взаимосвязи со свадебным обрядом приводятся также значения *шаха чимгн бэрүлх* (уст. ‘вручить малую берцовую кость’² (свадебный обряд)’) [КРС 1977: 661]. Сходные значения этот термин имеет и в монгольском языке. Так, в Большом академическом монгольско-русском словаре слово *шагайттай* также указано устаревшим и обозначающим в прошлом ‘сговоренный, обрученный (имевший, державший берцовую кость)’, а слово *шагайттай худ* — ‘девушка’ [БАМРС 2002: 332].

Общие сведения об обряде с использованием берцовой кости у калмыков были рассмотрены нами ранее в контексте изучения сакрального кода в жилище при интегра-

ции нового члена в социум [Шараева 2020: 41–54]. У калмыков данный обряд проводил буддийский священнослужитель, который использовал большеберцовую кость *шаха чимгн* как главный атрибут. Подробные и сходные описания обряда бракосочетания с использованием берцовой кости барана содержатся в работах только двух исследователей быта калмыков — П. И. Небольсина и И. В. Бентковского [Небольсин 1852; Бентковский 1869], которые они составили в XIX в. В различных источниках о культуре калмыков XVII–XVIII вв. содержатся отрывочные сведения о свадебной обрядности калмыков, но обряд с использованием конкретно берцовой кости не указан.

Согласно данным И. В. Бентковского, жениха и невесту усаживали рядом на двойной войлочной подстилке, после прочтения молитвы буддийский священнослужитель вручал им большеберцовую кость *шаха чимгн*, которую молодые брали за концы. После совершения совместных троекратных поклонов «Богу, небу, солнцу и луне» новобрачные, не выпуская кость из рук, входили в свое жилище, ведомые буддийским священнослужителем, держащим большеберцовую кость *шаха чимгн* посередине. Сняв белый платок, которым была обернута большеберцовая кость, с нее срезали мясо: первые три кусочка клали на алтаре в специальную жертвенную чашу *тэклин цэгц*, следующие — молодоженам, затем и всем присутствующим. Большеберцовую кость *шаха чимгн* оставляли на алтаре перед «большим бараном»³ [Бентковский 1869: 163]. Главные атрибуты этого обряда — двойной войлочный коврик *ширдг* и берцовая кость *шаха чимгн*. «Их супруги сохраняли в течение жизни: войлочная подстилка всегда находилась на супружеской постели, а берцовая кость хранилась как символ скрепления союза» [Шараева 2020: 48].

Значимыми отличиями в описании обряда у П. И. Небольсина являются: иное расположение рук молодых, держащих большеберцовую кость *шаха чимгн* (жених левой рукой, а невеста — правой) и поднятие к лицу одной свободной руки при совер-

¹ Субэтнические группы торгутов, дербетов, хошутов, бузавов.

² Вероятно, здесь вкралась ошибка потому, что большая берцовая кость и малая берцовая кость расположены параллельно и образуют у овцы голень.

³ Большой баран (*барун баран*) — сложенные друг на друга сундуки различных размеров, в которых хранились культовые предметы и различные вещи членов семьи, составлявшие их достаток.

шении троекратных поклонов; кость была обернута платком, который был на невесте во время увоза ее из родительского дома и до вхождения в жилище перед обрядом бракосочетания; расположение молодых у супружеской постели перед завершающими поклонами у алтаря в присутствии близких родных [Небольсин 1852: 74–75].

По данным П. И. Небольсина и И. В. Бентковского, после совершения этого обряда обязательно проводились обряды по принятию невесты в семью и род жениха, совершаемые через подношение огню очага.

Как отмечали исследователи, у монгольских народов обрядом бракосочетания считался «обряд соединения жениха и невесты и поклонения их солнцу» с помощью берцовой кости *шаанта*, *шагайта* [Галданова 1992: 73]. Например, у баятов для совершения обряда бракосочетания посредством берцовой кости «жених, находящийся справа от нее, брался за широкий конец кости, а невеста — за узкий конец, и бэргэд обеих сторон связывали красной нитью¹ большие пальцы рук жениха и невесты, „соединенных“ берцовой костью» [Очир, Галданова 1992: 41].

У алтайских урянхайцев во время бракосочетания молодые совершали четырехкратные поклонения желтому солнцу *шар наранд моргох*, при этом «жених держал в левой руке толстую часть кости, а невеста в правой руке ее тонкую часть» [Лхагвасурэн 2013: 125]. Использовалась берцовая кость *шаанта*, *шагайта* в обряде бракосочетания и у мингатов, адучин, халха. Жениха и невесту усаживали на белый войлок, вручали им берцовую кость: за широкий конец держался жених, за узкий — невеста. Соединенные берцовой костью, они совершали обряд поклонения солнцу *шар наранд мургэху* (см. [Обряды 2002: 133–134]).

У калмыков в канве традиционной свадебной обрядности обряд принятия невесты проводился в жилище родителей жениха через совершение поклонений и подношение огню домашнего очага. Изначальная символика данного обряда связана с древней формой культа огня и культа предков. «Жир, которым „кормили“ огонь номады, выступал даром, ответным даром на который

были благоденствие и богатство. Действия в обряде бросания жира в свадебной обрядности калмыков направлены на совершение подношения различным сакральным силам через огонь очага как полисемантический маркер и вступление под их покровительство. Через эти же действия невеста вступала в родство и под покровительство родных жениха, а также предков на сакральном уровне» [Шараева 2019: 882].

Обряд поклонения домашнему очагу на свадьбе характерен для всех этнических групп западных монголов, связанных этногенетическим родством с калмыками, но различается локализацией невесты — перед очагом или у порога юрты [Монгол улсын 2012: 319–320]. «Ойраты полагают, что благополучная жизнь человека и его семьи во многом зависит от благосклонного отношения духа-хозяина² домашнего очага» [Эрдэнэболд 2012: 133].

По материалам У. Э. Эрдниева, в начале XX в. невеста у калмыков кланялась берцовой кости овцы *шаха чимгн*, «положенной перед нею, но внутри кибитки» [Эрдниев 1970: 198], когда «начиналось исполнение обряда приема невесты в род мужа „бере мергюлгн“ — поклонение молодой очагу и „роду“ родных (т. е. предкам) мужа» [Эрдниев 1970: 198].

Таким образом, при сохранении традиционного жилища в начале XX в. и проведении обрядов в нем значимость берцовой кости как свадебного атрибута сохранялась, хоть и в трансформированном виде: жених и невеста не держат берцовую кость совместно, не принимают участие и буддийский священнослужитель, *шаха чимгн* кладут сразу внутри жилища.

Использование берцовой кости практикуется в современной свадебной обрядности во время поклонов невесты на пороге жилища родителей жениха: глава «свадебного поезда жениха» *хурмин ахлач* надавливает на затылок невесты правой рукой, держа в ней берцовую кость *шаха чимгн*. Невеста совершает троекратные поклоны при перечислении адресантов, которыми выступают, согласно Е. Э. Хабуновой, божество огня *Галын Окн Теңер*, солнце *шар нарн*, большеберцовая кость барана *шаха чимгн*,

¹ Красная нить в обрядовой культуре калмыков ассоциируется с «нитью жизни», «сосудом, хранящим жизненную основу».

² Исследователи полагают, что первоначально божество огня было женским [Галданова 1980: 150–156].

хозяин местности *һазр усна эзн*, предки *Заян Ачур аав-ээж*, очаг дома *һал-һулмт*, родители мужа *хадм эцк-эк* [Хабунова 2005: 59–60]. Нередко в данной роли может выступать немолодой мужчина, который, согласно указаниям буддийского священнослужителя-астролога *зурхач*, первым прикасался к невесте накануне ее увоза из родительского дома. Необходимо отметить, что берцовая кость используется в данном обряде не повсеместно, что указывает на утрату ее значимости как сакрального атрибута обряда.

По нашему мнению, именно такая форма использования берцовой кости в свадебной обрядности калмыков сложилась во второй половине XX в., когда в отсутствии традиционного жилища с его сакральными локусами (порог, очаг, алтарь) значимой осталась семантика порога как межевого символа между «своим» и «иным» мирами, начало утрачиваться значение атрибутов свадебного комплекса, связанных с кочевым образом жизни и традиционным мировоззрением, уменьшилась роль традиционных свадебных обрядов на фоне утверждения «советской свадьбы» как элемента праздничной культуры и общественно значимого события с обязательной регистрацией брака. Значимыми, хоть и значительно трансформированными, остались обряды принятия невесты в семью и род жениха: обряды поклонения на пороге жилища, поклонение перед алтарем и совершение подношения сакральной «белой» пищей современным плитам для приготовления пищи как «очагу» дома. Таким образом, произошло изменение формы при сохранении семантики. Как нам представляется, произошло слияние двух обрядов, имевших общую символику, — введение нового члена социума под покровительство предков и божества огня очага. Если поклонение с берцовой костью *шаһа чимгн* вводило под покровительство предков и обеспечивало чадородием, то совершение подношения жиром божеству огня в очаге обеспечивало не только его покровительство, но и солнца как высшего божества. Слияние двух обрядов выразилось в вербальном оформлении поклонов невесты. Если ранее это были предки, солнце, очаг и божество огня, родители, то в настоящее время в числе адресантов выступает и большеберцовая кость барана *шаһа чимгн*.

Символика берцовой кости *шаһа чимгн*

В процессе проведения свадебных обрядов у калмыков используются все части бараньей туши: *өвцүн* ‘грудинка’, *хойр хавстаха* ‘две передних ноги с 12 ребрами’, две задних ноги *һуй*, спинная часть (крестец и позвоночник) *ууц* и *күзүн* ‘шея’. Отдельно выделяется *толһа* ‘голова’, неразделенный ливер *зүлд* (трахея, печень, легкие, сердце) и *дотр* ‘внутренности’. Разделяют тушу барана по сочленениям ножом, кости не ломают. При отправлении на сторону невесты сваренной туши барана все части укладывают в анатомическом порядке. Современные практики забоя, разделки, приготовления и доставления бараньей туши на свадьбе соответствуют традиции. На стороне невесты из привезенных частей бараньей туши для подношения божествам *дееж* выделяют лопатку, баранью голову без нижней челюсти, обернутую внутренним жиром и берцовую кость.

По правилам традиционного этикета части бараньей туши распределяются следующим образом: голову и лопатку животного могут есть достигшие старческого возраста, мужчины среднего возраста — тазовую, лучевую и большую берцовую кости, пожилые женщины — бедренные кости, крестец, молодые женщины — грудину, мальчики — почки, девочки — сердце. Хозяйке дома достается плечевая кость с ребрами [Эрдниев 1970: 167–168].

У калмыков, согласно сведениям К. Э. Эрендженова, большеберцовую кость *шаһа чимгн* могут есть парни, которые уже находятся в статусе женихов, парни же, которые приближаются к возрасту жениха, должны есть грудинку [Эрендженов 1980: 125].

Традиция угощения жениха большеберцовой костью была распространена у тюрко-монгольских народов и связана с представлением о близком родстве, так как только «близкий родственник угощался бедренной костью (можно), а человеку из чужого рода ставили самую худшую трубчатую кость — хариита сэмгэн» [Тугутов 1958: 176].

На свадьбе у баитов во время подношения одежды обязательно угощали жениха большеберцовой костью *хонины шагайт чөмөг*: «обглодав эту кость, придерживая ее

правой рукой в нужном положении, жених надавливал большим пальцем на альчик, вытаскивал его из сумки и засовывал за голенище правого сапога» [Очир, Галданов 1992: 39].

У дариганга жених приезжал на сторону невесты и его угощали мясом задней ноги, «бабка которой направлена на жениха... Жених должен сломать таранную кость указательным пальцем правой руки и спрятать ее за голенище сапога; в брачную ночь эту кость положат под подушку молодым» [Рона-Таш 1964: 166]. Жениху, приехавшему накануне свадьбы на сторону невесты, алтайские урянхайцы «угощение ставили на отдельном блюде, где обязательно должна была быть берцовая кость барана (шаант чомог)» [Лхагвасурэн 2013: 122]. После угощения будущая свекровь надевала на зятя ритуальную рубашку [Лхагвасурэн 2013: 122].

Оппозиция «левое–правое»

В обрядовой культуре калмыков, как и у монгольских народов, распределение частей бараньей туши зависело от социальной иерархии, возрастной и гендерной дифференциации. Как отмечали исследователи, «в правилах расчленения туши животного вектор гендерной и возрастной дифференциации движется от передней части туши к задней и справа налево» [Содномпилова 2008: 301].

Выделяется также семантическая соотношенность оппозиции правое/левое и мужское/женское в пищевом коде с половозрастной стратификацией общества. У калмыков правая сторона туши барана соотносится с мужской линией родства во всех поколениях, левая сторона — с женской, дочерней линией родства. Соотношенность правой стороны туши животного с мужской линией родства наглядно проявляется во время проведения обрядов жертвоприношения огню *һал тээлһн* как на свадьбе, так и в календарном цикле.

В ритуалах призывания счастья у монгольских народов, в том числе калмыков, передняя правая нога барана является обязательным атрибутом. У монголов в XIX в., «согласно свадебному обряду, жених и невеста должны были держаться за плечевую кость, что сулило счастье и благоденствие вновь образующейся семьи. Само слово «сватать» — *боктолоху* — произошло от на-

звания плечевой кости [Викторова 1980: 27].

В калмыцкой традиции правая передняя нога барана *дайһна ха* считается «аккумулирующей счастье / благополучие / достаток / плодovitость» во время проведения обряда жертвоприношения огню *һал тээлһн*, а сжигаемая в костре берцовая кость с альчиком и грудинка «указывают» адресатов, которые должны получить «отдарок». Символика «получения даров» от высших сил прослеживается в свадебных играх и соревнованиях. Так, алтайские урянхайцы на девичнике устраивали различные ритуальные игры, в том числе *чомог булаалдах* — «борьба за берцовую кость» для «приобретения» победившей стороной плодovitости, а во время следования «свадебного поезда жениха» с невестой к своему дому устраивали состязание *чомог хоох* — погоня за всадником, державшим у себя берцовую кость (шаант чомог) [Лхагвасурэн 2009: 173].

На свадьбе у хакасов, тувинцев и алтайцев проводилось обязательное ритуальное соревнование за право обладания костью голени забитого животного. После переплетения волос невесте посаженная мать, держа в руке мосол за узкую часть, проводила им три раза по косам невесты, произнося «правой голенью мажу правую косу, пусть первый ребенок будет мальчиком!», затем выбрасывала мосол через дымоход или из дверей юрты в сторону восхода солнца. Кость должны были ловить парни, специально собравшиеся у порога юрты. Выигравший юноша подносил эту голень для благословения самому почетному старику [Бутанаев, Монгуш 2005: 123–124]. В традиционном свадебном цикле у калмыков выбрасывали через дымоход голову барана, что являлось составной частью жертвоприношения огню домашнего очага и обряда вхождения невесты в новую семью, род жениха [Шараева 2018: 22–37].

Считается, что кость с правой задней ноги барана, к которой ближе расположены тестикулы, символизирует плодovitость вновь созданной семьи, ее жизненность. У калмыков, по поверью, *шаһа чимгн* является вмещителем жизненной субстанции. В традиционном калмыцком обществе она использовалась в обряде призывания души [Душан 2016: 221–223].

По нашему мнению, оборачивание берцовой кости белым платком и возложение

ее на жертвенную чашу алтаря в обряде является символом рождения новой семьи, испрашивания покровительства предков и дарования чадородия. В традиционном обществе мужчины с детства имели личный оберег из берцовой кости *шаһа чимгн*, которую хранили после обрядов введения в семью по достижении годовалого возраста.

В современном калмыцком языке слово *шаһата* обозначает «тот/то, что с альчиком», образовано от существительного «*шаһа*» (калм. 1) альчик; 2) лодыжка, щиколотка) [КРС 1977: 661] и окончания совместного падежа — *та*.

В монгольском языке данные слова имеют сходные значения. Так, слово «шагай» обозначает: 1. таранная кость, астрагал, игральная кость, альчик; 2. лодыжка, щиколотка, свинчатка (бабка, выдолбленная и налитая свинцом), а «шагайт» — голennую кость, большеберцовую кость [БАМРС 2002: 332]. В калмыцкой традиции баранья голень с альчиком связана с родством по дочерней линии *зе бэрдг йосн*. Примечательно, что, отправляясь за невестой, жених везет три вареные голени с копытцем *шиир*, символизирующим его «вхождение в семью» и налаживание новых родственных отношений, при этом дома оставляют голень с копытцем правой ноги. В этих действиях прослеживаются следы матрилокального брака в прошлом. Калмыки используют альчики в детских играх, для изготовления амулета над детской кроватью и при бездетности (на альчик наматывают нити с сакральными цветами рода).

Шаһата хүрм

М. М. Батмаев, рассматривавший семейно-брачные отношения калмыков и институт калыма в XVII–XIX вв., пришел к выводу, что «передача стороной жениха стороне невесты определенного количества скота, вещей, денег и т. п. не всегда может считаться калымом, то есть покупкой невесты» [Батмаев 2008: 192]. Анализ различных источников привел исследователя к заключению, что на основании Законов 1640 г. «калым у калмыков существовал в той или иной форме, в основном уплачивался определенным количеством домашнего скота *мал*, в XVIII веке уплата калыма стороной жениха меняет свои формы или вообще не уплачивается, в XIX — уплата калыма ис-

чезает, заменяясь взаимными подарками и т. д.» [Батмаев 2008: 168].

В тексте Законов 1640 г. «Ик Цаажин бичиг» понятие «выкуп» передается словом «мал». По мнению С. П. Тюхтеновой, понятие «мал» в культуре калмыков связано с представлениями о количестве и счете домашних животных, и эта «система исчисления, в основе которой лежит всеобщий эквивалент *бодо*, сложилась до времени образования Монгольской империи на основе обычного права народов Центральной Азии» [Тюхтенова 2017: 132]. Как отметила исследователь, на протяжении многих столетий размер *бодо* у тюрко-монгольских народов менялся — ввиду различия количества и вида скота. Неизменным был и остается сам принцип: *бодо* составляют несколько голов мелкого рогатого скота, равноценные одной голове более ценного и крупного рогатого скота, или одной голове транспортных животных — лошади или верблюда [Тюхтенова 2017: 133].

Д. Д. Шалхаков также считал, что как такового выкупа — «платы за невесту» — у калмыков не было. По его мнению, «выкуп» со стороны жениха — это многосоставной «взнос», где одна часть как «выкуп» оставалась в семье родителей невесты, другая часть — это свадебный вклад, взнос, предназначенный для свадебного пиршества («свадебный вклад»), третья часть — хозяйственный вклад, взнос, являющийся вкладом в хозяйство вновь созданной семьи [Шалхаков 1982: 20].

Вероятно, И. В. Бентковский описал сложившуюся у калмыков к XIX в. практику многосоставного свадебного «взноса», трансформировавшуюся с XVII в.: «...*шагаге*, значит... по сущности заключается в передаче за невесту платежа, составляющего, впрочем, теперь будущее имущество новобрачной четы... В старину на «шагате» давали то, что действительно установлено законом, по обеднению калмыки давно уже заменили лошадей, коров и верблюдов более дешевыми предметами, хотя во всяком случае стараются, чтобы количество вещей соответствовало установленному законом. Вещи эти заключаются в коробах, кошмах, сундуках и разных материях на халаты и бешметы, которые ко дню свадьбы шьются в доме невесты для подарков родным, поезжанам и почетным гостям. Подарки, по

обыкновенно, отдариваются в пользу молодых. Шагате всегда сопровождается довольным угощением...» [Бентковский 1869: 153].

В калмыцко-русском словаре Б. Д. Муниев в пояснении к термину *шахата* или *шахат хурм* указывает «свадебный пир (в доме отца жениха)» [КРС 1977: 661].

А. Бирталан, переводя и анализируя коллекцию текстов венгерского ученого Гáбора Бáлинта, в которых он описал свою поездку к калмыкам в 1871–1874 гг., указывает, что под термином «шахата» (*šayāta*) подразумевается праздничное угощение, доставляемое женихом и состоящее из вареного мяса коров, овец, молочной водки в кожаных сосудах и мешочки с чаем, количество которого варьируется от состоятельности жениха [Kalmyk Folklore 2011: 140]. Его доставляли во время последней поездки предсвадебного цикла, когда привозили материал для изготовления приданого (калм. *эд ишклһн*; *хулд* в материалах Г. Балинта [Kalmyk Folklore 2011: 139]) и на собственно свадьбу. Кроме того, за 7–8 дней до свадьбы на сторону невесты приезжает несколько пожилых мужчин, старшая сноха *бергн*, молодая сноха *бер*, дети и молодые парни, которые привозят мясо целого барана и три кожаных сосуда *бортх* с молочной водкой.

Сходная поездка зафиксирована И. А. Житецким в структуре свадебных этапов в XIX в. у торгутов Астраханской губернии. Она носила название *хурм өглһн* (букв. ‘дать свадьбу’). Родные жениха привозили с собой кибитку, где происходило угощение родных, и собственно угощение: «богатые — вареных корову, лошадей и 3 баранов. Бедные только 3 баранов и лишь в крайности одного (нельзя везти четное количество. — Т. III.), водки от 1 до 30 ведер, доску чая, вязок 10–20 витушек, пряников, конфет, напитков разных и проч.» [Житецкий 1893: 23].

Поездка под названием «Нуувч» (калм. *нууц* — 1. тайна, секрет; 2. тайный, секретный, негласный; нелегальный, подпольный, конспиративный; *нуувч* — конспиратор [КРС 1977: 387]) указана Н. Содмоном в описании свадебных этапов торгутов СУАР Китая. У синцзянских торгутов накануне свадьбы со стороны жениха приезжали два человека, которые должны были оповестить сторону невесты о времени прибытия «свадебного поезда», время увоза невесты

из родительского дома, масть лошади, на которой будет увезена невеста, время увоза приданого и т. д., а также количество праздничного угощения — *темэн шахат* [Цацлын дееж 1997: 156]. По нашему мнению, под *темэн шахат* понимается объем продуктов, которые могут быть нагружены на одного верблюда, предназначенные для свадебного угощения.

У хобуксарских торгутов Монголии¹, мигрировавших из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в структуре свадьбы исследователи отмечают аналогичные этапы. Б. Х. Тодаева, изучавшая свадебные традиции торгутов, довольно подробно описала поездку «тайных» посланцев со стороны жениха на сторону невесты накануне свадьбы. Представители стороны жениха в количестве не более пяти человек привозили с собой молочную водку и мясо вареной целой тушки барана для согласования различных этапов предстоящей свадьбы. Примечательно отметить, что оповещение происходило при большом скоплении родственников невесты в форме диалога старших представителей обеих сторон речитативом [Тодаева 1964: 179–180]. В отличие от Г. Балинта Б. Х. Тодаева конкретизирует цель приезда представителей жениха на завершающем этапе предсвадебного цикла: «наступает время *едэ-шāхāтв*, т. е. привоза со стороны жениха материй для женской одежды невесты» [Тодаева 1964: 177].

Заключение

Свадебные обряды калмыков в XIX в. — пример синкретизма буддизма и добуддийских верований. Как справедливо заметил И. В. Бентковский, «состоит из двух действий: в первом принимает участие религия, во втором — абсолютно распоряжается обычай» [Бентковский 1869: 161]. От себя добавим, что обычай все же в большей мере.

Использование берцовой кости барана, как и всех частей его туши, в свадебных

¹ Хобуксарские (хобугасайр, ховогсайр, хо-буга сайр), хобоксарские торгуты — крупная этническая группа торгутов, мигрировавшая в Булганский сомон Кобдоского округа Монголии из одноименной местности на территории современного Хобоксар-Монгольского автономного уезда Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

обрядов у калмыков продиктовано его соотносительностью с «солнечным животным», проецирующим животворящую силу солнца и огня, и с предками, дарующими покровительство, благоденствие и чадородие. Большеберцовая кость барана *шаха чимгн*, согласно традиционным представлениям калмыков, считалась вместилищем «жизненной субстанции», даруемой человеку в начале жизни и накапливаемой на разных жизненных этапах через обрядовые действия. Использование данной кости *шаха чимгн*, астрагалов и конечностей барана в свадебном обряде калмыков было взаимосвязано с понятиями «соединения частей в единое целое» для сохранения «нити жизни» и продолжения семьи и рода в целом. Сохранение этих представлений у современных калмыков проявляется в использовании большеберцовой кости в обрядах введения невесты в новую семью в результате слияния двух обрядов, имевших общую символику, — введение нового члена социума под покровительство предков и божества огня очага. Согласимся с мнением Н. Л. Жуковской, что у монгольских народов «пища, несмотря на то, что она „матери-

ально насущна“, обладает способностью в зависимости от качества, цвета, вида, способа приготовления, поднесения и угощения выступать показателем различных социальных и ритуальных связей между разными общественными и возрастными группами, между людьми и сверхъестественными силами — духами и богами. Все это делает ее частью не просто и не только материальной культуры, но и культуры в целом...» [Жуковская 2002: 105].

Анализ материалов о термине «шагата» (калм. *шахата*) в традиционной свадебной традиции калмыков позволяет нам утверждать о его полисемантическом значении. Он маркировал: получение девушкой статуса невесты, возникновение новой семьи, введение нового члена в родственное сообщество, имущественные отношения брачующихся сторон, количество угощения на свадьбе. Термин «шагата» в традиционном калмыцком обществе был связан с кочевым образом жизни, традициями и традиционным мировоззрением номадов. Его исчезновение связано с изменением форм хозяйствования и образа жизни, трансформацией обрядовой культуры калмыков.

Литература

- Батмаев 2008 — Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ИД «Герел», 2008. 256 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Бентковский 1869 — Бентковский И. В. Женщина-калмычка Большебербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Сборник статистических сведений о ставропольской губернии. Вып. II. Ставрополь: Ставроп. статист. комитет, 1869. С. 147–167.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.
- Викторова 1980 — Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и история культуры / отв. ред. Д. И. Тихонов. М.: Наука, 1980. 226 с.
- Галданова 1980 — Галданова Г. Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // Советская этнография. № 3. 1980. С. 150–156.
- Галданова 1992 — Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монгольских народов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 71–89.
- Душан 2016 — Душан У. Д. Избранные труды / сост. Батыров В. В., Шараева Т. И. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.
- Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Уч. пособие. М.: Вост. лит., 2002. 274 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
- Лхагвасурэн 2009 — Лхагвасурэн И. Свадебные обряды алтайских урянхайцев // Этнографическое обозрение. № 1. 2009. С. 168–178.
- Лхагвасурэн 2013 — Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. 178 с.
- Небольсин 1852 — Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.

- Нефедьев 1834 — Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Обряды 2002 — Обряды в традиционной культуре бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Очир, Галданова 1992 — *Очир А., Галданова Г. Р.* Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 24–56.
- Рона-Таш 1964 — *Рона-Таш А.* Материалы к изучению монгольских свадебных обрядов // Краткие сообщения Института Народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М.: Изд-во вост. лит., 1964. С. 165–171.
- Содномпилова 2008 — *Содномпилова М. М.* Зооморфный код в моделировании социокультурного пространства в традиции монгольских народов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 298–307.
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Свадьба у хобуксарских торгутов // Краткие сообщения института народов Азии. Вып. 83. М.: Изд-во вост. лит., 1964. С. 172–183.
- Тугутов 1958 — *Тугутов И. Е.* Материальная культура бурят. Улан-Удэ: БКНИИ, 1958. 215 с.
- Тюхтенева 2017 — *Тюхтенева С. П.* Одна черточка — одна сотня: к вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5 (33). С. 130–140. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-130-140
- Хабунова 2005 — *Хабунова Е. Э.* Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 206 с.; ил.
- Цацлын дееж 1997 — Цацлын дееж (Заздравное слово): сборник / сост. Н. Содмон (на калм. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 174 с.; ил.
- Шалхаков 1982 — *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX в.) Историко-этнографическое исследование. Элиста: КНИИФЭ, 1982. 86 с.
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Шараева 2018 — *Шараева Т. И.* «Когда говорят о свадьбе, то даже и иссохший череп катится» (к вопросу о значении бараньей головы в свадебных обрядах) // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2. С. 22–37. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-22-37
- Шараева 2019 — *Шараева Т. И.* «Живите в благоденствии!» (к вопросу об обрядах введения невесты в свадебной обрядности у калмыков) // Монголоведение. 2019. № 4. С. 862–887. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-862-887
- Шараева 2020 — *Шараева Т. И.* Сакральный код в пространстве традиционного жилища у калмыков // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 41–54. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
- Эрендженов 1980 — *Эрендженов К. Э.* Родник мудрости (на калм. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 188 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.
- Монгол улсын 2012 — Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй) (XIX–XX зуунызааг үе). II боть. Хоёрлах хэвлэл (= Этнография Монголии. Ч. 2. Изд. 2-е). Улаанбаатар: Монсудар, 2012. 534 с.
- Kalmyk Folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19 Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Agnes Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzhanova) and with the assistance of B. B. Gorjaeva. Budapest; Elista: Library of the Hungarian Academy of Sciences, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS, 2011. 380 p.

References

- Batmaev M. M. Kalmyk Traditions: Family and Marriage. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869. Vol. 2. Pp. 147–167. (In Russ.)
- Birtalan A., Basangova (Bordzhanova) T. G., Gorjaeva B. B. (eds.) Kalmyk Folklore and Folk Culture in the Mid-19th Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Budapest; Elista: Library of the Hungarian Academy of Sciences, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 380 p. (In Eng.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic rites and customs of the Sayan Turks. Abakan: Katanov Khakas State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharayeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Re-

- search Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late 19th – Early 20th Century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks, Late 19th – Early 20th Century: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Erendzhenov K. E. The Spring of Wisdom. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 188 p. (In Kalm.)
- Ethnography of Mongolia: Oirat Ethnography, 19th-20th Centuries. Vol. 2. 2nd ed. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. 534 p. (In Mong.)
- Galdanova G. R. Cult of fire in Mongolic populations and its parallels in Lamaism. *Sovetskaya etnografiya*. 1980. No. 3. Pp. 150–156. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Turko-Mongols: Semantics of archaic wedding elements revisited. In: Traditional Rites of Mongolic Peoples. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 71–89. (In Russ.)
- Khabunova E. E. The Hearth: Kalmyk Life-Cycle Rites and Ritual Folklore. Elista: Dzhangar, 2005. 206 p. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. The Altai Uriankhai, Late 19th – Early 20th Century: Historical and Ethnographic Essays. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 178 p. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. Wedding rituals of Altai Urianghas. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2009. No. 1. Pp. 168–178. (In Russ.)
- Munie B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks Compiled by N. Nefedyev. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)
- Ochir A., Galdanova G. R. Bayads of the MPR: Wedding rites revisited. In: Traditional Rites of Mongolic Peoples. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 24–56. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Róna-Tas A. Wedding rites of Mongols: Research materials reviewed. In: Brief Reports by the Institute of Asian Peoples. Vol. 83 (Mongolian and Turkic Studies). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1964. Pp. 165–171. (In Russ.)
- Shalkhakov D. D. Kalmyk Family and Marriage, 19th – Early 20th Century: A Study in History and Ethnography. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. 86 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. ‘May you live in welfare!’: Kalmyk rites of inducting a bride to the new abode. *Mongolian Studies*. 2019. No. 4. Pp. 862–887. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-862-887
- Sharaeva T. I. ‘When it comes to a wedding, they say even a dry skull would roll in that direction’ (The role of a sheep’s head in Kalmyk wedding rites revisited). *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 2. Pp. 22–37. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-22-37
- Sharaeva T. I. Kalmyk Life-Cycle Rites, 19th to Early 21st Centuries. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Sacred code in the space of Kalmyk traditional dwelling. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 41–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Skrynnikova T. D. (ed.) Rituals in Buryat Traditional Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 222 p. (In Russ.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 174 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Zoomorphic code in modeling socio-cultural space in tradition of Mongolian peoples. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2008. No. 20. Pp. 298–307. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Hoboksar Torghuts: Wedding [rites revisited]. In: Brief Reports by the Institute of Asian Peoples. Vol. 83 (Mongolian and Turkic Studies). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1964. Pp. 172–183. (In Russ.)
- Tugutov I. E. Buryat Material Culture. Ulan-Ude: Buryat Institute for Comprehensive Studies, 1958. 215 p. (In Russ.)
- Tyukhteneva S. P. One hyphen – one hundred: Revisiting the issue of livestock count among the Turko-Mongolian peoples. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. Vol. 10. No. 5 (33). Pp. 130–140. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-130-140
- Viktorova L. L. The Mongols: Ethnic Origin and History of Culture. D. Tikhonov (ed.). Moscow: Nauka, 1980. 226 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations, 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Coursebook. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 274 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 373–382, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-373-382

Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в.

Наталья Эрмановна Каримова¹, Темур Едгорович Тулибаев²

¹ Ташкентский государственный университет востоковедения (д. 25, ул. Шахрисабзская, 100047 Ташкент, Республика Узбекистан)
 доктор исторических наук, профессор

 0000-0001-5827-677X. E-mail: nataliakarimova@mail.ru

² Университет имени Сулеймана Демиреля (д. 1/1, ул. Абылай хана, 040900 Каскелен, Республика Казахстан)
 старший научный сотрудник

 0000-0002-7534-8007. E-mail: t.e.tulibay@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е., 2022

Аннотация. *Введение.* В данной статье исследуется китайский письменный источник «Сиюй вэньцзяньлу» 西域闻见录 («Записи об увиденном и услышанном в Западном крае») маньчжурского чиновника Цишии (Чуньюань) и его сведения по истории и этнографии народов Центральной Азии второй половины XVIII в. *Цели и задачи исследования* — ввести в научный оборот новые сведения по истории Центральной Азии, содержащиеся в «Сиюй вэньцзяньлу», дать анализ различных копий и версий письменного источника, а также предоставить новые сведения об авторе сочинения. *Материалы и методы.* При выявлении материалов по теме исследования и работе над переводом извлечений из «Сиюй вэньцзяньлу» были использованы как японское ксилографическое издание 1801 г., так и современное издание сочинения, вышедшее в Китае в 2016 г. Мы рассматривали различные работы российских и зарубежных авторов по письменному источнику, используя обобщающий и сравнительный методы исследования, а при изучении интересующих нас сведений из сочинения «Сиюй вэньцзяньлу» применяли историко-хронологический анализ. *Результаты.* В научный оборот вводятся новые переводы извлечений из сочинения Цишии, которые существенно дополняют и расширяют представленные в известной работе Н. Я. Бичурина (Иакинфа) сведения по истории народов, проживавших на территории современной Центральной Азии. В статье приводятся наиболее известные копии и версии «Сиюй вэньцзяньлу». Биография автора сочинения дополнена новыми малоизвестными для русскоязычных исследователей фактами из его жизни. *Выводы.* Выявленный фактический материал из «Сиюй вэньцзяньлу» показал, что сочинение Цишии содержит оригинальные данные по исторической географии, социально-экономической жизни

народов Центральной Азии и политической ситуации в регионе. Несмотря на его известность, сочинение «Сиюй вэньцзяньлу» еще предстоит тщательно исследовать, так как многие исторические сведения этого источника до сих пор не изучены.

Ключевые слова: Цишии, Сиюй вэньцзяньлу, Н. Я. Бичурин, маньчжуры, Центральная Азия, историческая география, казахи, киргизы, Кокандское владение

Благодарность. Статья подготовлена в рамках научного проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP09259919).

Для цитирования: Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е. Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 373–382. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-373-382

Xiyu wenjian lu by Qishiye: Materials on the History of Central Asian Peoples in Mid-to-Late 18th Century Revisited

Natalya E. Karimova¹, Temur E. Tulibayev²

¹ Tashkent State University of Oriental Studies (25, Shakhrisabz St., 100047 Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-5827-677X. E-mail: nataliakarimova@mail.ru

² Suleyman Demirel University (1/1, Abylai Khan St., 040900 Kaskelen, Republic of Kazakhstan)

Senior Research Associate

 0000-0002-7534-8007. E-mail: t.e.tulibay@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Karimova N. E., Tulibayev T. E., 2022

Abstract. Introduction. The article examines the Chinese written source *Xiyu wenjian lu* 西域闻见录 ('Record of Things Seen and Heard in the Western Regions') by the Manchu official Qishiye (Chunyu) and its data on the history and ethnography of Central Asian peoples in the mid-to-late 18th century. **Goals.** The work seeks to introduce new data on the history of Central Asia contained in *Xiyu wenjian lu*, analyze various copies and versions of the written source, and provide new information about the author of the composition. **Materials and methods.** The study explores the Japanese woodblock print edition of 1801 and one modern Chinese edition of 2016, translates some extracts. The work considers various works by Russian and foreign authors regarding the written source, employs the generalizing and comparative research methods, while historical/chronological analysis proves instrumental in investigating certain interesting facts from *Xiyu wenjian lu*. **Results.** The paper introduces into scientific circulation new translations of extracts from Qishiye's work that significantly supplement and expand data presented in the famous work of N. Ya. Bichurin (Hyacinth) titled 'Description of Dzungaria and East Turkestan in Ancient and Present Times'. The article contains the most famous copies and versions of *Xiyu wenjian lu*. The biography of the author is supplemented with new facts of his life that have remained little-known to Russian-speaking researchers. **Conclusions.** The revealed factual materials from *Xiyu wenjian lu* show that the work of Manchu official Qishiye contains original data on historical geography, socioeconomic life of Central Asian peoples, and political situation in the region. Despite its fame, *Xiyu wenjian lu* is to be thoroughly explored since lots of historical accounts from this source remain unexplored.

Keywords: Qishiye, *Xiyu wenjian lu*, N. Ya. Bichurin, Manchus, Central Asia, historical geography, Kazakhs, Kyrgyz, Kokand domain

Acknowledgements. The reported study was funded by Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Committee of Science), grant project no. AP09259919.

For citation: Karimova N. E., Tulibayev T. E. *Xiyu wenjian lu* by Qishiye: Materials on the History of Central Asian Peoples in Mid-to-Late 18th Century Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 373–382. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-373-382

Введение

Сочинение 西域闻见录 «Сиюй вэньцзяньлу» («Записи об увиденном и услышанном в Западном крае») Цишии хорошо известно учёным. Описание частных китайских письменных источников по истории джунгаров дал калмыцкий исследователь Д. Г. Кукеев [Кукеев 2019а; Кукеев 2019б: 42–46], который отмечает, что на русский язык сочинение «Сиюй вэньцзяньлу» было переведено известным исследователем Н. Я. Бичуриным (Иакинфом) [Бичурин 1829]. Он же замечает, что к источнику прибегали практически все, кто занимался историей ойратов, в основном опираясь на переводы Н. Я. Бичурина [Кукеев 2019а: 43].

Говоря о переводе «Сиюй вэньцзяньлу», сделанного Н. Я. Бичуриным, отметим, что его значение трудно переоценить, несмотря на то, что переводчик зачастую отступает от оригинала и передает смысл не дословно, а литературно, тем не менее, сохраняя основной смысл содержания. В. В. Кюнер, изучая переводы Н. Я. Бичурина, отмечал, что они не теряют своей актуальности и значимости [Кюнер 1950: LVII].

Некоторые исследователи считают, что Н. Я. Бичурин допускал в своих переводах ошибки, что многие места переданы наугад, что встречаются длинные пробелы, которые осложняют понимание оригинала [Думан 1936: 29–30]. В. В. Кюнер, сличая переводы Н. Я. Бичурина, тем не менее, отмечает их безусловное достоинство, подчеркивая точность и правильность его переводов, считая, что незначительные пропуски не искажают общего смысла оригинального текста [Кюнер 1950: LVIII].

Перевод сочинения «Сиюй вэньцзяньлу» содержится в известном труде Н. Я. Бичурина, изданном в Санкт-Петербурге почти два столетия назад [Бичурин 1829]. В «Предисловии от переводчика» к этой книге автор дает пространное описание народов и государств Восточного Туркестана и отмечает, что в первую часть труда вошло «Повествование о Западном крае (Сиюй чжуань)», взятой из «Истории Ранней династии Хань (Цянь Ханьшу)», а во вторую часть — «Описание Западного края (Сиюй вэньцзяньлу)», написанное маньчжурским чиновником в 1773 г. [Бичурин 1829: IV–V].

Различные исследователи, работая над историей Синьцзяна, так или иначе обращались к источнику «Сиюй вэньцзяньлу» [Бичурин 1829; Бернштам 1955: 16–26], но многие вопросы остались еще неисследованными. Биография автора вызывает вопросы, кроме того, по поводу исторической ценности книги исследователи также расходятся во мнениях [Mosca 2018]. Тем не менее, как только сочинение было издано, научное сообщество эпохи Цин признало его весьма значимым, оно было многократно переписано и издано ксилографическим способом, получило широкое распространение под разными наименованиями.

Сведения об авторе сочинения

Автор сочинения «Сиюй вэньцзяньлу» («Записи об увиденном и услышанном в Западном крае») — цинский чиновник Цишии (七十一), даты жизни которого неизвестны. Происходил из рода Нимача (尼玛查), а звали его Чуньюань (椿园). Он был выходцем из маньчжурского корпуса Синего знамени — Чжэнлань (正蓝旗人 Чжэнлань-цижэнь) [Wang 2008: 30].

Китайский исследователь Ли Яжу приводит сведения из «Цяньлун цзясяой цзиньши тимин лу» 乾隆甲戌进士题名录 («Регистр [получивших ученую степень] цзиньши [в год] цзясяой [правления] Цяньлун») о том, что Цишии из рода Нимача, по прозвищу Чуньюань, студент (恩监 энцзянь¹) маньчжурского знамени Чжэнлань под руководством Шэнь Юэтая, происходил из местности Чанбайшань провинции Цилинь. Далее он отметил, что в 19-й год правления Цяньлуна (1754 г.) Цишии получил степень цзиньши (进士)², заняв 94-е место [Li 2008: 1]. В Синьцзяне он прожил несколько лет, занимая должность мелкого чиновника, отвечавшего за поставки зерна [Кукеев 2019б: 314].

¹ Энцзянь шэн (恩监生) — студент в государственном училище Гоцзыцзянь (степень, получаемая на экзаменах, проводившихся раз в три года в период династий Мин и Цин).

² Цзиньши (进士) — высшая ученая степень в системе государственных экзаменов кэцзюй, проводившихся в императорском Китае среди претендентов на чиновничьи должности.

Время написания, структура и содержание «Сиюй вэньцзяньлу»

Сочинение «Сиюй вэньцзяньлу» составлено в 1777 г. во времена эпохи Цин (清), состоит из восьми глав (卷 *цзюань*) и насчитывает около 40 тысяч иероглифов [Wang 2008: 30]. В нем описывается история Синьцзяна начала эпохи Цин, даются сведения о горах и реках Западного края, его территориях и городах, о происхождении их названий, о жителях и местных чиновниках, о военных гарнизонах, памятниках архитектуры, о климате, торговле и налогообложении, религии, языках, фольклоре, похоронах и жертвоприношениях и т. д. В нем также освещается политическая и экономическая ситуация во владениях казахов, киргизов и других народов, а также отношения Коканда (浩罕 *Хаохань*), Бухары (布哈拉 *Бухала*) и других стран и владений с Цинским правительством, упоминаются такие исторические события в Синьцзяне, как подавление восстания в Учтурфане (乌什 *Уши*) и возвращение *торгутов* (土尔扈特 *Туэрху*) [Wang 2008: 30].

Рукописи, копии и издания «Сиюй вэньцзяньлу»

Существует много версий сочинения «Сиюй вэньцзяньлу», о чем сообщают китайские исследователи [Gao 2007: 118–119; Li 2008: 69–70]. Подробно изучив имеющиеся в их распоряжении издания источника, они выявили, что большинство изданий представляют собой различные версии «Сиюй вэньцзяньлу».

Китайский исследователь Ван Чжицян (王志强) в результате кропотливой работы выявил, что существует около двадцати вариантов рукописных копий этого сочинения [Wang 2008: 30–36]. Китайские исследователи Чжан Ян и Юй Миньхуй отмечают 22 разновидности названий сочинения [Zhang, Yu 2013: 74].

Среди выявленных копий источника Ван Чжицян отметил некоторые [Wang 2008: 30–31]:

– один том ксилографического издания *新疆纪略* «Синьцзян цзилюэ» («Хроника Синьцзяна») составлен в сорок первый год правления Цяньлуна (1776)¹, восемь томов

ксилографического издания периода правления императора Цин Цяньлуна немного отличаются начертанием знаков и названием;

– *新疆外藩纪略* «Синьцзян вайфань цзилюэ» («Хроника вассальных территорий Синьцзяна»), также известна как *外藩纪略* «Вайфань цзилюэ» («Хроника вассальных территорий»), была напечатана в сорок второй год правления Цяньлуна (1777 г.) и является третьим и четвертым томами «Сиюй вэньцзяньлу»;

– восемь глав (*цзюаней*) *西域纪要* «Сиюй цзюэ» («Важнейшие сведения о Западном крае») делятся на 4 тома, это переписанная книга [Wang 2008: 31];

– *新疆輿地风土考* «Синьцзян юйди фэнту као» («Исследование географии и местных условий Синьцзяна»), шанхайское литографическое издание 1882 г. (восьмой год правления императора Гуансюя), очередность заголовков отличается и имеются пропуски в тексте;

– два *цзюаня* *新疆撮要录* «Синьцзян цюяолу» («Записи о самом важном [в] Синьцзяне») напечатаны в шестнадцатый год правления императора Гуансюя (1890 г.);

– восемь *цзюаней* *西域纪略* «Сиюй цзилюэ» («Хроника Западных стран»), ксилографическое издание 1826 г. (шестой год правления императора Даогуана) [Wang 2008: 30–31].

– два тома ксилографического издания «Сиюй вэньцзяньлу» *西域闻见录* («Записи об увиденном и услышанном в Западном крае») составлен в сорок второй год правления Цяньлуна (1777) [Wang 2008: 31]; два тома японского (Токио) издания 1801 г.;

– два тома ксилографического издания *西域记* «Сиюй цзи» («Записки о Западном крае»), составленные в девятнадцатый год правления Цзяцин (1814); два тома ксилографического издания 1885 г. (одиннадцатый год правления императора Гуансюя);

– отредактированное Чжоу Чжайжэнем издание четырех глав *西域总志* «Сиюй цзунчжи» («Общие записи о Западном крае») 1803 г. (восьмой год правления императора Цзяцин), первоначальное название *异域琐谈* «Июй сотань» («Беседы об иноземных странах»), издано в 1818 г. (двадцать третий год правления императора Цзяцин), а также ксилографическое издание 1875 г. (первый год правления императора Гуансюя);

¹ Здесь Ван Чжицяном, скорее всего, указана ошибочная дата.

– сочинение 西域琐谈 «Сиюй сотань» («Беседы о Западном крае») состоит из 4 *цзюаней* и шести томов, но фактически они сгруппированы в восьми томах. Названия заголовков в оглавлении и их последовательность схожи с 遐域琐谈 «Сяюй сотань» («Беседы о далеких странах»). В начале текста (*цзюаней*) записано «сочинение Цишии по фамилии Чуньюань», а в конце предисловия отмечено, что оно составлено им в Куче (Кучар) девятнадцатого числа двенадцатого месяца сорок второго года (в год под циклическими знаками *динъю* 丁酉) правления Цяньлуна [Wang 2008: 31].

Таким образом, китайские авторы сообщают, что, помимо одноименного сочинения, имеются многочисленные разновидности его копий разной степени сохранности и целостности.

Ниже мы приведем отрывки из сочинения по исторической географии некоторых государств и народов Центральной Азии.

Сведения «Сиюй вэньцзяньлу»¹ Казахи (哈萨克 Хасакэ)

Казахи имеют большое владение на северо-западе от Или 伊犁, т. е. древний Давань 大宛².

В двадцать первый год Цяньлуна (1756) большая армия вторглась в их земли³, их хан

¹ Перевод с китайского языка извлечений из «Сиюй вэньцзяньлу» выполнен на основе японской ксилографии, отпечатанной в г. Эдо (Токио) в 1801 г. [Qishiyi 1801], а также современного издания, вышедшего в Пекине в 2016 г. [Qishiyi 2016: 138–140]. *Цзюань* 3. Раздел Вайфань лечжуань шан. 外藩列传上 (Жизнеописание) знаменитых людей внешних владений (вассальных территорий). Часть 1.

² Цишии ошибочно локализует государство казахов в Давани. Государство Давань (Дайюань, Паркана, с VIII в. — Фергана) располагалось в восточной и центральной части Ферганской долины. Казахстанский синолог К. Ш. Хафизова отмечает: «Цинские чиновники долгое время принимали казахские степи за упоминаемый в эпоху Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.) Давань, славившийся своими породистыми скакунами» [Хафизова 2019: 78].

³ Целью военной экспедиции цинских войск в казахские степи в 1756 г., помимо поимки Амурсаны, хойтского князя, потерпевшего поражение в борьбе за власть в Джунгарском ханстве и нашедшего убежище у казахов Среднего жуза, было также подчинение казахских правителей и недопущение их в джунгарские земли [Кузнецов 1983: 20–25].

Аблай⁴ (阿布赖 *Абылай*, *Абулай*) вышел, покорились, получил титул (феодальный ранг), даровали календарь (正朔 *чжэньшо*)⁵, народ и дворы полностью присоединили к себе.

Их земли не имеют городских стен (городов и предместий), жилищ [пригодных] для оседлого проживания, не искусны [в выращивании] пяти основных продовольственных культур⁶, дома — юрты, занимаются скотоводством, расположение местожительства рассеянное, также не любят большие селения. На земле много плоских холмов, громоздятся горные хребты, трава произрастает полевая, листья зеленые, корень белый, длиной в 4–5 *цуней* (寸)⁷, питаются домашним скотом, легко подвержены болезни. Своего правителя называют «равным себе» (比相 *бисян*), а все [повсеместно друг друга] зовут по имени. Сегодня их правитель Аблай (Абылай), все население называет [его] Абылай-би (阿布赖比 *Абулай-би*).

Территория обширная, населения много, поголовье [домашнего скота] многочисленное, у зажиточных лошадей [и] коров несколько десятков [голов], баранов не счесть, несколько человек [братьев] по очереди [после смерти одного из них] разделяют жену⁸, мирно живут. Воспитывают сына до 16 лет, [и] тогда отделяют, дают скот, заставляют самого вести подсчет. Во время пиршеств угощают [блюдами из] верблюдов, лошадей, коров [и] баранов, из кумыса делают вино, посуду повсеместно используют деревянную, богатые используют медную [и] оловянную. Одежда большей частью роскошная, даже в летние месяцы, [в] палящий зной, все равно, надев 8–9 слоев одежды, идут на пиршества. Очень нра-

⁴ Абулай — Абылай-хан, Абилямсур, Аблай (1711–1780). Сын султана Вали, внук султана Аблая, правнук хана Жангыра, по одним данным, султана Вали — по другим данным [Ерофеева 1997: 83].

⁵ *Чжэньшо* (正朔) — система (начало летоисчисления); начало новой династии (эры).

⁶ Пять основных продовольственных культур — обычно это рис, просо, ячмень, пшеница и бобы.

⁷ Цунь (寸) — мера длины, около 3,2 см.

⁸ Здесь речь идет об обычае левирата, распространенном в прошлом среди многих народов (от лат. *levir* 'деверь, брат мужа'), по которому вдова выходила замуж за брата своего умершего мужа. У Н. Я. Бичурина: «Жены по порядку от брата к брату поступают» [Бичурин 1829: 145].

вится китайский фарфор, чай, разноцветный домотканый холст (*собу* 梭布), также высоко ценят полученную всякого рода золотистую парчу. Шелк, атлас, узорчатую шелковую ткань (*лин* 綾)¹ [и] тафту не ценят (не просят повторно).

Нет наказаний и штрафов, дисциплины, указы правителя не уважают. Если человек совершил преступление, как правило, сообщая шумно решают. Если преступление мелкое, штрафуют скотом, если преступление серьезное, то сообщая казнят, а имущество его делят [между собой], и необязательно сообщают об этом правителю.

В случае войны, при набегах чужеземных правителей, их правитель советуется с массами, не желающих [воевать] силой не заставляет.

Каждый год платят Китаю налог, коров и лошадей — из ста одну, баранов — из тысячи одного. [Вначале] илийский *цзянцзюнь* (伊犁将军)² отправил чиновников в их государство взимать налоги, [тогда] их правитель собрал [своих] вождей и других в поход [против них]. В начале колебались [из-за] больших расходов, [говорят:] ради интересов своих людей, [используя] природную воду и траву, выращиваем на природе домашний скот, мы сами оплачиваем свои расходы [и] ведем хозяйство, каким образом [можно] говорить о существовании дани и налогов? Их *цзянцзюнь* (генерал-губернатор) многократно наставлял [уговаривал казахов], потом [их правитель] неохотно последовал [уговорам], однако [впоследствии] не допускал недостачи и ныне, как правило, посылает [подношения], опасаясь [военных последствий]!

Казахов два рода, одним управляют Аблай-бий (阿布赖比 *Абулай-би*)³, а также

¹ Лин (綾) — узорчатая шелковая ткань, тоньше, чем атлас.

² Цзянцзюнь (将军) — командующий войсками, военный губернатор, генерал-губернатор. До 1882 г. наместник или военный губернатор Синьцзяна.

³ Есть сведения о том же Аблай-хане (阿布赖比 *Абулай-би*) в другом источнике «Сиюй тучжи» (西域图志 Описание карт Западного края, цзюань 44): «27-й год правления Цяньлуна (1762 г.), 2-й месяц, казахские Абулмамбет (阿布勒瑪木比特 *Абуле Мамубитэ*) и другие направили посольство с дарами. ... 7-й месяц, посольство Аблая (阿布賚) прибыло с дарами» [Xinjiang 1987: 266].

[его] сыновья⁴, Абулфейс-хан (阿布尔必斯 *Абуэрбисы*)⁵, Абулмамбет-хан (阿布尔班必 *Абуэрбаньби*)⁶, каждый *тайцзи* (台吉) своими подчиненными, [они] граничат с Или (伊犁) и Тарбагатаем (挹拉巴哈台), покорились Китаю, каждый год пригоняют свой домашний скот к границе, обменивают на шелковые ткани и возвращаются [обратно в свои земли].

Казахи к северу от них — еще один род, не граничат с Китаем, население более процветающее.

Чуньюань сказал⁷: генерал империи Хань (汉) Ли Гуанли (李广利) во главе армии в несколько десятков тысяч [солдат] вышел из Дуньхуана (敦煌) на 10 тысяч *ли* (里)⁸, убил правителя Давани (大宛), получил 3 тысячи с лишним голов «потеющих кровью лошадей» (汗血马 *ханьсюэма*)⁹, плотные кожа и мышцы, в то время их называли божественными, прозвали драконами и называли их «небесными лошадьми» (天马). В землях казахов издревле выращивают лошадей, по всей стране их бесчисленное множество. Хотя [есть] выдающиеся, достаточно сильные (выносливые), [но все же] по большей части, плохие лошади (захудалые клячи *нутаи*), объезжают [этих лошадей] одну за другой, [чтобы] сделать превосходными, [но] тысяча [их] не стоит (не заменит) и одной [хорошей], как убедиться,

⁴ У Аблай-хана было 30 сыновей и 40 дочерей. Старший сын — Вали-хан (Уали-хан) унаследовал ханский титул своего отца в 1781 г.

⁵ Абулфейс-хан — Абулфеиз, Абульфеиз, Абулфаиз (1771–1783), второй сын хана Абулмамбета, внук хана Болат [Ерофеева 1997: 83].

⁶ Абулмамбет-хан — Абилмамбет, Абдулмамбет, Абулмамбет (ок. 1690–1771), сын хана Болат, внук хана Тауке [Ерофеева 1997: 83].

⁷ Здесь и в конце следующих двух подглав автор сочинения, упоминая себя в третьем лице, дает свои резюмирующие послесловия, которые в переводе Н. Я. Бичурина отсутствуют, но «представляют для исследователя наибольший интерес» [Думан 1936: 29].

⁸ Ли (里) — китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.

⁹ «Потеющие кровью» — кит. 汗血马 *ханьсюэма*, имеются в виду знаменитые даваньские кони из Ферганской долины, отличавшиеся быстрым бегом, силой и выносливостью, которых еще китайцы называли «тяньма» («небесными конями»).

[что это] те, что называются «потеющие кровью»? Земли истощили тучность и изобилие, подходят [только] для скотоводства, по этой причине [все же] имеют недостаток. Однако на землях, близких [от] Андижана (安集延) и *бурутов*, [при] удобном случае [грабят] друг друга, отнятое у слабых мясо — сильным пища!

Буруты (布鲁特 Бурутэ)¹

Буруты — племя мусульман. Земли между Андижаном (安集延) и Кашгаром (喀什噶尔), земли обширны, многолюдны. Называют их вождя *бий* (比 *би*). Кто-то обладает [и] управляет 10–20 аймаками (爱曼 *аймань*), кто-то обладает [и] управляет 20–30 аймаками. Каждый житель аймака является их податным (阿拉巴图 *алабату*)², хотя все являются *бурутами*, имеют несколько *биев* (*би*). Каждый вождь (*би*) имеет свою землю, своих людей, силы [у них] с древности равны, друг другом не командуют, не имеют [злых умыслов], не скапливаются вместе. Если их *бий* умирает, подчиняются его сыну [или] брату, другие люди не могут [занять его место].

Запрет на свиное мясо, одежда с узкими рукавами, передние полы халата нараспашку, [мужчины носят] шапки с квадратными сторонами и плоским верхом, женщины втыкают длинные перья с хвоста фазана, украшая головной убор.

Обычаи [и] язык во многом схож с Хуйцзян (回疆)³, различий мало, живут в юртах, занимаются скотоводством, в пищу употребляют мясо, из молока коров и кобыл [делают] вино, обычаи, как у ойратов (额鲁特 *эрутэ*).

Любят китайский фарфор, чай, шелк, табак [и] вино, [которые] высоко ценят.

Люди бедные, характер дерзкий, не дорожат жизнью, любят выгоду, легко убивают, грабят, храбры в боевых сражениях.

¹ Буруты — *кит.* 布鲁特 бурутэ, под этим этнонимом, заимствованным из монгольского языка, в цинской литературе подразумевались притяньшаньские киргизы.

² *Алабату* 阿拉巴图 (албату, албат) — платящий *албан* (подать, дань).

³ *Хуйцзян* (回疆) — досл. *Мусульманский рубеж*, в эпоху Цин так называли дорогу на южной стороне Тяньшаня в Синьцзяне, район которой населяли уйгуры.

Казахи, болоры (博罗尔 *болоэр*) все боются [их], также джунгары (准噶尔 *чжунь-гаэр*) во время своего могущества не смогли заставить их покориться. Часто грабили выезжающих мусульман, а также чужеземцев, прибывающих торговать во внутренние земли (内疆).

После того, как великие (китайские) войска покорили Западный край (西域 *Сиюй*) начали прекращать [грабить], не смели давать [себе] волю. Каждый их *бий* посылал каждый год посла в Учтурфан (乌什 *Уши*). Просили *цаньцзань дачэнь* (参赞大臣)⁴ о безопасности и отправке к великому императору [Китая] лошадей, прибывали сплошным потоком, не прерываясь.

В двадцать третий год [правления императора] Цяньлуна (1758 г.) великие (цинские) войска [выступили] карательным походом⁵ [против] *хочжей*, Хаким (阿奇木 *Ациму*), *бий* бурутов (*бурутэби*), обитавших в окрестностях Кашгара (喀什噶尔), страшась небесной кары (от Китая), преградил путь *хочжам* и изо всех сил сражался [с ними]. Одобряя их заслуги, даровали их *бию* Ациму (Хакиму) титул *саньчжи дачэнь* (散秩大臣)⁶, назначили Хаким-беком (阿奇木伯克 *Ациму-бокэ*) мусульманского селения Ташмалык (塔什伯里克 *Ташиболикэ*). Их остальные вожди все были награждены чиновничьими [атрибутами] — шариками (*дин*) для ношения на [шапках] (戴顶)⁷ [и] перьями (翎 *лин*)⁸ [соответственно] по рангам⁹.

⁴ *Цаньцзань дачэнь* (参赞大臣) — наместник, министр, помощник, советник (генерал-губернатора во время династии Цин).

⁵ Военная экспедиция 1758 г. связана с завоеванием Цинской империей Восточного Туркестана и их борьбой с ходжами (Бурхан-ад-Дином и Ходжа-Джиханом), а также с вовлеченными в эту борьбу киргизскими племенами [Кузнецов 1983: 40–44].

⁶ *Саньчжидачэнь* (散秩大臣) — чиновник без определенных обязанностей, чиновник резерва в эпоху Цин.

⁷ *Дайдин* (戴顶) — знак отличия, досл. *носить шарик на головном уборе* чиновника.

⁸ *Лин* (翎) — перо павлина.

⁹ Формальное подчинение киргизов Цинам позволило им сохранить, в значительно степени, свою автономию на Тянь-Шане и в Алтае [Айтикеев 2014: 95].

Сегодня население их рода живет смешанно среди глухих гор [и] зарослей [в окрестностях] Яркенда (叶尔羌), Кашгара (喀什噶尔), Учтурфана (乌什), спокойно живут [и] разводят лошадей.

Чуньюань сказал: если зажиточные, то праздные и разгульные, если бедные, то захватывают [отбившихся чужих животных], присваивают — привычки у [жителей] Сиюя такие! Земли *бурутов* тощие, люди бедные, нет выгоды от земледелия и шелководства, горы в большинстве каменистые, отсутствует возможность заниматься кочевым скотоводством. С древности их люди бедные, бедные — поэтому воруют. Воруют, потому привыкают к жестокости, без чувства стыда. Как говорят, не имеющие имущества, не имеют привязанности. Белка-летяга наедается досыта оставшимся зернышком, [а] крапивник держится устойчиво и на одной ветке, потому быть бедными — их [киргизов] уловка¹.

Андижан (安集延 Аньцзянь)²

Андижан — одно из [владений] мусульманских племен. Их хан Ирдана-[бий] (额得纳 Эдэна)³ был известным, вскоре умер, его брат Нарбута-[бий] (纳拉帕塔 *Налана-та*)⁴ взшел на престол, управлял четырьмя городами. Самый большой назывался Коканд (豪罕 *Хаохань*), [в нем было] свыше 30 тысяч дворов, был ставкой для их хана. Следующий назывался Маргилан (玛拉噶朗 *Малагалан*), [в нем было] более 20 тысяч дворов. Следующий назывался Наманган (柰曼 *Наймань*), [в нем было] свыше 10 тысяч дворов. Самый маленький город назывался Андижан (安集延), [в нем была только] тысяча дворов! Все население четырех городов считается подданными их хана, в 23-й год правления Цяньлуна (1758 г.) покорились Китаю. К западу от *бурутов*

(*булутэ*) [земли андижанцев], имеется городской водоем, постройки (дома), селения, поля и сады. Занимаются земледелием. Земля производит хлебные злаки. Бобовые, тыква, фрукты — все имеется, да к тому же персики хвалят [как] исключительные. Разводят коров, лошадей, распространена охота облавой. Люди не отрачивают косы, запрещено [есть] свиное мясо. [Носят] одежду с округлым воротником и узкими рукавами, [и] шапочки квадратные без полей. Их люди в основном умело накапливают [богатства], извлекая из капитала должные проценты. Груженные товаром отправляются в дальний путь [и] торгуют, не взирая на снег (непогоду), на опасности, по несколько лет не возвращаются [домой], [если] не получили выгоды. [Жителей] всех внутренних территорий называют мусульманами Андижана так же, как мусульман всех городов вплоть до иностранных государств, везде зовут мусульманами Кашгара [喀什噶尔].

Чуньюань сказал: Аньцзянь (Андижан), Кэшимизэр (Кашмир) — все родина торговцев Западного края (Сиюя), скупые, мелочные, по природе [имеют] дурные наклонности, нашли пристанище в Кашгарии (Хуйцзян), местное население опасается их ухода, [если] уйдут, [то] в их землях не будет денежного обращения, а потому большинству мусульман [это крайне] неудобно.

Заключение

Значение сочинения Цишии «Сиюй вэньцзяньлу» трудно переоценить. Автор сочинения, будучи отправленным на службу в Восточный Туркестан, на протяжении многих лет кропотливо собирал сведения о народах Сиюя или Западного края, описывая их территорию, общественное устройство, хозяйственный уклад, культуру, обычаи и многое другое, что казалось ему самобытным и интересным.

Начинает свое сочинение он с крайней, самой западной точки Великой китайской стены — Цзяюйгуань, описывая дороги Великого шелкового пути, проходящие по южным и северным склонам гор Сюэшань (雪山 Снежные горы), через Хами, Урумчи, Или, Тарбагатай, Кучу, Учтурфан, Кашгар, Андижан, Бухару и ведущие на Запад.

Описывая каждый населенный пункт или народы, Цишии обращает внимание на конкретные детали, будь то правители опи-

¹ Цишии на примерах из живой природы показывает, что образ жизни киргизов является их умением приспособиться к окружающей среде.

² Под этим названием Цишии подразумевает не только сам г. Андижан, но и все Кокандское владение с входившими в его состав территориями во второй половине XVIII в.

³ Ирдана-бий (Абдулкаюмхан) — годы жизни 1720–1762 гг., правил в Коканде с 1752 по 1752 гг. и с 1753 по 1762 гг.

⁴ Нарбута-бий (1749–1809) был правителем Коканда в 1763–1798 гг.

сываемого края или народа, характеристика их социально-экономического уклада, дает авторскую оценку политическим событиям того времени и т. д., и в этом смысле его сочинение значительно дополняет уже известные исследователям факты и занимает заметное место среди частных цинских письменных источников XVIII в. по истории народов Центральной Азии.

Многочисленные копии и издания данного сочинения также подтверждают ценность сведений, содержащихся в нем, которая сохраняется до настоящего времени.

Несмотря на достаточную известность сочинения, до сих пор нет его всестороннего и полного перевода на русский язык, кроме того, который был сделан в свое время

Н. Я. Бичуриным. Об этом достаточно сказано, отметим лишь, что Н. Я. Бичуриным проделана огромная работа, но в переводе много литературных обобщений, которые, впрочем, передают достаточно точный смысл оригинала. Кроме этого, в тексте перевода много пропущенных мест, которые представляют несомненный интерес для читателя.

Введение в научный оборот новых, малоизученных сведений из сочинения Цишии «Сиюй вэньцзяньлу» помогают более полно понять не только политику Цинской династии в Центральной Азии, но и осветить историческую географию, социально-экономическое положение народов, их историю и обычаи.

Литература

- Айтикеев 2014 — *Айтикеев Т. К.* Китайские источники по истории кыргызов в XVIII в. // Вестник Ошского государственного университета. 2014. № 4. Серия 2. С. 91–96.
- Бернштам 1955 — *Бернштам А. Н.* К вопросу происхождения киргизского народа // Советская энциклопедия. 1955. № 2. С. 16–26.
- Бичурин 1829 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 270 с.
- Думан 1936 — *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 256 с.
- Ерофеева 1997 — *Ерофеева И. В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Гылым, 1997. С. 46–144.
- Кузнецов 1983 — *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983. 126 с.
- Кукеев 2019а — *Кукеев Д. Г.* «Джунгарское» пограничье как место появления письменных источников, написанных чиновниками и ссыльными Цинской империи // Один пояс — один путь: образование, наука, культура: мат-лы II Междунар. форума (г. Элиста, 15–18 октября 2019 г.). Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2019. С. 42–46.
- Кукеев 2019б — *Кукеев Д. Г.* Китайские источники частного характера по истории Джунгарского ханства // Общество и государство в Китае: тезисы докладов 49-й науч. конф. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019. С. 308–317.
- Кюннер 1950 — *Кюннер В. В.* Работа Н. Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. LVI–LXXXVI.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. III.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX вв. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Gao 2007 — *Gao Jian.* «Xiyu wenjian lu» yiming ji panben kaoshu» (= Исследование названий и изданий «Сиюй вэньцзяньлу») // Zhongguo bianjiang shidi yanjiu. 2007. 第1期. Pp. 118–150.
- Li 2008 — *Li Yaru.* Qishiyi yu «Xiyu wenjian lu» (= Цишии и «Сиюй вэньцзяньлу») // Xinjiang daxue xuebao (zhexue, renwen, shehui kexueban). 2008. Vol. 36. № 5. Pp. 67–71.
- Mosca 2018 — *Mosca, Matthew W.* Cišii's Description of Xinjiang: Its Context and Circulation // Xinjiang in the Context of Central Eurasian Transformations. Tokyo: The Toyo Bunko, 2018. Pp. 169–200.
- Qishiyi 1801 — *Qishiyi.* Xiyu wenjian lu. Vol. 2. Edo: Senshōbō, 1801 (Waseda University Library, No. ㍻ 5-3045-2). (In Chin.)
- Qishiyi 2016 — *Qishiyi.* Xiyu wenjian lu // Ming-Qing biji zhongde Xiyu ziliao huibian (= Собрание материалов по Западным странам в заметках [эпох] Мин [и] Цин). Yao Xiaofeibianzhu. Beijing: Xuefan chubanshe, 2016. Pp. 116–187.

- Wang 2008 — *Wang Zhiqiang*. «Xiyu wenjian lu» zhi banbenzhu zhekaoshu ji shiliaojiazhi lunlue (= Текстовое исследование автора издания «Сиюй вэньцзяньлу» и краткое обсуждение ценности исторических данных) // *Journal of Yili Normal University (Social Science Edition)*. 2008. No. 1. Pp. 30–36.
- Xinjiang 1987 — *Xinjiang difang lishi ziliao xuanji* (= Избранные материалы по исторической географии Синьцзяна). Beijing: Renmin chubanshe, 1987. 654 p. (Ha kit. яз.).
- Zhang, Yu 2013 — *Zhang Yang, Yu Minhui*. «Xiyu wenjian lu» banben, zuozhe ji shiliao jiazhi (= Издание, авторы, а также ценность материалов «Сиюй вэньцзяньлу») // *Hebei shifan xueyuan xuebao*, 2013. 1月. 第31卷. 第1期. Pp. 74–81.
- References**
- Aitikeev T. K. Chinese sources on 18th-century Kyrgyz history. *Bulletin of Osh State University*. 2014. No. 4. Series 2. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Bernshtam A. N. Origins of the Kyrgyz revisited. *Sovetskaya entsiklopediya*. 1955. No. 2. Pp. 16–26. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth). Description of Dzungaria and East Turkestan in Ancient and Present Times. St. Petersburg: Karl Kray, 1829. 270 p. (In Russ.)
- Duman L. I. Late 18th-Century Agrarian Policy of the Qing (Manchu) in Xinjiang. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 256 p. (In Russ.)
- Gao Jian. 'Xiyu wenjian lu' ('Record of Things Seen and Heard in the Western Regions'): Exploring titles and editions. *Zhongguo bianjiang shidi yanjiu*. 2007. No. 1. Pp. 118–150. (In Chin.)
- Historical Geography of Xinjiang: Selected Materials. Beijing: Renmin chubanshe, 1987. 654 p. (In Chin.)
- Khafizova K. Sh. Steppe Rulers and Their Diplomacies, 18th–19th Centuries. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute of Strategic Studies, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Kukeev D. G. 'Dzungar' frontier line: Where officials and exiled citizens of the Qing Empire created written sources. In: One Belt — One Way: Education, Science, Culture. Forum proceedings (Elista; October 15–18, 2019). Elista: Kalmyk State University, 2019. Pp. 42–46. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Private Chinese sources on the history of Dzungar Khanate. In: Society and State in China. Conference proceedings. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Pp. 308–317. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. Qing Empire in Central Asian Frontiers, Mid-18th to Mid-19th Century. Novosibirsk: Nauka, 1983. 126 p. (In Russ.)
- Kyuner V. V. Nikita Ya. Bichurin's (Hyacinth) work with Chinese sources for his Collected Accounts about Peoples to Have Inhabited Central Asia in Ancient Times. In: Bichurin N. Ya. [Hyacinth] Collected Accounts about Peoples to Have Inhabited Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. Pp. LVI–LXXXVI. (In Russ.)
- Li Yaru. Qishiyi and 'Xiyu wenjian lu'. *Xinjiang daxue xuebao (zhexue, renwen, shehui kexue-ban)*. 2008. Vol. 36. No. 5. Pp. 67–71. (In Chin.)
- Mosca M. W. Cišii's Description of Xinjiang: Its context and circulation. In: Xinjiang in the Context of Central Eurasian Transformations. Tokyo: The Toyo Bunko, 2018. Pp. 169–200. (In Eng.)
- Qishiyi. Xiyu wenjian lu. In: Yao Xiaofei (ed.) Collection of Materials on Western Countries in the Notes of [Epochs] Ming [and] Qing. Beijing: Xuefan chubanshe, 2016. Pp. 116–187. (In Chin.)
- Qishiyi. Xiyu wenjian lu. Vol. 2. Edo: Senshōbō, 1801 (Waseda University Library, No. JL 5-3045-2). (In Chin.)
- Wang Zhiqiang. 'Xiyu wenjian lu': Textual research of authorship and a brief discussion on the value of historical data. *Journal of Yili Normal University (Social Science Edition)*. 2008. No. 1. Pp. 30–36. (In Chin.)
- Yerofeeva I. V. Kazakh Khans and ruling dynasties, 18th to mid-19th century. In: Culture and History of Central Asia and Kazakhstan. Research Challenges and Prospects. Almaty: Gylm, 1997. Pp. 46–144. (In Russ.)
- Zhang Yang, Yu Minhui. 'Xiyu wenjian lu': Editions, authors, values of materials revisited. *Hebei shifan xueyuan xuebao*. 2013. Vol. 31. No. 1 (January). Pp. 74–81. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 383–396, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-383-396

«Сутра о восьми светоносных неба и земли» как источник по пантеону Тибета

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglamirzaeva@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мирзаева С. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Одна из тибетских версий апокрифической «Сутры о восьми светоносных неба и земли», вошедшая в сборники неканонических ритуальных сочинений «Сундуй» и «Доманг», по содержанию представляет собой обрядовый текст с перечислением имен персонажей буддийского пантеона Тибета, часть которых относится к тибетской автохтонной мифологии и не имеет аналогов в других буддийских традициях. Это сочинение, основной функцией которого является умилоствление упоминаемых в нем сверхъестественных существ путем начитывания, легло в основу ойратского перевода сутры, выполненного Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662). *Цель статьи* — на материале тибетской и ойратской версий «Сутры о восьми светоносных неба и земли», а также двух дополнительных тибетских текстов с использованием сравнительно-сопоставительного анализа рассмотреть классификации божеств, имеющие тибетское происхождение и различающиеся в двух версиях. *Результаты.* Выявленные отличия, свидетельствующие о том, что Зая-пандита опирался на отличный от сохранившейся тибетской редакции текст, отмечаются в перечнях имен нагов, хозяев местности, небожителей, которые относятся к тибетскому добуддийскому пантеону. Привлечение в качестве дополнительного источника текста *терма* авторства Ньянгрэл Ныма Осэра, который имеет восточнотибетское происхождение, позволяет сделать предположение, что оригинальная для Зая-пандиты тибетская версия сутры также могла быть составлена в Восточном Тибете. Присутствие дополнительного перечня имен хозяев местности (*садаков*) в тибетской версии сутры, который отсутствует в ойратском переводе, но полностью идентифицируется на материале «Вайдурья-карпо», на наш взгляд, свидетельствует о том, что на каком-то этапе редактирования тибетской версии сутры (позже второй половины XVII в., т. е. времени создания ойратского перевода) компиляторами мог привлекаться данный труд Сангье Гьяцо.

Ключевые слова: «Сутра о восьми светоносных неба и земли», апокриф, версия В, тибетская версия, «Сундуй», ойратский перевод, Зая-пандита Намкай Джамцо, тибетский пантеон

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Мирзаева С. В. «Сутра о восьми светоносных неба и земли» как источник по пантеону Тибета // *Oriental studies*. 2022. № 2. С. 383–396. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-383-396

Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth as a Source on Tibetan Pantheon

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mirzaeva S. V., 2022

Abstract. Introduction. A Tibetan version of the apocryphal Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth to have been included in *Gzungs-'dus* and *Mdo-mangs* collections of minor non-canonical texts is a ritual text containing lists of various supernatural beings of Tibetan religious system. Some of these cannot be found in Chinese or Indian traditions and obviously have Tibetan pre-Buddhist roots. This version of the Sūtra serves to neutralize supernatural beings mentioned in the text via reciting their names. It is also represented by an Oirat translation made by Jaya Paṇḍita Nam-mkha' rgya-mtsho (1599–1662). **Goals.** The article aims to analyze lists of supernatural beings which supposedly have Tibetan origin and differ in Tibetan and Oirat versions. Two texts — the Tibetan version from *Gzungs-'dus* collection and the Oirat translation by Jaya Paṇḍita Nam-mkha' rgya-mtsho — are used as main sources. A *gter-ma* text of incense (Tib. *bsang*) offering dedicated to this Sūtra and Chapter 31 of *Vaidurya-dkar po* containing materials on earth lords (Tib. *sa-bdag*) serve as complementary sources for comparative analysis. **Results.** The two abovementioned versions have differences in lists of *nāgas*, deities and earth lords belonging to pre-Buddhist religious system. It is proposed that Jaya Paṇḍita had used some other Tibetan text of the Sūtra (now extant) which differed from the version included in *Gzungs-'dus*. Correspondences between some names in the Oirat translation and the *gter-ma* text by Nyang-ral Nyi-ma 'od-zer (Eastern Tibet) make it possible to conclude that the extant Tibetan version used by Jaya Paṇḍita could have also been composed in the same region. All names from the additional list of earth lords' names found only in the Tibetan version of the Sūtra and missing in Oirat text can be identified through Chapter 31 of *Vaidurya-dkar po*, therefore the paper proposes this composition authored by sde-srid Sangs-rgyas rgya-mtsho could have also been used by compilers after the mid-to-late 17th century during long editing processes experienced by the Tibetan text of the Sūtra.

Keywords: Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth, apocrypha, version B, Tibetan version, *Gzungs-'dus*, Oirat translation, Jaya Paṇḍita Nam-mkha' rgya-mtsho, Tibetan pantheon

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Mirzaeva S. V. Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth as a Source on Tibetan Pantheon. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 383–396. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-383-396

Введение

Геомантические (от др.-греч. *γεωμαντεία* ‘гадание по земле’) и астрологические практики, составляющие основной пласт буддийского ритуала, представлены широким кругом текстов в письменной традиции Тибета и монгольских народов. В одном из важнейших трактатов, содержащих материалы по тибетской астрологии и практикам *sache* (от тиб. *sa dpyad* букв. ‘исследование земли’), — сочинении регента Далай-ламы V Сангье Гьяцо (тиб. *sangs rgyas rgya mtsho*, 1653–1705) «Вайдурья-карпо» (тиб. *bai du rya dkar po*), при перечислении ритуальных текстов, призванных нейтрализовать негативное воздействие различных представителей тибетского пантеона и пандемониа, которые могут быть потревожены в результате человеческого вмешательства¹, неоднократно упоминается и «Сутра о восьми светоносных неба и земли» (тиб. *gnam sa snang brgyad*), китайский апокриф, который, как указывалось ранее в публикациях [Мирзаева, Тувшинтугс 2019; Мирзаева, Тувшинтугс 2020; Мирзаева 2020], представлен в двух редакциях, отличающихся друг от друга по содержанию: первая вошла в Кагьюр / Ганджур, вторая — в сборники малых неканонических текстов «Сундуй» (тиб. *gzungs 'dus*) и «Доманг» (тиб. *mdo mangs*).

Вторая редакция, обозначаемая исследователями как версия В, в отличие от первой редакции (версия А), относящейся по жанру к дхарани-сутрам, содержит перечисление имен различных сверхъестественных существ, зачитывание которых направлено на их умилоствление, поэтому можно сделать вывод, что указанная в «Вайдурья-карпо» сутра относится именно к этой версии. В ойратском переводе Зая-пандиты Намкай Джамцо, дошедшем до нашего времени в нескольких списках, представлена версия В, причем наличие разночтений с сохранившейся тибетской редакцией сутры в составе «Сундуя»

¹ В этой связи использование терминов «божество» и «демон» весьма условно, поскольку и те, и другие могут как принести благо, так и причинить вред человеку. Двойственная природа божественных существ в пантеоне Индии и Тибета уже не раз отмечалась исследователями [Герасимова 1989: 99–100].

свидетельствует о том, что Зая-пандита имел в своем распоряжении отличный от нее текст². Сравнительно-сопоставительный анализ тибетской и ойратской версий сутры показывает, что в последней представлены расширенные или отличающиеся перечни имен хозяев местности, нагов, божеств, духов *ньен* и пр., введение в научный оборот которых дополнит новыми данными материалы по тибетскому пантеону.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена тибетским текстом сутры «*Snang ba brgyad*» («Восемь светоносных») из современного ксилографического издания сборника «Сундуй» 1994 г. [Snang brgyad 1994], ойратской рукописью «*Xutuq xaršiyin nayiman gegēni sudur orošibo*» («Святая сутра восьми светоносных, [отвращающая] неблагоприятствование») из цифровой коллекции ойратских рукописей «Тод номын гэрэл»³ [Nayiman gegēn], а также двумя дополнительными тибетскими текстами — текстом *терма*⁴ «*O rgyan rin po ches mdzad*

² Как правило, наличие существенных разночтений между тибетским оригиналом и монголоязычными переводами позволяет говорить о монгольских / ойратских редакциях того или иного сочинения, однако в данном случае мы склонны считать, что ввиду своего скрупулезного и бережного отношения к тибетскому оригинальному тексту Зая-пандита не мог вносить значительные изменения в свой перевод, таким образом, мы предполагаем, что разночтения присутствовали в тибетской версии сутры, послужившей основой для перевода Зая-пандиты. Кроме того, сличение с монгольской рукописью версии В из фондов Института восточных рукописей РАН подтверждает, что существовала иная тибетская редакция сутры, отличная от той, что сохранилась в составе «Сундуя».

³ Выбор текста был мотивирован тем, что из четырех списков, представленных в цифровой библиотеке, данная рукопись наиболее полная и имеет колофон.

⁴ От тиб. *gter ma* ‘сокровище, клад’. Класс текстов, сокрытых Гуру Падмасамбхавой (VIII в.), основателем школы ньингма, часто называемым в Тибете «вторым Буддой», и его учениками и открываемых вновь *термонами* (тиб. *gter ston*, букв. ‘открыватель кладов’).

pa'i bsang mchod gnam sa snang brgyad bdud rtsi'i sprin phung dgos 'dod char rgyun zhes bya ba bzhugs so) («Подношение воскурения санг, составленное Оргъен Ринпоче¹, „Восьми светоносных неба и земли“ под названием „Дождь, дарующий желаемое и необходимое облаками амриты“») [Bsang mchod] и 31-й главой вышеупомянутого труда «Вайдурья-карпо» под названием «*Lo zla tshes grangs dus tshod la rgyu ba'i sa bdag skor*» («О хозяевах местности, перемещающихся [в течение] года, месяца, дня, двухчасового периода времени») [Bai DUrya dkar po], которые содержат дополнительные материалы по классификациям перечисляемых в сутре сверхъестественных существ. Также в отдельных случаях дополнительно привлекался монгольский текст версии В из фонда Института восточных рукописей РАН «*Qarsi jasaqu naiman gegegen nereti sudur*» («Сутра под названием „Восемь светоносных“, исправляющая неблагоприятствование») [Naiman gegegen]. С использованием методов текстологического и сравнительно-сопоставительного анализа будут рассмотрены только те классы существ, классификации которых в тибетской и ойратской версиях различаются и которые явно имеют тибетское происхождение. Актуальность исследования обусловлена в первую очередь введением в научный оборот материалов по тибетскому пантеону на основе тибетской и ойратской версий «Сутры о восьми светоносных неба и земли», в основе последней, как упомянуто выше, лежит не сохранившаяся до нашего времени тибетская редакция. Привлечение в качестве дополнительного источника текста *терма*, имеющего восточнотибетское происхождение, в котором прослеживаются параллели с версией В сутры, позволит предположить, что редакция, которой пользовался Зая-пандита, также могла быть составлена в Восточном Тибете.

Великие небожители (*yeke tenggeri, lha chen po*)

В данной классификации речь идет о высших небожителях, населяющих, согласно буддийской модели мироздания в со-

¹ Тибетский перевод имени Гуру Падмасамбхавы.

чинении Васубандху «Абхидхармакоша», нижнюю террасу мировой горы Сумеру [Васубандху 2001: 140]. Перевод Зая-пандиты содержит перечень имен божеств индуистского пантеона, следующий за группами четырех великих и десяти обычных хранителей сторон², одно имя в котором — Камалиги (*Kamaligi*) [Nayiman gegēn. Л. 3a: 17] — не обнаруживает соответствия в тибетской версии: вместо него указано имя Картикара (тиб. *kar+rti ka ra*) [Snang brgyad 1994: 1505]. В монгольской версии ему соответствует *yeke Garudi tngri* ‘великий небожитель Гаруда’³ [Naiman gegegen. Л. 5b]. Очевидно, что *Kamaligi* — это искаженное заимствование, но из какого языка, определить сложно; тиб. *Kar+rti ka ra* можно классифицировать как санскритизм, однако божество с подобным именем в буддийском пантеоне не установлено. Можно предположить, что *Kamaligi* и *Kar+rti ka ra* относятся к именам Гаруды.

Великие наги (тиб. *klu chen po*, ойр. *yeke klu*)

В данной классификации выделяется как индийский (восемь царей нагов, пять варн / каст нагов⁴), так и собственно тибетский пласты. Разночтения в ойратском и тибетском текстах отмечаются в именах отдельных нагов⁵, которые, предположительно, относятся к тибетскому автохтонному культу *лу*. Приведем ниже в виде таблицы эти имена на тибетском и ойратском языках, снабдив параллелями из монгольской версии, содержащей не буквальный, а описательный их перевод.

² Санскр. *lokapāla* и *dikpāla*.

³ В индуизме и буддизме мифический царь птиц.

⁴ Несмотря на то, что сама концепция пяти варн / каст относится к индийским реалиям, она представлена и в тибетской модели сотворения мира, которая явно имеет добуддийское происхождение. Согласно одному из тибетских мифов, изложенному Дж. Туччи, в самом начале формирования вселенной появляется вселенская золотая черепаха, которая откладывает шесть яиц. От них берут свое начало пять каст нагов [Tucci 1949: 711].

⁵ Вероятно, более низкого ранга, из окружения царей.

Тибетский	Ойратский	Монгольский
<i>la can</i>	<i>labtu</i>	<i>bečin luu-yin qan</i>
<i>mdongs bu can</i>	<i>bilisütü</i>	<i>jidatan luu-yin qan</i>
<i>gtsug phud can</i>	<i>giligür tosutu</i>	<i>čomčaytan luu-yin qan</i>
<i>bu gu can</i>	<i>dengdegertü</i>	<i>ijayur-ıyan luu-yin qan</i>

Первое имя *La can* [Snang brgyad 1994: 1505] переведено Зая-пандитой как *Labtu* [Nayiman gegēn. Л. 3b: 10], т. е. тиб. *la* транскрибировано как *lab*, а частица обладания *can* передана формой совместного падежа *-tu*; из монгольского перевода *bečin luu-yin qan* [Naiman gegegen. Л. 6b] мы можем сделать вывод, что это царь нагов-обезьян или царь нагов, имеющий наружность обезьяны. Второму имени *Mdongs bu can*¹ 'с белым пятном на лбу' [Snang brgyad 1994: 1505] в ойратском переводе соответствует имя *Bilisü[g]tū* 'С перстнем' [Nayiman gegēn. Л. 3b: 11].

Подобную замену объяснить сложно: возможно, в оригинальном для Зая-пандиты тексте было представлено другое написание имени, предположительно этимологизируемое на основе ойратского перевода как тиб. *Sor gdub can*. В монгольской версии дан описательный перевод *jidatan luu-yin qan* 'царь нагов-копьеносцев' [Naiman gegegen. Л. 6b]. Тибетскому имени *Gtsug phud can* 'с волосами, собранными на макушке в узел' [Snang brgyad 1994: 1505] в ойратском тексте соответствует *Giligür tosutu* 'с блестящим маслом' [Nayiman gegēn. Л. 3b: 11].

Поскольку тибетский и ойратский варианты имени значительно различаются по лексическому значению и отсутствуют возможные синонимичные выражения в альтернативном написании, можно предположить, что в оригинальной для Зая-пандиты тибетской редакции было представлено другое имя. В монгольской версии в данном случае дан буквальный перевод тиб. *gtsug phud can* как *čomčaytan* 'с волосами, собранными на макушке в узел' [Naiman gegegen. Л. 6b]. Четвертое имя *Bu gu can*² '1. с маленьким отверстием; 2. беспорядочный, запутанный' [Snang brgyad 1994: 1505] переведено в ойратской версии как *Dengdegertü* (см. слова с корнем *dend-* в словаре Г. Й. Рамстедта со

значением 'быть спутанным, смешанным' [Ramstedt 1935: 87]) [Nayiman gegēn. Л. 3b: 12]. Монг. *ijayur-ıyan* [Naiman gegegen. Л. 6b] явно представляет ошибочное написание, которое с трудом поддается переводу в контексте всей фразы.

Хозяева местности (тиб. *sa bdag*, ойр. *yazariyin ezen*)

Наибольшее количество разночтений между ойратской и тибетской версиями сутры отмечается в данной классификации. Как указано выше, в качестве дополнительного источника мы использовали 31-ю главу «Вайдурья-карпо», содержащую также ценный иллюстративный материал по изображениям различных хозяев местности. Прежде всего, стоит отметить, что в эту категорию божеств, перечисляемых в сутре, входят несколько классов: хозяева местности высокого ранга *садак*³ (от тиб. *sa bdag*), более низкого — *шидак* (от тиб. *gzhi bdag*) и местные божества *юл-лха* (от тиб. *yul lha*). Сангье Гьяцо указывает, что данный класс существ, включая царей и их свиту, возник в начале времен из пара, порожденного энергией вселенской чрепахи (тиб. *rus sbal bshos pa yis rdul gyi rlangs pa las byung ba'i sa bdag gtso 'khor la sogs dang 'byung ba*) [Bai DUrya dkar po: 174]. Согласно расширенной классификации, он включает тысячу *садаков*, согласно средней — сто пятьдесят, согласно сокращенной — девяносто одного (*grangs ni rgyas par stong phrag dang 'bring po brgya dang lnga bcu ste bsdu pa dgu bcu rtsa gcig*) [Bai DUrya dkar po: 174].

Вначале приведем имена хозяев местности, которые есть только в ойратском переводе и не обнаружены в тибетских источниках.

¹ В тексте *терма* представлено альтернативное написание *sdong bu* [Bsang mchod 363].

² В тексте *терма* представлено альтернативное написание *sbu bu can* [Bsang mchod 363].

³ Русскоязычная транскрипция тибетских слов выполнена в соответствии с принципами, изложенными в публикации [Зорин 2010: 347–348].

Ойратский	Русский перевод
<i>Juru xān</i>	‘Царь Джурру’
<i>Yeke gidi</i>	‘Великий Гиди’
<i>Mingyāni nomoḡodxuqči xān</i>	‘Царь Усмиряющий тысячу’
<i>Xabsuruqsan xān</i>	‘Царь Соединивший’
<i>Adousun zalou</i>	‘Юноша, [оберегающий?] скот’
<i>Xorayin yazariyin ezen batu širētü</i>	‘Хозяин местности дома ¹ Обладающий крепким престолом’

Имена *Juru* и *Gidi*, вероятно, являются искаженными заимствованиями, однако язык-источник определить сложно; в тибетской версии сутры, а также в тексте «Вайдурья-карпо» похожие имена не найдены. Следующие четыре имени представляют собой дословный перевод с тибетского, однако в привлеченных тибетских текстах они не обнаружены. С определенной

долей условности можно допустить, что лексемы, входящие в состав имени, могли иметь другое написание, быть неправильно интерпретированы или прочитаны переводчиком / переписчиком или опущены им при переводе. Исходя из этого, можно составить следующие пары имен (тиб. — ойр.), которые эквивалентны друг другу лишь частично:

(1)	тиб.	stong тысяча	gsum три	rgyal ba [Bai DUrya dkar po: 177] победоносный
	ойр.	mingyāni тысяча	nomoḡodxuqči усмиряющий	xān [Nayiman gegēn. Л. 9b: 4–5] царь
(2)	тиб.	lhas бог-INS	‘dabs kyi окрестности-GEN	gzhon nu [Bai DUrya dkar po: 176] юноша
	ойр.	adousun скот	zalou [Nayiman gegēn. Л. 10a: 8] юноша	

В первом примере в ойратском варианте имени отсутствует числительное «три», а глагольная форма *nomoḡodxuqči* ‘усмиряющий’, конечно, имеет определенные семантические параллели с тиб. *rgyal ba* ‘побеждать’, но, как правило, используется для перевода тиб. *‘dul ba* ‘усмирять’. Во втором примере общей в двух вариантах является лексема «юноша».

Гораздо более значительная группа имен хозяев местности, отсутствующая в ойратском переводе, обнаруживается в тибетской версии сутры из «Сундуя». Поскольку в исследовательской литературе данные по классификации и иерархии хозяев местности представлены не в полном объеме², мы считаем необходимым приве-

сти ниже иконографическое описание³ *садаков*, упоминаемых в данном фрагменте тибетской редакции «Сутры о восьми светоносных неба и земли», согласно очередности их перечисления, с выдержками из текста «Вайдурья-карпо»⁴.

[Maurer 2014], К. М. Герасимовой [Герасимова 1989; Герасимова 1999], Дж. Туччи [Tucci 1949].

³ В некоторых случаях в тексте «Вайдурья-карпо» после указания имени *садака* содержится лишь перечисление методов, применяемых в случае опасности с его стороны, или описание его местоположения в зависимости от периода времени, а иконографическое описание отсутствует. Возможно, это связано с его положением в общей иерархии хозяев местности: как правило, описание отсутствует у *садаков* низкого ранга.

⁴ Более детальные описания некоторых *садаков*, упоминаемых в начале данного перечня, приводятся в книге В. Л. Огудина «Золотая черепаха. Мир тибетской геомантии» [Огудин 2020: 250–272].

¹ См. у Г. Й. Рамстедта *xora* ‘огороженный двор; комната; двухкомнатный дом’ [Ramstedt 1935: 187].

² Исключение составляют работы В. Л. Огудина [Огудин 2020], П. Маурэр [Maurer 2009;

Царь Тэсэ (тиб. *the se rgyal po*)

Хозяин местности по имени *Зэсэ-гьялпо*¹ в царских одеяниях пылающего желто-красного цвета. Он облачен в одеяния из красного шелка, величественно восседает на золотом троне, держит в руках медного (или железного) великого Гаруду (тиб. *ze² se rgyal po zhes bya ba / sa bdag rgyal po'i cha byad can / sku mdog dmar ser 'od du 'bar / men tri dmar po'i slog pa gsol / gser gyi khri steng 'gying bag ldan / phyag na zangs kyi (lcags kyi yang) khyung chen bsnams / gang shar gnam lo'i rta la zhon / bskor ba g.yon du byed pa ste / nyi ma ldog dang mnyam du bskyed*) [Bai DUrya dkar po: 177].

Царица Тэкым (тиб. *the khyim btsun mo*)

Великая царица-мать Тэкым темно-коричневого цвета, облачена в белое шелковое одеяние, в правой и левой руках держит сосуд и зеркало (тиб. *rgyal yum chen mo the khyim ni / smug nag dar dkar gu zu gsol / g.yas g.yon bum pa me long 'dzin*) [Bai DUrya dkar po: 178].

Хангнэ / Хангпэн (тиб. *hang ne / hang phan*)

Супруга царя по имени *Харпэн* или *Хангнэ* сияющего белого цвета, держит золотой сосуд (тиб. *rgyal po'i btsun mo har phan nam / hang ne zhes bya'i chung ma ni / sku mdog dkar gsal gser bum 'dzin*) [Bai DUrya dkar po: 178].

Сын Тэнсо (тиб. *rten so sras bu*)

Сын царя Тэнсо красного цвета, в правой [руке] держит золотой ящик, в левой — металлический кнут. Верхнее его одеяние из красного шелка, внутреннее одеяние — белый шелковый шарф, наброшенный на плечи (тиб. *rgyal po'i sras po te so ni / sku mdog dmar po g.yas gser sgrom / g.yon na lcags kyi sba lcag bsnams / men tri dmar po'i slog pa dang / dar dkar rngul gzan phrag tu bkal*) [Bai DUrya dkar po: 179].

Советник Цэкун (тиб. *gtsad kun blon po*)

Советник *Цангкун* восседает на разноцвет-

¹ Выше в тексте сутры называется *садак* с таким же именем Тэсэ (тиб. *the se*), владычествующий на востоке. Согласно «Вайдурья-карпо», это разные персонажи, каждый из которых имеет свое иконографическое описание.

² Несмотря на то, что в начале фрагмента *садак* назван *Зэсэ-гьялпо* (*ze se rgyal po*), далее по тексту его имя приводится как *Тэсэ-гьялпо*, поэтому в данном случае мы считаем это опечаткой, возникшей по причине схожести графического облика букв *za* и *tha*. Здесь и далее случаи альтернативного написания имен выделены подчеркиванием.

ной черепахе, в одеяниях советника по материнской линии. Тело его лучистого розового (букв. бело-красного) цвета. Он в одеяниях из красного шелка, в правой [руке] держит посох из хрусталя, в левой — драгоценный сосуд (тиб. *rgyal po'i blon po tsang kun ni rus sbal khra bo'i gdan steng na / zhang blon cha byad sku mdog ni / dkar dmar 'od du 'bar ba ste / dar dmar na bza' sku la gsol / g.yas na shel gyi 'khar ba dang / g.yon na rin chen bum pa bsnams*) [Bai DUrya dkar po: 179].

Телохранитель Лачен-сэшар (тиб. *bla mkhyen se shar sku srung*)

Телохранитель, убивающий людей, Сэшар темно-красного цвета, устрашающего вида, в доспехах, держит меч и щит, верхом на водяном быке (тиб. *sku bsrung mi gsod se shar ni / sku mdog dmar nag rab tu 'jigs / zhub can ral gri phub thogs pa / bzhon pa chu glang rgyu ba*) [Bai DUrya dkar po: 181].

Сэло-сачак (тиб. *se lo sa 'phyag*)

Хозяин местности Сэло-сачак синего цвета, держит метлу (тиб. *sa bdag se lo sa 'phyag ni / sku mdog sngon po phyags shing bsnams*) [Bai DUrya dkar po: 184].

Сэу-дэндинг (тиб. *se'u gdan 'dings*)

Хозяин местности *Сэва-дэндинг* светло-зеленого цвета, держит в руках сиденье трона (тиб. *sa bdag se ba gdan 'ding ni / ljang skya phyag na khri shing bsnams*) [Bai DUrya dkar po: 183].

Тампу (тиб. *rta khrid*)

Хозяин местности *Сэу-тампу* — всадник в доспехах, желтого цвета (тиб. *sa bdag se'u rta khrid ni / rta pa zhub can sku mdog ser*) [Bai DUrya dkar po: 182].

Рангта (тиб. *rang rta*)

Сэва-рангта — царский скакун, с телом коня и человеческой головой, сияющего желтого цвета. В руках держит ковши из золота и бирюзы (тиб. *se ba rang rta rgyal po'i chibs / rta lus mi yi mgo bo can / sku mdog ser po 'od dang ldan / gser skyogs g.yu skyogs lag na thogs*) [Bai DUrya dkar po: 182].

Норсунг-чарава (тиб. *nor srung bya ra ba*, букв. 'стражник, охраняющий богатство')

Хранитель богатства царя *Сэчи* белого цвета, с телом человека, головой тигра и пятнистым хвостом леопарда. Держит в руках победный стяг с мышью в наверху (тиб. *rgyal po'i nor bsrung se byi ni / dkar po mi lus stag gi mgo / gzig gi mjug ma thig le can / phyag na byi bla'i rgyan mtshan bsnams*) [Bai DUrya dkar po: 181].

Нгудзин-хэлкы (тиб. *ngus 'dzin hal khyi*)

Хэлкы-нагно — королевский пес, с человеческим телом, головой пса и змеиным хвостом. У него железные птичьи крылья, тело черного цвета, в когтях держит военное знамя (тиб. *hal khyi nag po rgyal po'i khyi / mi lus khyi mgo sbrul mjug can / lcags kyi bya gshog sku mdog nag / bya sder ru mtshon nag po thogs*) [Bai DUrya dkar po: 185].

Каршам (тиб. *dkar sham*)

Царская дочь *Каршам* сияющего белого цвета, красивой внешности. В руках держит зеркало из белого серебра, облачена в одеяния из красного шелка (тиб. *rgyal po'i bu mo dkar sham ni / sku mdog dkar gsal yid 'ong gzugs / phyag na dngul dkar me long bsname / bye dar dmar po'i na bza' gsol*) [Bai DUrya dkar po: 186].

Бэлтэ (тиб. *sbal the*)

Ее жених *Бэлтэ* юного вида, сияющего светлого-желтого цвета. В правой руке держит золотую стрелу, в левой — серебряный лук, облачен в одеяния из синего шелка (тиб. *de'i mag pa sbal te ni / skyes gzhon dkar ser 'od du 'bar / g.yas na gser gyi mda' chung bzung / g.yon na dngul gyi gzhu mo bdung / sku la chu dar sngon po gsol*) [Bai DUrya dkar po: 186].

Намтик-сэрнак (тиб. *rnam thig ser nag*)¹

Божества, называемые *Намтик-сэрнак* (букв. 'темно-желтая линия'), — это *Сэканг*, *Сэванг*, *Намдзо*, *Шелканг*, *Намто*, шесть проявлений *Цэванг*. В месяцы мыши и лошади находятся [на местах] птицы, мыши, дракона, зайца, быка и лошади, в месяцы быка и овцы — [на местах] свиньи, тигра, лошади, змеи, зайца и обезьяны, в месяцы тигра и обезьяны — [на местах] быка, дракона, обезьяны, овцы, змеи и собаки, в месяцы птицы и зайца — [на местах] овцы, собаки, тигра, быка, свиньи и дракона. *Сэканг*, *Сэванг*, *Намдзо*, *Шелканг*, *Намто* и проявления *Цэванг* перемещаются в такой последовательности (тиб. *gnam thig ser nag ces bya ba'i / gdags kyi lha ni gsas khang dang / gser dbang gnam mdzod shel khang dang / rnam thos tshe dbang rnam pa drug / byi rta gnyis kyi zla ba la / bya byi 'brug yos glang dang rta / glang lug gnyis zla ba la / phag stag rta sbrul yos dang sprel / stag sprel gnyis kyi zla ba la / glang 'brug sprel lug sbrul dang khyi /*

¹ Перемещающиеся сабдаки, расположение которых отражает геомантические препятствия и возможности, связанные с безопасными и опасными проходами месяцев [Огудин 2020: 295].

bya yos gnyis kyi zla ba la / lug khyi stag glang phag dang 'brug / gsas khang gser dbang rnam mdzod dang / shel khang rnam thos tshe dbang rname / rim pa bzhin du gnas pa yin) [Bai DUrya dkar po: 220].

Друк-нгон (тиб. *'brug sngon*)

В частности, если опасность исходит от *Друк-нгона*, может умереть хозяин дома, глава семьи. Если [благосостояние] ослабевает, читай как можно больше «[Ратнакеты]-дхарани». Если хозяйка дома — женщина, мясо с костью нужно обернуть в шерсть, выкрашенную в синий, и вынести в северном направлении (тиб. *khyad par 'brug sngon la bsdos na / khyim bdag bza' dpon 'chi bar 'gyur / nyams na tog gzungs ci mang 'don / yang na khyim bdag mo yi ni / dor ma byi ba'i spu dang ni / sha ru rus pa bal sngon dkris / byang gi phyogs su btang bas thub*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Цук (тиб. *tshugs*)

Если повредить место, где пребывает *Чуцак*, непрерывным потоком польются проклятия и порча. Оксвернившись, следует отбросить эти проклятия [следующим образом]: свяжи тройной нитью лопатку, козий рог, изношенный войлок, желудок, шерсть и хвост, прикрепив к этому шелковые ленты пяти цветов и вынеси в северном направлении (тиб. *chu tshags gnas pa'i phyogs bsdos na / kha yogs zhal che rgyun mi 'chad / nyams na bcud bzlog mi kha skyel / thi gu gsum sgril sog pa dang / ra ru stan hrul krad pa'i tshal / grod pa re ba rnga ma dang / dar sna btags la byang phyogs btang*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Таккар (тиб. *stag dkar*)

Если потревожить *Таккара*, прислуга, мать или отец внезапно умрут. Оксвернив, читай большую, среднюю и малую [Праджняпарамиту]. Так как он желает мертвечину, если есть маленькие косточки, вынеси их наружу и оставь (тиб. *stag dkar la bsdos bran mo dang / ma 'am skyes pa glo bur 'chi / nyams na rgyas 'bring bsdu pa 'don / 'di ni ro 'dod ces bya ste / rus bu yod na bton la bskyal*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Ханбу (тиб. *ha+nbu*)

Ханбу желает мертвечину и притягивается к сыновьям, из-за этого могут возникнуть смерть и препятствия. Оксвернив, нужно читать «Сто-тысячную» [Праджняпарамиту] очень громко, нараспев. Если читать протяжным голосом, то его воздействие исправляется (тиб. *hang bu ro 'dod bu la sdang / shi kha bye zhing god kha 'byung / nyams na 'bum la 'ur 'don bya / g.yang lon dmar gyis bcos pa yin*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Кьенчен (тиб. *skyengs can*)

Если потревожить *Кецика*, погибают скот и слуги [?]. Если в имуществе терпишь убытки и осквернился, нужно сделать малый *лу*, чтобы вернуть удачу. Приготовь пустой сосуд и человеческую фигурку из глины, внутрь влей в нее кровь и проткни ее ножом или копьем, словно убивая. Вылепи из глины фигурку быка, собери все вещи, что есть, и помести их внутрь фигурки. Таким образом, скверна очистится. Это внешнее условие. В соответствии с внутренним уровнем, начиная с мыши, эти шесть черных перемещаются таким образом (тиб. *ke tshigs phyugs dang rkang bran 'chi / nor god che bas nyams pa na / g.yang bslan chung glud gtang bar bya / stong 'jal byol po bya ba dang / kham sa'i mi gzugs byas pa la / de yi khog par khrag blugs nas / gri mdung brgyab la bsad tshul bya / kham sa la ni glang gzugs bzos / dngos po gang yod gzugs bsags la / de la stong gi 'jal tshul byas / de yis nyams pa zhi bar 'gyur / de ni phyi'i gnas lugs yin / nang ltar byi ba nas bzung ste / nag drug 'di ltar gnas pa yin / bang ba khang rmang phyi sgo dang / g.yag shing rang 'thag thag pa sga / gzhong pa gri dang sder ma dang / ya them 'jor la rim pa ltar / phag gi bar du sbyar bas shes / de dag sil ma'i sa bdag yin*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Намше (тиб. *gnam gshed*)

Если потревожить *Намше*, люди и скотина внезапно заболевают, возникают неблагоприятствование, ложные обвинения, убыток. Важно отвлечь [?] от себя взгляд демонов-мар. Взяв земли с вершины горы, сделай фигурку быка, поблизости от этого места выполни интенсивный ритуал призывания удачи. Сделай выкуп *лу*, *Намше* последует в том направлении (тиб. *gnam gshed dag la bsdos pa na / mi phyugs glo bur nad kyis 'debs / rkyen dang kha yogs god kha 'byung / bdud kyi zhal bsgyur bya ba gces / ri rtse'i sa blangs glang gzugs byas / 'gram du phywa g.yang drag tu bslan / glud byas gnam gshed phyogs der bskyal*) [Bai DUrya dkar po: 220].

Друкхла-гана (тиб. *'brug lha gab pa*)

Находящийся в центре *Друкхла-гана* с человеческим телом и головой дракона, тело голубого (или золотого) цвета, облачен в синие шелковые одеяния. В руках держит железный котелок (тиб. *dbus kyi 'brug lha ga pa ni / mi lus 'brug mgo sku mdog mthing (gser mdog kyang) / sku la dar sngon na bza' gsol / phyag na lcags kyi sla nga bsnams*) [Bai DUrya dkar po: 199].

Чилам-наго вращается против часовой стрелки, с человеческим телом и головой сви-
ньи, цвет тела синий. В руках держит мотыгу и дубинку, облачен в темно-красные одеяния, покрывающие все тело (тиб. *byi lam phag mgo g.yon du 'khor / mi lus phag mgo sku mdog sngo / lag na tog tse be con bsnams / dmar nag ber chen sku la gsol*) [Bai DUrya dkar po: 205].

Рис. 1. Чилам-наго (тиб. *byi la ma [=lam] phag mgo*)

Fig. 1. Image of Byi-lam phag-mgo according to Vaidurya dkar-po

Да-лунгха (тиб. *zla rlung lha*)

Хозяин местности по имени *Далунг* имеет человеческое тело, голову лошади, цвет тела темно-красный, облачен в [одеяние из] разноцветной радуги. В правой и левой руках держит стрелу с шелковыми лентами и ящик из бирюзы (тиб. *zla klungs zhes bya'i sa bdag ni / mi lus rta yi mgo bo can / sku mdog dmar nag 'ja' tshon gyon / mda' dar g.yu sgrom g.yas g.yon 'dzin*) [Bai DUrya dkar po: 200].

Самэн (тиб. *sa sman*)

Самэн синего цвета, с головой змеи, верхом на змее, держит змеиный аркан (тиб. *sa sman sku mdog sngon mo la / sbrul mgo sbrul zhon sbrul zhags 'dzin*) [Bai DUrya dkar po: 202].

Тэнма земли (тиб. *sa yi bstan ma*)

Богиня земли *Тэнма* желтого цвета, у сердца держит сосуд (тиб. *sa yi lha mo bstan ma ni / ser mo thugs kar bum pa 'dzin*) [Bai DUrya dkar po: 203].

Хозяин местности *Генгон* темно-желтого цвета, с человеческим телом и головой мыши. В руках держит величественный хрустальный посох, облачен в одеяния, покрывающие все тело (тиб. *sa bdag rgan rgon zhes bya ba / ser nag mi lus byi ba'i mgo / lag na shal [=shel] gyi 'gying 'khar khyer / sku la ber chen slog pa gsol*) [Bai DUrya dkar po: 203].

Рис. 2. Изображение садака Генгон (тиб. *sa bdag rgan rgon*) согласно «Вайдурья-карпо»

Fig. 2. Image of Rgan-rgon according to Vaidurya dkar-po

Божество дома (тиб. *nang lha*)

По-китайски его называют *Друк-чже*, по-тибетски — божество дома. У него тело человека и голова свиньи. В правой руке держит искривленный посох вселенной, в левой — божественное знамя победы. Тело его пылающего ярко-красного цвета (тиб. *rgya nag skad du 'brug rje zer / bod du nang lha zhes pa ni / mi lus phag gi mgo bo can / g.yas na srid pa'i ldem shing khyer / g.yon na lha yi rgyal mtshan bsnams / sku mdog dmar gsal 'od du 'bar*) [Bai DUrya dkar po: 204].

Нгасор-чила-мэнмочен (тиб. *snga zor byi la sman mo can*)

Хозяин местности Красный *Нгасор* темно-красного пылающего цвета, с человеческим телом и головой быка. В правой руке держит серп, в левой поднимает над собой черный аркан для демонов-мар (тиб. *sa bdag rnga zor dmar po ni / sku mdog dmar nag 'od dang ldan / mi lus glang mgo g.yas zor ba / g.yon pa bdud zhags nag po 'phyar*) [Bai DUrya dkar po: 206].

Девятиголовый *Ньенпар* (тиб. *gnyan 'phar mgo dgu*)

Девятиголовый *Парва* коричневого цвета, с человеческим телом и девятью головами дикого пса, с гривой. В правой руке держит крюк, в левой — мешок с демонами-марами. Облачен в синие шелковые одеяния (тиб. *'phar ba mgo dgu sku mdog smug / mi lus 'phar mgo dgu yod pa / ral can g.yas pa lcags kyu dang / g.yon pa bdud kyi khrom bam bsnams / sku la chu dar sngon po gsol*) [Bai DUrya dkar po: 206].

Девять божеств (тиб. *lha dgu*)

Также так называемые девять божеств — это божество дня, божество времени, божество дома, божество очага, божество смерти, божество [рода] Сэ, божество, связанное с похоро-

ными ритуалами, обычное божество, божество, к которому обращаются. Они располагаются в месяцы тигра, лошади, собаки на западе, в месяцы свиньи, овцы, зайца — на юге, в месяцы мыши, дракона, обезьяны — на востоке, в месяцы птицы, быка, змеи — на севере (тиб. *yang ni lha dgu zhes bya ba / zhag lha dus lha khyim nang lha / thab lha shid lha se yi lha / ro las lha dang spyi yi lha / gtad lha dgu po 'chog pa ni stag rta khyi yi zla bar nub / phag lug yos kyi zla bar lho / byi 'brug sprel gsum zla bar shar / bya glang sbrul zlar byang gi phyogs*) [Bai DUrya dkar po: 211].

Сагьел (тиб. *sa rgyal*)

О том, кто называется *Давэ-сагьел*, говорится в божественных тантрах «Ясный светильник собрания драгоценностей»¹, «Тонше»² [?]. У него человеческое тело, голова змеи, он темно-синего цвета. Он восседает на синем бирюзовом драконе, в руках держит змеиный аркан (тиб. *zla ba'i sa rgyal zhes bya ba / gsal sgron rin chen spungs pa dang / gtong shes la sogs lha rgyud don / mi lus sbrul mgo mthing nag mdog / chibs su g.yu 'brug sngon po chibs / phyag na sbrul gyi zhags pa thogs*) [Bai DUrya dkar po: 201].

Пять божеств (тиб. *lha lnga*)

Те, кто называется пятью божествами *Дробу*, — это *Цэлунг* с головой синего дракона на востоке, *Чуцак* с головой красной птицы на юге, *Бэу* с головой белого тигра на западе, *Ханбу* с головой черной черепахи на севере. В тантре «Торше» и некоторых других текстах утверждается, что в центре находится богиня земли в облике юной девушки, на лотосе, украшенная павлиньими перьями, держит в руках сосуд с нектаром (тиб. *grol bu'i lha lnga zhes bya ba / shar phyogs rtse lung 'brug sngon mgo / lho phyogs chu tshags bya dmar mgo / nub phyogs 'be 'u stag dkar mgo / byang phyogs han bu sbal nag mgo / dbus mtshams sa bdag sbal mgo ser / gtor shes la sogs 'ga' zhid tu / dbus phyogs sa yi lha mo ni / na chung gzhon ma'i gzugs can la / pa+dma'i steng na rma bya brtsigs / bdud rtsi'i bum pa bsnams te bzhugs*) [Bai DUrya dkar po: 211].

¹ Полное название — «*Dpe chos rin chen spungs pa'i gsal byed rin po che'i sgron me'am gtam bgyud rin chen phreng mdzes su grags pa*» («Книга поучений, известная как „Драгоценный проясняющий светильник собрания драгоценностей“ или „Драгоценные четки преданий“»).

² Текст не идентифицирован, далее в тексте приводится другой вариант названия «*Gtor shes*».

Небесный пес (тиб. *gnam kyi* [=khyi])

Тот, кого называют черным небесным псом, бывает мужского и женского пола. Пес с телом собаки, птичьими крыльями и змеиным хвостом, щетиной свиньи, [символа] неведения, черного цвета. Перед ним солнце, за его спиной луна. Голова у него человеческая, хвост закручен, на теле семь меток. У головы пылает пламя, верхом на лошади с девятью линиями. <...> Собака же черного цвета, с телом лошади, головой собаки, крыльями Гаруды и хвостом змеи. У нее лапы крокодила и тело с семью метками. У головы пылает пламя, она верхом на черепахе (тиб. *gnam khyi nag po zhes bya ba / pho mo gnyis las khyi pho khyi lus bya gshog mjug ma sbrul / gi mug phag gi ze ba can / mdog nag nyi mdun zla ba rgyab / mi mgo mjug gril sme bdun lus / mgo la me 'bar dgu thigs rta / ... mo ni mdog nag rta'i lus la / khyi mgo khyung gshog sbrul gyi mjug / chu srin rkang la sme bdun lus / mgo la me 'bar rus sbal zhon*) [Bai DUrya dkar po: 196].

Божества облаков (тиб. *sprin gyi lha*, ойр. *öüleni tenggeri*)

Данный класс божеств, вероятно, низшего уровня, лишь синонимичных по названию высшим небожителям, обитающим на горе Сумеру, не упоминается в тибетской версии сутры. Между тем их имена, которые мы находим в ойратском переводе, представляют собой буквальный перевод с тибетского языка. Большая часть оригинальных вариантов имен обнаруживается в тексте терма «*O rgyan rin po ches mdzad pa'i bsang mchod gnam sa snang brgyad bdud rtsi'i sprin phung dgos 'dod char rgyun zhes bya ba bzhus so*». Вначале стоит сказать несколько слов об этом тексте. Его автором, согласно колофону, является тертон XII в. Ньянгрэл

Ньима Осэр (тиб. *nyang ral nyi ma 'od zer*, 1124–1192): «Это подношение воскурения санг, поведенное Оргьен Ринпоче, „Восьми светоносных неба и земли“ под названием „Дождь, дарующий желаемое и необходимое облаками амриты“, которое доставляет радость хозяевам местности, нагам и духам ньен, — это тэрма владыки Ньянга» (тиб. *O rgyan rin po ches gsungs pa'i bsang mchod gnam sa snang brgyad bdud rtsi'i sprin phung dgos 'dod char rgyun zhes bya ba sa bdag klu gnyan mnyes par byed pa 'di mnga' bdag nyang gi gter ma'o*) [Bsang mchod: 374]. Он входит в крупнейшее собрание текстов терма «Ринчен тердзо ченмо» (тиб. *rin chen gter mdzod chen mo*) [Rin chen gter mdzod], включающее в разных изданиях более 60 томов, компилятором которого является Чжамгон Конгтрул Лодро Тхае (тиб. *'jam mgon kong sprul blo gros mtha' yas*, 1813–1899). Данный текст привлек наше внимание тем, что повторяющийся в конце каждого перечня имен лейтмотив «*Zhi ba bde legs ngang du gnas gyur cig*» («Пусть пребудет в покое и благополучии») практически полностью совпадает с аналогичным фрагментом в тибетской и ойратской версиях сутры: см. тиб. *zhi ba dang bde legs su gyur cig* / ойр. *amurlin sayin amuyulung boltuyai*.

Анализ текста, содержащего инструкции по ритуалу подношения воскурения с опорой на рассматриваемую сутру, показывает, что он содержит перечень имен божеств облаков, которые отсутствуют в тибетской редакции «Сутры о восьми светоносных неба и земли», но имеются в переводе Зая-пандиты. Приведем в таблице ойратские и тибетские варианты имен, полностью совпадающие по значению.

Тибетский	Ойратский	Русский перевод
<i>'og tshar can</i> ¹	<i>saxal-tu</i>	Имеющий бороду
<i>nga ro can</i>	<i>xurča doutu</i>	Имеющий сильный голос
<i>rab gsal</i>	<i>maši todorxoitu</i>	Очень ясный
<i>sgur po</i>	<i>bōgötörtü</i>	Имеющий горб
<i>char pa can</i>	<i>xurtu</i>	Обладающий дождем

Пять имен — два тибетских *grags pa can* ‘имеющий славу, известность’ [Snang brgyad 1994: 1516] и *sgrog pa can* букв.

¹ В словарях указывается классическое написание *og tshar can*.

‘обладающий звучанием’ [Snang brgyad 1994: 1516] и три ойратских *doqšin-tu* букв. ‘обладающий жестокостью, гневом’ [Nayiman gegēn. Л. 10b: 3–4], *xongyorčogtu* букв. ‘с гроздьями; имеющий спутанные

[волосы]’ [Nayiman gegēn. Л. 10b: 4], *ṣoq zalitu* ‘обладающий сиянием’ [Nayiman gegēn. Л. 10b: 5] — не эквивалентны друг другу, возможные синонимичные пары слов в альтернативном написании не установлены.

Заключение

Проведенный анализ тибетской и ойратской версий «Сутры о восьми светоносных неба и земли» показывает, что они имеют различия в перечнях имен нагов, хозяев местности, небожителей, относимых к тибетскому добуддийскому пантеону. Привлечение в качестве дополнительного источника текста *терма* авторства Ньянгр-эл Ныма Осэра, имеющего восточнотибетское происхождение, для идентификации в ойратском переводе имен божеств облаков, которые не упоминаются в тибетской редакции сутры в составе «Сундуя», позволяет сделать предположение, что текст, на который Зая-пандита опирался при переводе, также мог быть составлен в Восточном Тибете¹. Вместе с тем между текстом *терма* и переводом Зая-пандиты отмечается лишь частичное соответствие имен вышеуказанных божеств, которое, скорее всего, присутствовало и в оригинальной для Зая-пандиты тибетской версии. Несответствие отдельных имен в двух версиях сутры свидетельствует о наличии в тибетской традиции разных классификаций не-

божителей, хранителей богатства, нагов, духов нъен и других перечисляемых в сутре классов существ, что, возможно, было связано с разными направлениями (школами) буддизма или разными линиями передачи (тиб. *brgyud*). Присутствие дополнительного, довольно объемного списка имен хозяев местности в тибетском тексте версии В, который отсутствует в ойратском переводе, но полностью идентифицируется на материале «Вайдурья-карпо», на наш взгляд, свидетельствует о том, что на каком-то этапе редактирования тибетской версии компиляторами мог привлекаться данный труд Сангье Гьяцо. Отдельно стоит сказать о проблеме реконструкции тибетских имен на материале ойратского перевода. Как показывают вышеприведенные примеры, даже между тибетскими текстами во многих случаях отмечаются разночтения в написании имен (использование иных предписных, надписных, подписных графем), поэтому восстановить тибетское написание имени, которое не обнаруживается в тибетской редакции, зачастую представляется маловероятным. В решении данной проблемы важную роль играет привлечение других источников из круга текстов, связанных с рассматриваемой сутрой, а также сочинений, посвященных различным аспектам тибетской астрологии и геомантии, поскольку они могут содержать дополнительные материалы по классификациям обитателей буддийского пантеона, которые в дальнейшем могут помочь в идентификации божеств, имена которых сохранились только в переводе Зая-пандиты.

¹ В этой связи представляется важным высказывание Дж. Туччи о том, что основной корпус ритуальных текстов, связанных с хозяевами местности, формировался в Восточном Тибете [Tucci 1949: 724].

Источники

- Bai DUrya dkar po — Bai DUrya dkar po (= Белый берилл) [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.tbrc.org/#lid=W2CZ8040> (дата обращения: 15.03.2022).
- Bsang mchod — O rgyan rin po ches mdzad pa'i bsang mchod gnam sa snang brgyad bdud rtsi'i sprin phung dgos 'dod char rgyun zhes bya ba bzhuḡs so» (= Подношение воскурения *санг*, составленное Оргъен Ринпоче, «Восьми светоносных неба и земли» под названием «Дождь, дарующий желаемое и необходимое облаками амриты») [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://library.bdr.org>.

- io/show/bdr:MW20578?part=bdr:MW20578_C14AE4&s=q%3D%2522bsang%2520mchod%2520gnam%2520sa%2520snang%2520brgyad%2522~1%26lg%3Dbo-x-ewts%26t%-3DInstance%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3ApossibleAccess%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3AcatalogOnly%26n%3D1 (дата обращения: 15.03.2022).
- Naiman gegēn — Qarsi ḡasaqu naiman gegēn neretü sudur (= Сутра, называемая «Восьмью светоносных», исправляющая неблагоприятствование) // Монгольский фонд Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Шифр А 9, инв. № 14.
- Nayiman gegēn — Xutuq xarṣiyin nayiman gegēni sudur oroṣibo (= Святая сутра восьми свето-

- носных, [устраняющая] неблагоприятствование) [электронный ресурс] // Tod Nomin Gerel Collection. Digital Library for International Research. URL: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11330> (дата обращения: 15.03.2022).
- Rin chen gter mdzod — Rin chen gter mdzod chen mo (= Великая драгоценная сокровищница *терма*) [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://library.bdrclibrary.org/show/bdr:MW8LS31885> (дата обращения: 15.03.2022).
- Sngang brgyad 1994 — Gnam sa snang brgyad (= Восемь светоносных неба и земли) // Gzungs bsdu (= Собрание дхарани) [электронный ресурс] // Vol. 1. Delhi: Dkon mchog lha bris, 1194. Pp. 1502–1519. Buddhist Digital Resource Center. URL: [https://www.tbrc.org/#!rid=O1KG5988%7CO1KG5988C2O0160\\$W1KG5988](https://www.tbrc.org/#!rid=O1KG5988%7CO1KG5988C2O0160$W1KG5988) (дата обращения: 15.03.2022).
- 3DInstance%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3ApossibleAccess%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3AcatalogOnly%26n%3D1 (accessed: March 15, 2022). (In Tib.)
- Sublime Sūtra of Eight Luminous [Averting] the Unfavorable. On: Tod Nomin Gerel Collection. Digital Library for International Research. Available at: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11330> (accessed: March 15, 2022). (In Mong.)
- Sūtra Entitled ‘Eight Luminous’ Averting the Unfavorable. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Department of Manuscripts and Documents, Mongolian Collection. Call no. A 9. Inv. no. 14. (In Mong.)
- The White Beryl. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.tbrc.org/#!rid=W2CZ8040> (accessed: March 15, 2022). (In Tib.)

Sources

- Eight Luminous of Heaven and Earth. In: Gzungs bsdu (Collected Dhāraṇī Texts). Delhi: Dkon mchog lha bris, 1194. Pp. 1502–1519. Available at: [https://www.tbrc.org/#!rid=O1KG5988%7CO1KG5988C2O0160\\$W1KG5988](https://www.tbrc.org/#!rid=O1KG5988%7CO1KG5988C2O0160$W1KG5988) (accessed: March 15, 2022). (In Tib.)
- Great Precious Treasury of Gter-ma Texts. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://library.bdrclibrary.org/show/bdr:MW8LS31885> (accessed: March 15, 2022). (In Tib.)
- Incense Offering of Eight Luminous of Heaven and Earth by Orgyan Rinpoche Entitled ‘Rain Bestowing Whatever Needed and Desired via Amṛita Clouds’. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: https://library.bdrclibrary.org/show/bdr:MW20578?part=bdr:MW20578_C14AE4&s=q%3D%2522bsang%2520mchod%2520gnam%2520sa%2520snang%2520brgyad%2522~1%261g%3Dbo-x-ewts%26t%26f%3DInstance%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3ApossibleAccess%26f%3Dasset%2Cinc%2Ctmp%3AcatalogOnly%26n%3D1

Литература

- Васубандху 2001 — *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2. Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 2001. 755 с.
- Герасимова 1989 — *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1989. 320 с.
- Герасимова 1999 — *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 138 с.
- Зорин 2010 — *Зорин А. В.* У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 384 с.
- Мирзаева 2020 — *Мирзаева С. В.* О двух монгольских переводах «Сутры о восьми светоносных неба и земли» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 371–387. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00117
- Мирзаева, Тувшинтугс 2019 — *Мирзаева С. В., Тувшинтугс Б.* Монголоязычные версии «Сутры о восьми светоносных» (монг. Найман гэгээн, калм. Нээмн гегэн): об истории изучения и списках в фондохранилищах России // Oriental Studies. 2019. № 4. С. 716–727. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-716-727
- Мирзаева, Тувшинтугс 2020 — *Мирзаева С. В., Тувшинтугс Б.* Модель буддийской космологии в «Сутре о восьми светоносных» // Монголоведение. 2020. № 2. С. 271–287. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-271-287
- Огудин 2020 — *Огудин В. Л.* Золотая черепаха. Мир тибетской геомантии (саче). М.: Ганга, 2020. 704 с.
- Maurer 2009 — *Maurer P.* Die Grundlagen der tibetischen Geomantie dargestellt anhand des 32. Kapitels des Vaidurya dkar po von sde srid Sangs rgyas rgya-mtsho (1653–1705). Ein Beitrag zum Verständnis der Kultur- und Wissenschaftsgeschichte Tibets zur Zeit des 5. Dalai Lama Ngag dbang blo bzang rgya

- mtsho (1617–1682). Beiträge zur Zentralasienforschung. Band 21. Halle: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2009. 364 p.
- Maurer 2014 — *Maurer P.* Wasser in der tibetischen Geomantie. Zur Wirkung von Flüssen, Quellen oder Tümpeln — Landschafts Interpretation auf dem Dach der Welt // *Akademie Aktuell*. 2014. No. 3. Pp. 78–81.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p.
- Tucci 1949 — *Tucci G.* Tibetan Painted Scrolls. Vol. II. Roma: la Libreria Dello Stato, 1949. 798 p.
- References**
- Gerasimova K. M. Life-Keeping Rituals in Central Asian Buddhism. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 138 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Traditional Beliefs of Tibetans in Lamaist Cult System. Novosibirsk: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)
- Maurer P. Die Grundlagen der tibetischen Geomantie dargestellt anhand des 32. Kapitels des Vaidurya dkar po von sde srid Sangs rgyas rgya-mtsho (1653–1705). Ein Beitrag zum Verständnis der Kultur- und Wissenschaftsgeschichte Tibets zur Zeit des 5. Dalai Lama Ngag dbang blo bzang rgya mtsho (1617–1682). Beiträge zur Zentralasienforschung. Band 21. Halle: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2009. 364 p. (In Germ.)
- Maurer P. Wasser in der tibetischen Geomantie. Zur Wirkung von Flüssen, Quellen oder Tümpeln — Landschafts Interpretation auf dem Dach der Welt. *Akademie Aktuell*. 2014. No. 3. Pp. 78–81. (In Germ.)
- Mirzaeva S. V. Two Mongolian translations of the ‘Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth’ revisited. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 4 (55). Pp. 371–387. (In Russ.) Available at: http://slovorggu.ru/2020_4/55.pdf. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00117
- Mirzaeva S. V., Tuvshintugs B. Mongolian-language versions of the Sutra of the Eight Luminous (Mong. *Хайман зэгзэн*, Kalm. *Нээмн зэгзэн*): A history of studies and copies in Russian repositories. *Oriental Studies*. 2019. No. 4. Pp. 716–727. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-716-727
- Mirzaeva S. V., Tuvshintugs B. The Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth: A Buddhist cosmological model revisited. *Mongolian Studies*. 2020. No. 2. Pp. 271–287. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-271-287
- Ogudin V. L. The Golden Tortoise: A Universe of Tibetan Geomancy (Sa dpyad). Moscow: Ganga, 2020. 704 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ.)
- Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. Vol. II. Roma: la Libreria Dello Stato, 1949. 798 p. (In Eng.)
- Vasubandhu. Treasury of Abhidharma (Abhidharmaśāstra). Vol. 2. Chapter 3: Teaching about Universe. Chapter 4: Teaching about Karma. E. Ostrovskaya, V. Rudoy (eds.). Moscow: Ladomir Publ., 2001. 755 p. (In Russ.)
- Zorin A. V. Beginnings of Tibetan Poetry: Buddhist Hymns in 8th–14th Century Tibetan Literature. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010. 384 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 397–413, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37+398

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413

Жанр йорял в калмыцкой поэзии XX в. (по материалам газетной периодики 1930–1940-х гг.)

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В устном народном творчестве монголоязычных народов благопожелание относится к обрядовой поэзии. Это один из распространенных до наших дней древний жанр, сохранивший в своей сути идею магии слова, претерпевший некоторые изменения, но несущий доброжелательный посыл в будущее. Образованные от глаголов *ерөө* (монг.), *йөрэх* (калм.) ‘благословлять, доброжелательствовать, приветствовать’ монгольский *ерөөл*, калмыцкий *йөрэл*, бурятский *үрээрнууд* адресованы жизни семьи, природе, обществу, государству, вселенной, передают историю, быт, культуру, философию этноса. *Актуальность* статьи определена неизученностью авторского йоряла, созданного на основе фольклорного аналога, калмыцких поэтов XX в., взаимодействием устного народного творчества и литературы. *Цели и задачи* исследования обусловлены выявлением, уточнением жанровой дифференциации образов йорялов калмыцких поэтов, тематической классификации, поэтики текстов. *Материалами* стали как фольклорные, так и литературные произведения из газетной периодики 1930–1940-х гг. *Методы.* Историко-функциональный метод показал восприятие авторского йоряла во времени. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет проследить связь фольклорного аналога с литературным текстом, изучить традицию и новацию как в форме, так и в содержании новых йорялов калмыцких поэтов. Текстологический анализ выявляет общие особенности и различия фольклорных и литературных произведений данного жанра. В *результате* обнаружены йорялы калмыцких поэтов, которые относятся к разряду *шин йөрэл* (‘новое благопожелание’), в газетах тех лет, отражая современные реалии. *Выводы.* Если древние йорялы имели короткую и пространную стихотворную форму, то новые йорялы С. Каляева, Ц. Леджинова, Л. Инджиева, Б. Дорджиева, Х. Сян-Белгина, М. Хонинова, Д. Кугультинова, Э. Кектеева, К. Эрэндженова тяготели к большому объему, лексическому разнообразию, общественно-политической и идеологической направленности, являя связь с современностью, обогащая

жанровую систему калмыцкой поэзии. Одной из научных проблем является русский перевод авторских благопожеланий калмыцких поэтов.

Ключевые слова: фольклор, йорял-благопожелание, калмыцкая поэзия, XX век, поэтика, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанр йорял в калмыцкой поэзии XX в. (по материалам газетной периодики 1930–1940-х гг.) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 397–413. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413

The Genre of Yöräl in 20th Century Kalmyk Poetry: Analyzing Newspaper Materials of the 1930s–1940s

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. Introduction. In folklore of Mongolic peoples, well-wishes are referred to as ritual poetry. This is one of the ancient, surviving and widespread genres to have essentially preserved the idea of word magic. It has undergone some changes but still articulates benevolent messages towards future. The Mongolian *epөөл* (derived from Mong. *epөө* ‘bless, wish well, greet’), Kalmyk *йөрэл* (from Kalm. *йөрэх*), and Buryat *үрээрнууд* address family life, nature, society, state, universe to narrate the history, lifestyles, culture, and philosophy of the ethnos. The article proves topical enough since yöräls by 20th century Kalmyk poets created on the basis of folklore analogues through interactions of oral folklore art and literature remain unexplored. **Goals.** The study aims at identifying and clarifying the genre differentiation of Kalmyk poets’ yöräls, thematic classification, poetics of texts. **Materials and methods.** The paper examines folklore and literary works from newspapers of the 1930s and 1940s. The historical/functional method shows perceptions of authorial yöräls through time. A comparative approach makes it possible to trace ties between folklore analogues and literary texts, investigates traditions and innovations — both in form and in contents — of the new yöräls by Kalmyk poets. The textual analysis reveals common features and differences of folklore and literary works of this genre. **Results.** In newspapers of those years, the work discovers yöräls authored by Kalmyk poets to be classified as ‘*shin yöräl*’ (‘new well wishes’) that served to reflect actual realities. **Conclusions.** While ancient yöräls had a short and spatial poetic form, the new ones of S. Kalyaev, Ts. Ledzhinov, L. Indzhiev, B. Dordzhiev, Kh. Syan-Belgin, M. Khoninov, D. Kugultinov, E. Kekteev, and K. Erendzhenov tended towards larger volumes, lexical diversity, sociopolitical and ideological orientation, thus showing a connection with modernity and enriching the genre system of Kalmyk poetry. Another scientific problem is Russian translation of the Kalmyk authors’ poetic well wishes.

Keywords: folklore, yöräl – well wish, Kalmyk poetry, 20th century, poetics, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M. The Genre of Yöräl in 20th Century Kalmyk Poetry: Analyzing Newspaper Materials of the 1930s–1940s. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 397–413. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413

Введение

Жанр йорял / йорел (благопожелание) в калмыцком фольклоре — один из самых распространенных жанров устного народного творчества, как и благопожелание у многих народов.

В широком плане «благопожелание может быть рассмотрено в словарном аспекте в качестве иероглифа, слова, фразеологического оборота; в коммуникативном аспекте в качестве речевого действия, единицы речевого этикета или фольклорного жанра. Несомненно, что благопожелание обладает некоторым универсализмом в глобальном контексте коммуникации, так как оно как выразитель общечеловеческих ценностей присущ любой нации и как маркер доброй воли устанавливает психоэмоциональный комфорт в межличностном общении» [Чибисова, Тихонова 2017: 133].

Современные исследователи отмечают, что «у монголоязычных народов благопожелания составляют своеобразный жанр обрядовой поэзии, который у них именуется одинаково: монг. ерөөл; калм. йөрэл (от глагола ерөө- ‘благословлять, доброжелательствовать, приветствовать’))» [Омакаева, Борлыкова 2014: 37].

По словам Л. Д. Дашиевой, «наиболее жизнеспособным и любимым жанром афористической обрядовой поэзии бурят являются благопожелания *үрээрнууд*, (*үрөөрнууд*, *юрөөлы*, *үрээлы*), традиционно исполняющиеся на праздниках, свадьбах, встрече и проводах гостей, перед дальней дорогой, при рождении ребенка и семейно-родовых обрядах» [Дашиева 2016: 203].

«Всякое мало-мальское знаменательное явление, будь оно в области религии или сфере семейной, общественной жизни, всегда сопровождается йорэлами», которые «имеют свою литературу: письменно-религиозную и устно-народную», — указывал Н. Очиров в статье 1909 г., написанной по результатам полевых исследований в калмыцкой степи [Очиров 2002: 33]. В качестве примеров он привел два йоряла в своем русском переводе: религиозный, посвященный трем драгоценностям — Будде, его учению и духовенству, мирской, произносимый во

дворцах нойонов и зайсангов-сановников.

Как уточнял В. Т. Сарангов, «древние йорелы, строго говоря, не являлись благопожеланиями в подлинном смысле слова. Иной раз все произведение представляет собой как бы задабривание божеств, к которым обращаются совершающие обряд. Такие йорелы в какой-то мере напоминают магталы. Здесь связь их с молениями становится еще более очевидной» [Сарангов 2010: 35].

Традиционно йорялы произносились представителями старшего поколения — мужчинами и женщинами, присутствующие же завершали сказанное пожелание: «Йөрэл бүтхэ!», «Йөрэл шиңгртхэ!» — «Пусть исполнится все, сказанное в йоряле» [Борджанова 1999: 70], а также коротко: «Тиигтхэ» («Да сбудется»), «Болтха» («Пусть сбудется») [Сарангов 2010: 41].

У монголоязычных народов «в главной части *ерола* выражается его основной смысл, позволяющий нам определить жанровую принадлежность *ерола*, соответствующую и его функциональному назначению, которое, в свою очередь, выражено в концовке, ибо только в заключительных стихотворных строфах содержатся конкретные, соответствующие случаю пожелания. Таким образом, все предшествующее повествование естественно подводит слушателей к главной, завершающей части. Концовка имеет активно воздействующий характер, ибо исполнитель выражает в ней мысли и пожелания не только свои, но и широких масс людей» [Сампилдэндэв 1985: 58].

Ранее знатоков благопожелания называли йорелчи, поскольку, по наблюдениям исследователей XIX–XXI вв., йорял бытовал и бытует доныне в стихотворной форме, отличается разнообразием по содержанию и форме: краткой (две строки или одно-два четверостишия) и пространной (от двадцати и более строк), существующими параллельно, формульными выражениями, повторами, параллелизмами, эпитетами, гиперболами, метафорами, сравнениями, антитезами, с соблюдением анафоры, аллитерации.

«Краткий йорел схож по своей поэтической форме с бытующим у монголов „бла-

годатным словом“ — „бэлэг дембэрлэг үг“» [Борджанова 1999: 68].

По мнению современного монгольского исследователя, «будучи в общем сходны с *еролами*, они по своей структуре, содержанию и функционированию все же существенно отличаются от обычных благопожеланий», так как краткие благопожелания «могут быть произнесены любым членом коллектива и содержать личное пожелание, восхваление некоего конкретного торжества или трудового процесса (правда, при этом благопожелания произносятся в строгой очередности). Если *еролы* имеют сложную композиционную структуру, состоят из зачина, основной части и концовки, включают по несколько строк, то *бэлэг дембэрлэг үг* более свободны по своему построению и обычно состоят из одной строфы (две строки и больше). <...> Если после исполнения *ерола* слушатели хором произносят двустийшие, подтверждающее высказанное пожелание, то и произнесение *бэлэг дембэрлэг үг* требует традиционной формулы подтверждения. <...> Отсюда можно заключить, что „благодатные слова“ зародились и развивались как форма диалогической фольклорной поэзии» [Сампилдэндэв 1985: 62].

Йорял нашел отражение во многих фольклорных жанрах: в эпосе «Джангар», сказках, песнях, пословицах и поговорках, а также в калмыцкой художественной литературе. В довоенную антологию «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор»), составленную писателями Цереном Леджиновым и Гарей Шалбуровым, вошли примеры старинных йорялов (*хуучна йөрэл*) и современных (*шин йөрэл*) [Хальмг фольклор 1941].

Показательно, что в «Антологии калмыцкой поэзии» («Хальмг поэзин антолог», 1962) были представлены фольклорные благопожелания [Хальмг поэзин антолог 1962: 73–75], но по идеологическим причинам отклонены образцы магической поэзии (тарни-заклинания и харалы-проклятия), предложенные народным поэтом Калмыкии Санджи Каляевым [Борджанова 1999: 67].

Н. Ц. Биткеев в сборник «Обрядовый фольклор калмыков» включил лишь йорялы [Обрядовый фольклор 1993]. Характерно, что и в книге «Цацлын дееж» («Здравное слово»), составленной Н. Содмоном, представлены только йорялы и магталы (восхва-

ления) калмыков Синьцзяна [Цацлын дееж 1997], несущие позитивную энергетику.

Нет примеров йорялов, как и других афористических жанров, и в современной антологии «Поэзия Калмыкии» [Поэзия Калмыкии 2009]. В своей книге «Цецн булг» («Родник мудрости») [Эрнжэнэ К. 1980] народный поэт Калмыкии Константин Эрендженов «описал несколько обрядов и микрообрядов, сопровождающихся поэтическими текстами, восходящими к общемонгольской фольклорной традиции» [Борджанова 1999: 67].

Йорял как фольклорный жанр с разных точек зрения рассматривался такими современными исследователями, как И. М. Мацаков [Мацаков 1962], Э. Б. Овалов [Овалов 1985], Г. И. Михайлов [Михайлов 1971], Т. Г. Борджанова [Борджанова 1984; Борджанова 1999; Борджанова 2007], Е. Э. Хабунцова [Хабунцова 1984; Хабунцова 1998; Хабунцова 2010], Н. Б. Пюрвеева [Пюрвеева 2003], В. Т. Сарангов [Сарангов 2010], Н. Ц. Биткеев [Обрядовый фольклор 1993; Биткеев 2011], Э. У. Омакаева, Б. Х. Борлыкова [Омакаева, Борлыкова 2014], Н. Д. Михайлова [Михайлова 2013], И. М. Болдырева, Б. Б. Горяева [Болдырева, Горяева 2016], З. В. Бадмаева, Е. В. Голубева, И. В. Карбушева [Бадмаева, Голубева, Карбушева 2019] и др.

Обратим вначале внимание на классификацию фольклорного жанра. Так, Э. Б. Овалов, не претендуя на всесторонний охват материалов, выделил 7 тематических групп йорялов:

«I. Благопожелания, отражающие жизнь человека: а) благопожелание, посвященное родившемуся младенцу (ребенку); б) благопожелание, связанное с наречением новорожденного.

II. Благопожелания, связанные со свадебным обрядом.

III. Благопожелания, связанные с хозяйственной деятельностью, бытом, повседневной жизнью человека.

IV. Благопожелания, произносимые на праздниках: Зул, Цаган-Сар и др.

V. Благопожелания, посвященные выдающимся общественным и государственным деятелям: В. И. Ленину, Калинину и др.

VI. Благопожелания о современности (о мире, знаменательных датах и др.).

VII. Благопожелания-йорелы (джангарчи), например, Д. Шавалиева и др.» [Овалов 1985: 110–111].

По классификации Т. Г. Борджановой, есть 11 тематических групп благопожеланий: 1) родильные; 2) свадебные; 3) похоронные; 4) промысловые; 5) скотоводческие; 6) земледельческие; 7) при постройке жилища; 8) при изготовлении вещей; 9) при отправке в путь; 10) при жертвоприношениях; 11) в календарных праздниках [Борджанова 2007: 573].

В антологии «Хальмг фольклор» среди йорялов нового времени опубликованы: «Ленинэ тогтасн йосна туск йөрэл» («Благопожелание власти, созданной Лениным»), «Дөрвн йөрэл» («Четыре благопожелания»), «Иосиф Виссарионович Сталинд. Жирн на-наннь өөнд нерэдсн йөрэл» («Иосифу Виссарионовичу Сталину. Благопожелание к 60-летию со дня рождения») [Хальмг фольклор 1941: 101–111].

Судя по комментариям составителей, первый йорял, написанный прозой, взят из материалов экспедиции института в 1936 г. Второй йорял, созданный колхозником из Черноземельского района Л. Сангаевым, адресован четырем советским партийным деятелям — «Сталинд» (Сталину), «Молотовд» (Молотову), «Ворошиловд» (Ворошилову), «Калининд» (Калинину). Третий — коллективное сочинение девяти джангарчи и йорялчи, ранее опубликованное в газетах «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Улан баһчуд» («Красная молодежь») на калмыцком языке, в русском переводе — в газете «Ленинский путь», в журнале «Молодая гвардия», наконец, на калмыцком и русском языках отдельной книжкой Калмгосиздата в 1939 г. [Хальмг фольклор 1941: 457], а также фрагментом в газете «Ленинэ ачнр» («Ленинские внучата») в 1939 г. Нетрудно заметить, что все три йоряла общественно-политической направленности посвящены современным деятелям и новой действительности.

Из статьи 1985 г. Э. Б. Овалова выясняется, что в многотомный проект Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики «Свод калмыцкого фольклора» предполагалось «включить благопожелания народных поэтов Калмыкии С. Каляева, К. Эрендженова,

Х. Сян-Белгина и др. носителей фольклорных традиций» [Овалов 1985: 111].

Материалы и методы

Авторский йорял калмыцких поэтов на родном языке не был объектом и предметом отдельного изучения, за исключением нескольких статей Р. М. Ханиновой и Э. Б. Очировой [Ханинова 2004; Очирова 2011; Очирова 2012; Ханинова, Очирова 2011а; Ханинова, Очирова 2011б; Ханинова, Очирова 2012; Олядыкова 2007], чем определяются актуальность и новизна нашей статьи. Между тем, пожалуй, у каждого калмыцкого поэта прошлого столетия есть стихотворения, созданные в жанре благопожелания в разные годы на те или иные темы, адресованные событиям и личностям в жизни республики, страны, мира.

Особый интерес представляет освоение этого жанра в начале прошлого века, поскольку в 1930-е гг. интенсивно формировалась профессиональная калмыцкая литература в жанровой парадигме. Рассмотрим в историко-функциональном аспекте на материале калмыцкой газетной периодики 1930–1940-х гг. тематику авторского йоряла калмыцких поэтов, так как средства массовой информации тех лет выдвигали на первый план агитационно-пропагандистский, идеологический ракурс освещения современной действительности. Это газеты «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Улан баһчуд» («Красная молодежь»), «Ленинэ ачнр» («Ленинские внучата») с 1936 г. по 1941 г. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет проследить связь фольклорного аналога с литературным текстом, изучить традицию и новацию как в форме, так и в содержании новых йорялов калмыцких поэтов. Текстологический анализ выявляет общие особенности и различия фольклорных и литературных произведений данного жанра.

Выборка произведений калмыцких поэтов на родном языке основана на публикациях в ведущих республиканских газетах с обозначением жанра йоряла в заглавии или в подзаголовке, а также без прямого его указания, но отвечающих классификационным требованиям.

Авторский йорял поэтов с обозначением жанра в калмыцких газетах 1930-х гг.

Собственно стихотворений, в названии которых заявлен жанр йорял, в газетной периодике 1930-х гг. несколько: «Өөни йөрэл» («Юбилейное благопожелание») Церена Леджинова [Лежнэ Ц. 1938а: 5], «Жаңһрчин йөрэл» («Благопожелание джангарчи») Санджи Каляева [Колэн С. 1937: 1], «Иосиф Виссарионович Сталинэ жирн насна өөнд нерэдсн йөрэлэс» («Из благопожелания Иосифу Виссарионовичу Сталина к 60-летию со дня рождения») [Йөрэлчнр 1939: 1, 4].

Первый йорял посвящен 20-летию комсомола Калмыкии. Как и фольклорный аналог, авторский текст состоит из трех частей: обращение к адресату, похвала и пожелание лучшего будущего. Текст начинается с приветствия, которое поэт готов пропеть под мелодию домбры, калмыцкому комсомолу. Комсомол сравнивается с тюльпаном, у него славное будущее; пожелание долголетия связано с верой в величие его имени: *Бамбла цецк-комсомол / Бахта сээхн хөөткч. / Наснчнь ут болтха, / Нернчнь мөңк тууртха!* [Лежнэ Ц. 1938а: 5]. Традиционные формулы пожелания долгих лет (*Наснчнь ут болтха*), прославления имени (*Нернчнь мөңк тууртха!*) переданы в глагольной форме будущего времени с восклицательным знаком. Поэтому автор желает: *Өөни эндр саамлж / Өнр күчэн медүлий!* («С этого времени покажи свою мощь!») [Лежнэ Ц. 1938а: 5]. Завершается йорял в духе времени упоминанием ведущей роли И. В. Сталина: *Сталин-залачарн залулж / Сүртэ сээг тохий!* («Под руководством Сталина достигнем прекрасного будущего!»). Стихотворение, состоящее из четырех четверостиший, имеет рамочную структуру: *Элст, октябрин 28* («Элиста, 28 октября»). В основном этот йорял структурирован парной анафорой, свободной рифмовкой, сравнением молодости с солнцем (*Мана һавц баһ насн / Мандлгсн нарниң хури*), комсомола — с тюльпаном, эпитетами (*сээхн* «прекрасный», *мөңк* «великий», *өнр* «многодетный», *хури* «острый, зоркий», *һавц* «проворный, ловкий»). Данное благопожелание относится к общественно-политической организации — ВЛКСМ (Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи, дата основания — 29 октября 1918 г.), конкретно комсомоль-

ской организации Калмыкии (дата основания — 23 августа 1921 г.).

Название стихотворения Санджи Каляева «Жаңһрчин йөрэл» («Благопожелание джангарчи», 1937) передавало особенности новых благопожеланий сказителями героического эпоса «Джангар» наряду с йорялчи. Некоторые джангарчи создавали собственные произведения, в том числе стихотворения, они были приняты в Союз писателей СССР, например, Мукебюн Басангов, Дава Шавалиев [Шавалиев Д. 1960].

«Жаңһрчин йөрэл» С. Каляева построен «лесенкой», без деления на строфы, с разными видами анафоры (парная, сплошная), свободной рифмовкой, изобилует восклицательными знаками, передающими эмоциональный пафос лирического субъекта.

Приведем текст полностью:

*Баячуд нойдудин цевиг
тас тишрэд таслгсн,
Баатр улачудин йосиг,
хад хамхлад, делдгсн,
Хальмгин ээрстэ һартһрт
делкэн сай үүрмүдтэднь
Халун зүркнь мөндөн
хэкрэд тальвэж бээнэвдн!
Хар чолун шу тусм
сүркэ маңһсин күчтәһәр,
Харңһу сөөһин цэклһн мет
ивтркэ сээхн дууһар
Байиң дарх сүл бээд
көдмишч күмиг дуудсн,
Баатр улан һард болгсн
мана багш Ленин билэ.
Алдриш уга санлһ кезж Лениндэн
түрүн дууһан нерэдий,
Амлгсинь күцэхдэн андһарлж
дүмбрлтэ үгән өгий!
Күчтә Ленинэсн сургсн
коммуна партыд мөнд!
Күмн делкэн орчлггин
коммунист болһнд мөнд!
Зөрмг Ленинэ үрдүд дундан
ухани билгәрн туургсн,
Зүн баругшан кизңнсинь
алдл уга харвдг.
Комуна хортни шивэг
сүрдл уга күүчдг,
Көдлмишин сай цөргән
серлин сээнәр залдг,
Байрта социализм бүрдәлһнд
алдригсн көтлврч,
Баатр болд большевик
Сталинд эркн мөнд... [Колэн С. 1937: 1]*

Этот йорял также начинался с приветствия миллионам трудящимся, сумевшим сбросить цепи богачей. В основной части подчеркнута роль В. И. Ленина-учителя, призвавшего бедняков на борьбу за свободу; сравнение его с отважным красным орлом актуализировало метафору эпохи. Поэт призывает помнить Ленина, посвятить ему первую песню, дать клятву в достижении поставленной им цели. Авторское приветствие Коммунистической партии, воспитанной вождем, сопровождается приветствием каждому коммунисту планеты. Завершается йорял благопожеланием И. В. Сталину, возглавившему миллионную армию трудящихся, великому вождю в строительстве радостного социализма, отважному сталиному большевику И. В. Сталину. Эпитетом *болд* ('стальной') обыгрывается партийный псевдоним И. В. Джугашвили — Сталин. И. В. Сталин показан преемником В. И. Ленина в духе идеологии времени.

Ср. с фольклорным йорялом, посвященным В. И. Ленину, в прозе: *Алдр Ленин байн, зээсг, угатя хурвиг шинжэлд, байн нойн улсиг көөж эрлһэд, угатя манд сэн жирһл үзүлсн болдг. Эн йосиг бидн йөрэл тэвхлэрн жил бүүрд, сэн өдр болһнд ноябрин доланд, Ленина һарһсн йоснд бактж, эрдм-сурһуль элвг болж, өндр-өвр болж, эн үрн саднд номин залмж болж, эркэн чиңгэ зүркнднь Маркс — Ленинэ сурһуль тогтаж, жиндм эрднь кевтэ герл һарч, Эрэсэн нутгин амулц делгрж, алькчн насндан жиндм эрднь кевтэ герл һарч йовх болтха! Ода мет олн болж, сар мет сээхн болж, нарн мет герлтэ болж, насн хамгнь ут болж йиртмжсин жирһл эдлж йовх болтха!* (цит. по: [Мацаков 1962: 107]).

В русском переводе: 'Великий Ленин, изучив богатого, дворянина и бедняка, изгнал богачей и дворян и нам, беднякам, хо-рошую жизнь дал.

Ежегодно 7 ноября, живя при власти, созданной Лениным, выражаем благопожелание: «Пусть просвещение распространяется, народ растет и размножается, нашим сынам и дочерям эта власть пусть опорой будет. В сердце учение Маркса — Энгельса пусть впитывается, как алмаз пусть блистает, благоденствие России пусть умножается, как звезды, народ многим пусть будет, как луна, красивым, как солнце, светлы пусть будут, жизни долги пусть будут и пусть пользуются и владеют они благами жизни

вселенной!»¹ (цит. по: [Мацаков 1962: 107]).

Такой йорял с некоторыми лексическими изменениями, видимо, восходит к упомянутой записи 1936 г. «Ленинэ тогтасн йосна туск йөрэл» из антологии «Хальмг фольклор». Заметим, что в этом фольклорном благопожелании нет упоминания имени И. В. Сталина.

К 60-летию И. В. Сталина в 1939 г. создавались фольклорные благопожелания на языках народов страны, в том числе и указанный ранее юбилейный йорял вождю, созданный девятью джангарчи и йорялчи. Написанный в стихотворной форме, текст отличается большим объемом, разными видами анафоры (парная, перекрестная, сплошная), сравнениями, метафорами, гиперболами, риторическими фигурами. Воссоздается история калмыцкого народа, добровольно вошедшего в состав Российского государства в 1609 г., его героизм в защите отечества, в многовековой борьбе за новую жизнь. Формула В. И. Ленин — И. В. Сталин закрепляется идеологией эпохи: И. В. Сталин — отец народов СССР, великий вождь и учитель, продолжатель дела Маркса — Ленина, строитель коммунизма [Йөрэлч-нр 1939: 1, 4]. Для джангарчи современная действительность тождественна эпической стране Бумбе. *Мини-чини уга бээлһни йосн делгрх / Коммунизм тал / Миңһн сай ул-синнь байслһ улм өргж / Көтлит, энкр эцк, мана алдр Сталин!* ('Не деля на мое-твое, распространяется власть, к коммунизму, во-одушевив миллионы людей, ведите нас, дорогой отец, наш великий Сталин!') [Хальмг фольклор 1941: 111]. В сборнике «Поэзия Калмыкии» (1940), изданном в Москве в русском переводе, опубликован этот йорял, подписанный девятью авторами: Джугульд-жан Джанахаев, Мукебен Басангов, Дава Шавалиев, Муша Бадмаев, Менке-Насун Бадмаев, Кооку Кекеев, Анджука Козаев, Ара Човаев, Сангаджи-Гаря Манджиев [Поэзия Калмыкии 1940: 17–32].

Следовательно, три авторских йоряла относятся к разряду *шин йөрэл* ('новый йорял'): два из них имеют юбилейную направленность, адресованную общественной организации — комсомолу (20 лет со дня образования), а также главе государства

¹ Цитируется дословно.

(60 лет со дня рождения), вместе с тем и Коммунистической партии страны. Если чествование юбиляра было традиционным для йоряла, то благопожелание общественным институтам передавало новые реалии современной действительности.

Авторский йорял калмыцких поэтов без прямого обозначения жанра в газетной периодике 1930–1940-х гг.

Среди других стихотворений в жанре йорял, но без прямого его обозначения, в калмыцкой газетной периодике тех лет перечислим следующие:

1) адресованные комсомолу Калмыкии: «Арвн наста болвв» («Исполнилось 15 лет») Константина Эрндженова [Эрнжэнэ К. 1936а: 5]; «Комсомол» Михаила Хонинова [Хоньна М. 1936: 1], «Арвн тавта комсомол» («Пятнадцатилетний комсомол») Лиджи Инджиева [Инжин Л. 1936: 4];

2) адресованные 20-летию автономии Калмыкии: «Хальмгм, сонсич!» («Слушай, моя Калмыкия!») Церена Леджинова и Лиджи Инджиева [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4], «Мана өөн» («Наш юбилей») Басанга Дорджиева [Доржин Б. 1940б: 4], «Өөнин байрт» («Юбилейному празднику») Басанга Дорджиева [Доржин Б. 1940в: 4];

3) адресованное Первому съезду Советов КАССР: «Байрин өрүн» («Радостное утро») Хасыра Сян-Белгина [Сян-Белгин Х. 1936: 2];

4) адресованные юбилею И. В. Сталина: «Күмнь эмд нарн» («Живое солнце человечества») К. Эрндженова [Эрнжэнэ К. 1937а: 1], «Сталин» Нимгира Манджиева [Манжин Н. 1937: 1];

5) адресованные 1 Мая — Дню международной солидарности трудящихся: «Майин нарн» («Майское солнце») Церена Леджинова [Лежнэ Ц. 1938б: 2], «Майин өдрлэ» («Майским днем») [Доржин Б. 1941: 1] и «Байрин өдрлэнь, иньгүдтэн» Басанга Дорджиева [Доржин Б. 1940а: 1];

6) традиционный йорял перед дальней дорогой в новом содержании представлен в стихотворении Лиджи Инджиева, адресованном писателям-гостям, приехавшим в Элисту на 500-летний юбилей эпоса «Джангар» в сентябре 1940 г.: «Менд йовит» («Благополучной дороги») [Инжин Л. 1940: 4];

7) проводы на службу в Красную армию «Менд йовад, менд ир (Улан цергчин кел-

сн күүкнэ үдшүлгч дун)» («Благополучно отправившись, благополучно возвращайся (Засватанной девушки красноармейца песня-проводы)») Константина Эрндженова [Эрнжэнэ К. 1937б: 1] и проводы на Великую Отечественную войну показаны в стихотворении Церена Леджинова «Хотнас мордсн көвүд» («Ребята, уходящие из хотона в армию») [Лежнэ Ц. 1941: 1];

8) фольклорный йорял Новому году повлиял на стихотворение Давида Кугультинова «Шин жилд» («Новому году») [Көглтин Д. 1940: 1];

9) особняком стоит стихотворение, посвященное матери, Эльди Кектеева: «Ээждэн» («Маме») [Көктэн Э. 1936: 2].

Так, стихотворение К. Эрндженова «Арвн наста болвв» («Исполнилось 15 лет», 1936) — один из первых йорялов, адресованных комсомолу Калмыкии. В сноске автор указывает, что текст взят из его стихотворения «Олн сай комсомол» («Многомиллионный комсомол») [Эрнжэнэ К. 1936б: 1]. Произведение включает шесть четверостиший, структурированных сплошной и парной анафорой. Автор подчеркивает ведущую роль И. В. Сталина в усилении комсомола. Задаются риторическими вопросами: есть ли кто-либо из молодежи, не состоящий в рядах этой всесоюзной организации, потому что лучшей жизни в мире молодежь не найдет. Сколько раз сам поэт раньше плакал в калмыцкой степи, распевая горькие песни. А теперь в великой семье комсомол стал пятнадцатилетним, то, что поэт не получил от отца, взял у взрастившего его комсомола. Теперь автор воспекает прославленное на весь мир имя, посвящает его победам свои стихи. Завершил он йорял пожеланием, чтобы комсомол сохранял навеки в чистоте ленинское знамя: *Чинртэ Ленинэннь туган / Цеврэр мөңк хадһл...* [Эрнжэнэ К. 1936а: 5]. Упоминание имени В. И. Ленина здесь связано с тем, что в 1924 г. Российскому коммунистическому союзу молодежи было присвоено имя вождя, а в 1926 г. последовало новое переименование — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

В стихотворении Михаила Хонинова «Комсомол» с подзаголовком «ВЛКСМ-ин Хальмг танһчин 15-гч өөнд» (1936) после перечисления достижений Советская власть названа матерью, отцом — дорогой Сталин,

в их колыбели вырос многочисленный комсомол: *Ээжмдн — мана Совет, / Эцкмдн — энкр Сталин, / Эднэ дүүжнд өсчхэсн / Өнр бүл комсомол* [Хоньна М. 1936: 1]. Старшим братом же стала Коммунистическая партия. Автор также желает комсомолу Калмыкии: *Гүжр, комсомол, гүжр, / Гүн сурһуль дас, / Гүжр, комсомол, гүжр, / Саг-сеггэн чаңһа* [Хоньна М. 1936: 1], т. е. крепить свои ряды, овладевать глубокими знаниями, проявлять бдительность.

Для этих стихотворений характерны юбилейная дата события, автобиографический аспект, политическая лексика, конкретная адресация благопожелания.

Среди йорялов, адресованных 20-летию автономии Калмыкии, и «Хальмгм, сонсич!» («Слушай, моя Калмыкия!») Церена Леджинова и Лиджи Инджиева, в рамочной конструкции место и время создания: «Элст, октябрь 1940 ж.» [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4]. Калмыцкая автономная область, образованная 11 ноября 1920 г., 10 октября 1935 г. была преобразована в Калмыцкую АССР. Первому юбилею посвящен совместный йорял двух поэтов. Большое по объему в десятки строк стихотворение, не имея деления на строфы, открывается выделенным зачином, в котором авторы обращаются к соотечественникам с призывом услышать их радостное приветствие, высказанное от чистого сердца. В основной части подробно описывается новая действительность за последние двадцать лет в сравнении с прошлой жизнью бедного калмыка. Упоминается знаменитое воззвание В. И. Ленина к братьям-калмыкам в период Гражданской войны, которое они никогда не забудут, потому что учителем были сказаны проникновенные слова, идущие от самого сердца, и указана столбовая дорога: *Багш Ленинэ дуудвр мартшогоч, — / Эмжл зүркни өр дотрасн / Энкр Ленин чама дуудла, / Зальта халун үгмүд келжэ / Зам улан хаалһ залла* [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4]. *Баатр Ленинэн хальмгдахла, / Эцк Сталин уралан көтлэ, / Эндрк, эн жирһлд күрглэ* («Калмыки последовали за богатырем Лениным, а отец Сталин повел вперед, приведя сегодня к новой жизни») [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4].

Завершая стихотворение, поэты выражают пожелания счастливому калмыцкому народу: радоваться под началом породнившегося с ним русского народа, высказать

благопожелание русскому другу: *Төрсн хувтэ хальмгм, сонсич: / Төрлишн орсин нилчд байсич, / Хамцсн иньг орс амтндэн / Хантин цевр йөрэлэн өргич* [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4]. Пожелание лучшего будущего адресовано не только соотечественникам, но и всем людям в мире, которые пойдут таким путем и достигнут прекрасной жизни: *Хамцтин сүүрнь өргн болтхал, / Хамг делкэд амһулц батртхал, — / Мана хаалһар делкэ йовтхал, / Маи сээхн жирһл күцтхал* [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4].

В конце стихотворения переключка с известными джангарчи и йорялчи Давой Шавалиевым и Мукебюном Басанговым проецирует связь с героическим эпосом «Джангар», с его страной Бумбой, которую сегодня наяву можно славить, талантливо воспеть новый «Джангар»: *Дала байран өргжэ дуулийл, / Дава, Мукөвүн, эклжэ өгит, / Эндрк Бумбин оран мактэс өргийл, / Эркн шин Жаңһран билглжэ дуулийл* [Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940: 4]. Поэты, обращаясь с просьбой к Д. Шавалиеву и М. Басангову начать петь йорял и магтал-величание, тем самым актуализируют приоритет старейших сказителей, главенство устного народного творчества, продолжение фольклорной традиции. Песни эпоса, йорялы и магталы произносились напевным речитативом.

В стихотворении «Өөнин байрт» («Юбилейному празднику», 1940) Б. Дорджиев также сравнивает современную Калмыкию с эпической страной Бумбой, выражая благопожелание солнцу этого времени — И. В. Сталину: *Мана цагин нарн Сталинд / Мендин йөрэл белг болтха!* [Доржин Б. 1940в: 4]. Заключительные строки йоряла: *Жирһлин дун жиңнэд / Жиңгс холд сонсгд! / Жирһл күслдснәнн чикнд / Жаңһрин айсар күчкн!* («Пусть песни радости будут далеко слышны, пусть отзывается в ушах достигнутой целью мелодия эпоса «Джангар»») [Доржин Б. 1940в: 4].

Адресованное Первому съезду Советов КАСССР стихотворение «Байрин өрүн» («Радостное утро») Хасыра Сян-Белгина имеет две датировки: «1935–36-ч», поскольку автор в сноске поясняет, что это стихотворение по сравнению с предыдущим несколько исправлено [Сян-Белгин Х. 1936: 2]. Текст включает 9 четверостиший с разными видами анафоры (парная и сплошная), фрагмент песни, которую поет мальчик, о республи-

ке и ее столице — Элисте: *Элст балһсн дүңгәнэ. Эльспублик нерн дүрклнэ* ('Город Элиста возвышается. Имя республики торжествует') [Сян-Белгин Х. 1936: 2]. Знаменательное утро описано как безветренное, с улыбающейся степью, в Элисте алеет на крышах множество красных флагов, высоко в облаках летит самолет, дымит заводская труба, в доме поет мальчик, еще не знакомый с правильным произношением нового слова (республика — эльспублик). Заключительные строки передают благопожелание поэта: *Өнр хальмгм, байрл! / Өнр хальмгм, бахт! / Мана таңһч республик / Манд амһулң бээтхэ!* ('Радуйся, моя многочисленная Калмыкия! Наслаждайся, моя многочисленная Калмыкия! Пусть наша республика пребывает в благополучии!') [Сян-Белгин Х. 1936: 2].

В числе новых праздников 1 Мая — День международной солидарности трудящихся. Ему адресованы стихи «Майин нарн» («Майское солнце») Церена Леджинова [Лежнэ Ц. 1938б: 2], «Майин өдрлэ» («Майским днем») [Доржин Б. 1941: 1] и «Байрин өдрлэнь, иньгүдтэн» Басанга Дорджиева [Доржин Б. 1940а: 1].

В стихотворении «Майин нарн» («Майское солнце») Ц. Леджинов метафорически определил сталинскую конституцию 1937 г.: *Нарнас хурц герлтэ / Конституц-алтннц мандлтха* ('Ярче солнечного света да будет Конституция-золото сиять') [Лежнэ Ц. 1938б: 2]. Заключительная строка — еще одно благопожелание: *Сталин мөңк жүрһтхэ* ('Да будет вечно жить Сталин') [Лежнэ Ц. 1938б: 2]. Йорял написан 22 апреля 1938 г. в Элисте, как явствует из публикации, т. е. накануне 1 Мая. Для поэта 22 апреля — знаменательный день, это день рождения В. И. Ленина, хотя его имя не упоминается в тексте; в то время как Сталин назван отцом и вождем: *Көтлврч, аав Сталин / Келни билгэсм һархш* ('Вождь, отец Сталин не покидает мое творчество') [Лежнэ Ц. 1938б: 2].

«Майин өдрлэ» («Майским днем», 1941) Б. Дорджиева соответствует теме — это своего рода иллюстрация борьбы мирового пролетариата за свои права, здесь мировая география охватывает страны: Америку, Китай, Японию, страны Африки. Для поэта Сталин-отец, имя которого несется по всей планете, — солнце Мировой Революции.

Автор, призывая мировой пролетариат, желает ему идти быстрее вперед по светлому пути, выше поднять красное знамя свободы: *Сарул хаалһтн өмнтн, / Уралан хурдар йовтн! / Сулдхврн улан туган / Улм, улмар өргтн!* [Доржин Б. 1941: 1].

Другое стихотворение Дорджиева «Байрин өдрлэнь, иньгүдтэн» («В радостный день, друзьям», 1940) соединяет в заглавии время и людей. Вспоминая исторический путь народа к миру и труду, поэт, обращаясь к молодежи, желает ей отдать жизнь за Родину-мать, во имя дорогого Сталина посвятить ей всего себя: *Эк-Төрскн нуттан / Энжр элкэн өгий! / Эңкр Сталинәннь нерндэн / Эврэ цогцан нерэдий!* [Доржин Б. 1940а: 1].

Традиционный йорял перед дальней дорогой (*хаалһин йөрэл*) Лиджи Инджиев адресовал писателям-гостям, приехавшим в Элисту на празднование 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар» в сентябре 1940 г.: «Менд йовит» («Благополучной дороги») [Инжин Л. 1940: 4]. В зачине поэт выразил благодарность коллегам, разделившим юбилейную радость с его земляками, ставшими друзьями. Рефреном в начале и в конце стихотворения повторяется пожелание благополучного пути: *Мана гиичнр, менд йовит* ('Наши гости, благополучно отправляйтесь'), *Менд байрта йовит, / Менд гертэн курут* ('Отправляйтесь в добром здравии, благополучно доберитесь домой') [Инжин Л. 1940: 4]. Угощая гостей перед дорогой, автор просил их не вспоминать с обидой хозяев, ведь они потом много раз еще увидятся. Пусть гости не думают, что поедут в пыли-грязи, их повезут новой дорогой, пусть не переживают, что путь далек, быстрые машины доставят к месту назначения (к железнодорожной станции), откуда люди разъедутся по домам. Современные реалии переданы здесь указанием новой асфальтированной дороги (Элиста — Дивное), транспорта (машины). Ср. с традиционным йорялом путнику, в котором упоминаются поводья коня, солнце, сияющее над конскими ушами: *Мөңгн хаалһар йовж, / Алтн жзола эргүлж, / <...> Мөрнәннь чикнд / Нар урһаж, / Менд амулң ирцхэтн* [Хальмг поэзин антолог 1962: 74]. Эти финальные формулы характерны для дорожного йоряла: *Мөрнэ чикнд нар урһаж, / Алтн жзолаһан зөв эргүлж...* ('Заставив солнце взойти над

ушами коня, / Повернув золотые поводья') (цит. по: [Борджанова 2007: 518]). Такие финальные формулы использовались и в йоряле проводов в армию. Константа *алтн жзола* 'золотые поводья' имеет древние истоки: «По представлениям калмыков, человек, выходящий из дома, чтобы ему сопутствовала удача, должен был двигаться по ходу солнца. Одним из эпитетов, которые определяют образ солнца, является прилагательное *алтн* — золотой; *алтн шар нарн* — золотисто-желтое солнце. В „Ригведе“ солнце, охраняющее Вселенную, имеет лучи-поводья» [Борджанова 2007: 291].

Йорял проводов на службу в армию в гендерном плане создан Константином Эрендженовым, совместившим в тексте два жанра — собственно благопожелание и песню: *Менд йовад, менд ир (Улан цегчин келсн күүкнэ үдшүлгч дун)* ('Благополучно отправившись, благополучно возвращаясь (Засватанной девушки красноармейца песня-проводы)') [Эрнжэнэ К. 1936б: 1]. Стихотворение 1937 г. включает 16 четверостиший и одно восьмистишие в конце. Девушка вспоминает, как дружила с детства с будущим женихом, как они выросли, как ушли в прошлое старые обычаи (узкий девичий камзол, браки не по воле влюбленных), как она дала согласие выйти замуж за любимого, обещала ждать его с армейской службы. Она хранит его письма, помнит его слова. Она напутствует новобранца: *Ода наснчн ирэд / Орн-нутгтан дууд-гжэнэч, / Олна жсирһл харсхар / Улан цегт морджэнэч* ('Пришел твой срок, страна призвала тебя. Чтобы защитить жизнь народа, уходишь ты в Красную армию') [Эрнжэнэ К. 1937б: 1]. Девушка призывает любимого держать крепче ружье, не избегать врага, сразу захватить, не пропустив его на границе: *Бууһан чаһ атх, / Бичэ хортнас сүрд. <...> Мөлкэд ирсн дээсиг / Межсэд күрглго бэр* [Эрнжэнэ К. 1937б: 1]. Если позовет любимый, она готова пойти на службу в армию, сев на быстрого коня, сразиться с любым неприятелем. Завершается йорял девичьим пожеланием: *Мэ, зургим ав! / Менд, байрта йов, / Мөрэдсн һазртан күр, / Менд йовад ир!..* ('Возьми, мой снимок! Отправляйся в добром здравии, достигни нужного места, благополучно потом возвращайся!') [Эрнжэнэ К. 1937б: 1]. Примета нового времени в данном йоряле и в такой детали, как

вручение фотографии на память. Здесь нет финальных формул о золотых поводьях, о солнце на ушах коня. Образ коня как средство передвижения в этом тексте символичен.

Стихотворение Церена Леджинова «Хотнас мордсн көвүд» («Ребята, уходящие из хотона в армию»), написанное 17 июля 1941 г., — о проводах на защиту родины в начале Великой Отечественной войны. Текст состоит из 12 четверостиший с включением диалоговой формы: мать напутствует сына на войну, Дегря обещает ей вернуться, уничтожив врага. Начинается стихотворение с приезда сына-табунщика в полдень в родное село (хотон), мать встречает сошедшего с коня сына, зная, что Дегря отправляется на фронт. *Фашизмизг дээлдэж күүчэд / Хэржс ирхинь йөрэлэ* [Лежнэ Ц. 1941: 1]. Мать благословляет его в дорогу, чтобы он, разгромив фашизм, благополучно вернулся домой. Сын просит мать не беспокоиться за него, заверяет, что вернется живым-здоровым, покончив с захватчиками, заживут, как прежде. Он говорит, что нельзя сейчас сидеть молча в стороне, надо оторвать голову врагу, сообщает, что отправится вечером. Мать обещает сыну не плакать, не страдать, вновь повторяет пожелание: *Эмтнэ өшгэт дарад / Эмд-менд ирч!* ('Уничтожив врага, вернись живым-здоровым!') [Лежнэ Ц. 1941: 1]. Обнимая и целуя сына, она вновь повторяет напутствие, чтобы тот победил войну. До вечера сельчане прощаются с ребятами, отправляющимися на защиту отечества. Заключительные строки стихотворения вновь актуализируют дорожный йорял, сказанный стариками молодежи, но уже без прямого воспроизведения речи: *Хотнас йовсн көвүд / Хортан дархар һарла. / Хаалһинь көгшид йөрэжс / Халун үгэн келлэ* ('Ребята из селения отправились бить врага. Старики, благословляя их в дорогу, сказали сердечные слова') [Лежнэ Ц. 1941: 1]. В этом тексте дважды воспроизведен индивидуальный йорял матери, а также общий йорял старых людей села, прямо не вербализованный, но характеризующийся автором, как сердечный, задушевный, искренний.

Общими для этих дорожных благопожеланий К. Эрендженова и Ц. Леджинова является и патриотическая направленность напутствия: охранять границы страны, защищать родину, разгромить врага.

Ср. с бурятским благопожеланием, созданным во время войны, в русском переводе которого есть напутствие: «Не поддаваясь (ничьей) / Силе плеч и пальцев, / Одержав в войне победу, / Прославив силу кузнеца, / Живым, здоровым / Вернись домой» (цит. по: [Бардаханова, Гымпилова 2011: 352]).

Среди календарных фольклорных йорялов — проводы старого года и встреча нового года. Стихотворение Давида Кугультинова «Шин жилд» («Новому году») написано в Астрахани в декабре 1939 г., как указано в газетной публикации «Улан баһчуд» от 1 января 1940 г. [Көглтин Д. 1940: 1]. Сразу заметим, что в этом произведении нет прямой связи с фольклорным йорялом такого вида. «Верблюды упоминаются в зачине йорела-благопожелания, произносимого при смене одного года другим: „Верблюды уходят, верблюд приходит“, другой вариант: „Верблюды умирают, а верблюжонок рождается“, затем следует непосредственно текст благопожелания. Зачин йорела демонстрирует доброжелательное отношение людей к верблюду» [Борджанова 2007: 415]. Ср. медиальную формулу благопожелания: «Буурл жилнь һарад, / Буйнта жилнь ирв. Пусть старый год уходит, / Пришел новый благословенный год» [Борджанова 2007: 513]. Несмотря на то, что верблюд не вошел в двенадцатилетний животный календарный цикл, он остался в такой формульной традиции йоряла.

Стихотворение же молодого поэта «Новому году» проецирует историю советского периода с 1917 г., декларирует успехи социалистического строительства под руководством Сталина. *Арвн доладгчас авн / Алдр жилмүд давла, / Сай мана көдлмиһчир / Социализм бийдэн тосхла. / Нучн йисдгч, мана, / Эн жил бигржэнэ. / <...> Сталин маанриг көтлэ* [Көглтин Д. 1940: 1]. Обращаясь к друзьям, автор желает, чтобы новый год (*шин жил*) дал им наглядную радость, чтобы сороковой год принес новые победы, чтобы жизнь день ото дня была краше. Йорял включает и элементы заздравного тоста, поскольку поэт призывает друзей произнести тост за здоровье И. В. Сталина, выпить, сдвинув чарки, за то, чтобы наступающий новый год стал лучше предыдущего. При этом сороковой год нужно взять успехами в труде: *Дөдгч жилэ көдлмиһг / Диһлһэрн, үүрмүд, авцхай!* [Көглтин Д. 1940: 1]. Та-

ким образом, стихотворение, изобилующее пожеланиями, отмеченными восклицательными знаками, акцентирует современную действительность, мало имея общего с фольклорными формулами йоряла по случаю нового года.

Диалоговая конструкция в стихотворении Эльди Кектеева «Ээждэн» («Маме») передает разговор старой матери с сыном, приехавшим домой с учебы. Материнский завет передает ее благопожелание, в котором она напутствует сына жить при новой хорошей власти, усердно трудиться на благо общества: *Эн сээхн йосндан / Эврэн йовжж жирһ, / Олнань ачинь хэрүлжэ / Омгта кевэр көдл...* [Көктэн Э. 1936: 2].

Калмыцкая поговорка гласит: *Йөрэл уга алтнас, йөрэлтэ зес деер*, т. е. 'чем золото без благопожелания, лучше медь с благопожеланием' [КРС 1977: 281].

Большинство этих авторских йорялов в газетной периодике 1930–1940-х гг. даны без конкретизации жанра. Все они манифестируют общенародный, общественный, патриотический пафос, отвечая тенденциям советских СМИ тех лет. Сохраняя трехчастную структуру, авторский йорял, продолжая фольклорную традицию, отразил новации в диалоге с устным народным творчеством и современностью.

Заключение

Изучение авторских йорялов калмыцких поэтов в газетной периодике 1930–1940-х гг. («Улан хальмг», «Улан баһчуд», «Ленин ачнр»), не претендуя на полноту охвата материала из-за того, что по известным причинам такие газеты не сохранились в необходимой комплектации в библиотеках и архивах страны, все же представляет репрезентативные образцы благопожеланий на разные темы. Сопоставление фольклорных аналогов с авторскими примерами демонстрирует, с одной стороны, определенную связь устного народного творчества и литературы по форме и содержанию, с другой — современную направленность произведений, ориентированных на политико-идеологические, общественные события и персоналии.

Выясняется, что в выявленном материале жанровая заданность обозначена в заглавиях немногих стихотворений 1930-х гг.: «Өөни йөрэл» («Юбилейное благопоже-

ление», 1938) Церена Леджинова, «Жаңһрчин йөрэл» («Благопожелание джангарчи», 1937) Санджи Каляева, «Иосиф Виссарионович Сталинэ жирн насна өөнд нерэдсн йөрэлэс» («Из благопожелания Иосифу Виссарионовичу Сталина к 60-летию со дня рождения», 1939), созданного девятью джангарчи. Эти авторские благопожелания относятся к разряду «шин йөрэл» («новое благопожелание»): два из них имеют юбилейную направленность, адресованную общественной организации — комсомолу (20 лет со дня образования), а также главе государства (60 лет со дня рождения), вместе с тем и Коммунистической партии страны. Если чествование юбиляра было традиционным для йоряла, то благопожелание общественным институтам передавало новые реалии современной действительности.

Большая часть изученных авторских йорялов в газетной периодике 1930–1940-х гг. не имеют жанрового обозначения ни в заглавии, ни в подзаголовке, тем не менее анализ показал, что эти произведения можно отнести к искомому материалу. Здесь также доминирует общественно-политическая, идеологическая тема: а) в аспекте юбилейных событий — 15-летие, 20-летие комсомола Калмыкии, 20-летие автономии Калмыцкой АССР; б) Первый съезд Советов Калмыцкой АССР; в) новый праздник: 1 Мая — День Международной солидарности трудящихся; г) календарный праздник — Новый год; д) дорожный йорял и проводы на службу в Красную армию и проводы на войну; е) йорял одному из родителей (матери). Все эти тексты демонстрируют общенародный, общественный, патриотический пафос, отвечая тенденциям советских СМИ тех лет. Сохраняя трехчастную структуру, авторский йорял отличался, как правило, большим объемом, сюжетом, новой лексикой, строфической «лесенкой», автобиографическим аспектом.

Ср. в современной монгольской поэзии в жанре благопожеланий «написаны стихотворения „Советско-монгольская дружба“ Н. Тэрбиша, „Счастливая жизнь“ Ч. Жигмида, „Ерол советскому народу“ и „Ерол к 50-летию маршала Чойбалсана“ Ц. Дамдинсурэна, „Ерол к Новому году“ Д. Цэвэгмид, „Ерол к объединению“ Д. Даржаа и многие другие произведения. Последнее время данную форму успешно использует

поэт Д. Чойжилсурэн, сборник его стихотворений „Праздник книги“, написанный в жанре благопожеланий, стал заметным явлением в современной монгольской поэзии» [Цэнд 1985: 255]. Судя по названиям некоторых стихотворений-благопожеланий монгольских поэтов, несмотря на некоторую временную дистанцию (от 1930-х гг. к 1980-м гг.), здесь также наблюдаем ту же тенденцию — юбилейную и общественно-политическую.

В то же время обратим внимание на стихотворение Санджавына Оюуна «Голубой хадак» с подзаголовком «Благопожелания» (пер. Г. Ярославцева), состоящее из двух частей. В первой части благопожелание дочери своему отцу с преподнесением голубого хадака — шелкового шарфа в знак любви и почтения, во второй части благопожелание с соблюдением древнего обычая относится к гостю — пожелание мира и дружбы, вручение голубого хадака [Из монгольской поэзии 1981: 263].

Ср. в современной бурятской поэзии стихотворение Владимира Намсараева «Благопожелания стариков...», в котором автор пишет, что «в них простая заповедь веков. / Я не раз в раздумьях о Вселенной / постигал их смысл благословенный» [Антология литературы 2010: 255].

В калмыцкой газетной периодике 1930–1940-х гг. нет религиозного ракурса авторских йорялов ни в буддийском, ни в языческом плане из-за атеистической пропаганды, из-за цензуры; они появились у калмыцких поэтов позднее. Редки благопожелания в калмыцкой поэзии того времени, ориентированные на личную, семейную жизнь человека вне идеологии и политики.

Среди авторов — представители разных поколений: от Н. Манджиева, С. Каляева, Х. Сян-Белгина, К. Эрендженова, Л. Инджиева, Ц. Леджинова до Б. Дорджиева, М. Хонинова, Д. Кугультинова. Они, как и другие калмыцкие поэты, создавали авторские йорялы и позднее, более разнообразные по форме и содержанию. Все это требует дальнейшего исследования как в газетном, журнальном, так и в книжном издании, демонстрируя в историко-функциональном освещении взаимодействие фольклора и литературы, активные и пассивные фазы существования авторского йоряла-благопожелания в калмыцкой поэзии XX в.

Литература

- Антология литературы 2010 — Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века. В 3 т. Т. 1. Поэзия / сост. Б. С. Дугаров; вступ. ст. Л. С. Дампиловой, Б. С. Дугарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 608 с.
- Бадмаева, Голубева, Карбушева 2019 — *Бадмаева З. В., Голубева Е. В., Карбушева И. В.* Повторы в калмыцких и русских благопожеланиях // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4(44). С. 78–84.
- Бардаханова, Гымпилова 2011 — *Бардаханова С. С., Гымпилова С. Д.* Благопожелания // Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. С. 348–365.
- Биткеев 2011 — *Биткеев Н. Ц.* Благопожелания // Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. 1. Калмыцкий фольклор / сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста: НПП «Джангар», 2011. С. 346–358.
- Болдырева, Горяева 2016 — *Болдырева И. М., Горяева Б. Б.* Малые жанры в устной традиции калмыков 1960–1970-х гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 56–61.
- Борджанова 1984 — *Борджанова Т. Г.* К проблеме обрядовой поэзии калмыков // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 74–97.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Дашиева 2016 — *Дашиева Л. Д.* Жанровая система обрядового фольклора бурят: к вопросу типологии // Культура Центральной Азии: письменные источники / гл. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. № 9. С. 202–213.
- Доржин Б. 1940а — *Доржын Б.* Байрин өдрлэнь, иньгүдтэн // Улан баһчуд. 1940. Майин 1. Х. 1.
- Доржин Б. 1941 — *Доржын Б.* Майин өдрлэ // Улан хальмг. 1941. Май сарин 1. Х. 1.
- Доржин Б. 1940б — *Доржын Б.* Мана өөн // Улан баһчуд. 1940. Ноябрьрин 2. Х. 4.
- Доржин Б. 1940в — *Доржын Б.* Өөнин байрт // Улан баһчуд. 1940. Сентябрьрин 6. Х. 4.
- Из монгольской поэзии 1981 — Из монгольской поэзии XX века / пер. с монг.; сост. Г. Михайлова. М.: Худ. лит., 1981. 278 с.
- Инжин Л. 1936 — *Инжын Л.* Арвн тавта комсомол // Ленинэ ачнр. 1936. Сентябрьрин 1. Х. 4.
- Инжин Л. 1940 — *Инжын Л.* Менд йовит // Улан баһчуд. 1940. Декабрьрин 5. Х. 4.
- Йөрэлчнр 1939 — *Йөрэлчнр.* Иосиф Виссарионович Сталинэ жирн насна өөнд нерэдсн йөрэлэс // Ленинэ ачнр. 1939. Декабрьрин 24. Х. 1, 4.
- Колэн С. 1937 — *Колэн С.* Жаһрчин йөрэл // Улан хальмг. 1937. Январин 1. Х. 1.
- Көглтин Д. 1940 — *Көглтин Д.* Шин жилд // Улан баһчуд. 1940. Январин 1. Х. 1.
- Көктэн Э. 1936 — *Көктэн Э.* Ээждэн // Улан хальмг. 1936. Июнин 8. Х. 2.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лежнэ Ц. 1938а — *Лежнэ Ц.* Өөни йөрэл // Улан баһчуд. 1938. Октябрьрин 29. Х. 5.
- Лежнэ Ц. 1938б — *Лежнэ Ц.* Майин нарн // Улан хальмг. 1938. Майин 1 шин. Х. 2.
- Лежнэ Ц. 1941 — *Лежнэ Ц.* Хотнас мордсн көвүд // Улан баһчуд. 1941. Июлин 31. Х. 1.
- Лежнэ Ц., Инжин Л. 1940 — *Лежнэ Ц., Инжын Л.* Хальмгм, соңсич! // Улан баһчуд. 1940. Ноябрьрин 2. Х. 4.
- Манжин Н. 1937 — *Манжын Н.* Сталин // Улан хальмг. 1937. Январин 1. Х. 1.
- Мацаков 1962 — *Мацаков И. М.* К вопросу о калмыцких йорелах (Материалы) // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1962. С. 104–108.
- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 234 с.
- Михайлова 2013 — *Михайлова Н. Д.* Калмыцкие народные благопожелания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 23 с.
- Обрядовый фольклор 1993 — Обрядовый фольклор калмыков / сост., автор предисл. и коммент. Н. Ц. Биткеев. Элиста: Санан, 1993. 79 с.
- Овалов 1985 — *Овалов Э. Б.* Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора. (Вопросы систематизации и публикации) // Калмыцкий фольклор (Проблемы издания). Элиста, КНИИИФЭ, 1985. С. 109–125.
- Олядыкова 2007 — *Олядыкова Л. Б.* Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.

- Омакаева, Борлыкова 2014 — *Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х.* Благопожелание *ерөөл/йөрөл*: вербальный ритуал и текст в контексте свадебной обрядности ойратов Монголии и калмыков // *Полевые исследования*. 2014. № 2. С. 37–48.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе утулган» — у калмыков // *Избранные труды Номто Очирова*. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.
- Очирова 2011 — *Очирова Э. Б.* Йорял в сборнике Михаила Хонинова «Байрин дуд» // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 2. С. 142–145.
- Очирова 2012 — *Очирова Э. Б.* Йорял в творчестве Михаила Хонинова // *Проблемы междисциплинарного взаимодействия: сб. мат-лов I Всеросс. научно-практической интернет-конференции (памяти профессора М. Г. Михайловой)*. Якутск: ИД СВФУ, 2012. С. 100–103.
- Поэзия Калмыкии 1940 — *Поэзия Калмыкии*. М.: ГИХЛ, 1940. 90 с.
- Поэзия Калмыкии 2009 — *Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. / гл. ред. Д. Б. Дорджиева*. Элиста: Герел, 2009. 352 с.
- Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учеб. пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.
- Сампилдэндэв 1985 — *Сампилдэндэв Х.* Жанр благопожеланий в монгольском фольклоре // *Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. Современность и классическое наследие*. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 54–67.
- Сян-Белгин Х. 1936 — *Сян-Белгин Х.* Байрин өрүн // *Улан хальмг*. 1936. Февраль 22. X. 2.
- Хабунова 1984 — *Хабунова Е. Э.* Йорэлы в эпосе «Джангар» // *Калмыцкая народная поэзия*. Элиста: КНИИФЭ, 1984. С. 47–52.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.
- Хабунова 2010 — *Хабунова Е. Э.* Добрые пожелания: от SMS до традиционных йорялов. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 47 с.
- Хальмг поэзин антолог 1962 — *Хальмг поэзин антолог*. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 304 х.
- Хальмг фольклор 1941 — *Хальмг фольклор / Бүрдэж кеснь, нүр үгинь болн темдгүдинь бичснь* Лежнэ Ц., Шалвра Г. Элст: Хальмг госиздат, 1941. 461 х.
- Ханинова 2004 — *Ханинова Р. М.* Об одном эпическом сюжетном мотиве в «Сказании о калмычке» Михаила Хонинова // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публ. калм. героического эпоса «Джангар»): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 149–154.
- Ханинова, Очирова 2012 — *Ханинова Р. М., Очирова Э. Б.* Йорял в лирике Михаила Хонинова // *Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 7–9 октября 2011 г.)*. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 230–235.
- Ханинова, Очирова 2011а — *Ханинова Р. М., Очирова Э. Б.* Йорял в стихотворении М. Хонинова «Три ответа» // *Научные труды молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета: сборник*. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2011. С. 84–86.
- Ханинова, Очирова 2011б — *Ханинова Р. М., Очирова Э. Б.* Йорял новорожденному в поэме Михаила Хонинова «Сказание о калмычке» // *Современная филология: теория и практика: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30–31 декабря 2011 г.) / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований»*. М.: Спецкнига, 2011. С. 368–372.
- Хоньна М. 1936 — *Хоньна М.* Комсомол // *Улан баһчуд*. 1936. Сентябрь 7. X. 1.
- Цацлын дееж 1997 — *Цацлын дееж (Заздравное слово)*. Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хурмин йосн: сборник / сост. Н. Содмон. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 176 х.
- Цэнд 1985 — *Цэнд Д.* Жанры современной монгольской поэзии // *Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. Современность и классическое наследие*. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 249–259.
- Чибисова, Тихонова 2017 — *Чибисова О. В., Тихонова А. В.* Благопожелания как объект исследования // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 3. № 1. С. 132–134.
- Шавалин Д. 1960 — *Шавалин Д.* Жаңһрчин йөрэлмүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 29 х.
- Эрнжэнэ К. 1936а — *Эрнжэнэ К.* Арвн наста болв // *Улан хальмг*. 1936. Сентябрь 1. X. 5.
- Эрнжэнэ К. 1936б — *Эрнжэнэ К.* Олн сай комсомол // *Улан баһчуд*. 1936. Апрель 11. X. 1.

Эрнжэнэ К. 1937а — Эрнжэнэ К. Күмнэ амд
нарн // Улан хальмг. 1937. Январин 1. Х. 1.
Эрнжэнэ К. 1937б — Эрнжэнэ К. Менд йовад,

менд ир // Улан хальмг. 1937. Мартин 8. Х. 1.
Эрнжэнэ К. 1980 — Эрнжэнэ К. Цецн булг.
Элст: Хальмг дегтр харһач, 1980. 190 х.

References

- Badmayeva Z. V., Golubeva E. V., Karbusheva I. V. Repetitions (rhetorical device) in Kalmyk and Russian good wishes. *Bulletin of Kalmyk University*. 2014. No. 4(44). Pp. 78–84. (In Russ.)
- Bardakhanova S. S., Gympilova S. D. Well-wishing narratives. In: Bardakhanova S. S., Gympilova S. D. (comps.) *Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts*. Vol. 2: Buryat Folklore. Elista: Dzhanger, 2011. Pp. 348–365. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. (comp.) *Kalmyk Ritual Folklore*. Elista: Sanan, 1993. 79 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Well-wishing narratives. In: Bitkeev N. Ts. (comp.) *Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts*. Vol. 1: Kalmyk Folklore. Elista: Dzhanger, 2011. Pp. 346–358. (In Russ.)
- Boldyreva I. M., Goryaeva B. B. Minor genres of Kalmyks' oral tradition in 1960–1970s. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk ritual poetry revisited. In: *Kalmyk Folk Poetry*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1984. Pp. 74–97. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Chibisova O. V., Tikhonova A. V. Good wishing as an object of investigation. *Success of Modern Science and Education*. 2017. Vol. 3. No. 1. Pp. 132–134. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Genre system of ritual folklore of the Buryats: The question of typology. In: Vanchikova Ts. P. (ed.) *Culture of Central Asia: Written Sources*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2016. Vol. 9. Pp. 202–213. (In Russ.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) Congrats on May Day. *Ulan khal'mg*. 1941, May 1. P. 1. (In Kalm.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) Congrats to my friends on the red letter day. *Ulan baychud*. 1940, May 1. P. 1. (In Kalm.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) Our anniversary. *Ulan baychud*. 1940, November 2. P. 4. (In Kalm.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) To the joy of our anniversary. *Ulan baychud*. 1940, September 6. P. 4. (In Kalm.)
- Dordzhieva D. B. (ed.) *Poetry of Kalmykia: Anthology*. Elista: Gerel, 2009. 352 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dugarov B. S. (comp.) *Literature of Buryatia, 20th–21st Century: An Anthology*. In 3 vols. Vol. 1: Poetry. L. Dampilova, B. Dugarov (foreword). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. 608 p. (In Russ.)
- Erendzhenov K. (Ernjänä K.) Have a safe trip. *Ulan khal'mg*. 1937, March 8. P. 1. (In Kalm.)
- Erendzhenov K. (Ernjänä K.) I'm ten. *Ulan khal'mg*. 1936, September 1. P. 5. (In Kalm.)
- Erendzhenov K. (Ernjänä K.) Komsomol that numbers millions. *Ulan baychud*. 1936, April 11. P. 1. (In Kalm.)
- Erendzhenov K. (Ernjänä K.) The living sun of humanity. *Ulan khal'mg*. 1937, January 1. P. 1. (In Kalm.)
- Erendzhenov K. (Ernjänä K.) The Spring of Wisdom. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 190 p. (In Kalm.)
- Indzhiev L. (Injin L.) Onward and upward. *Ulan baychud*. 1940, December 5. P. 4. (In Kalm.)
- Indzhiev L. (Injin L.) The fifteen-year-old Komsomol. *Leninä achnr*. 1936, September 1. P. 4. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kolän S.) A yöräl from the jangarchi. *Ulan khal'mg*. 1937, January 1. P. 1. (In Kalm.)
- Kekteev E. (Köktän E.) To Mother. *Ulan khal'mg*. 1936, June 8. P. 2. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Hearty Well Wishes: From SMS to Traditional Yöräls. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Dzhanger, 2010. 47 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. *Kalmyk Wedding Ritual Poetry: Studies and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 224 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Yöräls in the Epic of Jangar. In: *Kalmyk Folk Poetry*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1984. Pp. 47–52. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The Tale of Kalmyk Woman by M. Khoninov: One epic motif revisited. In: *The Jangar in Eurasian Perspectives. Jubilee conference proceedings*. Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 149–154. (In Russ.)
- Khaninova R. M., Ochirova E. B. The Tale of Kalmyk Woman by M. Khoninov: The yöräl to a newborn revisited. In: *Contemporary Philology. Theory and Practice. Conference proceedings (Moscow; December 30–31, 2011)*. Moscow: Spetskniga, 2011. Pp. 368–372. (In Russ.)
- Khaninova R. M., Ochirova E. B. The Three Answers by M. Khoninov: One yöräl revisited.

- In: Scholarly Papers by Young Scientists, Postgraduates, and Students of the Gorodovikov Kalmyk State University. Elista: Kalmyk State University, 2011. Pp. 84–86. (In Russ.)
- Khaninova R. M., Ochirova E. B. Yöräl in M. Khoninov's lyrics. In: Functioning and Development of Languages in Multilingual Environment. Conference proceedings (Elista; October 7–9, 2011). Elista: Kalmyk State University, 2012. Pp. 230–235. (In Russ.)
- Khoninov M. (Khonina M.) Komsomol. *Ulan baychud*. 1936, September 7. P. 1. (In Kalm.)
- Kugultinov D. (Kögltin D.) New year wishes. *Ulan baychud*. 1940, January 1. P. 1. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.) Fellow boys to join the Red Army. *Ulan baychud*. 1941, July 31. P. 1. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.) Sun in May. *Ulan khal'mg*. 1938, May 1. P. 2. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.) The anniversary message. *Ulan baychud*. 1938, October 29. P. 5. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.), Indzhiev L. (Injin L.) My Kalmykia, listen! *Ulan baychud*. 1940, November 2. P. 4. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.), Shalburrov G. (Shalvra G.) (comps.) Kalmyk Folklore. Elista: Kalmykia Book Publ., 1941. 461 p. (In Kalm.)
- Mandzhiev N. (Manjin N.) Stalin. *Ulan khal'mg*. 1937, January 1. P. 1. (In Kalm.)
- Matsakov I. M. Kalmyk yöräls revisited: Materials. In: Notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 2. Elista, 1962. Pp. 104–108. (In Russ.)
- Mikheylov G. I. Mongolic Peoples: Issues of Folklore Revisited. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 234 p. (In Russ.)
- Mikheylova G. (comp.) 20th Century Mongolian Poetry: Selected Texts. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. 278 p. (In Russ.)
- Mikheylova N. D. Kalmyk Well-Wishing Narratives. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2013. 23 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ochirov N. Yöräls, kharals, and rite of 'khara kele utulgan' among the Kalmyks. In: Ochirov N. Selected Works. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Ochirova E. B. 'Bayirin dud': One yöräl from M. Khoninov's book of poems revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 2. Pp. 142–145. (In Russ.)
- Ochirova E. B. Yöräls in M. Khoninov's works. In: Issues of Interliterary Contacts (In Memoriam: Professor M. Mikheylova). Conference proceedings. Yakutsk: North-Eastern Federal University, 2012. Pp. 100–103. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. Non-Equivalent Vocabulary and Phraseology in David Kugultinov's Poetic View of the World: A Case Study Kalmyk-to-Russian Translations. Elista: Dzhangar, 2007. 384 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U., Borlykova B. Kh. Well-wishing yöräls: Verbal ritual and text in wedding rites of Mongolia's Oirats and [Russia's] Kalmyks. *Polevye issledovaniya (Field Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 37–48. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Well-wishing verses (yöräls) — a genre of Kalmyk folklore: Issue of systematization and publication revisited. In: Kalmyk Folklore (Publication Problems). Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 109–125. (In Russ.)
- Poetry of Kalmykia. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1940. 90 p. (In Russ.)
- Poetry of Kalmykia: Anthology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. 304 p. (In Kalm.)
- Purueva N. B. Heroic Epic of Jangar: Poetics Revisited. Elista: Dzhangar, 2003. 240 p. (In Russ.)
- Sampildende Kh. Genre of well-wishing in Mongolian folklore. In: Specific Genres of Literatures of Central and East Asia. Contemporaneity and Classical Heritage. Moscow: Nauka — GRVL, 1985. Pp. 54–67. (In Russ.)
- Sarangov V. T. Kalmyk Folklore. Coursebook. Elista: Kalmyk State University, 2010. 136 p. (In Russ.)
- Shavaliyev D. (Shavalin D.) Yöräls of the Jangarchi. Elista: Kalmykia Book Publ., 1960. 29 p. (In Kalm.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 176 p. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. The morning of joy. *Ulan khal'mg*. 1936, February 22. P. 2. (In Kalm.)
- Tsend D. Genres of contemporary Mongolian poetry. In: Specific Genres of Literatures of Central and East Asia. Contemporaneity and Classical Heritage. Moscow: Nauka — GRVL, 1985. Pp. 249–259. (In Russ.)
- Well wishers. Well-wishes to celebrate Joseph Stalin's 60th birthday. *Leninä achnr*. 1939, December 24. Pp. 1, 4. (In Kalm.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2022. Т. 15. № 2

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 15.07.2022.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 27,2.
Тираж 100 экз. Заказ 06-22.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8